

ISSN 2409-8701

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

ПСИХОЛОГ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-11-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Богоявлена Диана Борисовна, доктор психологических наук, тро-
120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-11-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Bogoyavlenskaya Diana Borisovna, doktor psikhologicheskikh nauk, mpro-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества. Московский городской психоэндокринологический центр. 119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихookeанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Уppsальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, 14/1, строение 5.

Спиррова Эльвира Маратовна – доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук; Россия, г. Москва, Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопал Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Гельман Виктор Яковлевич - доктор технических наук, ФГБОУ ВО Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России., профессор, 196066, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Авиационная, 9, кв. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Енгалычев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры социальной психологии , 195297, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Светлановский пр. 70. к.1, 137, кв. 137, leon-piter@mail.ru

Макарова Елена Александровна - доктор психологических наук, Донской государственный технический университет, профессор кафедры общей и консультативной психологии, 347930, Россия, г. Таганрог, ул. Ейская, 13, makarova.h@gmail.com

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв.

77, hope432810@yandex.ru

Тагариева Ирма Рашитовна - доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования, 450077, Россия, республика Респ Башкортостан, г. Уфа, ул. Энгельса, 1/1, кв. 56, irma_levina@mail.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Editorial collegium

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society. Moscow City Psychoendocrinological Center. 25-2 Arbat str., Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 14/1 Volkhonka str., building 5, Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) –

Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Gelman Viktor Yakovlevich - Doctor of Technical Sciences, I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Professor, 196066, Russia, Saint Petersburg, Aviationsnaya str., 9, sq. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Scientific Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Russia, Kaluga Region, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Social Psychology, 195297, Russia, St. Petersburg, ul. Svetlanovsky ave. 70. k.1, 137, sq. 137, leon-piter@mail.ru

Makarova Elena Aleksandrovna - Doctor of Psychological Sciences, Don State Technical University, Professor of the Department of General and Consultative Psychology, 13, Ye1skaya str., Taganrog, 347930, Russia, makarova.h@gmail.com

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tagarieva Irma Rashitovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Deputy Scientific Director of the Research Institute of Educational Development Strategy, 450077, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Engels str., 1/1, sq. 56, irma_levina@mail.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory,
FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky proezd, 2/14
Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

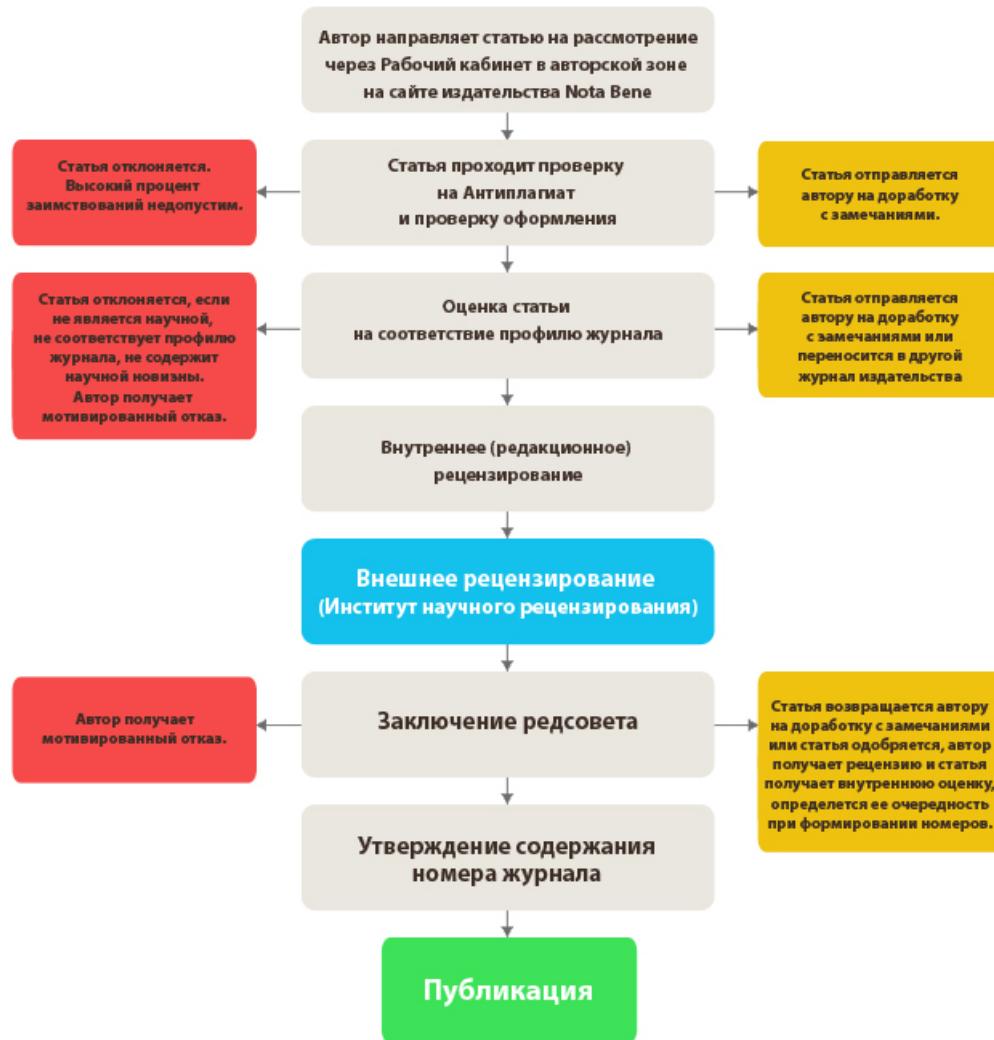
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Штырев М.М., Башкин Е.Б. Особенности выраженности ценностно-смысловой детерминации лидерства у студентов разных направлений подготовки.	1
Сенницкая Е.В. Связь между особенностями личности «Доминирующего» и «Подчинённого» лица в родительской семье и особенностями личности ребёнка	18
Гайдай А.С., Кадыров Р.В., Капустина Т.В. Мобильные приложения для психического здоровья: обзор литературы	100
Акимкина Ю.Е. Различия в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки	113
Папко Е.В. Смысложизненные ориентации в профилактике психического здоровья медицинских работников, в связи с пандемией COVID-19	128
Гайворонская А.А. Портрет личности и его исследование психосемантикой	138
Березина Т.Н. Четырехуровневая регуляция продолжительности жизни посредством биopsихологических часов	146
Суворова Н.В., Наконечная Е.В., Смирная А.А., Смирнова А.В., Шепелева Ю.С. Уровень адаптации к обучению у первоклассников, воспитывающихся в семьях с разным типом детско-родительских отношений	159
Тулитбаева Г.Ф., Политика О.И., Шаfigуллина Л.Р., Божко А.А. Особенности посттравматического стрессового расстройства, жизнестойкости и отношения к заболеванию у пациентов разных групп (на примере онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний)	183
Гвоздева А.А., Зинатуллина А.М. Эффективность применения виртуальных технологий для обучения студентов техникам безопасности жизнедеятельности	193
Набиева З.Б. Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований феномена одиночества.	206
Англоязычные метаданные	217

Contents

Shtyrev M.M., Bashkin E.B. Features of the expression of value-semantic determination of leadership among students of different fields of training.	1
Sennitskaya E.V. The relationship between the personality characteristics of the "Dominant" and "Subordinate" person in the parental family and the personality characteristics of the child	18
Gaidai A.S., Kadyrov R.V., Kapustina T.V. Mobile Apps for mental health: Literature review	100
Akimkina Y.E. Differences in communicative network activity among students of different areas of professional training	113
Papko E.V. Meaningful Life Orientations in the Prevention of Mental Health of Medical Workers, in Connection with the Covid-19 Pandemic.	128
Gaivoronskaya A.A. Portrait of Personality and its Study by Psychosemantics	138
Berezina T.N. Four-level regulation of lifespan through the biopsychological clock	146
Suvorova N.V., Nakonechnaya E.V., Smirnaya A.A., Smirnova A.V., Shepeleva Y.S. The level of adaptation to learning among first-graders brought up in families with different types of child-parent relationships	159
Tulitbaeva G.F., Politika O.I., Shafigullina L.R., Bozhko A.A. Features of post-traumatic stress disorder, resilience and attitude to the disease in patients of different groups (on the example of oncological and cardiovascular diseases)	183
Gvozdeva A.A., Zinatullina A.M. The effectiveness of using virtual technologies to teach students life safety techniques	193
Nabieva Z.B. Comparative analysis of Russian and foreign studies of the phenomenon of loneliness	206
Metadata in english	217

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Штырев М.М., Башкин Е.Б. — Особенности выраженности ценностно-смысовой детерминации лидерства у студентов разных направлений подготовки // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.43703
EDN: VKWPRC URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=43703

Особенности выраженности ценностно-смысовой детерминации лидерства у студентов разных направлений подготовки

Штырев Михаил Михайлович

ORCID: 0000-0003-0456-1828

аспирант, кафедра психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, Москва, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 mshtyrev@mail.ru

Башкин Евгений Брониславович

кандидат психологических наук

заведующий кафедрой психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, Москва, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 bashkin-eb@rudn.ru

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.5.43703

EDN:

VKWPRC

Дата направления статьи в редакцию:

03-08-2023

Дата публикации:

10-09-2023

Аннотация: В данной статье анализируется разница выраженности ценностно-смысовых предикторов, влияющих на проявления лидерства у студентов. В исследовании приняли участие студенты по 5 направлениям специальностей: экономисты; политологи; филологи; юристы; журналисты. Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Первый – это отсутствие теоретико-методологической

разработанности и концептуально категорического обоснования проблемы лидерства, что затрудняет проведение научных исследований в этой области. Вторая – это потребность в воспитании лидеров, которые будут важными фигурами в современном обществе, востребованные не только у бизнеса и производства, но и у государства, которое готово их поддерживать. Третья – это информационное давление на молодежь извне, которое провоцирует появление новых деструктивных тенденций. Проводится дисперсионный анализ. Результаты тестирования по 6 методикам представлены показателями ранговых критериев. У студентов-журналистов отмечается выраженность ценностно-смысовых предикторов. Для студентов-журналистов рекомендуется активно развивать и укреплять свой лидерский потенциал. Важно осознавать свои ценности и убеждения, а также учиться выстраивать эффективные коммуникационные стратегии. Выявленные особенности ценностно-смысовой детерминации лидерства по каждой специальности предоставляют собой платформу для создания индивидуальных и групповых программ коррекции и развития лидерских навыков. Эти результаты также могут быть использованы в качестве методического инструментария при планировании и реализации воспитательной работы со студентами.

Ключевые слова:

психология, лидерство, ценностно-смысовые предикторы, студенты, лидерские качества, профессиональные навыки, тренинги, молодежная среда, направления подготовки, студенты-журналисты

Актуальность

Новые реалии внешнеполитической конъюнктуры показывают необходимость оперативного решения возникающих вопросов и проблем по многим сферам жизни государства и общества. Помимо острого кадрового дефицита, возникает потребность в молодых специалистах, которые будут готовы сплотить и объединить людей для быстрого решения общенациональных задач. Выявление особенностей, тех или иных ценностно-смысовых предикторов проявления лидерства у современных студентов, позволит лучше понять их природу и проанализировать сильные и слабые стороны подходов к образованию в вузах. Последние результаты отечественных исследователей сигнализируют об усилении деструктивных тенденций в молодежной среде, отмечаются проявления негативизма, пренебрежительного отношения к старшим, семейным ценностям, судьбе и истории своей страны [4]. Противостоять разгулу безнравственности и агрессивности в молодежной среде можно при наличии квалифицированного преподавательского состава, способного предсказать и устранить тенденции, которые могут спровоцировать появление деструктивных лидеров в студенческих группах.

Отдельные исследования указывают на то, что лидерство представляет собой процесс, в котором одни личности, обладающие более выраженными личностными характеристиками, оказывают влияние на менее мотивированных и ведомых индивидов. Оно включает в себя способность лидера вдохновлять, мотивировать и направлять других к достижению общих целей, опираясь на собственные ценности, установки и стратегии, в зависимости от сложившейся ситуации [12]. Актуальность нашего исследования обусловлена несколькими важными аспектами в контексте понимания лидерства среди студентов разных направлений подготовки. Особенности ценностно-смысовой детерминации проявляются в формировании набора конкретных ценностей,

установок и стратегий, которые определяют влияние на вероятность и способность студентов проявлять лидерские качества и занимать руководящие роли в студенческой среде или других молодежных контекстах. У студентов разных направлений подготовки выраженность ценностно-смысловой детерминации может отличаться в зависимости от личностных предпосылок, особенностей освоения образовательной программы и восприятия будущей профессии. Вместе с тем проблема психологического обеспечения подготовки ценностно-ориентированных лидеров в современной студенческой среде системно не изучена и требует проведения дальнейших исследований в целях совершенствования системы мотивации, оценивания, развития, адаптации и подготовки российских студентов. Ключевая гипотеза данной статьи заключается в том, что существуют значимые различия в выраженности ценностно-смысловой детерминации лидерства у студентов разных направлений подготовки. Эти различия проявляются через мотивацию, уровень самооценки лидерских качеств, способность адаптироваться к трудным ситуациям, предпочтительные ценностные установки и смысложизненные ориентации.

Организация эмпирического исследования

Эмпирическое исследование по выявлению особенностей в выраженности ценностно-смысловых предикторов, влияющих на проявления лидерства у студентов, было проведено на базе Российского Университета Дружбы Народов. Общее количество участников составило 677 человек. Возрастной состав респондентов от 18 до 24 лет, средний возраст 19,3 года. Гендерное распределение выглядит следующим образом: 307 мужчин и 370 женщин. В исследовании приняли участие студенты по 5 направлениям специальностей. Среди них: студенты-экономисты – 130 респондентов; студенты-политологи – 138 респондентов; студенты-филологи – 142 респондентов; студенты-юристы – 136 респондентов; студенты-журналисты – 131 респондентов.

Таблица № 1

Гендерное распределение среди респондентов, обучающихся на различных направлениях подготовки

		Направления					Всего
Пол	Мужской	Экономисты	Политологи	Филологи	Юристы	Журналисты	
Женский	65	91	71	74	69	370	
Всего	130	138	142	136	131	677	

Для получения объективных эмпирических данных использовался банк надежных и валидных методик. Для диагностики лидерства и мотивации к успеху использовались экспресс-тест «Самооценка лидерства» и опросник «Диагностика личности на мотивацию к успеху», которые были разработаны Н. П. Фетискиным и Т. Элерсом соответственно. С целью выявления приоритетных сценариев поведения в сложных ситуациях был применен копинг-тест «Оценка поведения в трудной жизненной ситуации» Р. Лазаруса (адаптация Т. Л. Крюковой). Для определения конкретных ценностно-смысловых предикторов в программу исследования были включены «Ценностный опросник (ЦО)» Ш. Шварца; «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева; «Опросник социально-психологические установки личности в мотивационно-потребностной сфере» О. Ф. Потемкиной.

Выбор данных методик обусловлен необходимостью получить всесторонний анализ ценностно-смысловых факторов, влияющих на проявление лидерства среди студентов

разных специальностей. Они позволяют рассмотреть различные психологические аспекты, важные для понимания лидерства, такие как: самооценка, мотивация к успеху, стратегии поведения в сложных ситуациях, ценностные установки и жизненные ориентации. Этот многогранный подход позволяет исследовать более полное представление о личности студентов и их связи с лидерскими характеристиками. Более того, эти методики включают специализированные шкалы, направленные на измерение конкретных психологических характеристик, связанных с лидерством.

Исследование проводилось посредством индивидуального онлайн-тестирования. Опросник и бланки для ответов были предоставлены респондентам через онлайн платформу Simple Forms. При помощи своих гаджетов участники переходили по заранее подготовленной ссылке на стартовую страничку исследования, где перед началом прохождения подробно описывалась инструкция и приводился пример по заполнению бланка ответов. Среднее время, потраченное на выполнение основных методик, исчислялось 60-75 минутами. Тестирование состояло из 6 методик и включало в себя 298 вопросов.

Исследование проводилось на добровольной основе с согласия участников. Сбор данных проводился дистанционным способом, участникам предлагалось перейти по ссылке и пройти полное тестирование. Более того, студенты были заранее проинформированы об особенностях онлайн-тестирования. К рассмотрению принимались только полностью заполненные анкеты. Если студент прерывал процесс заполнения – анкета уничтожалась. На этапе обработки из исследования были исключены данные только 3 студентов, которые простили одинаковые значения в ответах практически по всем методикам (изначально было принято 680 анкет). Остальные 677 анкет были приняты без ошибок и пропусков, так как электронная версия тестирования исключала возможные уязвимости очной системы опроса респондентов.

Обсуждение результатов

Ранговый анализ результатов эмпирического исследования показал, что по большинству шкал из 6-ти методик больше остальных проявили себя студенты-журналисты. Вместе с тем результаты по отдельным шкалам являются уникальными показателями лидерства. Среди которых следует выделить: ценностные ориентации на конформность, доброту, универсализм и достижения; смысложизненные ориентации на эмоциональную насыщенность жизни и удовлетворённость самореализацией; социально-психологические установки на процесс и альтруизм; умеренно высокий уровень мотивации; предпочитаемые стратегии разрешения трудностей через принятие ответственности и положительную переоценку; высокий уровень лидерства.

Сравнение всех 5 групп респондентов проводилось однофакторным дисперсионным анализом по критерию для нескольких независимых выборок Н Краскала-Уоллеса в программе IBM SPSS Statistics v.23. Анализировались ответы всех групп респондентов по 39-ти шкалам (6 методик). Результаты анализа представлены показателями ранговых критериев в таблицах №2-7.

Таблица №2

Непараметрический однофакторный дисперсионный анализ по критерию Н-Краскела-Уоллеса и показатели ранговых критериев по направлениям подготовки (средний ранг).

Переменные Методика №1 ЦО – Ш. Шварц	Экономисты	Политологи	Филологи	Юристы	Журналисты	X2 Краскела Уоллиса
Конформность	330	309	328	338	390	13.07
Традиции	331	312	341	340	370	6.00
Доброта	333	337	305	308	414	27.14
Универсализм	321	355	282	344	394	24.63
Самостоятельность	313	383	300	328	370	18.62
Стимуляция	301	369	281	352	391	30.78
Гедонизм	287	403	295	353	356	34.04
Достижения	316	355	277	357	391	27.51
Власть	319	360	295	350	369	13.80
Безопасность	350	321	324	343	356	3.41

Примечание. * p <0.05, ** p <0.01, *** p <0.001

В рамках первой методики отметим 8 ценностных шкал из 10, по которым наблюдается значительная разница ответов среди всех групп респондентов (см. таблица №2, методика №1). Серди этих ценностей: «конформность» ($p<0,011$), «доброта» ($p<0,001$), «универсализм» ($p<0,001$), «самостоятельность» ($p<0,001$), «стимуляция» ($p<0,001$), «гедонизм» ($p<0,001$), « достижения» ($p<0,001$) и «власть» ($p<0,008$).

Студенты-журналисты набрали больше всего баллов по большинству ценностей (6 из 8), среди которых: «конформность» (с.р. – 390); «доброта» (с.р. – 414); «универсализм» (с.р. – 394); «стимуляция» (с.р. – 391); «достижения» (с.р. – 391); «власть» (с.р. – 369).

По остальным двум шкалам больше баллов набрали студенты политологи: «самостоятельность» (с.р. – 383) и «гедонизм» (с.р. – 403). Данные ценности выражают интересы индивида, а не всей группы, поэтому не всегда будут позитивно отражаться на лидерском потенциале в рамках студенческой среды. С другой стороны, ценность "самостоятельность" может также быть связана с лидерством, поскольку лидеры часто вынуждены принимать решения, основанные на собственных убеждениях и уникальном видении. Они могут действовать вопреки текущему групповому мнению, если это необходимо для достижения поставленных целей. Однако важно отметить, что успешные лидеры также обладают способностью слушать и учитывать мнение других, что может помочь им принимать более взвешенные решения [15]. Необычным для студентов-политологов выглядит наиболее высокий показатель по шкале «гедонизм» среди всех остальных ценностей и среди всех групп респондентов. Студенты из данной выборки склонны к тому, чтобы ставить свои личностные потребности выше общественных. Данные показатели являются весьма необычными и не поддаются теоретическому обоснованию. Отметим, что результаты некоторых исследователей демонстрируют, что именно в период студенчества молодые граждане больше всего заинтересованы в активной общественной деятельности, участии в жизни государства и общества [9].

Возвращаясь к студентам-журналистам, отметим, что среди наиболее выраженных шкал половина относится к блоку ценностей, отражающих групповые интересы личности. Среди которых: «доброта», «конформность» и «универсализм». Данные показатели сигнализируют о том, что студенты-журналисты больше остальных предрасположены к работе в команде. Развитый опыт организационной деятельности в студенческой среде позволит молодому человеку лучше адаптироваться уже в профессиональном коллективе

[\[17\]](#). Более того, превалирование этих ценности в структуре личности студента может стать предиктором проявления лидерских качеств.

Другие проявившиеся ценности это – «стимуляция», «достижения», «власть» и самый высокий показатель после политологов по шкале «гедонизм». Они показывают, что у этих студентов есть амбиции и стремления, которые также в некоторой степени выражают лидерский потенциал. Справедливо высказывание, что сегодня СМИ являются «четвертой властью» [\[13\]](#). Неудивительно, что подобные тенденции отражаются на студентах, которые обучаются на журналистских специальностях. Молодые люди вдохновляются примерами журналистов, которые уходят в политическую сферу и достигают рычагов влияния во власти [\[14\]](#). Совокупность этих ценностей отражает многогранность личности студентов-журналистов и может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на их лидерский потенциал. Например, высокий уровень ценности "стимуляция" может делать их более открытыми к новым идеям и готовыми к риску, что может быть полезным в развитии креативных решений и инициатив. С другой стороны, высокая ценность "гедонизма" может иногда приводить к фокусировке на личном удовольствии и комфорте, что может создавать препятствия для достижения статуса лидера коллектива, особенно в контексте студенческой среды.

Таблица № 3

Непараметрический однофакторный дисперсионный анализ по критерию Н-Краскела-Уоллиса и показатели ранговых критерии по направлениям подготовки (средний ранг).

Переменные Методика № 2 СЖО – А. Леонтьев	Экономисты	Политологи	Филологи	Юристы	Журналисты	χ^2 Краскел Уоллис
Цели в жизни	339	300	330	358	368	10.0
Эмоц. насыщенность жизни	344	313	292	370	379	19.7
Удовлетворенность самореализацией	333	306	308	364	385	17.2
Локус контроля - я	343	300	319	354	380	13.8
Локус контроля - жизнь	332	323	303	368	369	12.0
Осмысленность	345	298	307	366	381	18.6

Примечание. * p <0.05, ** p <0.01, *** p <0.001

Перейдем к анализу результатов по следующей методике. Статическая разница присутствует в ответах по 4 шкалам из 6. Вместе с тем у студентов журналистов наивысшие ранговые показатели по всем шкалам данной методики (см. таблица №3, методика №2). Выделим и разберем только те шкалы методики, которые показали статистически значимые различия в сравнении с ответами всех групп респондентов. Среди них: «эмоциональная насыщенность жизни» (с.р. – 379), «удовлетворенность самореализацией» (с.р. – 385), «локус контроля – Я» (с.р. – 380), «осмысленность» (с.р. – 381).

Первые две шкалы отражают смысложизненные ориентации современных студентов, вторая локус контроля и четвертая шкала – это общий показатель осмысленности

жизни. Таким образом, студенты обучающиеся по направлению журналистика больше остальных стремятся получить максимальный эмоциональный отклик от всех жизненных событий. Вместе с тем студенты стремятся продуктивно расходовать свое время и находит время для самых разных занятий, чтобы накопившийся положительный опыт служил мотивацией для дальнейших свершений. Скорее всего, данные показатели связаны с тем, что эти студенты постоянно участвуют в различных массовых мероприятиях в рамках учебной практики, посещают форумы в качестве журналистов и общаются с большим количеством самых разных людей [11]. Помимо теоретического подтверждения данного вывода, автор данного исследования приводит в пример собственный опыт работы со студентами-журналистами, которые уже с первого курса обучения были ориентированы на практическое применение своих знаний. Полученные результаты по шкалам «локус контроля – Я» и «осмысленность» характеризуют студентов-журналистов как в большей степени интернальных и личностно зрелых личностей. Они ценят и осознают общечеловеческие идеалы, умеют применять их в жизни, считая это важной частью своего мировоззрения. Кроме того, они не позволяют оценкам других людей влиять на свою самооценку и уважают себя со всеми своими плюсами и минусами, что помогает им быть более уверенными и успешными в обществе [21].

Анализ данной ситуации позволяет выявить несколько негативных аспектов, связанных с стремлением студентов-журналистов к получению максимального эмоционального отклика от жизненных событий, особенно в контексте высоких показателей по ценностям "гедонизма" и "стимуляция". Высокий уровень данных ценностей и смысложизненных ориентаций может сопровождаться склонностью к риску и поиску новых острых ощущений. Это может привести к принятию смелых, но не всегда обдуманных решений, повышающих вероятность неудачи и конфликтов в студенческой среде. Важной чертой лидера является умение оставаться хладнокровным и рациональным в стрессовых ситуациях.

С учетом этих факторов, для развития лидерского потенциала студентов-журналистов важно сбалансировать их стремление к эмоциональным откликам с умением управлять своими эмоциями, разрабатывать долгосрочные стратегии и уделять внимание потребностям и интересам коллектива. Такой баланс позволит им эффективно выступать в роли лидеров в разнообразных ситуациях и добиваться устойчивых результатов.

Таблица № 4

Непараметрический однофакторный дисперсионный анализ по критерию Н-Краскела-Уоллиса и показатели ранговых критериев по направлениям подготовки (средний ранг).

Переменные Методика № 3 СПУЛ – О. Потёмкина	Экономисты	Политологи	Филологи	Юристы	Журналисты	χ^2 Краскела- Уоллиса	Зн±
Процесс	290	361	339	327	374	15.09	0
Результат	369	314	333	310	370	11.85	0
Альтруизм	334	320	337	300	404	21.50	< .
Эгоизм	302	362	356	358	312	11.61	0
Труд	330	328	304	354	379	11.79	0
Свобода	342	362	297	359	334	10.37	0
Власть	342	345	289	358	363	12.94	0

Шкала	1	2	3	4	5	6	7	8
Деньги	311	368	330	336	347	6.38	0	0

Примечание. * p <0.05, ** p <0.01, *** p <0.001

В рамках следующей методики №3 всего лишь по 3 шкалам из 8 отмечается статистическая значимость в ответах респондентов по всем группам (см. таблица №4, методика №3). Результаты диагностики социально-психологических установок студентов показали, что наиболее выраженные ранговые показатели по значимым шкалам у студентов-журналистов, среди которых: «процесс» (с.р. – 374), «альtruизм» (с.р. – 404) и «власть» (с.р. – 363).

Проявляющаяся мотивационная установка студентов-журналистов на «процесс» и «власть», частично, объясняется предыдущими шкалами. Вместе с тем отметим, что концентрация на процессе обучения может объясняться потребностью в коммуникации. Профессию журналиста выбирают те молодые люди, которым импонирует возможность находиться в постоянной коммуникации с социумом. Коммуникативный мотив частично объясняет установку личности студента-журналиста на процесс профессиональной деятельности [6]. Ориентация личности на альтруизм сигнализирует о доброжелательности как одной из главных жизненных ценностей, что сходится с показателями студентов-журналистов по шкале «доброта» в методике №1. Вместе с тем альтруистические тенденции в мотивационных установках студентов-журналистов могут быть связаны с высоким уровнем развития интеллекта [3]. Важно отметить, что по шкале «эгоизм» в рамках этой же методики у студентов-журналистов один из наименьших ранговых показателей (с.р. – 312). По установке на «эгоизм» отличились студенты-политологи (с.р. – 362).

Таблица №5

Непараметрический однофакторный дисперсионный анализ по критерию Н-Краскела-Уоллиса и показатели ранговых критерииев по направлениям подготовки (средний ранг).

Переменные Методика №4	Экономисты	Политологи	Филологи	Юристы	Журналисты	χ^2 Краскела- Уоллиса	Зн&
Мотивация к успеху – Т. Элерс							
Низкая мотивация	348	343	331	344	327	5,977	
Средняя мотивация	349	326	369	318	330	8,221	
Умеренно высокая мотивация	342	331	329	342	348	1,240	
Слишком высокая мотивация	340	337	328	344	342	1,214	

Примечание. * p <0.05, ** p <0.01, *** p <0.001

По шкалам методики Т. Элерса (уровень мотивации к успеху) статистической разницы между ответами респондентов выявлено не было. Целесообразно описать и проанализировать ранговые показатели респондентов по каждой из шкал (см. таблица

№5, методика №4).

Таким образом, по шкале «низкая мотивация к успеху» отличились студенты-экономисты (с.р. – 348). В рамках данной методики завышенный уровень низкой мотивации к успеху следует интерпретировать, как готовность студентов-экономистов к риску. Возможно, данные показатели связаны со спецификой направления подготовки экономистов [11]. Средний уровень мотивации выявлен у студентов-филологов (с.р. 369). Можно предположить, что мотивационные установки и готовность к риску связаны с условиями профессионального становления в образовательной среде и интегральными характеристиками студентов-филологов [2]. Студенты-журналисты показали наилучший показатель по шкале «умеренно высокая мотивация» (с.р. 348). То есть, они готовы к умеренному риску в профессиональной деятельности и ожидают успеха. По нашему мнению, проблема мотивации постижения профессии журналиста связана с влиянием целого ряда объективных и субъективных противоречий в процессе погружения студента в информационную среду [19]. Слишком высокий уровень мотивации выявлен у студентов-юристов (с.р. – 344), что сигнализирует о низкой готовности к рискованным поступкам. Это свидетельствует об их склонности к более осмотрительному и обоснованному подходу к будущей профессиональной деятельности, что в контексте юридической практики может способствовать более осторожному и надежному выполнению своих обязанностей, снижая потенциальные риски и ошибки. Готовность к преодолению профессиональных рисков для студента — это сложное личностное образование, представляющее собой систему, взаимосвязанных компонентов: ценностные ориентации, мотивация, представления о профессиональных рисках, профессиональные установки и ожидания [18].

Таблица №6

Непараметрический однофакторный дисперсионный анализ по критерию Н-Краскела-Уоллиса и показатели ранговых критериев по направлениям подготовки (средний ранг).

Методика №5 Копинг-стратегии преодоления стресса – Р. Лазарус	Экономисты	Политологи	Филологи	Юристы	Журналисты	χ^2 Краскела-Уоллиса
Конfrontация	299	369	310	342	373	15.795
Дистанцирование	324	334	324	341	371	5.216
Самоконтроль	333	340	331	343	347	0.618
Соц. Поддержка	327	338	342	339	346	0.715
Принятие ответственности	282	356	341	347	365	14.771
Бегство	283	367	326	367	349	17.208
Планирование решения проблем	358	298	354	351	332	8.945
Переоценка	299	368	305	347	373	17.033

Примечание. * p <0.05, ** p <0.01, *** p <0.001

В ходе анализа результатов методики №5 (копинг-стратегии преодоления стресса) было выявлено, что ответы респондентов имеют значимые различия по 4 шкалам из 8 (см.

таблица №6, методика №5), среди которых: «конфрантационный копинг» ($p < 0,003$), «принятие ответственности» ($p < 0,005$), «бегство-избегание» ($p < 0,002$), «положительная переоценка» ($p < 0,002$). Рассмотрим и проанализируем ранговые показатели по вышеуказанным шкалам среди всех групп респондентов.

По шкале «конфрантационный копинг» наивысший показатель у студентов-журналистов (с.р. – 373). Молодые журналисты часто готовы идти «по головам» в случае возникновения трудностей на пути достижения профессионального успеха. Конфронтационная стратегия разрешения кризисных ситуаций на уровне студенческого коллектива позволяет молодым лидерам за счет эмоционального давления привлечь особое внимание к себе и своим успехам в сфере журналистики [7]. Вместе с тем конфронтация как постоянная стратегия, хоть и может использоваться для привлечения внимания, но обычно сопровождается конфликтами и напряженными отношениями, что может негативно сказаться на сотрудничестве и профессиональной репутации молодых лидеров в будущем. Поэтому ее эффективность и уместность остаются сомнительными в контексте развития профессиональных качеств. По шкале «принятие ответственности» также отличились студенты-журналисты (с.р. – 365). Основываясь на трудах отечественных исследователей [5], можно предположить, что высокие показатели по данному копингу связаны с большими интеллектуальными способностями студентов-журналистов, что коррелирует с нашими выводами по шкале «альtruизм». По шкале «бегство-избегание» наибольший ранговый показатель у студентов-политологов (с.р. – 367). Подобные результаты сигнализируют о возможных проблемах в адаптации студентов-политологов к студенческой среде [5]. Вместе с тем по шкале «положительная переоценка» вновь отличились студенты-журналисты (с.р. – 373). Высокие результаты по данной шкале говорят о том, что эти студенты даже в самые кризисные периоды жизни находят стимул к личностному росту за счет положительной переоценки происходящих событий. Основываясь на результатах исследований отечественных исследователей, можно предположить, что в силу преобладания данного копинга у студентов-журналистов они имеют низкий уровень прокрастинации [20].

Таблица №7

Непараметрический однофакторный дисперсионный анализ по критерию Н-Краскела-Уоллиса и показатели ранговых критерии по направлениям подготовки (средний ранг).

Переменные Методика №6 Самооценка лидерства Н. Фетискин	Экономисты	Политологи	Филологи	Юристы	Журналисты	χ^2 Краскела-Уоллиса	Знг
Высокий уровень	345	340	294	345	372	12.843	0
Средний уровень	342	341	360	344	303	8,217	1
Низкий уровень	334	336	353	331	337	6,140	1

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Перейдем к анализу и описанию результатов последней методики №6 (самооценка лидерства), по которой разница в ответах респондентов наблюдается только по одной из

шкал – «высокий уровень лидерства» ($p < 0,012$). Более того, наибольший ранговый показатель по данной шкале с сильным отрывом (см. таблицу №7, методика №6) наблюдается у студентов-журналистов (с.р. – 372). Данные результаты коррелируют с высокими ранговыми показателями студентов-журналистов по большинству шкал тестирования. Студенты-журналисты демонстрируют уверенность в своих навыках и готовность идти на риск для достижения поставленных целей. Анализ самооценки лидерства, несмотря на отсутствие прямой связи с оценкой ценностей и направлениями подготовки, может предоставить важные инсайты о готовности студентов к роли лидеров коллектива. Отрыв результатов студентов-журналистов с высоким уровнем лидерства может быть интерпретирован как показатель их склонности к активной роли в организации и координации деятельности коллектива. Поэтому, несмотря на ограниченную связь с ценностями, анализ самооценки лидерства является важным инструментом для оценки готовности студентов к развитию лидерских качеств и может служить отправной точкой для дополнительных исследований в данной области. Тем не менее, отдельные исследования доказывают, что лидерская самооценка студентов часто находится преимущественно на среднем уровне и нуждается в развитии [16]. В качестве возможных направлений решения задачи предлагается внедрение в учебный процесс междисциплинарных предметов, использование технологий и методов организации учебно-воспитательной деятельности, ориентированных на активизацию лидерского потенциала студентов.

Выводы

Таким образом, проанализировав полученные результаты следует вывод, что ответы групп испытуемых, прошедших одинаковые тестирования, имеют значительные различия. Важно отметить, что статическая значимость наблюдается в 20 шкалах по 5 методикам (35 шкал). По методике №4 – ни по одной из шкал не наблюдается разницы в ответах респондентов.

Вместе с тем результаты по отдельным шкалам демонстрируют особенности выраженности ценностно-смысловой детерминации лидерства у студентов. Среди которых следует выделить: ценностные ориентации на конформность, доброту, универсализм, стимуляцию, достижения и власть; смысложизненные ориентации на эмоциональную насыщенность жизни и удовлетворённость самореализацией; социально-психологические установки на процесс и альтруизм; умеренно высокий уровень мотивации; предпочтаемые стратегии разрешения трудностей через принятие ответственности и положительную переоценку; высокий уровень лидерства. Следовательно, необходимо учитывать, что лидерский потенциал студентов может быть многогранным и зависит от того, как они интегрируют выявленные ценности, установки, стратегии и мотивацию в своей учебной и профессиональной деятельности. Эффективное развитие лидерских навыков и качеств у студентов может требовать поддержки и ресурсов, способствующих раскрытию их потенциала и формированию устойчивых лидерских моделей.

Исходя из полученных результатов важно отметить, что молодые люди обучающиеся по направлению подготовки «журналистка» обладают наиболее выраженным набором ценностно-смысловых предикторов. Эти показатели могут указывать на определенные личностные черты будущих журналистов, такие как бойкость, общительность, уверенность в собственных силах и возможностях, которые являются важными в их профессиональной сфере. Однако, в контексте нашего исследования, мы также интерпретируем эти показатели как потенциальные индикаторы готовности студентов к

роли лидера в студенческом коллективе. Таким образом, высокие значения ценностно-смысовых предикторов у студентов-журналистов могут указывать на их способность к проявлению лидерства и координации групповой работы. Для студентов этого направления, рекомендуется активно развивать и укреплять свои лидерские навыки. Важно осознавать свои ценности и убеждения, а также учиться выстраивать эффективные коммуникационные стратегии. Постоянное стремление к саморазвитию, обучение новым навыкам и умению работать в команде поможет студентам максимально раскрыть свой лидерский потенциал.

В призме анализа результатов следует обратиться к трудам Ю.В. Маркеловой, чьи исследования актуализируют проблематику сформированности лидерских качеств у студентов. Первое сходство заключается в том, что как в исследованиях Маркеловой, так и в нашей статье выделяется проблема недостаточного развития лидерских качеств у студентов. Это может свидетельствовать о широкой актуальности данной темы и необходимости дополнительных исследований в этой области. Кроме того, в обоих исследованиях отмечается связь между развитием коммуникационных и организаторских способностей у студентов [8]. Это сходство подчеркивает важность данных компетенций в формировании лидерских качеств. Также исследование Маркеловой поднимает вопрос об эмоциональной удовлетворённости студентов, что является важным аспектом в контексте развития лидерских качеств, что было рассмотрено и в нашей статье. Однако, стоит отметить, что в её исследованиях большее внимание уделяется разработке стратегий развития лидерства с определением миссии, целей, задач и критериев оценки. В нашей статье фокус смещен на анализ ценностно-смысовых особенностей проявления лидерства и их влияния на формирование актуальных стратегий по развитию лидерского потенциала современных студентов в студенческой среде. Таким образом, сходства и различия между результатами наших исследований указывают на важность комплексного подхода к изучению лидерских качеств у студентов, а также на необходимость дальнейших исследований в этой области для разработки эффективных стратегий развития лидерства у российских студентов.

Заключительной мыслью является осознание того, что лидерство – это не только привилегия, но и ответственность. Молодые студенты, обладающие лидерскими качествами, имеют возможность оказывать позитивное влияние на окружающих и внести значимый вклад в развитие своего студенческого коллектива и общества в целом. Они могут стать вдохновителями, инициаторами изменений и агентами социокультурных преобразований. Поэтому, развивая свой лидерский потенциал, студенты могут стать не только успешными профессионалами, но и незаменимыми лидерами, способными создавать позитивные перемены в своей среде.

Библиография

1. Автаева Н. О. Особенности организации производственной практики при подготовке бакалавров в сфере массовой коммуникации. / Н. О. Автаева, В. А. Бейненсон, К. А. Болдина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1(27). С. 7-16.
2. Александрова Е. С. Изучение готовности к риску у студентов педагогических специальностей. / Е. С. Александрова // Личностно-профессиональное и карьерное развитие: актуальные исследования и форсайт-проекты: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции, Москва, 18–21 июля 2018 года / Под редакцией Л.М. Митиной. Москва: Издательство "Перо", 2018. С. 170-173.
3. Антилолова Л. Н. Интеллект и альтруистическая направленность личности. / Л. Н.

- Антилого娃, Н. Ю. Ражина // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. №4(71). С. 29-34.
4. Бондарева Я.В., Молчан Э.М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 43-51.
5. Борисова И. В. Взаимосвязь показателей интеллекта и стратегий копинг-поведения студентов. / И. В. Борисова, М. А. Нутрикова, Т. Н. Цыганкова // Казанский педагогический журнал. 2018. № 1(126). С. 161-166.
6. Владимирова Т. Н. Профессиональное развитие студентов-журналистов: влияния социально-психологических условий. / Т. Н. Владимирова // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2. С. 142-147.
7. Грибкова О. В. Взаимосвязи выраженности макиавелизма и социального интереса с различными видами агрессии студентов гуманитарных специальностей. / О. В. Грибкова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2013. № 1(13). С. 110.
8. Диагностический инструментарий оценки лидерских качеств студентов университетского комплекса / Ю. В. Маркелова, В. В. Баранов, В. К. Воробьев, Е. А. Попова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2020. – № 1(224). – С. 80-86. – DOI 10.25198/1814-6457-223-80. – EDN HMSPLD.
9. Колесникова Е. И. Психологические особенности политической культуры студентов / Е. И. Колесникова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2008. № 1(3). С. 100-105.
10. Конарева И. Н. Копинг студентов как стратегия социально-психологической адаптации к учебной среде. / И. Н. Конарева // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2016. № 4(6). С. 95-99.
11. Коробкина Е. А. Социально-психологические предикторы готовности к риску студентов разных направлений подготовки. / Е. А. Коробкина // Студенческий. 2018. № 12-3(32). С. 34-37.
12. Маркелова, Ю. В. Лидерские качества студента: проблемы и перспективы развития / Ю. В. Маркелова // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования : материалы международной научно-практической конференции, Вологда, 25 сентября 2019 года / Научный центр «Диспут». – Вологда: ООО «Маркер», 2019. – С. 78-80. – EDN DMJCGO.
13. Мрочко Л. В. СМИ в современном обществе: "четвертая власть" или слуга власти? / Л. В. Мрочко, А. И. Пирогов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 2(26). С. 165-174.
14. Окара А. Н. "Четвертая власть" между обществом и государством (Политические журналисты как часть политического класса современной России) (I). / А. Н. Окара // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 3(74). С. 57-74.
15. Парц, О. С. Развитие лидерства как перспективное направление работы со студентами / О. С. Парц, В. В. Ловчакова // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 75-82. – DOI 10.54158/27132838_2022_3_2_75. – EDN LBVRCC.
16. Пастухова Д. А. Исследование и развитие лидерских качеств студентов в процессе обучения. / Д. А. Пастухова, Т. Н. Мельников, В. К. Виттенбек // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-3. С. 302-306.

17. Петров С. В. Психологический подход к формированию команды: особенности и проблемы. / С. В. Петров // Вестник университета. 2019. № 4. С. 181-186.
18. Полковникова Е. Ю. Сущностные характеристики профессиональных рисков юристов. / Е. Ю. Полковникова, Г. В. Жеребятникова // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-1. С. 250-253.
19. Сафонов А. В. Специфика мотивационной составляющей процесса обучения студентов-журналистов. / А. В. Сафонов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1(27). С. 41-47.
20. Солынин Н. Э. Особенности защитного и совладающего поведения студентов с разным уровнем прокрастинации. / Н. Э. Солынин, А. В. Лингуарль // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3. С. 184-188.
21. Ященко Е. Ф. Особенности смысложизненных ориентаций студентов с разным уровнем самоактуализации на завершающем этапе обучения в вузе. / Е. Ф. Ященко, Э. В. Ященко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2012. № 31(289). С. 25-34.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: ценностно-смысловая детерминация лидерства у студентов разных направлений подготовки.

Методология исследования. Эмпирические методики: 1. Экспресс-тест «Самооценка лидерства». 2. Опросник «Диагностика личности на мотивацию к успеху», 3. «Оценка поведения в трудной жизненной ситуации» Р. Лазаруса (адаптация Т. Л. Крюковой). 4. «Ценностный опросник (ЦО)» Ш. Шварца; 5. «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева; 6. «Опросник социально-психологические установки личности в мотивационно-потребностной сфере» О. Ф. Потемкиной. Почему выбраны именно эти методики неясно. Гипотеза отсутствует.

Актуальность. «Несмотря на то, что лидерство рассматривается как интегральное качество, включающее разные свойства, по-прежнему остается малоизученной проблематике ценностно-смысловой детерминации». Неясная формулировка. Можно предположить, что индивид, который ценит лидерство, будет лидером, потому что эта ценность его мотивирует? Однако автор берет самые различные ценности и связывает их с лидерством, а само определение лидерства не дает. Лидерство теряет специфичность. «В современной науке также недостаточно исследований, посвященных взаимодействию лидера и последователей, их психологическим особенностям и механизмам формирования». Эта тема в статье не исследуется.

«важным является изучение различных подходов к лидерству в зависимости от культурных и социальных контекстов, так как идеалы лидерства и приемлемые лидерские качества могут существенно отличаться в разных общностях и культурах». Эта тема также в статье не исследуется.

«отдельных ценностей, способных повлиять на лидерские качества, пока еще не выявлено, а также не изучены механизмы, которые позволяют стать успешным лидером в студенческой среде». Если ничего не выявлено, то вряд ли автор их опишет и раскроет механизмы. Впрочем, автор на это и не претендует. Он берет 6 методик. Научная новизна отсутствует.

Стиль, структура, содержание. Стиль научный. Работа структурирована: актуальность,

организация эмпирического исследования, обсуждение результатов, выводы.

Студенты (677 человек) – экономисты, политологи, филологи, юристы, журналисты – выполняют шесть указанных методики и анализируются значимые различия в результатах. По мнению автора, больше остальных в контексте лидерских качеств проявили себя студенты-журналисты.

1. Методика №1 Ценностные ориентации – Ш. Шварц. Лидерский потенциал автор склонен видеть у студентов-журналистов, поскольку они выбирают ценности, отражающие групповые интересы личности: «доброта», «конформность» и «универсализм» в отличие от, например, политологов, выбирающих «самостоятельность», «гедонизм», т.е. ставящие личные интересы выше общественных. Неясно, почему самостоятельность не связана с лидерским потенциалом?

Кроме того, у студентов-журналистов максимальное число баллов по «стимуляции» (391) и высокое число баллов по «гедонизму» (356). Что отражает личные интересы.

Другие проявившиеся ценности у студентов-журналистов – «стимуляция», « достижения» и «власть»: у этих студентов есть амбиции и стремления, которые также в некоторой степени выражают лидерский потенциал. Иначе говоря, практически все ценности связаны с лидерским потенциалом.

2. Методика №2 СЖО – А. Леонтьев. Студенты-журналисты больше остальных стремятся получить максимальный эмоциональный отклик от всех жизненных событий: «эмоциональная насыщенность жизни», «удовлетворенность самореализацией», «локус контроля – Я», «осмысленность». Эмоциональный отклик связан с «гедонизмом» и «стимуляцией» предыдущей методики.

3. Методика №3 СПУЛ – О. Потёмкина. Студенты-журналисты: «процесс», «альtruизм» и «власть» (только по эти шкалам есть статистическая значимость). Эти переменные сложно комментировать, т.к. они очень разные.

Методики, не связанные с ценностями. Методика №4 Мотивация к успеху – Т. Элерс. Студенты-журналисты показали наилучший показатель по шкале «умеренно высокая мотивация» (348). То есть, они готовы к умеренному риску в профессиональной деятельности и ожидают успеха. Слишком высокий уровень мотивации выявлен у студентов-юристов (344), что сигнализирует о низкой готовности к рискованным поступкам. Неясно, почему слишком высокий уровень мотивации это плохо?

Методика №5 Копинг-стратегии преодоления стресса – Р. Лазарус. По шкале «конфранционный копинг» наивысший показатель у студентов-журналистов (373). Молодые журналисты часто готовы идти «по головам» в случае возникновения трудностей на пути достижения профессионального успеха. Конфронтационная стратегия разрешения кризисных ситуаций на уровне студенческого коллектива позволяет молодым лидерам за счет эмоционального давления привлечь особое внимание к себе и своим успехам в сфере журналистики. Сомнительные качества.

Методика №6 Самооценка лидерства Н. Фетискин. Эта методика не относится к ценностям. Наибольший ранговый показатель по шкале «высокий уровень лидерства» с сильным отрывом наблюдается у студентов-журналистов.

Сложно комментировать данные результаты: с лидерством могут быть связаны разные ценности, само по себе направление подготовки может ни о чем не говорить, это может быть результатом предварительного отбора.

Библиография. Прямо лидерству посвящена только одна работа – 13.

Апелляция к оппонентам отсутствует.

Выводы: «...результаты по отдельным шкалам являются уникальными показателями лидерства (?). Среди которых следует выделить: ценностные ориентации на конформность, доброту, универсализм и достижения; смысложизненные ориентации на эмоциональную насыщенность жизни и удовлетворённость самореализацией; социально-

психологические установки на процесс и альтруизм...». Перечислены не все ценности: автор «забывает»: стимуляцию и власть. Практически все ценности могут быть связаны с лидерством. Размывается предмет исследования.

«...молодые люди обучающиеся по направлению подготовки «журналистка» обладают наиболее подходящим набором ценностно-смысовых предикторов, свойственных лидеру современного студенческого коллектива». К сожалению, высокие показатели у студентов-журналистов мало о чём говорят. Например, они могут говорить не о лидерских, а о личностных качествах будущих журналистов: бойкость, экстравертированность, конформизм.

Интерес читательской аудитории: малосодержательная статья.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в представленной к рецензированию статье выступает лидерство как личностное качество студентов. Предметом же – особенности выраженности его ценностно-смысовой детерминации.

Актуальность работы не вызывает сомнения: помимо высокой социальной значимости лидерства, справедливо отмечаемой автором, лидерство выступает одним из факторов профессионального успеха, поскольку в современном мире успешная карьера (которой должен стремиться любой юный человек, получающий высшее образование), наполненная только исполнительскими функциями – чрезвычайно редкая социальная траектория, представляющая собой скорее исключение. Последние десятилетия прошли под знаком популярности управлеченческих специальностей и управлеченческого образования в целом, при этом едва ли любой человек, освоивший управлеченческую науку является лидером в полном смысле этого слова. Так анализ психологического компонента в указанном контексте представляется действительно насыщенным и содержит элементы методологической новизны.

Работа имеет ярко выраженный практический характер, основным методом исследования выступает эксперимент, выполненный на основе опроса и математических методов. Использование последних обеспечивает валидность полученных результатов.

Заслуживает внимания обоснование выборки и авторская интерпретация полученных данных. Ценным является также подробное описание практических методик, применяемых в исследовании.

Текст написан языком полностью соответствующим нормам научного стиля. Список литературы соответствует требованиям, однако, желательно было бы помимо собственно ссылок сделать обзор авторов в теоретической части, сгруппировав из, например, по аспектам изучаемой проблемы.

При общем высоком качестве текста к статье существует ряд замечаний.

В работе отсутствует теоретическая часть в традиционном научном понимании. Фактически вся теория сводится к обоснованию актуальности и значимости проблемы. Между тем ожидается обзор авторов, их определений, точек зрения или любая другая информация, позволяющая сфокусироваться на сущностных, структурных и содержательных характеристиках изучаемого явления именно в теоретическом аспекте.

В теории также можно было бы описать понимание значимости и социальной специфики лидерства для отдельных выбранных профессий. Например, в отличие от экономики и политологии для, скажем, филологии или журналистике это отнюдь не очевидно.

Выводы выполнены на уровне ниже, чем качество самого текста. Результирующая мысль

о том, что лидерство – не только привилегия, но и ответвенность не может претендовать на роль научно-аналитического вывода. Это скорее общесоциальный постулат. В выводах ожидаются тезисы, отражающие основную теоретическую, методологическую и практическую суть изучаемой проблемы.

Указанные замечания не снижают качество статьи в содержательном аспекте, скорее приближают ее к формату тезисов для научно-практической конференции. Тем не менее с учётом высокой актуальности, самостоятельности проведенного эксперимента и в целом высокого качества текста, работа заслуживает публикации в рецензируемом журнале по психолого-педагогическому направлению.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Сенница Е.В. — Связь между особенностями личности «Доминирующего» и «Подчинённого» лица в родительской семье и особенностями личности ребёнка // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.39650 EDN: XVQYEF URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=39650

Связь между особенностями личности «Доминирующего» и «Подчинённого» лица в родительской семье и особенностями личности ребёнка

Сенница Елена Владимировна

магистр, кафедра общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Терешковой, 33

✉ activist07@mail.ru

[Статья из рубрики "Горизонты психологии"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.5.39650

EDN:

XVQYEF

Дата направления статьи в редакцию:

23-01-2023

Дата публикации:

22-09-2023

Аннотация: Объектом исследования являются некоторые закономерности формирования характера, направленность агрессии, а также закономерности профессионального и брачного выбора мужчин и женщин в зависимости от пола и особенностей личности «Доминирующего» и «Подчинённого» лица в семье испытуемых. Также исследуются типичные конфликты для пар четырёх типов: 1) у жены «Доминирующий» – женщина, и у мужа тоже; 2) у жены и у мужа «Доминирующий» – мужчина; 3) у жены «Доминирующий» – женщина, а у мужа – мужчина; 4) у жены «Доминирующий» – мужчина, а у мужа – женщина. Новизна заключается в выявлении факта, что ключевое влияние на формирование направленности личности оказывают два человека: «Доминирующий» – тот, кто властновол в семье в период примерно до 14 лет, когда ребёнок еще не был способен оказывать сопротивление взрослым, и «Подчиненный» – тот из домашних, кто больше всех был предан «Доминирующему», восторгался им и призывал к подчинению других. Ребенок копирует черты «Доминирующего», которые

позволяют тому управлять «Подчиненным», а критерием успешности этой тактики служит одобрение «Подчиненного». Если пол «Подчинённого» и пол ребёнка совпадают, это вызывает гендерную дисфорию и заниженную самооценку, особенно если положение «Подчинённого» в семейной иерархии незавидно. Человек склонен выбирать такую сферу самореализации и такого супруга, с помощью которых он сможет возвыситься над «Доминирующим».

Ключевые слова:

теория личности, особенности личности, влияние родителей, влияние семьи, доминирующее лицо, подчинённое лицо, формирование личности, формирование характера, направленность агрессии, конфликты

Нижеприведённый обзор литературы, посвящённой формированию особенностей личности человека, структурирован следующим образом.

- понятия, используемые в исследованиях жизненного сценария, под которым поднимают как поступки, которые человек склонен совершить на своём жизненном пути (прежде всего это касается выбора профессии и создания семьи), так и формирование характера;
- понятия, встречающиеся в работах, посвящённых значимому взрослому, влияющему на формирование жизненного сценария;
- работы о формировании психологических различий между мужчинами и женщинами и влиянии этих различий на жизненный сценарий;
- исследования роли социальной среды (семьи) в развитии личности;
- работы о конкретных механизмах (или конкретных агентах влияния), в результате воздействия которых у ребёнка формируются те или иные качества.
- малоизученные факторы.

Основные понятия в исследованиях жизненного сценария

«Жизненная задача» («life task», «задача развития», «coping»)

В зарубежных теориях взросления в качестве понятия, близкого «жизненному сценарию», используется термин «жизненная задача», или «задача развития» (R. Havighurst [1],[2], R. Heymans [3], N. Cantor, J.Kihlstrom [4], S. Zirckel [5], W. Meeus [6], J. Marcia [7],[8]).

Одни авторы (N. Cantor, J.Kihlstrom [4], S. Zirckel [5]) подразумевают под «жизненной задачей» (life task) сознательные цели, направление самореализации человека в какие-то периоды, жизненную модель, обретение смысла существования, план жизни в целом. Другие (W. Meeus [6], J. Marcia [8]) подразумевают под «life task» более широкое понятие, близкое «индивидуальному жизненному стилю» по А. Адлеру. Как считает К.Н. Поливанова [9], «life task» может даже не осознаваться. Синонимом «жизненной задачи» является понятие «мечта», введенное Д. Левинсоном [10].

Существует также близкое понятие «coping», означающее что-то вроде «жизненной

стратегии» в широком смысле слова (K. Levin [\[11\]](#), R. Moos [\[12\]](#), Folkman, Lazarus [\[13\]](#)).

«Достижение идентичности»

В психологии используется также понятие «достижение идентичности» как понимание «кто Я» (E.N. Erikson [\[14\]](#), G. Vaillant [\[15\]](#), Г. Шихи [\[16\]](#), Дж. Виткин [\[17\]](#), Б. Фридан [\[18\]](#)). Большинство авторов считают, что достижение идентичности – это процесс, который может длиться на протяжении всей жизни, но наиболее активно он протекает в подростковом и юношеском возрасте. Как пишет Э. Эриксон, человек обретает идентичность в период с 11 до 20 лет. На данном возрастном этапе он **ищет людей и идеи, которым он мог бы верить** [\[19\]](#).

Э. Эриксон [\[20\]](#) отмечает, что на первом этапе формирования своей идентичности ребёнок интровертирует образы членов семьи, которые его опекают, на втором этапе – идентифицирует себя с теми взрослыми (как правило, тоже членами семьи), которым просто доверяет, причём на этом втором этапе он **осознаёт иерархическую структуру семьи** и роли, которые играют члены его семьи. **В результате второго этапа у ребёнка возникает представление о том, каким он станет в будущем.** Третий же этап Э. Эриксон характеризует как формирование идентичности, когда ребёнок идентифицирует себя с целым набором ролей. В дальнейшем эти избранные роли могут в процессе жизни закрепиться, а могут разрушиться, например, вследствие значительных изменений в обществе, сокрушивших прежние идеалы и ценности.

Э. Эриксон [\[19\]](#), D. Levinson [\[21\]](#), Г. Шихи [\[16\]](#), G. Vaillant [\[15\]](#) считают, что **благоприятной средой для обретения идентичности является любая субкультура, где можно найти реального наставника**, который станет для молодого человека проводником во взрослуую жизнь.

На основе эпигенетической концепции Э. Эрикссона Д. Марсиа выводит четыре основных типа формирования идентичности: предрешенность, диффузия, мораторий и собственно достижение идентичности [\[7\]](#),[\[8\]](#).

«Взросление», «переход к взрослости»

Зачастую изучение формирования жизненного сценария человека именуется изучением «взросления», «перехода к взрослости». D. Levinson [\[10\]](#) пишет, что в период с 18 до 25 лет, когда происходит переход к взрослости, решаются четыре основные задачи: 1) согласование мечты с реальностью; 2) **поиск наставника**; 3) подготовка к будущей карьере (профориентация и обучение); 4) создание близких отношений.

Аналогичным образом понимается «взросłość» и в отечественной литературе. И.С. Кон [\[22\]](#),[\[23\]](#), говоря о подростковом возрасте, отмечает такую черту взросления как появление дружбы и любви. По его мнению, **оба эти явления связаны с изучением и осознанием образа себя самого («образа Я»)**. Г.С. Абрамова [\[24\]](#), А.А. Реан [\[25\]](#), Д.Я. Райгородский [\[26\]](#) отмечают, что большинство браков заключается в период с 22 до 25 лет, то есть вступление в период взрослости неразрывно связано с установлением значимых связей.

«Самоопределение»

В отечественной литературе работы, связанные с жизненным сценарием, часто фигурируют как исследования о «самоопределении». Само понятие «самоопределение»

трактуется неоднозначно. Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, И.С. Кон понимают под этим формирование «образа Я». Н.С. Пряжников, Л.М. Митина, М.В. Ермолаева подразумевают под ним обращение к ведущей деятельности, то есть профессиональное самоопределение. С.Л. Рубинштейн называет самоопределением жизненный путь индивида в целом.

По мнению Л.И. Божович, самоопределение – это процесс, начинающийся примерно в 15 лет, когда перед подростком возникает проблема выбора его будущего. Самоопределение, по Л.И. Божович, это не просто мечты о будущем и предположения о том, как пройдёт жизнь. Оно основано на сложившихся к тому времени устойчивых интересах и связано с профессиональным выбором [27]. Самоопределение тесно связано с саморефлексией, которая развивается в начале переходного возраста, когда у подростка появляются более широкие интересы [28]. Как пишет К.Н. Поливанова, самоопределение, под которым подразумеваются устойчивые интересы и устремления, связанные с выбором профессии, происходит примерно в 17 лет [9]. И.Г. Малкина-Пых отмечает, что этап профессионального становления сопровождается активным экспериментированием в трудовой деятельности, в результате чего осуществляется исследование различных сторон своего «Я», углубление самосознания [29, с. 98–99].

«Я-концепция», образ «Я»

Гуманистическая психология понимает самоопределение только как становление «Я-концепции» (образа «Я», развития «эго-идентичности»). Именно в таком смысле пишут о самоопределении Р. Бернс [30], К. Роджерс [31], А. Фрейд [32], Э. Эриксон, И.С. Кон.

Для изучения развития образа «Я» и формирования жизненного плана зарубежные и отечественные психологи как правило используют идеографический метод, базирующийся на анализе и обобщении индивидуальных случаев (А. Маслоу [33],[34], К. Роджерс, Ф. Перлз [35],[36], К.А. Абульханова-Славская [37], Л.И. Анцыферова [38], Е.И. Головаха, А.А. Кроник [39], Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова [40], Ф.Е. Василюк [41],[42]).

«Жизненный стиль»

В работах, посвящённых самоопределению взрослого человека, часто исследуются «жизненный стиль», «временная перспектива», анализ жизненных ситуаций (А. Адлер [43], К.Г. Юнг [44],[45],[46], Э. Берн [47], Е.Ю. Коржова [48], А.А. Кроник [49],[50]).

«Кризис юности»

Тема самоопределения как формирования своего жизненного сценария встречается также в работах, посвящённых возрастным кризисам, особенно «кризису юности» (переходу к «взрослости», который совершается примерно в 17 лет). Изучением «кризиса юности» занимались И.С. Кон [51], В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев [52], М.В. Ермолаева [53] и другие авторы. Тем не менее, как отмечает К.Д. Любомирский, в отечественной литературе он остаётся наименее изученным, по сравнению с кризисами более ранних возрастов. В частности, не выработано единого мнения, что же такого особенного происходит в юношеском возрасте, иначе говоря, что именно является ведущей деятельностью в данном периоде [54, с. 15]. Большинство авторов полагают, что это является профессиональное самоопределение. В частности, так считают Н.С. Пряжников [55], Л.М. Митина [56], М.В. Ермолаева [53]. «Любопытно, что кризис юности (вхождение в зрелость) наиболее ярко проявляется у тех девушек и юношей, которые не

поступили после школы в высшие учебные заведения... Это связано с тем, что молодому человеку необходимо заново начинать работу по самоопределению», – отмечает К.Д. Любомирский [54, с. 48].

В.И. Слободчиков [57] и Е.И. Исаев [58] считают, что «кризис юности» продолжается с 17 до 21 года, а выход из него происходит тогда, когда человек переходит от мечтаний к реальным жизненным планам, поскольку в этом возрасте он осваивает профессию и устанавливает значимые связи (в частности, вступает в брак).

Понятия, связанные с лицом, влияющим на формирование жизненного сценария

«Значимый другой» («близкий взрослый»)

Понятие «значимый другой» было введено американским психиатром Г. Салливаном. Оно является синонимом социологического понятия «референтная личность», то есть «определенный человек, чье мнение высоко ценится данной личностью» [59, с. 160]. В отечественных работах, посвященных развитию детей, этот термин часто используется наряду с его синонимом «близкий взрослый» (М.И. Лисина [60], А.В. Запорожец [61], Д.Б. Эльконин [62], В.С. Мухина [63]).

Функции «значимого другого»

G.Vaillant указывает на то, что «значимые другие» необходимы для того, чтобы «присвоить» их качества и получить дополнительный источник силы для решения задач, связанных с развитием [15]. Роль «значимого другого» исследуют также Г. Крайг [64], В.А. Петровский [65], Т. Шибутани [66], К.Д. Любомирский [54]. С.К. Нартова-Бочавер [67], И.М. Никольская, Р.М. Грановская [68], Х. Ремшmidt [69] пишут о важности совместной деятельности со «значимым взрослым». «Вне значимого другого никакого развития нет и не может быть», – утверждает В.А. Петровский [65, с. 232]. По мнению К.Н. Поливановой [9] и Л.И. Бершедовой [70], **самоопределение как раз и происходит в процессе формирования образа значимого взрослого.**

Кто может играть роль «значимого другого»

Обратим внимание, что к «значимым другим» или «значимым взрослым» большинство авторов причисляет прежде всего родителей, в частности, так считает Л.С. Выготский [71], [72]. Тем не менее, А.В. Петровский [65], А.М. Прихожан [73], В.И. Слободчиков, Н.Н. Толстых [74] полагают, что в некоторые периоды роль «значимого другого» могут выполнять не только родители, но и друзья-рөвесники, учителя, известные люди или герои художественных произведений.

«Наставник», «проводник во взрослую жизнь»

В западной литературе, посвященной процессу решения «жизненных задач» («задач развития») используется термин «наставник», обозначающий образ «значимого другого», который помогает справиться с решением этих задач. Поиск наставника («проводника во взрослую жизнь») считается у зарубежных авторов одной из важнейших задач развития во взрослом возрасте (G.Vaillant [15], D. Levinson [21], Э. Эриксон [19], Г. Шихи [16]). По Д. Левинсону, наставник – это скорее реальный человек вне семьи, который, в частности, помогает подростку осуществить его мечту. Важно отметить, что **наставник должен обладать некоторыми чертами родителя,**

или лицетворяя для ученика определённый уровень достижений. Он симпатизирует своему ученику, общается с ним на равных и вселяет в него уверенность.

Согласно Д. Левинсону, человек не просто делает шаги к созданию семьи и рождению ребёнка, а **вступает в контакт с «особенной» женщиной или «особенным» мужчиной, которые выполняют те же функции, что и наставник**, ведь объект любви разделяет наши мечты и поддерживает нас в достижении целей. Г. Шихи доказывает, что у девушек их возлюбленный часто является их наставником в карьере. У юношей такое тоже встречается, но реже [16]. Таким образом, эти авторы усматривают **связь между построением жизненного плана (включающегося в себя, прежде всего, выбор профессии) и брачным выбором.**

Как отмечает К.Д. Любомирский, «пока в психологической литературе нет внятного ответа на вопрос, кто является носителем нового содержания развития, заключающегося в решении задач реального самоопределения» [54, с. 75]. В связи с этим, в своей диссертации он выделяет четыре типа наставника: 1) идеальный наставник; 2) реальный наставник из семьи; 3) реальный наставник вне семьи; 4) внутренний наставник, под которым подразумевается наличие внутреннего диалога, которое характерно для мышления взрослого человека.

Не «значимый другой», а его образ

П.Я. Гальперин [75],[76], О.А. Карабанова [77] включают в понятие «самоопределение» формирование образа «значимого другого» и его влияние на стратегии преодоления трудностей.

В работах О.А. Карабановой вводится понятие «ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребёнка» [77],[78]. Пользуясь этим термином, А.Д. Красило исследует «ориентирующий образ наставника» в процессе реального самоопределения [79].

К.Д. Любомирский изучает психологические основания формирования образа значимого взрослого у подростков и юношей [54]. «Актуальные возрастные задачи, которые должен решить подросток (юноша), детерминируются социальной ситуацией развития. В современной России пути решения этих задач столь вариативны, что просто не могут быть представлены в характеристиках какого-либо одного взрослого. Таким образом, современные подростки и юноши вынуждены ориентироваться на целый круг значимых взрослых, интегрируя наиболее необходимые им качества и характеристики в целостный образ – «образ значимого взрослого»» [54, с. 38]. Иначе говоря, утверждается, что образ наставника является собирательным.

М.В. Семенихина исследует взаимосвязь особенностей рефлексии и образов родителей у мужчин и женщин. Как подчёркивает автор, «специфика нашего исследования заключается в том, что в нем анализируются не актуальные, целенаправленные воспитательные воздействия родителей, а их субъективный компонент – образы родителей» [80, с. 5].

Формирование психологических различий между мужчинами и женщинами и влияние этих различий на жизненный сценарий

Истоки гендерных различий более всего рассматривалась в рамках психоаналитического подхода. З. Фрейд считал, что психологические различия между мужчиной и женщиной

закладываются из-за различий в прохождении Эдиповой стадии. Если у мальчика первым объектом любви является и остаётся впоследствии мать, то у девочки объект привязанности меняется: сначала это мать, затем отец. Кроме того, девочка осознаёт себя «кастрированной изначально», завидует мальчикам и чувствует себя глубоко обделенной. С этим обстоятельством Фрейд связывает низкую степень социальной активности женщин и слабое чувство справедливости [81], [82].

К. Хорни [83] считала, что психологические особенности, отличающие мужчину и женщину, являются врождёнными. По её мнению, мужчины изначально более самолюбивы, а женщины обладают заниженной самооценкой вследствие свойственного женщинам мазохизма.

И.С. Клецина [84] рассматривает различия в социальном поведении мужчин и женщин и делает вывод, что агрессивность, независимость и стремление к доминированию более характерны для мужчин. Женщины же более дружелюбны, стремятся к контакту и склонны к взаимозависимости.

В.А. Геодакян [85] предложил теорию полового диморфизма, согласно которой биологическое предназначение женщины – сохранять, воспроизводить и передавать свойства от поколения к поколению. Миссией же мужчины является столкновение с новыми условиями существования и, соответственно, приобретение новых функций».

Существует также ряд известных философских работ по гендерной тематике, авторы которых (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, О. Вейнингер) полагают, что психологические различия между мужчинами и женщинами совершенно непреодолимы. Например, О. Вейнингер доказывает неполнценность женщины, асоциальную, эгоистическую направленность её интересов [86]. Российские философы также в большинстве своём рассматривают женщину лишь как источник вдохновения, но не как человека, способного к творчеству (В.С. Соловьев [87], Шестаков В.П. [88], Н.А. Бердяев [89]).

К концу XX в. популярность приобрела тема «андрогинии», то есть проявления одновременно мужских и женских качеств. С этим явлением связывают способность приспосабливаться к разнообразным требованиям общества. Например, Е.Е. Massoby и C.N. Jacklin [90] пишут, что женщины с высокой фемининностью часто имеют пониженное самоуважение и повышенную тревожность. Эта позиция подтвердилась экспериментами, показавшими, что «стопроцентные» мужчины оказываются в проигрыше, если им приходится заниматься теми видами деятельности, которые не укладываются в традиционные полоролевые стереотипы. То же самое касается «абсолютных» женщин, если им требуется выполнять то, что традиция относит к мужским сферам деятельности. «Андрогинные личности» реже оказываются в состоянии дистресса (A. Heibrun [91]).

Исследования роли социальной среды (семьи) в формировании личности

Как пишет Л.С. Выготский, большую роль для развития личности имеет общение, потому что в процессе этой деятельности формируется самосознание, которое является по сути социальным знанием, перенесённым внутрь [92]. Как пишет Д.Б. Эльконин, особенно интенсивно этот процесс происходит в подростковом возрасте, когда вчерашний ребёнок начинает сравнивать себя со взрослыми [93].

Влияние окружения на формирование личности рассматривалось в работах С.В. Молчанова [94], В.А. Непомнящей [95], И.А. Николаевой [96], А.А. Венгер, И.В.

Дубровиной [97], О.А. Карабановой [77],[98], Е.Е. Кравцовой [99], Г.Г. Кравцова [100], В. С. Мухиной [63], Л.Ф. Обуховой [101],[102], А.М. Прихожан [73] и др.

В рамках психоаналитического и аналитического направлений, как в отечественной литературе, так и за рубежом семья считается основным фактором формирования личности. Такой позиции придерживаются З. Фрейд, Э. Фромм, А. Адлер, С. Кратохвил [103], Э. Арутюнянц [104], А.С. Спиваковская [105], Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис [106], Е.А. Личко [107], В.С. Мухина [63]. Такая же позиция главенствует в социальной психологии (Г.М. Андреева [108]).

По словам Л.С. Выготского, именно семья создает первичную социальную ситуацию развития и играет ключевую роль в формировании личности ребенка [109]. Влиянию семьи на личность посвящены работы Н.А. Васильченко [110], А.Д. Давлетовой [111], О.Г. Калиной, А.Б. Холмогоровой [112], Ж.В. Коробановой [113], Е.В. Трифоновой [114], Д.В. Шатрова [115]. И. С. Кон считает, что аспектов поведения подростков и юношей, не имеющих отношения к особенностям их родительских семей, не существует [51],[116].

Л. фон Берталанфи рассматривал семью как систему [117]. С. Минухин ввёл близкое понятие «структура семьи» [118]. В данном подходе присутствует понимание того, что **каждого отдельного члена семьи можно исследовать только в контексте всей семейной системы** (Варга А.Я., Карабанова О.А., Кошелева А.Д., Лидерс А.Г., Петровский В.А., Шапиро А.З., Черников А.В.). Как правило, в семейной системе выделяют четыре взаимовлияющие подсистемы: супружескую, родительскую, детско-родительскую и сибсовую. **Основными параметрами семейной структуры** С. Минухин считает иерархию в родительской подсистеме, эмоциональную связь в ней и стиль общения [118]. О.А. Карабанова в число таких параметров вводит также мотивацию брака, способность к разрешению проблем, удовлетворенность браком и семейное самосознание [119].

Что именно оказывает влияние на ребёнка в семье?

Роль матери

По мнению А. Адлера, отношения с матерью формируют у ребёнка чувство социальной общности. Заботясь о членах семьи и о посторонних людях, мать пробуждает в ребёнке социальные интересы, поощряет его стремление общаться с людьми и помогать им. В связи этим, А. Адлер считает, что мать, сконцентрированная только на ребёнке, сужает сферу его общественных интересов. Роль же отца скорее в том, чтобы дать ребёнку инструменты для достижения его целей и преодоления комплекса неполноценности [120].

Представители школы объектных отношений (М. Кляйн, Д. Винникот [121], Х. Когут) считают, что на формирование личности сильно влияют особенности взаимодействия с матерью, поскольку она является первым объектом потребности ребенка.

Многие авторы исследовали роль матери в формировании первой социальной потребности ребёнка: эмоциональной привязанности (З. Фрейд, Э. Эриксон, К. Хорни, Дж. Боулби, Л.С. Выготский, М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин и др.). Дж. Боулби отмечает, что в процессе взаимодействия с матерью у ребёнка формируется не только образ матери, но и «образ Я». Ряд авторов подчёркивает, что впоследствии тесный контакт с матерью должен быть разорван: это является важнейшим условием становления

личности (Д.В. Винникот [\[121\]](#), Е.Т. Соколова [\[122\]](#), J. Boulby [\[123\]](#)).

У. Бронfenбrenner пишет, что **девочки более активны, если авторитет матери больше, чем авторитет отца** [\[102\]](#).

Роль отца

Психология XX в. больше интересовалась влиянием матери. Работы, посвящённые фигуре отца, выходили, в основном, в США (например, R.D. Parke [\[124\]](#)). Исследования отечественных учёных в основном посвящены роли отца в половой идентификации сына (Т.В. Андреева [\[125\]](#)), а также роли отца в социализации (И.С. Кон [\[126\]](#), Каган В.Е. [\[127\]](#), Дж. Виткин [\[17\]](#), хотя есть и работы, посвящённые влиянию отца на личность дочери (Т.В. Андреева, С.О. Муромцева [\[128\]](#)). Э. Фромм противопоставляет материнскую и отцовскую любовь. Первую из них он называет безусловной, не связанной с достоинствами и достижениями ребёнка, а вторую – требовательной, которую надо заслужить. Согласно Э. Фромму [\[129\]](#), отец воспринимается ребёнком как источник норм, а также наказаний за их невыполнение и символизирует для него социальный контроль. То же самое пишет Э. Эриксон [\[19\]](#). Это мнение подтверждается в исследовании M. Siegal, где демонстрируется, что санкции со стороны отца воспринимаются подростками как должное, в то время как наказания матери расцениваются как отсутствие любви, эмоциональное отвержение [\[130\]](#).

В.Н. Дружинин пишет, что «лишь отец способен сформировать у ребенка способности к инициативе и противостоянию групповому давлению» [\[131, с. 94\]](#). Дружинин доказывает, что, если ребёнок любого пола привязан к матери больше, чем к отцу, это снижает его способность противостоять агрессии окружающих и не способствует развитию интереса к общественным и духовным ценностям (он будет скорее индивидуалистом, сосредоточенным на материальных потребностях). Отсутствие привязанности к отцу является также предпосылкой невысокой самооценки.

Согласно R.D. Parke [\[124\]](#), мальчик, лишившийся отца до исполнения пяти лет, становится более зависимым от группы и менее уверенным в себе, чем тот, кто воспитывался в полной семье.

У. Бронfenbrenner пишет, что мальчики становятся более ответственными, если за дисциплиной следит отец [\[102\]](#).

Некоторые исследователи указывают, что особенности личности современных детей оказывают влияние и особенности уклада, характерного для исторической эпохи. Например, раньше большинство мальчиков вырастало в крестьянских семьях, где сыновья делили с отцом его трудовые обязанности. Современные же городские дети не видят, как отец работает, в то время как мать на их глазах хлопочет по дому, и у них может сложиться ложное впечатление, будто трудятся только женщины (И.С. Кон [\[126\]](#)).

Если у мальчика есть отец, который может служить эталоном того, как себя вести, то его поведение и психика являются более стабильными, чем у ребёнка, который такого образца не имеет (Дж. Виткин [\[17\]](#)). Как пишет А.В. Захаров [\[132\]](#), мальчики, отцы которых не оказывали на них должного влияния (в том числе из-за чрезмерной мягкости характера отца или его низкого положения в семье), с трудом адаптировались к обучению в школе. Д.А. Циринг, С.А. Савельева [\[133\]](#) пишут, что хорошие отношения с

отцом способствуют формированию уверенности в себе.

Инверсия родительских ролей

В литературе нередко исследуется влияние ситуации, когда происходит инверсия родительских ролей. Ряд подобных сценариев описывает Э. Фромм. Например, мальчик, у которого властная, но любящая мать и слабый, зависимый отец, вырастает зависимым от матери, недисциплинированным, с неразвитым чувством ответственности. Мать, не дававшая ребёнку любви, формирует человека, который стремится быть любимым, но не любить самому. Отстранённая мать и авторитарный, требовательный отец делают из ребёнка холодного, неэмпатичного человека, карьериста, идущего по головам. Если родители не любят друг друга, в семье царит атмосфера отчуждения, то ребёнок вырастет тревожным и замкнутым, уйдёт в мир мечты или будет специально вызывать на себя гнев окружающих, чтобы хотя бы так привлечь к себе внимание [129]. А.И. Захаров пишет, что, если у матери скорее мужское поведение, она категорична, не способна понять чувства другого человека и чрезмерно требовательна, а отец не по-мужски мягок, чувствителен и не может управлять, у детей чаще возникают неврозы [134].

Отношение ребёнка к своему положению в семье и обществе

Л.И. Божович считала, что важно учитывать не только положение, которое ребёнок объективно занимает в семье и обществе, но и его «внутреннюю позицию», то есть его отношение к своему положению. Именно от этой составляющей внутреннего мира ребёнка и зависят его реакции на вещи, которые происходят вокруг него, причём эти реакции можно изменить только в том случае, если будет изменена «внутренняя позиция» ребёнка [27].

Поведение, убеждения, мироощущение, интересы родителей

Д.В. Шатров [115] исследует, как поведение, убеждения и мироощущение родителей влияют на нравственность детей. И.С. Кон [51], [126] отмечает, что на формирование личности оказывают влияние не только сознательные действия родителей, но и интересы последних. Если родители живут большими общественными интересами, это способствует расширению кругозора детей.

Нормы и ценности в семье

Ряд работ посвящён функциям семьи, среди которых выделяется, в частности, функция социализации (воспитательная). А.А. Реан и Я.Л. Коломинский отмечают, что социализация может происходить как целенаправленно, так и стихийно, за счёт наблюдения за членами семьи, поэтому не всё из тех выводов ребёнка, которые он делает, наблюдая за родителями, может соответствовать их сознательным представлениям о том, как следует себя вести [25]. «Социализация человека в семье осуществляется благодаря действию... некритического восприятия норм и ценностей, господствующих в семье», – пишет А.В. Мудрик [135, с. 63]. Тем не менее, **не разъясняется, как быть, если семья состоит из лиц разного культурного уровня и социального положения, исповедующих очень разные нормы и ценности.**

«Родительские предписания»

По мнению Э. Берна, основную роль в создании жизненных сценариев играют явные и неявные родительские предписания [47], правда, **почему в одних случаях**

«родительские предписания» и жизненные сценарии родителей воспринимаются ребёнком как свои собственные, а в других игнорируются, объяснения не даётся.

Роль позиции ребёнка в семье, подражание наиболее авторитетным лицам, стиль воспитания, «совокупность всех позитивных качеств взрослых членов семьи»

Т.В. Андреева [\[125\]](#) считает, что на становление личности влияют следующие факторы: структура семьи как единство функционирования её членов; позиция ребенка в семье (совокупность его ролей в семье, например, сын матери-одиночки, внук двух бабушек, старший брат своей сестры и т.п.); **те члены семьи, которые оказали наибольшее влияние на него (например, наиболее авторитетные, на которых он хотел бы походить);** стиль воспитания в семье (рассматривается как преобладающий стиль основного воспитателя-социализатора и побочных социализаторов; нравственный и творческий потенциал семьи (совокупность всех позитивных качеств взрослых членов семьи, в частности, их нравственности, эмоциональности, волевых качеств, интеллекта и культуры).

Наличие старшего сиблинга того же пола

Е.Е. Данилова пишет, что если у мальчика есть старший брат или у девочки – старшая сестра, они проявляют более типичное для своего пола поведение, чем те, чей пол не совпадает с полом старших детей в семье [\[136, с. 312\]](#).

Социальные роли, которые играют родители, но не особенности их личностей

З. Фрейд [\[137\]](#),[\[138\]](#),[\[81\]](#), А. Адлер, Г. Салливан и К. Хорни [\[83\]](#),[\[139\]](#) в качестве основного фактора, влияющего на развитие ребёнка, указывают на **исторически сложившиеся роли, которые играют родители, а не индивидуальные качества самих родителей.**

Противостояние образов отца, мужа и сына у матери мальчика

К. Хорни [\[139\]](#),[\[83\]](#) пишет, что развитие ребенка определяется не только взаимодействием его матери и отца, но и влечением матери к ее собственному отцу (деду ребёнка), так как женщина стремится воспитать в сыне те черты деда, которых ей не хватает в отце ребёнка. Из-за этого, считает К. Хорни, мальчик обычно напоминает деда со стороны матери.

Родитель противоположного пола

З. Фрейд считает, что наибольшее влияние на развитие личности ребёнка имеет родитель противоположного пола, за внимание которого борется ребёнок со вторым родителем [\[182\]](#), но он и его последователи рассматривали это влияние только в детском возрасте, причём преимущественно в плане формирования полоролевой идентичности.

Сильнейший из окружения ребёнка (меняется в течение жизни)

А. Адлер пишет: «Будучи слабым, ребёнок чувствует свою неполнценность и находится в ситуации, которую с трудом может вынести. Однако в нём заложено стремление развиваться в направлении, определённом целью, которую он для себя выбирает... **Трудно сказать, как фиксируется эта цель** [Здесь и далее выделено мной, – Е.С.], однако ясно, что она существует и оказывает влияние на каждое душевное движение ребёнка...

Он [ребёнок, – Е.С.]... **ищет самую сильную личность в своём окружении и делает её**

своим образцом, а подражание ей – целью. Это может быть отец или мать, так как мы обнаружили, что даже мальчик может быть под влиянием матери, если она кажется самой сильной личностью. В дальнейшем ребёнок может хотеть быть кучером, так как по какой-то причине верит, что именно кучер – это сильнейший человек. Когда ребёнок представляет эту цель, он начинает вести себя, чувствовать и одеваться как кучер, он обретает качества, связанные со своей целью. Но стоит полицейскому пошевелить пальцем, и кучер становится ничем. Позже идеалом может стать доктор или учитель, ведь учитель наказывает детей, и поэтому к нему возникает отношение как к сильнейшей личности...» [\[140, с. 72–74\]](#).

Критерии, по которым ребёнок определяет «сильнейшего в своём окружении», Адлер не называет. Как ни странно, подобный вопрос практически не исследовался психологами. Существует статья Н.Ф. Федотовой «Глава семьи: мотивы признания» [\[141\]](#), но в ней представлено мнение на этот счёт не детей, а самих супругов.

Родитель, с которым были конфликтные отношения

По мнению Х. Хендрикса [\[142\]](#), взаимодействие с таким родителем предопределяет будущий брачный выбор в соответствии со следующей логикой. В процессе социализации дети, удовлетворяя ожидания родителей, теряют часть своего «Я». По требованию взрослых они изживают у себя определённые эмоции, потребности и поведение. По этой причине впоследствии мы выбираем супруга, обладающего теми качествами, которые мы потеряли под давлением родителей, и за счёт него как бы возвращаем эти свойства, достраиваем свою личность до целой. Супруг же является улучшенной версией наших родителей. Он должен напоминать нам наших родителей, но общаться с нами по-другому, гораздо лучше, и излечить тем самым травмы детства. Х. Хендрикс полагает, что прообразом будущего супруга становится тот родитель, с которым были более сложные отношения.

Процессы идентификации и обособления

В.С. Мухина [\[63\]](#),[\[143\]](#) считает, что становление личности происходит за счёт механизмов идентификации (отождествления с другим человеком или группой) и обособления (осознания своих отличий от другого человека или группы). **Чем обусловлено, в каком случае ребёнок будет идти путём идентификации, а в каком – путём обособления, ответа не даётся. Говорится лишь, что это определяется врожденными предпосылками, социальными условиями и внутренней позицией самого индивида.**

Самоотождествление с каким-то членом семейной системы

С точки зрения Б. Хеллингера и его последователей [\[144\]](#),[\[145\]](#), существуют следующие причины того, что ребёнок начинает подражать кому-то из родственников. Первая – это «лояльность семейной системе» (ребёнок подражает в угоду родственникам, чтобы семейная система его не отвергла). Вторая – в силу некоей архаической «бессознательной групповой совести», которая стремится восстановить тех членов рода, которые умерли или были намеренно преданы забвению. Иначе говоря, если кто-то из предков совершил преступление, и об этом человеке стараются не говорить, кто-то из детей непременно будет вести себя похожим образом.

«Бессознательная групповая совесть», по мнению Хеллингера, может привести к тому, что если кто-то нанёс серьёзный вред кому-то из членов рода, то ребёнок повторит судьбу этого человека, потому что преступник исключён из семейной системы, или

повторит судьбу жертвы, поскольку о ней тоже стараются забыть. Поясним, что, согласно Хеллингеру, преступники относятся к семейным системам их жертв, а жертвы – к семейным системам преступников. Аналогичная гипотеза о подражании предку, о котором стараются как можно меньше говорить, содержится в книге А. Анселин-Шутценбергер [146].

Третья причина подражания чьей-то судьбе, согласно Б. Хеллингеру, – это стремление ребёнка завершить некие не завершённые в семейной системе процессы, то есть потомок призван завершить то, что не доделал представитель старшего поколения (например, родить детей, которых не было у его родственника).

Представление родителей о ребёнке и их отношение к нему

А.С. Спиваковская [105], А.Я. Варга [147], А.И. Захаров [132],[134], Е.Т. Соколова [122], В.В. Столин [148] считают, что главным влияющим компонентом является представление родителей о ребёнке и их отношение к нему. В.В. Столин пишет, что в процессе воспитания ребёнку передаются ценности и нормы, в соответствии с которыми он оценивает себя; образ его самого; оценка ребёнка родителями (которая впоследствии определяет его самооценку); самооценка родителей и способ регуляции поведения ребёнка родителями и другими взрослыми, который становится способом саморегуляции.

Типы семейного воспитания (эмоциональное отношение, стиль общения, удовлетворение потребностей, контроль)

Существуют разные классификации типов семейного воспитания. Наиболее известны классификации следующих авторов: D. Baumrind [149], А.Я. Варга [150],[151], Г. Крайг [64], А.Е. Личко [107], Е.Т. Соколовой [122], А.С. Спиваковской [152]. Принято, в частности, выделять авторитарный, авторитетный, либеральный и индифферентный стиль, учитывающий не только степень контроля, но и степень теплоты (Крайг Г. [64], Андреева Т.В. [125]). В работе А.Г. Лидерса и Е.Н. Спиревой [153] было выявлено, что стиль воспитания зависит не только от особенностей ребенка, но и является способом реализации личности самого родителя.

Типы воспитания исследуются также в работах Е. Массобу [90],[154], Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис [106], Л. Беньямин [155].

Типы семейного воспитания выделяют по эмоциональному отношению, стилю общения, степени удовлетворения потребности ребёнка, особенностям контроля. Исследуется также «родительская позиция», включающая в себя, в частности, то, какой сложился у родителя образ ребёнка и образ самого себя как родителя (J. Boulby [123], А.Я. Варга [147], В.В. Столин [148], О.А. Карабанова [119]).

В рамках данного направления делались попытки выявления тех условий семейного воспитания, которые наиболее благоприятны. А.Е. Личко, А.Я. Варга, А.В. Петровский [65], D. Baumrind [149], А.А. Бодалев [156], Л.А. Петровская, А.С. Спиваковская [157] полагают, что наилучшим типом семейного воспитания является демократический.

С другой стороны, есть авторы, которые демонстрируют, что **слишком тёплые отношения с родителями вредны для детей обоего пола**. Человек формируется зависимым, нуждающимся в опеке, не желающим взросльть (И.С. Кон [51]). К таким же выводам приходит О.С. Рыбочкина [158], в диссертации которой показано, что **высокие**

творческие способности более характерны для юношей и девушек, имеющих напряжённые отношения с одним из родителей, в то время как для испытуемых, имеющих тёплые, дружеские отношения с обоими родителями, которые вели себя с ребёнком, как друзья, **характерен средний уровень творческих способностей**. О.С. Рыбочкина интерпретирует это следующим образом: **враждебность родителя** (может быть, мнимая, но в восприятии ребёнка она существует) **«предрасполагает склонность к преодолению его авторитета»**, и это является предпосылкой для развития высоких творческих способностей [Там же, с. 118].

Модель поведения родителей в семье

Многие авторы, например, Е.В. Новикова [159] пишут, что взрослые дети переносят модели поведения своих родителей в свою собственную семейную жизнь.

Конфликты между родителями

Существует ряд исследований, демонстрирующих, что особенности личности ребёнка могут быть следствием отношений между супругами. Например, в работе В.Я. Титаренко [160] доказывается, что отсутствие значительных конфликтов между родителями способствует ответственному отношению к учебе, дисциплинированности, отзывчивости, и наоборот, наличие конфликтов снижает эти качества. В исследовании О.В. Шапатиной [161] показано, что конфликт между родителями способствует тревожности и нестабильной самооценке. E. Burgess, P. Wallin демонстрируют, что **дети из конфликтных семей стремятся к доминированию, а если внутри семьи царит доброжелательность, данное качество проявляется слабо** [102].

Родовое бессознательное

Л. Зонди считал, что судьбу человека определяет влияние латентно-рецессивных генов, которые заставляют заниматься теми видами деятельности, которые родственны занятиям предков. Брачный выбор, по его мнению, совершается таким образом: человеку нравятся лица противоположного пола, похожие на него самого и, соответственно, на его родственников [162].

Родители не влияют, так как стремления закладываются изначально

Авторы гуманистического направления считают, что личность ребёнка является сложившейся изначально, то есть связь стремлений человека с воспитанием в его семье не рассматривается (А. Маслоу [163], С. Rogers [164]).

Образ родителя

Относительно недавно предметом исследования стал ещё один показатель: образ родителя, который складывается у ребёнка в процессе воспитания. Подчеркнём, что в данном подходе изучается **не реальный родитель, а субъективное восприятие его ребёнком**. Этим вопросом занимались Л.И. Вассерман [165], В.В. Абраменкова [166], И.М. Марковская [167], Л.Ф. Фомичева [168], Г.Т. Хоментаускас [169], Е.О. Смирнова [170], Е.Ю. Трошина [171].

Существует ряд исследований, в которых доказывается, что развитие у ребёнка различных качеств связано с тем, как он воспринимает своих родителей (О.А. Карабанова [О.А. Карабанова [77], Л.Ф. Фомичева [168], О.В. Шапатина [165], Н.Н. Обозов

[\[172\]](#), О.Н. Абакумова, Т.М. Трапезникова [\[173\]](#), Н. А. Васильченко [\[110\]](#), А.И. Тащева, А.С. Кучерова [\[174\]](#)). В качестве синонимов понятия «образ» в некоторых вышеперечисленных работах используются понятия «восприятие», «особенностей родителей», «субъективное представление о стиле родительского воспитания».

Образ родителя исследуется по-разному. Одни авторы изучают образ родителя в рамках идей А.Н. Леонтьева об образе мира (В.В. Петухов [\[175\]](#)), другие, вслед за Г. Салливаном, понимают родителей как «значимых других» в полной семье.

М.В. Семенихина пишет, что менее всего исследовано экспериментально, как представляют образы своих родителей люди взрослые [\[80, с. 67\]](#), и вообще, «что касается юношеского возраста... исследований взаимосвязи особенностей уже сформированной личности с теми или иными характеристиками родительской семьи крайне мало» [\[80, с. 80\]](#). К таким немногочисленным исследованиям относится диссертация Д.В. Берко [\[176\]](#), посвящённая влиянию стилей родительского воспитания на девушек. Также М.В. Семенихина обращает внимание на то, что исследования образа родителя в русле психологии развития касаются именно «образа родителя как воспитателя». Между тем к подростковому возрасту дети уже не столь много размышляют о своих родителях как о воспитателях: фигура родителя интересует их теперь как личность в целом.

«Рассогласование», «напряжённость» между «родительскими линиями»

Среди исследователей, обративших внимание на такой фактор развития как образ родителя, выделяется группа авторов под руководством В.К. Шабельникова. Как пишет В.К. Шабельников, каждый из родителей является носителем системы ценностей и норм своего рода, и на развитие личности ребёнка влияет «система напряжений» («рассогласование») между родовыми структурами матери и отца [\[177\]](#). Что это за «система напряжений» («рассогласование»), чёткого определения не даётся, но из контекста можно вывести, что чем больше различий между родителями, тем это лучше для развития ребёнка.

Вот как объясняет это явление М.В. Семенихина, один из авторов этого направления: «Любой ребенок как бы стягивает и согласовывает в себе детерминирующие его родительские линии. Рассогласование в позициях, векторах мотивации и энергии жизни родителей определяет степень личностной напряженности ребенка. В этой связи, в образе родителя особенности, тесно связанные с определенными событиями и жизненными ситуациями, т.е. имеющие осознаваемую ребенком причинность, соседствуют с особенностями неясными, практически неосознаваемыми, но создающими не менее (а может и более) сильное напряжение. А сама степень личностной напряженности проявляется затем в энергии включения человека в социальное пространство, в его деловой и творческой активности, особенностях его самосознания» [\[80, с. 68\]](#).

Под руководством В. К. Шабельникова был выполнен ряд работ, направленных на **изучение взаимосвязи между образами родителей и развитием у детей определенных качеств**. Например, одна из работ А.В. Литвиновой так и называется: «Зависимость формирования личностных характеристик от рассогласования образов родителей» [\[178\]](#). В исследованиях А.В. Литвиной выявлено, что чем выше «степень рассогласования» между образами родителей, тем меньше ребёнок идентифицирует себя с семьёй и тем более он самостоятелен в постановке жизненных целей [\[179\]](#),[\[180\]](#).

К этому же направлению относятся исследования К.Д. Любомирского [154], М.В. Семенихиной [80], Е.В. Трифоновой [114], О.С. Рыбочкиной [158], Ю.Ю. Лимаевой [181],[182],[183] и др.

Можно усмотреть параллели между идеей В.К. Шабельникова о роли «рассогласования» и исследованиями Н.Н. Обозова, О.Н. Абакумовой, Т.М. Трапезниковой [172],[173], которые продемонстрировали, что в семьях, где родители не конфликтуют, ребенок воспринимает родителей как целостную структуру. Эксперименты же М.В. Семенихиной и О.С. Рыбочкиной, в результате которых выявила положительная связь между высокой степенью рефлексивности и творческой направленности испытуемых со степенью «рассогласования» образов родителей, вполне согласуются с выводами Я.А. Пономарева, что у людей с высокой творческой активностью условия воспитания являются более разнообразными, чем у людей, не склонных к творчеству, прежде всего это относится к образованию и роду деятельности родителей [184],[185]. Также R. Albert [186] приходит к выводу, что в семьях творческих людей чаще бывают напряжённые отношения, и для членов этих семей более характерна независимость, чем близость.

Малоизученные факторы

Исследования, посвященные изучению причин формирования тех или иных качеств личности, а также механизмам создания жизненного плана, весьма обширны. Подавляющее большинство авторов считает, что основной причиной возникновения того или иного жизненного сценария является влияние семьи. Тем не менее, **практически не исследован такой фактор как иерархическое положение в семье того родственника, влияние которого изучается**. Когда пишут о влиянии «семейных норм и ценностей», «интересах семьи», «поведения, убеждений, мироощущения родителей», «эмоциональном отношении в семье», «стиле воспитания в семье» и тому подобном, не уточняется, о чьих конкретно нормах, ценностях, поведении, интересах идет речь. Один из родителей может быть высокодуховной личностью, а второй – являться человеком, ведущим аморальный образ жизни. Один – интересоваться наукой или искусством, второй – способами, как украсть и не попасться. Кроме того, с ребёнком зачастую проживают и другие родственники, влияние которых крайне редко учитывается. С этой точки зрения наиболее корректным представляется подход группы авторов под руководством В.К. Шабельникова, которые рассматривают «рассогласование между родительскими линиями» (хотя, конечно, дети зачастую воспитываются не родителями, а другими родственниками). Тем не менее, и у этих исследователей «рассогласование» понимается не как иерархия, а как просто различия между родителями, которые могут быть какого угодно свойства.

В работах А. Адлера говорится о том, что ребёнок выделяет самую сильную личность в своём окружении и подражает ей, но критерии, по которым он определяет это лицо, А. Адлер не называет. Кроме того, остаётся непонятным, каково же влияние тех, кто «слабее» этого «сильнейшего», хотя очевидно, что для того, чтобы выделить «сильнейшего», необходимо сначала провести сравнение со «слабейшими». В связи с этим, данная работа посвящена **исследованию влияния родственников ребёнка в зависимости от их иерархического положения в семье**.

Гипотеза

В ряде случаев ребёнок выделяет в своей семье Доминирующего и Подчинённого, который подчиняется Доминирующему с особой охотой (конечно, если Подчинённый в

этой семье вообще присутствует, см. уточняющие определения). У ребёнка возникает желание *возвыситься над Доминирующим, чтобы, во-первых, избавить себя от его диктата, во-вторых, чтобы занять его место и получить такое же обожание со стороны Подчинённого*. Обратим внимание, что пол Доминирующего и Подчинённого не имеет значения, и путать данные построения с учением об эдиповом комплексе не следует.

Чувство гнева ребёнок обычно познаёт впервые во взаимодействии с Доминирующим, а такое чувство как обида зачастую связано с Подчинённым, поскольку ребёнку кажется, что Подчинённый любил Доминирующего больше, чем его, хотя он, ребёнок, усердно конкурировал с Доминирующим. Подчинённый же часто вызывает у ребёнка чувство жалости и(или) вины, в то время как в отношении Доминирующего эти чувства являются большой редкостью.

Ребёнок обращает внимание, что, с точки зрения Доминирующего, является признаками «сильного» и «слабого» поведения, и старается избежать попадания в категорию «слабых». Он *перенимает те особенности Доминирующего, которые, по мнению ребёнка, обеспечивают Доминирующему преклонение Подчинённого*. Вследствие этого по системе движений (мимике, жестикуляции, походке), дикции, манере себя вести ребёнок похож на Доминирующего.

*Также ребёнок выискивает «ахиллесову пяту» Доминирующего – сферы, в которых Доминирующий не преуспел и (обязательное условие!) досадовал из-за этого. Добыть такую информацию для ребёнка жизненно необходимо, поскольку его ключевой жизненной задачей является *возвыситься над своим Доминирующим. Исходя из выявленных ребёнком «сильных» и «слабых» сторон Доминирующего ребёнок и выберет впоследствии профессию (сферу самореализации) и супруга.**

Человек склонен выбирать такую профессию, чтобы с её помощью успешно бороться, конкурировать с людьми того пола, что Доминирующий, и при этом получать одобрение людей того пола, что Подчинённый.

Определения

Доминирующее лицо – тот член семьи, который наиболее соответствует следующим признакам:

- за ним оставалось последнее слово;
- ему все угождали, прислуживали, а он сам делал только то, что хотел;
- он в меньшей степени эмоционально зависел от окружающих (а те, в свою очередь, зависели от него), в частности, признаком доминирования может быть совершение измен и инициатива при разводе;
- он чаще повышал голос и применял силу;
- его было страшнее раздражать, чем других родственников;
- его благорасположение считалось особой честью (он был более склонен на похвалу).

Доминирующий это не всегда тот, кто больше зарабатывает, тот, кто старше, умнее или у кого выше социальное положение. Доминирующим может быть алкоголик, наркоман, патологический лодырь, психически больной или притворяющийся таковым, лишь бы по факту все делали то, что выгодно ему.

Подчинённое лицо – тот член семьи, который наиболее охотно подчиняется Доминирующему, больше всех любит и уважает его, прощает ему все обиды и призывает всех остальных подчиняться Доминирующему.

Прим. 1. Вместо «человек, в семье которого доминировал мужчина (женщина)» мы для простоты восприятия пишем «сын доминирующего отца (матери)» и «дочь доминирующего отца (матери)», хотя доминирующим лицом порой бывает не отец или мать, а какой-то другой член семьи (например, дед, мачеха, опекун и т.д.).

Прим. 2. В случае положительного ответа на вопрос везде ставилась единица, в случае отрицательного ответа – ноль. Отсутствие ответа кодировалось цифрой 2.

Прим. 3. В ходе исследования использовались такие понятия как «обида» и «гнев». Чтобы испытуемые правильно понимали суть вопроса, разъяснялось, что под обидой мы понимаем ситуацию, когда человек сначала пытается угодить кому-либо, но эти попытки не встречают ожидаемого одобрения, в то время как гневом мы называем простую защитную реакцию (предварительные попытки угодить здесь отсутствуют).

Прим. 4. Ребёнком мы называем взрослого испытуемого, поскольку тот рассказывает о своём детстве.

Прим. 5. Важно подчеркнуть, что отсутствие утвердительного ответа на вопросы о наличии у испытуемого в его далёком прошлом (до 14 лет) какого-то желания или чувства означает не ответ «нет», а «отсутствие ответа», т.е. испытуемый такого желания или чувства не помнит, иначе говоря, это скорее ответ типа «затрудняюсь ответить».

Методы и организация исследования

В 2019–2022 гг. было проведено экспериментальное исследование, целью которого являлась проверка гипотезы о существовании зависимости между особенностями личности Доминирующего и Подчинённого лица в родительской семье и особенностями личности ребёнка.

В качестве основного метода экспериментального исследования была использована беседа, в ходе которой производился письменный опрос с ответами закрытого и открытого типа.

Обоснование выбора методики. Сочетание опроса с закрытым и открытым типом ответа было обусловлено стремлением получить информацию не только о том, что то или иное явление имеет место в жизни испытуемого, но и о том, в чём конкретно оно заключается, что, в свою очередь, повышает степень достоверности, обоснованности ответа.

Эмпирическая база исследования: клиенты, обратившиеся к психологу через агрегатор психологических услуг profi.ru.

Выборку исследования составили 555 мужчин и женщин от 15 до 55 лет, по собственной инициативе обратившихся к психологу по вопросам профориентации и/или отношений с законным или гражданским супругом через сайт.

Контингент испытуемых был обусловлен стремлением продемонстрировать универсальность выявленных закономерностей, для чего в выборку были включены люди разного возраста, пола, уровня и типа образования, игравшие роль контрольных групп.

Этапы эксперимента:

1. Всем испытуемым предлагалось пройти двухчасовое собеседование (тот самый опрос, что приведён в настоящей работе), чтобы сразу после этого получить выводы и рекомендации по теме клиентского запроса.
2. Испытуемые отвечали на вопросы устно, их ответы и развёрнутые примечания к ним записывались. Допускалось задавать уточняющие вопросы.
3. Происходило обсуждение результатов, испытуемый мог выразить согласие или несогласие с выводами и дать дополнительные пояснения. По результатам консультации испытуемые, будучи обычными потребителями психологических услуг, оставляли свои отзывы на сайте.

Обработка результатов эксперимента:

Ответы всех испытуемых (для одних пунктов это были «да» и «нет», закодированные нулями и единицами, для других пунктов – развёрнутые ответы) были сведены в общую таблицу. При обработке данных использовался пакет MS Excel для Windows XP, пакет программ SPSS Statistics 23.0 версии.

Методы статистической обработки данных.

Для сравнения номинальных признаков использовался критерий χ^2 (хи-квадрат) и таблицы сопряженности. Для сравнения количественных признаков использовался U-критерий Манна-Уитни. Из соображений наглядности использовалась также описательная статистика в процентах.

Руководством при выборе и использовании вышеприведённых статистических методов послужили работы Д.Я. Райгородского, О.Ю. Ермолаева, А.Д. Наследова.

Кто оказывается в роли Доминирующего в семье?

Далее мы будем приводить содержание пунктов из опросника, количество положительных ответов на них и интерпретацию этих результатов. Что касается подробных объяснений, которые давали испытуемые (т.е. качественной стороны исследования), их анализ предполагается дать в отдельной работе, чтобы не перегружать читателя подробностями.

Номера, проставленные перед вопросами, означают номер столбца в сводной таблице данных, где помимо ответов типа «да» и «нет» содержатся текстовые примечания, и имеют технический характер.

Цель следующего вопроса – выяснить, кто был Доминирующим в семье испытуемого. Согласно гипотезе исследования, глядя на этого человека, у ребёнка складывается представление, что именно такое поведение приводит к тому, что тебя любят или хотя бы подчиняются. Испытуемый должен был назвать, кто являлся в его семье Доминирующим, опираясь на следующую инструкцию:

№ 7. «Кто являлся Доминирующим лицом в вашей семье в те годы, когда вы не могли ещё оказывать сопротивление взрослым (до 14 лет)?»

Пояснение к вопросу, зачитывавшееся испытуемому:

«В качестве Доминирующего мы рассматриваем взрослого (!) человека, за которым в семье оставалось последнее слово (он сказал, и все подчинились) или, если такого человека в семье не было, того, вокруг которого все вращались и кому по факту все

прислуживали, а он сам делал только то, что хотел. Происходить это могло как вследствие того, что этот человек был самым умным и уважаемым, так и по другим причинам. Например, Доминирующим может быть алкоголик, наркоман, патологический лодырь, психически больной или притворяющийся таковыми. Главное, что по факту все делают то, что выгодно ему.

Если у вас два родственника (например, отец и мать), которые примерно «на одном уровне» по своей властности, обратите внимание на то, кто из них больше эмоционально зависит от другого, кто старается угодить этому второму, боится его потерять, быть может, ревнует. Доминирующий меньше зависит эмоционально. Если такая ситуация, что родители развелись, надо смотреть, чья это инициатива. Тот, кто запросто ушёл, скорее всего, является Доминирующим, т.к. он более независим.

Как правило, Доминирующий чаще повышает голос и применяет силу, вы больше боялись его раздражать, чем других родственников, его благорасположение считается особой честью (он более склонен на похвалу).

Важно понимать, что Доминирующий это не всегда тот, кто больше зарабатывает, тот, кто старше, умнее или у кого выше социальное положение. Также не надо смотреть на то, кто вам ближе, кто больше общался с вами (как правило, более доступным для ребёнка в плане общения является Подчинённый).

В случае, когда ребёнок живёт только с матерью-одиночкой, Доминирующим автоматически является она, какой бы она ни была по характеру.

Некоторые ошибочно называют Доминирующими себя. В таком случае следует вспомнить, что речь идёт не о настоящем времени, а о детстве, когда вы не могли решать, куда идти и что делать».

В результате исследования выяснилось, кем чаще всего являлись доминирующие лица:

- у 251 человека – мать, из них 47 человек, т.е. 8,5% от общего количества испытуемых, являлись детьми матери-одиночки;
- у 213 человек доминирующим лицом был отец, причём в одном случае о нём было известно только по рассказам;
- у 36 человек – бабушка, причём в двух случаях это была мать мачехи, а в одном случае – мачеха матери;
- в 23 случаях доминирующим лицом был отчим, причём в одном случае это был даже не отчим, а любовник матери, официально женатый на другой женщине.

Прочие лица оказываются в роли Доминирующих редко: 3 случая – тётя, 3 – дед, 1 – двоюродный дядя, 1 – дядя, 1 – мачеха, 1 – женщина-опекун, 1 – приёмная мать, 1 – сестра бабушки, 1 – старшая сестра, 1 – тренер.

11 человек указали два лица, доминировавших совершенно в равной степени одновременно: 4 случая – бабушка и отец, 3 – бабушка и мать (в одном случае мать, уехавшая на заработки, и бабушка, которой был оставлен ребёнок), 2 – сестра и мать, 1 – мать и отец, 1 – мать-одиночка и сестра бабушки.

7 человек указали два лица, доминировавших последовательно: 2 случая – отец, затем отчим, 1 – отец, затем дед, 1 – отец, затем мать, 1 – бабушка, затем отчим, 1 – дед, затем мать, 1 – «отчимы» (как пояснила опрошенная, «их было много, и всякий раз ведущую

роль играла не мать или кто-то из её родственников, а очередной муж матери»).

Выводы по вопросу 7: не смогли чётко указать Доминирующего только 18 человек. Иначе говоря, в подавляющем большинстве случаев выделить Доминирующего, опираясь на предложенные критерии, можно.

В случае, если Доминирующий являлся мужчиной, ставился 0, а если Доминирующим являлась женщина, ставилась единица. В случае, если испытуемый не мог однозначно ответить на этот вопрос (в семье главенствовали мужчина и женщина в равной степени или сначала доминировал один, а впоследствии другой), ставилась цифра 2 (таких было 8 человек).

Вывод по данному вопросу: пол Доминирующего указали 547 человек из 555 (у 8 человек на роль Доминирующего было 2 претендента разного пола). Таких, у кого Доминирующим была женщина, оказалось больше: 55%. Это статистически значимый вывод: $\chi^2 = 5,530$; $p=0,019$.

Таким образом, среди лиц, обратившихся к психологу по вопросам, связанным с выбором сферы самореализации (профориентации) и по вопросам, связанным с семейными неурядицами, преобладали люди, у которых доминирующим лицом являлась женщина. Объяснение данного обстоятельства содержится в выводах данного исследования.

Насколько явным было доминирование?

Следующие вопросы (вернее сказать, утверждения, с которыми испытуемый мог согласиться или не согласиться) посвящены выяснению того, насколько явным было доминирование указанного родственника:

№8. «За Доминирующим оставалось последнее слово».

№9. «Он чаще покрикивал и/или применял силу. (Если кричал от бессилья, это не в счёт. Нам нужно того человека, крик которого был способен заставить окружающих подчиниться)».

№10. «Его благорасположение считалось особой честью. Добиться его одобрения было не просто, а если уж похвалит, это рассчитывалось как достижение».

№11. «Раздражать его было страшнее, чем других членов семьи». Здесь же задавался уточняющий вопрос: «А что будет, если раздражать?» – для того, чтобы удостовериться, что испытуемый действительно побаивался раздражать Доминирующего.

Далее положительные ответы на эти четыре вопроса суммировались, т.е. подсчитывалась выраженность доминирования (от 0 до 4 баллов).

Получилось, что доминирующее лицо у 321 человека (58% испытуемых, чьи ответы составляют 3 или 4 балла) властвовало в семье совершенно явно.

Таблица 1

Баллы	Количество испытуемых	Проценты
0	166	30%
1	22	4%
2	46	8%

-	.~	~.~
3	34	6%
4	287	52%

В какой степени был агрессивен Доминирующий?

Цель следующих вопросов – выяснить степень конфликта испытуемого с Доминирующим лицом. Предполагается, что чем больше конфликт, тем более явной является конкуренция ребёнка с людьми, напоминающими ему Доминирующему, тем определённее его жизненный путь и более предсказуемы реакции в тех ситуациях, которые напоминают ему взаимодействие с его Доминирующим. Сумма положительных ответов на эти вопросы показывает степень агрессивности Доминирующего (от 0 до 4 баллов) с точки зрения ребёнка.

№12. «Доминирующий проявлял вербальную агрессию в отношении меня».

№13. «Доминирующий проявлял вербальную агрессию в отношении других членов семьи».

№14. «Доминирующий применял физическую агрессию в отношении меня».

№15. «Доминирующий применял физическую агрессию в отношении других членов семьи».

Альфа Кронбаха близка к 1 (0,859), вопросы на оценку агрессивности Доминирующего хорошо согласованы.

Таблица 2

Степень конфликта	Количество испытуемых	Проценты
0	358	64,5%
1	47	8,5%
2	72	13%
3	18	3,2%
4	60	10,8%

Данная таблица демонстрирует, что в качестве Доминирующего далеко не всегда воспринимается самый агрессивный член семьи, и серьёзного конфликта между ребёнком и Доминирующим во многих случаях может не быть.

Кто являлся Подчинённым?

Следующий вопрос посвящён выяснению второй ключевой фигуры в семье – Подчинённого (см. определение ниже).

№ 16. «Кто был в вашей семье Подчинённым? (Подчинённым мы называем не того, кто ниже всех по положению, а только того взрослого (!) человека, который охотнее всех в семье подчинялся Доминирующему, больше всех любил его и призывал других ему подчиняться)».

В качестве Подчинённых были названы следующие лица:

- 260 случаев – мать, 189 – отец, 23 – бабушка, 21 – отчим, 6 – дед (в одном случае это отец мачехи), 2 – мачеха, 2 – взрослая сестра, 2 – двоюродный брат, 1 – муж тёти, 1 – тётя, 1 – дядя.

Если Подчинённым являлся мужчина, ставился 0, если женщина – 1.

У 47 человек Подчинённый отсутствовал (в большинстве случаев потому, что вся семья состояла из матери и ребёнка, и мать как единственный взрослый играла роль Доминирующего). В таком случае ставилась цифра 2.

У 288 человек (57%) Подчинённым в семье была женщина, у 220 человек (43%) Подчинённым являлся мужчина. Таким образом, Подчинённым, как и Доминирующими, в семьях испытуемых чаще оказывается женщина.

Каково было положение Подчинённого по сравнению с Доминирующим?

Следующие вопросы посвящены выяснению того, было ли положение Подчинённого в семье заметно ниже, чем у Доминирующего. Положительные ответы на первые два вопроса и отрицательный ответ на третий вопрос суммировались, и эта сумма показывает степень различия в положении Доминирующего и Подчинённого.

Данный показатель может быть от 0 до 3 баллов, таким образом, 3 балла означают, что Подчинённый имел в семье гораздо более низкое положение, чем Доминирующий, а 0 баллов, что разница в положении проявлялась слабо.

№ 17. «**Подчинённый был в семье значительно ниже по положению, чем Доминирующий**». Таких ответов оказалось 90 (18%) из 507 (всего испытуемых было 555, но у 48 человек семья состояла только из родителя и ребёнка, соответственно Подчинённого лица там не было).

№ 18. «**Подчинённый всегда подчинялся Доминирующему**». Таких ответов было 88 (17%).

№ 20. «**Бывало такое, что Подчинённый брал верх над Доминирующим**». Таких всего 55 человек (11%) из 507, т.е. в 89% случаев Подчинённый никогда не брал верх над Доминирующим.

Из последних двух вопросов следует, что *различие в положении между Доминирующим и Подчинённым в подавляющем большинстве случаев было довольно заметным, и для ребёнка оно являлось очевидным*, а почти пятая часть испытуемых отметила, что Подчинённый был в семье значительно ниже по положению, чем Доминирующий.

Степень различия в положении Доминирующего и Подчинённого оценили следующим образом: на 1 балл – 396 человек (78%), на 2 балла – 48 человек (10%), на 3 балла – 62 человека (12%).

Была ли обида на Подчинённого за то, что больше любил Доминирующего?

Следующий вопрос-утверждение направлен на выяснение распространённого конфликта, частный случай которого получил название эдипового комплекса (соперничество мальчика с отцом за внимание матери). Тем не менее, наш вопрос о том, была ли у ребёнка обида в отношении Подчинённого за то, что тот подчинялся Доминирующему в ущерб интересам ребёнка, гораздо шире, поскольку Доминирующий и Подчинённый далеко не всегда являются отцом и матерью и вообще не всегда бывают лицами разного пола.

№ 19. «**В отношении Подчинённого у вас была обида, что он любил Доминирующего больше, чем вас, или что Подчинённый пренебрегал вашими интересами в угоду Доминирующему (например, Доминирующий обижал вас, а**

Подчинённый не защищал, или Доминирующий был явно не прав, а Подчинённый заставлял вас признать его правоту), или у вас была мысль, что Доминирующему позволено «куролесить» как угодно, а вы не получаете должного одобрения, хотя стараетесь перед Подчинённым гораздо больше Доминирующего».

Как оказалось, такое явление как обида на Подчинённого из-за того, что тот любил Доминирующего больше, чем ребёнка, или пренебрегал его интересами в угоду Доминирующему, наблюдается в 21% случаев, что является статистически значимым: $\chi^2 = 173,982$; $p < 0,001$.

К кому из взрослых членов семьи ребёнок испытывал максимальный гнев?

Следующие вопросы являются контрольными, они проверяют результат, полученный при ответах на вопросы № 12–15, посвящённые выяснению степени агрессивности Доминирующего («Доминирующий проявлял вербальную агрессию в отношении меня», «Доминирующий проявлял вербальную агрессию в отношении других членов семьи», «Доминирующий применял физическую агрессию в отношении меня», «Доминирующий применял физическую агрессию в отношении других членов семьи»).

Цель приведённых далее вопросов, во-первых, проверить гипотезу относительно того, что наибольший конфликт у ребёнка, как правило, с Доминирующим лицом в семье, и обычно именно благодаря ему ребёнок впервые познаёт чувство гнева. Что касается обиды, это чувство обычно внушает Подчинённый (см. результаты по вопросу № 19). Вторая цель дальнейших вопросов – уточнить степень конфликта с Доминирующим. Предполагается, что, чем конфликт больше, тем более предсказуемы реакции испытуемого на вещи, связанные у него с воспоминаниями о Доминирующем

№ 22. «Назовите того взрослого члена семьи, с которым у вас был наибольший конфликт до 14 лет. Речь идёт о чувстве гнева, а не обиды. Разница здесь вот в чём. Гнев – это чисто защитная реакция (например, «отойди, а то врежу»), а обида возникает в ситуации, когда вы старались угодить человеку, показать себя с лучшей стороны, а он вам «в душу плюнул». Нам нужно того человека, в отношении которого чаще всего возникал именно гнев». Ответить на этот вопрос смогли 458 человек (82,5%).

№ 22а. «Тот, кто вызывал гнев, – Доминирующий». Если взрослый член семьи, в отношении которого у испытуемого был максимальный гнев, это Доминирующий, ставилась единица.

Оказалось, что у 410 человек (89,5%) из 458, сумевших выделить в своей семье такое лицо, в отношении которого у них был гнев, таковым является никто иной как Доминирующий. Результат является статистически значимым: $\chi^2 = 286,122$; $p < 0,001$.

№ 23. «Оцените по трехбалльной шкале степень этого чувства, где 1 – минимальный уровень, 2 – средний, 3 – сильный. (Единицу мы ставим, если хотим подчеркнуть, что гнева практически не было)».

100% здесь – это 458 человек, которые ответили положительно на вопрос 22 (т.е. у них было чувство гнева по отношению к кому-то из родственников). Ответ дали 266 человек (58%), остальные 192 (42%) затруднились.

Количество тех, которые сумели оценить степень гнева в отношении Доминирующего, значительно превышает количество тех, которые не оценили, $\chi^2 = 11,956$; $p = 0,001$

Из 266 человек, сумевших оценить степень гнева в отношении Доминирующего, 190 (71%) оценили его на 3 балла! На 2 балла оценили свой гнев 11 и на 1 балл – 65 человек (24%). Таким образом, отношения ребёнка с Доминирующим чаще бывают весьма напряжёнными.

Количество тех, кто оценил степень гнева на 3 балла, статистически значимо превышает количество тех, кто оценил степень гнева на 1 и 2 балла; $\chi^2=190,158$; $p \square 0,001$.

К кому ребёнок испытывал максимальное сочувствие?

Следующий вопрос, с одной стороны, проверяет гипотезу о том, что из всех членов семьи наибольшую жалость ребёнок, как правило, испытывает к Подчинённому.

№ 24. «Назовите того взрослого члена семьи, которого вам в возрасте до 14 лет было жалко (вы хотели облегчить его жизнь, помочь ему)». Ответы дали 275 человек. Далее было подсчитано, у скольких испытуемых тот человек, к которому они чаще испытывали чувство жалости, это Подчинённый. Оказалось, что жалость у 264 испытуемых (96%!) вызывал именно Подчинённый, и только у 11 (4%) это был кто-то другой, причём лишь в 8 случаях этой личностью являлся Доминирующий. Результат является статистически значимым: $\chi^2=232,760$; $p \square 0,001$.

Следующий вопрос направлен на выявление конфликта ребёнка с Доминирующим из-за Подчинённого.

№ 25. «Этого человека было жалко потому, что тот страдал из-за действий Доминирующего».

Утвердительно ответили 144 человека (52%) из 275 (т.к. только 275 испытуемым из 555 было жалко кого-то из родственников, см. вопрос № 24). Таким образом, 52 % опрошенных имеют определённый конфликт с Доминирующим из-за того, что Доминирующий каким-то образом огорчал того, кого жалко. В свою очередь, тот, кого жалко, в 96 % случаев являлся Подчинённым.

Отметим, что вопрос 24 может служить дополнительной проверкой того, что Подчинённый выявлен правильно. В случае, когда определение того, кто из родителей является Доминирующим, а кто Подчинённым, затруднено, этот вопрос позволяет внести ясность. Предполагается, что чувство жалости к Доминирующему – явление чрезвычайно редкое: в отношении Доминирующего у ребёнка чаще возникает гнев (что и подтверждают результаты по вопросам № 22, 22а и 23). Конечно, во взрослом возрасте может произойти переоценка того, кто был настоящим «кукловодом» и, соответственно, может возникнуть жалость к Доминирующему, который на самом деле мог быть объектом манипуляций со стороны Подчинённого или кого-то другого из родственников, но подчеркнём, что мы рассматриваем именно чувства, возникавшие в детском возрасте (до 14 лет), потому что именно они сформировали характер испытуемого, и более поздняя его оценка событий детства мало на что влияет.

Чьей системе движений подражал ребёнок?

Следующий вопрос направлен на проверку гипотезы, что ребёнок подражает системе движений Доминирующего, а не кого-то другого.

№26. «На кого в семье вы были похожи по системе движений (мимике, жестикуляции, походке), дикции, манере себя вести (возможно, вам говорили об этом окружающие)?» Ответили 322 человека (58%). Остальные 233 (42%) не знают,

на кого они похожи.

Далее отмечалось, если тем взрослым членом семьи, на которого испытуемый был похож по системе движений, являлся Доминирующий. Оказалось, что из 322 человек, ответивших на этот вопрос, систему движений Доминирующего копирует 288 человек (89%)! Результат статистически значимый: $\chi^2=200,360$; $p < 0,001$.

Не похожи системой движения на Доминирующего только 34 человека (11%), причём только 12 человек из этих 34 считают, что похожи системой движений на Подчинённого. Данные результаты показывают, что в случае, когда испытуемый затрудняется указать, кто из его родственников является Доминирующим, а кто Подчинённым, следует задать вопрос, на кого из этих двоих он (по его мнению, и по мнению окружающих) похож своими движениями. Иначе говоря, этот вопрос может служить в качестве проверки того, правильно ли определены Доминирующий и Подчинённый.

Какие типажи мужчин вызывают наибольшее возмущение?

Следующий вопрос задавался с целью проверить, как пол Доминирующего влияет на отношение к мужчинам.

№ 27. «**Какого типа мужчины вам не нравятся, вызывают гнев?**» Такой типаж сумели описать 276 человек. Остальные заявили, что такого типажа мужчин, который бы их раздражал и вызывал чувство возмущения и гнева, у них нет.

Далее задавался уточняющий вопрос: «**Не было ли у вас родственника, которому было свойственно такое неприятное поведение?**» Если испытуемый отвечал, что описал, по сути, поведение своего Доминирующего или Подчинённого, это отмечалось в соответствующих столбцах таблицы («Мне не нравятся такие мужчины, как Доминирующий» или «Мне не нравятся такие мужчины, как Подчинённый»).

Как уже было сказано, таких, кого вообще раздражает хоть какой-то тип мужчин, было 276 человек. Их разделили на тех, у кого мужчина в семье являлся Доминирующим, и тех, у кого мужчина был Подчинённым, и исключили пятерых, которые не указали пол Доминирующего в связи с тем, что в их семьях на роль Доминирующего претендовали два человека разного пола. Таким образом, 100% испытуемых в данном пункте исследования – это 271 человек.

Далее те, у кого Доминирующим являлась женщина, и те, у кого Доминирующим являлся мужчина, рассматривались совместно на предмет того, как пол Доминирующего влияет на отношение к мужчинам.

Полученные данные говорят о том, что испытуемые обоих полов, у которых Доминирующим являлась женщина, редко имеют глубокую, идущую с детства неприязнь к мужчинам: 6,8% среди них осуждают мужчин, которые напоминают им Доминирующую-женщину, и 18,2% – мужчин, напоминающих того человека, который играл в их семье роль Подчинённого. Иначе говоря, тем, у кого мужчина в семье был Подчинённым, не нравятся скорее «слабые» мужчины.

Совершенно иная картина наблюдается у испытуемых обоих полов, у которых Доминирующим являлся мужчина: 54,7% из них отмечают, что им не нравятся мужчины, напоминающие их Доминирующего (т.е. «сильные» мужчины), и только 1,4% указывают, что им не нравятся мужчины, напоминающие Подчинённого («слабые» мужчины).

Результат статистически значим: $\chi^2=80,325$; $p \leq 0,001$.

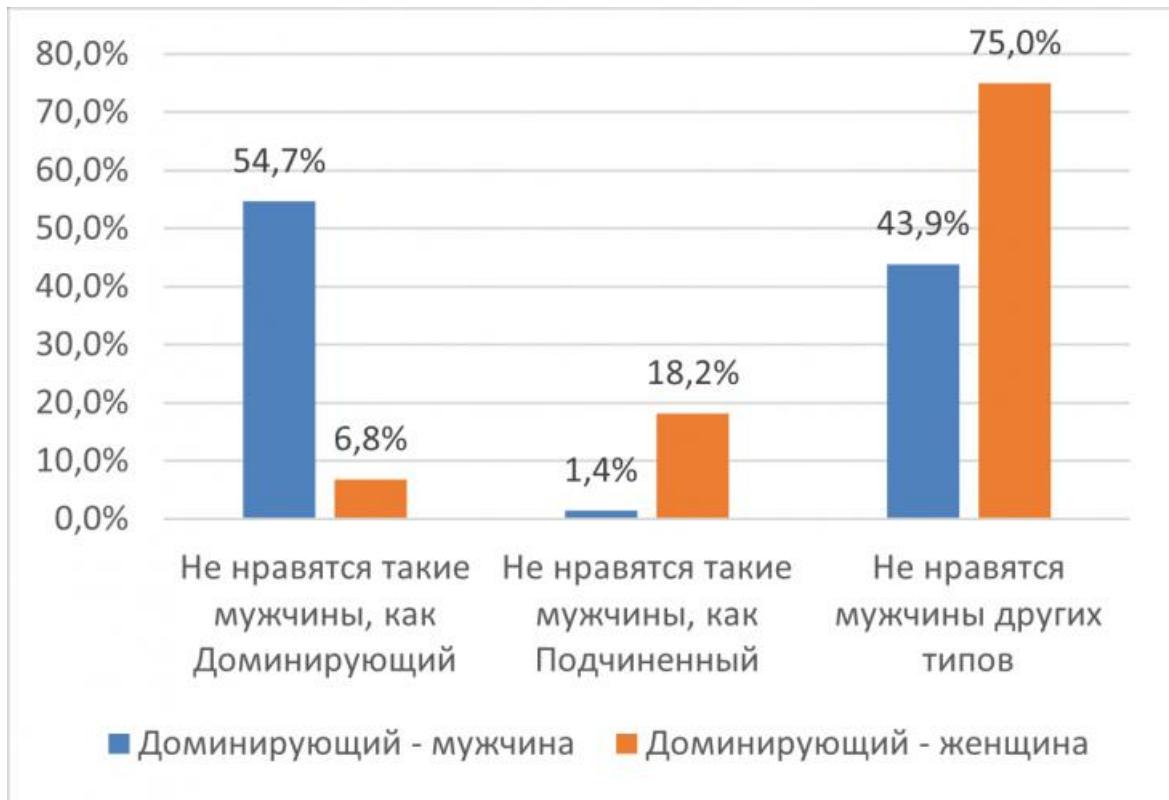

Рис. 1. Отношение к мужчинам в зависимости от пола Доминирующего

Illustration 1. Attitude towards men depending on the gender of the Dominant

Если в качестве неприятного поведения испытуемый описывал преимущественно «активные» качества, подразумевающие, что человек ведёт себя по отношению к окружающим наступательно (контролирует, ведёт себя высокомерно, обесценивает, угрожает и т.п.), в специальной графе отмечалось, что испытуемому не нравятся мужчины с наступательным поведением. Далее неприязнь к мужчинам с наступательным поведением сопоставлялась с полом Доминирующего.

В результате выяснилось, что среди тех испытуемых обоих полов, у которых мужчина являлся Доминирующим, 71,9% питают неприязнь к мужчинам с наступательным поведением. Что касается тех испытуемых обоего пола, у которых Доминирующим была женщина, неприязненно относятся к мужчинам с наступательным поведением только 48,5%. Эти различия являются статистически значимыми: $\chi^2=15,592$; $p \leq 0,001$.

Рис. 2. Отношение к наступательному положению у мужчин в зависимости от пола Доминирующего

Illustration 2. Attitude to the offensive position in men depending on the gender of the Dominant

Какие типажи женщин вызывают наибольшее возмущение?

Аналогичный вопрос задавался с целью проверить, как пол Доминирующего влияет на отношение к женщинам.

№ 28. «**Какого типа женщины вам не нравятся, вызывают гнев?**» Типаж женщины, вызывающей гнев, смогли описать 272 человека. Остальные сказали, что какого-то женского типажа, который бы их раздражал, у них нет.

Как и в предыдущем случае, задавался вопрос: «**Не было ли у вас родственника, которому было свойственно такое неприятное поведение?**» Если испытуемый отвечал, что описал поведение своего Доминирующего или Подчинённого, это отмечалось в соответствующих столбцах таблицы («Мне не нравятся такие женщины, как Доминирующий» или «Мне не нравятся такие женщины, как Подчинённый»).

Всех ответивших разделили на тех, у кого женщина – Доминирующий, и тех, у кого женщина – Подчинённый, и исключили шестерых, которые не указали пол Доминирующего в связи с тем, что в их семьях доминировали два человека разного пола. Итого, 100% испытуемых здесь – это 266 человек.

38,8% испытуемых обоего пола, у которых Доминирующим являлась женщина, испытывает гнев в отношении женщин, поведение которых напоминает им женщины, являвшуюся Доминирующим лицом. Что касается испытуемых обоего пола, у которых Доминирующим являлся мужчина, только 0,9% из них испытывают гнев в отношении женщин, похожих по поведению на их Доминирующего.

39,5% испытуемых обоего пола, у которых Доминирующим являлся мужчина, испытывают негодование в отношении женщин, которые похожи на их Подчинённого. В своих пояснениях, зафиксированных в текстовых примечаниях, испытуемые поясняли, что в детстве их раздражала излишняя пассивность, покорность, отсутствие самоуважения у женщины-Подчинённого, которая слишком подчинялась Доминирующему.

Результаты являются статистически значимыми: $\chi^2=89,581$; $p \leq 0,001$.

Рис. 3. Людям обоего пола, у которых Доминирующими являлась женщина, чаще не нравятся женщины, напоминающие им Доминирующего

Illustration 3. People of both sexes, whose Dominant was a woman, more often do not like women who remind them of the Dominant

Если в качестве неприятного поведения испытуемый описывал преимущественно «активные» качества, подразумевающие, что человек ведёт себя по отношению к окружающим наступательно (контролирует, ведёт себя высокомерно, обесценивает, угрожает и т.п.), в специальной графе отмечалось, что испытуемому не нравятся женщины с наступательным поведением. Далее неприязнь к женщинам с наступательным поведением сопоставлялась с полом Доминирующего. Напомним, что 100% здесь – это 266 человек.

Результаты показывают, что испытуемым, у которых Доминирующим являлась женщина, чаще не нравятся женщины с наступательным поведением, чем испытуемым, у которых Доминирующим является мужчина: 55,3% против 31,6% соответственно.

Статистическая значимость: $\chi^2=14,758$; $p \leq 0,001$.

Рис. 4. Люди обоего пола, у которых Доминирующим являлась женщина, чаще испытывают гнев, когда видят женщину с наступательным поведением

Illustration 4. People of both sexes who have a female Dominant are more likely to experience anger when they see a woman with offensive behavior

Отметим, что вопросы 27–28 могут служить в качестве проверки того, правильно ли определены Доминирующий и Подчинённый, ведь, как показывают результаты, люди того же пола, что Доминирующий, обычно не нравятся за наступательное поведение (например, стремление контролировать окружающих, указывать, высмеивать, обесценивать чужие достижения, угрожать и т.п.), в то время как люди того пола, к которому относится Подчинённый, как правило, вызывают неприязнь из-за своей пассивности (отсутствия собственной позиции, покорности, беспомощности, нежелания развиваться и т.п.).

С кем чаще конфликты – с мужчинами или с женщинами?

Вопросы № 29–30 направлены на проверку гипотезы, что агрессия больше направлена на лиц того пола, к которому относится Доминирующий, в то время как лиц того пола, что Подчинённый, человек склоненоправдывать и не замечать опасности, которая может от них исходить.

№29. «Чаще у меня бывают конфликты с мужчинами. У меня чаще возникает чувство гнева, если непочтительно ко мне ведёт себя мужчина, а не женщина».

№30. «Чаще у меня бывают конфликты с женщинами. У меня чаще возникает чувство гнева, если непочтительно ко мне ведёт себя женщина, а не мужчина».

Ответ 394 человека, остальные затруднились. Гипотеза получила статистически значимое подтверждение: 96,1% опрошенных, у которых Доминирующим была женщина, ответили, что чаще у них возникают конфликтные отношения с женщинами, и 93% тех, у кого Доминирующим являлся мужчина, считают, что чаще они оказываются в конфликте с мужчинами. Статистическая значимость: $\chi^2=314,390$; $p < 0,001$.

В связи с полученными результатами можно утверждать, что вопросы №29–30 могут служить для проверки правильности определения Доминирующего и Подчинённого. Например, если человек считает, что чаще он конфликтует с женщинами, следует

предполагать, что Доминирующим в его семье являлась женщина.

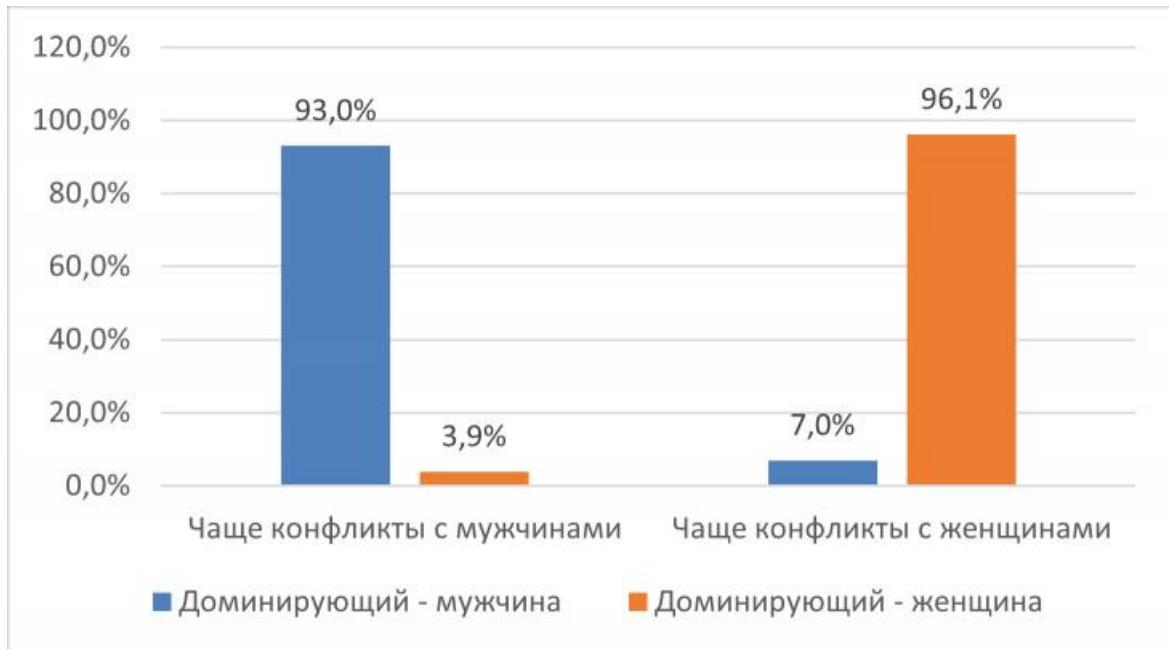

Рис. 5. Мужчины и женщины, у которых Доминирующим являлся мужчина, чаще конфликтуют с мужчинами, а мужчины и женщины, у которых Доминирующим являлась женщина, чаще конфликтуют с женщинами

Illustration 5. Men and women for whom a man was dominant are more likely to conflict with men, and men and women for whom a woman was dominant are more likely to conflict with women

Кому чаще сочувствует – мужчине или женщине?

Следующие вопросы направлены на проверку гипотезы, что жалость и желание прийти на помощь человек чаще испытывает к представителям того пола, к которому относился Подчинённый. Предлагалось выбрать один из двух вариантов:

№ 31. «**Я чаще испытываю жалость и желание прийти на помощь к мужчине, чем к женщине**»

№ 32. «**Я чаще испытываю жалость и желание прийти на помощь к женщине, чем к мужчине**».

Гипотеза получила статистически значимое подтверждение: 95,4% тех, у кого Подчинённым являлся мужчина, склонны помогать мужчинам, а 92,2% тех, у кого Подчинённый женщина, предпочитают больше помогать женщинам. Статистическая значимость: $\chi^2=234,677$; $p<0,001$. Таким образом, данный вопрос может служить в качестве проверки, правильно ли определён Подчинённый.

Рис. 6. Лица обоего пола, у которых Подчинённый являлся мужчиной, чаще сочувствуют мужчинам, а мужчины и женщины, у которых Подчинённым являлась женщина, чаще сочувствуют женщинам

Illustration 6. Persons of both sexes whose Subordinate was a man more often sympathize with men, and men and women whose Subordinate was a woman more often sympathize with women

Что будет, если пол ребёнка совпадает с полом Подчинённого?

Следующее утверждение по понятным причинам предлагалось подтвердить или опровергнуть только женщинам.

№35. «**Мне неприятно быть человеком моего пола потому, что такого пола был Подчинённый в моей семье**». Положительно ответили на данный вопрос 59 женщин из 348.

Далее положительные ответы на вопрос № 35 были сопоставлены с положительными ответами на вопрос №17 («Подчинённый был в семье значительно ниже по положению, чем Доминирующий»). Увердительно ответила 61 женщина.

Те 59 женщин, которым неприятно, унизительно быть женщинами, подразделяются на две группы: 24 человека (39,3%), у которых Подчинённый был в семье значительно ниже по положению, чем Доминирующий, и 35 человек (12,2%), у которых Подчинённый не был «человеком второго сорта».

Вывод: среди тех женщин, которые указали, что их Подчинённый был значительно ниже по положению, чем Доминирующий, больше таких, которым неприятно являться лицом женского пола потому, что такого пола был Подчинённый в их семье. Статистическая значимость: $\chi^2=26,336$; $p \square 0,001$.

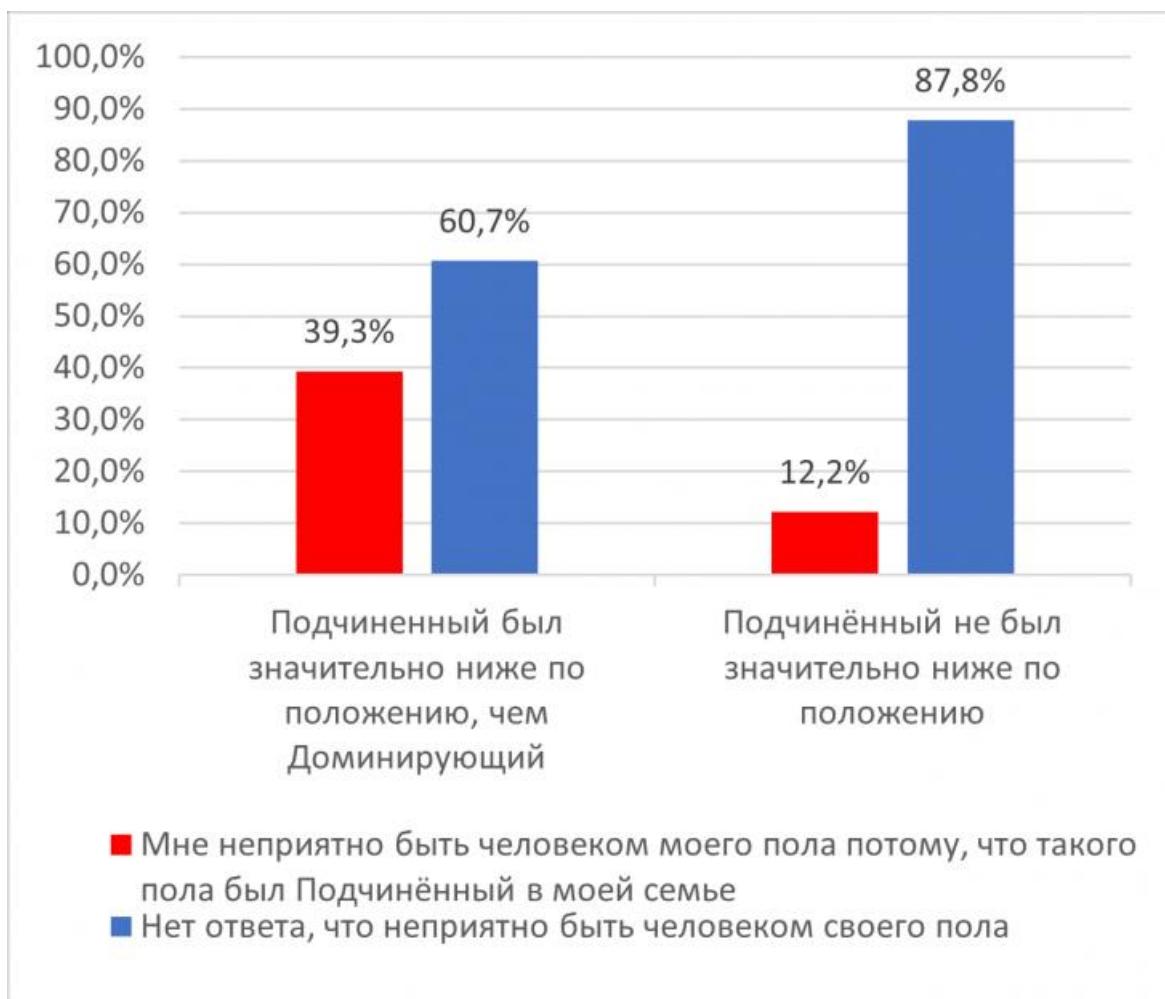

Рис. 7. Гендерная дисфория у женщин, Подчинённый у которых являлся лицом женского пола, чаще встречается в том случае, когда Подчинённый был значительно ниже по положению, чем Доминирующий

Illustration 7. Gender dysphoria in women whose subordinate was female is more common when the subordinate was significantly lower in position than the dominant

Какие имеет убеждения о положении лиц того или иного пола?

Следующий вопрос направлен на проверку гипотезы, что, глядя взаимоотношения на Доминирующего и Подчинённого, человек думает, что все люди того пола, к которому относится Доминирующий, склонны управлять и имеют преимущества для этого, а все люди того пола, к которому относится Подчинённый, предрасположены к тому, чтобы быть ведомыми.

№36. «**Мне кажется, что люди того пола, к которому относится Доминирующий, делают то, что им нужно, и «правят миром», а люди того пола, что Подчинённый, склонны им прислуживать».** Положительные ответы на этот вопрос (85 человек) были сопоставлены с выраженной доминированием, которое было оценено с помощью вопросов № 8–11 от 0 до 4 баллов, и степенью агрессивности Доминирующего, также оценённой от 0 до 4 баллов с помощью вопросов №12–15.

Выяснилось, что те испытуемые, которые положительно ответили на вопрос № 36, в среднем оценивают выраженную доминированием их Доминирующего на 3,09 баллов, а те, которые не дали положительного ответа, оценивают степень доминирования своего Доминирующего на 2,34 балла. Что касается степени агрессивности Доминирующего, те,

которые положительно ответили на вопрос 36, оценивают её в среднем на 1,62 балла, а те, которые не дали положительного ответа, оценивают степень агрессивности своего Доминирующего в среднем на 0,74 балла. Таким образом, выраженность доминирования и степень агрессивности Доминирующего действительно внушают ребёнку мысль, что люди того пола, к которому относится Доминирующий, имеют больше возможностей для управления людьми того пола, к которому относится Подчинённый.

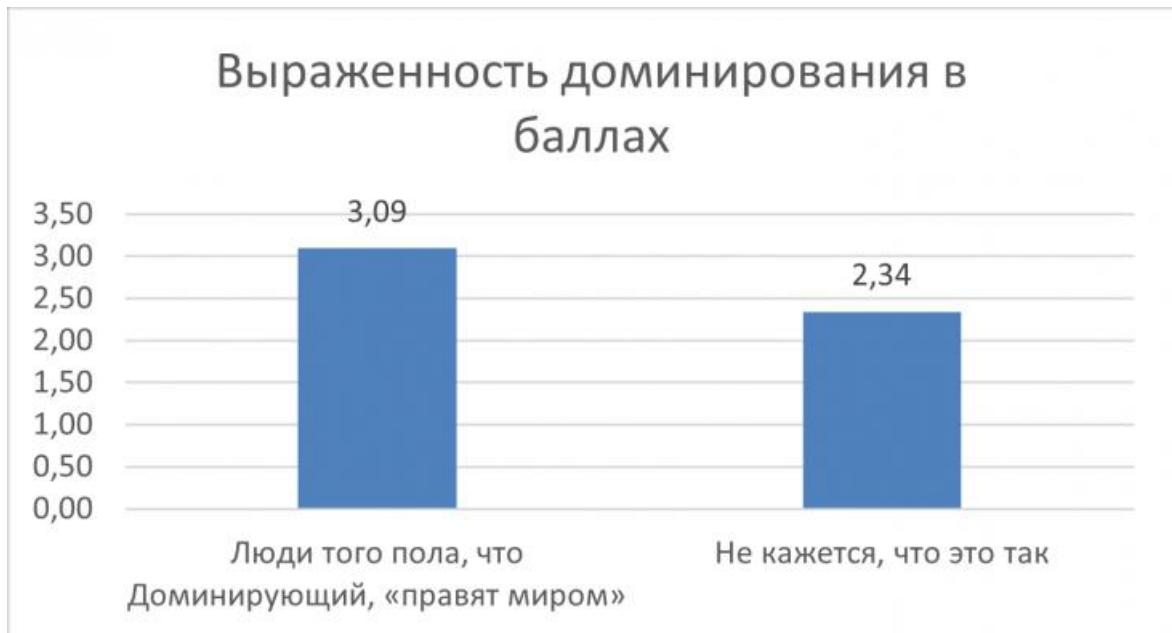

Рис. 8. Мнение, что люди того пола, к которому относился Доминирующий, «правят миром», чаще встречается у тех мужчин и женщин, которые оценили доминирование этого лица в семье как явно выраженное (в среднем на 3,09 баллов)

Illustration 8. The opinion that people of the dominant gender “rule the world” is more common among those men and women who rated the dominance of this person in the family as clearly expressed (by an average of 3.09 points)

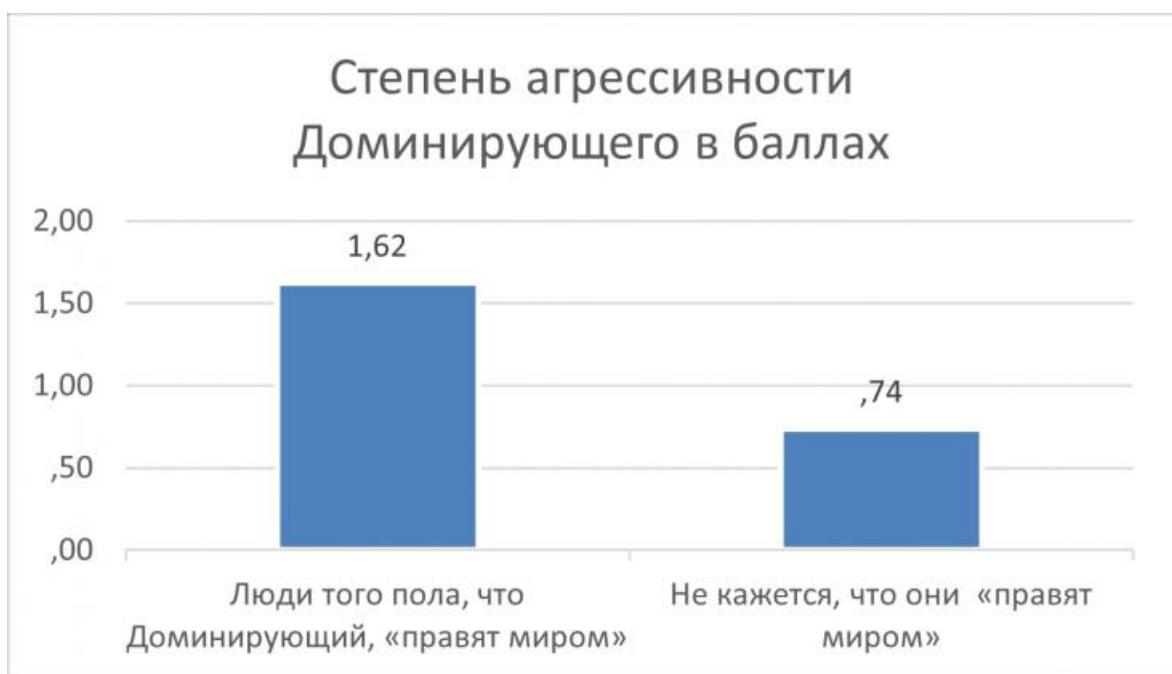

Рис. 9. Мнение, что люди того пола, к которому относился Доминирующий, «правят миром», чаще встречается у тех мужчин и женщин, которые оценили степень агрессивности этого лица в семье как более высокую (в среднем на 1,62 балла)

Illustration 9. The opinion that people of the dominant gender "rule the world" is more common among those men and women who rated the degree of aggressiveness of this person in the family as higher (by an average of 1.62 points)

Кого чаще критикует – мужчин или женщин?

№37. «**Я больше критикую представителей того пола, к которому относится Доминирующий».**

Положительные ответы дали 311 человек обоего пола (56%), не подтвердили 244 (44%). Результат является статистически значимым: $\chi^2=8,088$; $p=0,004$.

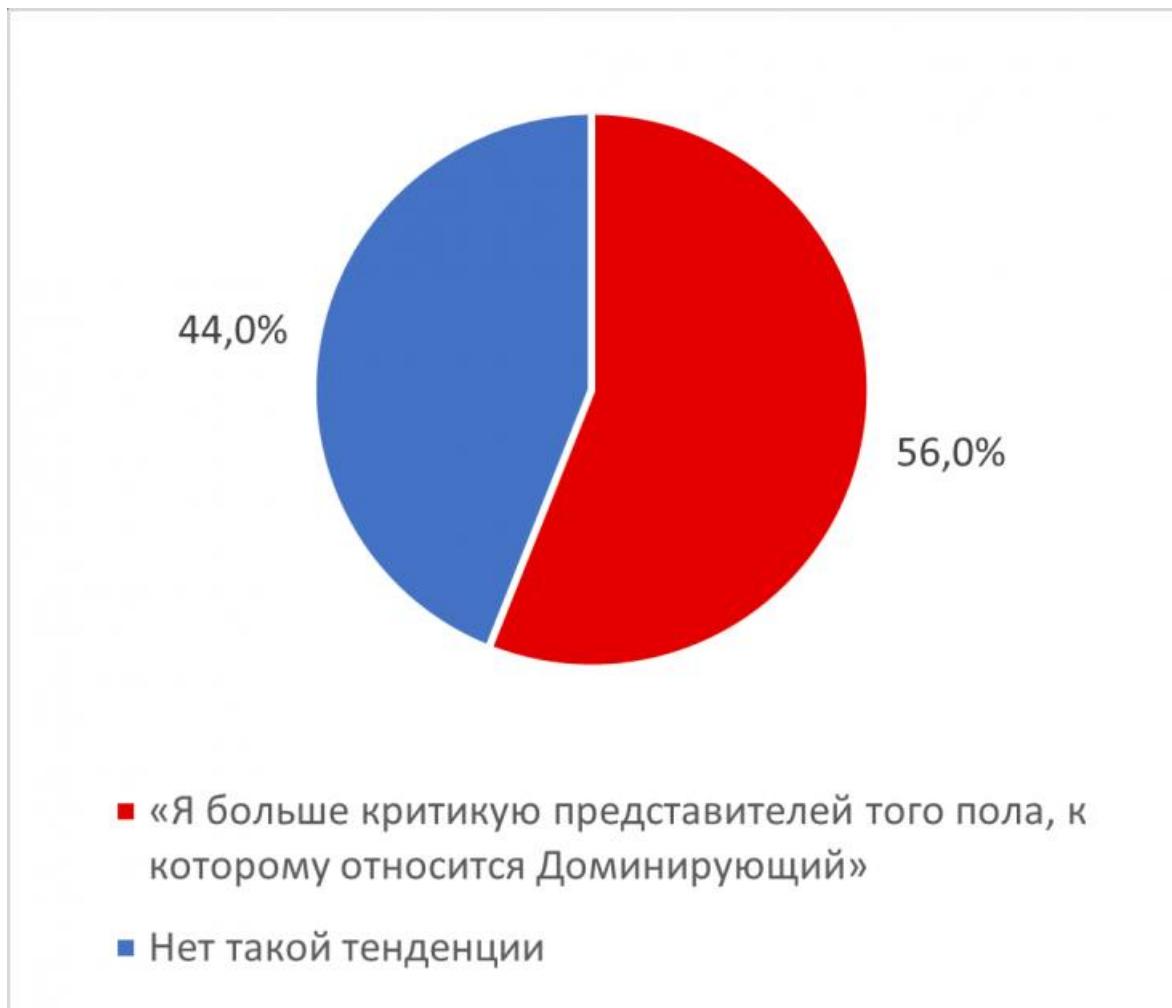

Рис. 10. Люди обоего пола чаще критикуют лиц того пола, которого был Доминирующий

Illustration 10. People of both sexes more often criticize people of the dominant sex

№38. «**Я более снисходителен к людям того пола, к которому относится Подчинённый, они кажутся мне более слабыми и безобидными».**

100% в данном случае – это 507 человек, поскольку у 48 человек Подчинённого не было. Положительные ответы дали 54,8%, и 45,2 % не ответили. Результат является статистически значимым: $\chi^2=4,736$; $p=0,030$. Поэтому вопросы №37–38 могут служить для проверки того, правильно ли определены Доминирующий и Подчинённый.

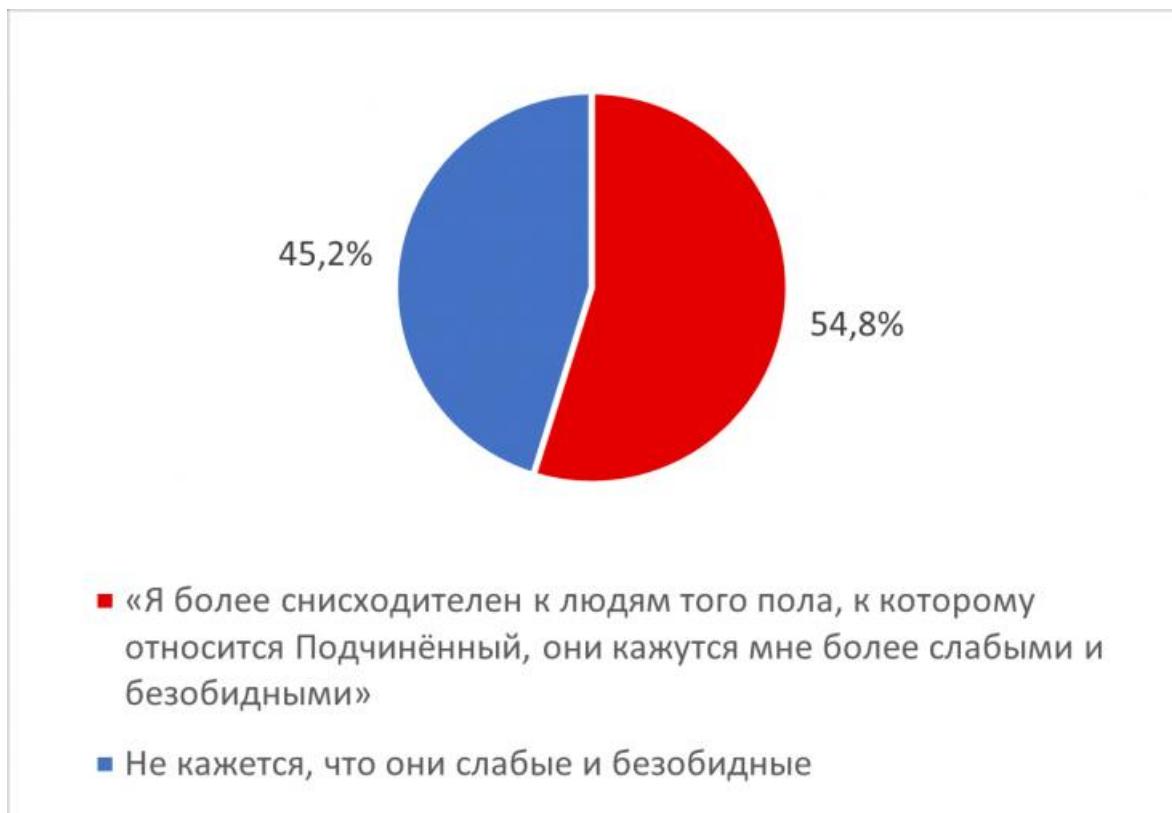

Рис. 11. Люди обоего пола чаще оценивают лиц того пола, к которому относился Подчинённый, как слабых и безобидных

Illustration 11. People of both sexes more often evaluate people of the same sex as the Subordinate as weak and harmless

Какие особенности личности Доминирующего создают риск алкоголизма и наркомании для ребёнка?

Всем участникам исследования предлагался вопрос №41 «**Я употреблял(а) наркотики или имел(а) зависимость от алкоголя**». Положительно ответили 63 человека (11%).

Далее этим 63 участникам задавались вопросы 42–46, целью которых была проверка гипотезы о трёх основных предпосылках алкоголизма и наркомании, связанных с особенностями личности Доминирующего. Таким образом, 63 человека – это 100% для вопросов № 42–46.

Вопрос № 42 направлен на проверку гипотезы, что причиной алкоголизма и наркомании зачастую является протест против контроля, т.к. пьяного человека контролировать невозможно в принципе.

№42. «**Мой Доминирующий чрезмерно контролировал меня**». Таких оказалось 35 человек (55,5%).

№43. «**Мой Доминирующий употреблял алкоголь или наркотики**». Давших положительный ответ было 29 человек (и они, в свою очередь, представляют собой 100% для вопросов № 44–45).

Цель вопросов № 44–45 – понять, ослаблял алкоголь Доминирующего или делал его «сильнее» в глазах ребёнка.

№44. «**Когда мой Доминирующий употреблял алкоголь или наркотики, то словно**

становился сильнее, агрессивнее, страшнее».

№45. «Когда мой Доминирующий употреблял алкоголь или наркотики, то становился слабее (тихо ложился спать, жаловался на дурноту)».

Предполагается, что в первом случае (Доминирующий – «буйно пьющий») у ребёнка может возникнуть желание подражать, ведь получалось, что употребление спиртного даёт власть над окружающими, которых охватывает страх. Предполагается также, что во втором случае желания подражать возникнуть не может, поскольку в пьяном виде Доминирующий выглядел не грозным, а жалким. (Более того, логично предположить, что жалкий вид Доминирующего в состоянии алкогольного опьянения может натолкнуть ребёнка на мысль, что способом стать сильнее Доминирующего может стать трезвость).

Результат свидетельствует в пользу вышеприведённой гипотезы: оказалось, что «или буйно» все 29 Доминирующих, злоупотреблявших наркотиками или алкоголем, то есть «тихо пьющих» среди них не оказалось!

Вопрос №46 направлен на проверку гипотезы, что если Доминирующий сам не пил, но безуспешно боролся с пьянством или наркоманией какого-то другого человека, то ребёнок мог воспринимать того, кто таким способом вызывал у Доминирующего чувство беспомощности, в качестве победителя, и начать подражать ему.

№46. «Мой Доминирующий безуспешно боролся с пьянством какого-то другого члена семьи и был в ярости из-за того, что ничего из этого не получается». Таких оказалось 17 человек (27%) из 63 (опрашивались и те участники, Доминирующие которых сами злоупотребляли алкоголем, поскольку пьющие люди, несмотря на собственное поведение, зачастую пытаются бороться с зависимостью у других).

Нижеприведённая таблица показывает, какие факторы, предположительно предрасполагающие к развитию зависимости, наиболее часто встречаются у 63 опрошенных, злоупотреблявших алкоголем или наркотиками:

Таблица 3

Факторы, предшествовавшие зависимости	Количество выборов такого ответа
Доминирующее лицо, отличавшееся гиперконтролем (№42)	35
Доминирующий не просто злоупотреблял алкоголем или наркотиками, а казался в этом состоянии более сильным, чем обыкновенно (№44)	29
Доминирующий безуспешно боролся с чьей-то зависимостью (№46)	17
	Итого: 81 выбор

Далее приведена таблица, демонстрирующая, как распределился этот 81 выбор: 46 человек указали наличие 1 фактора, 14 – наличие двух факторов и 6 – целых трёх одновременно, и только один человек не указал ни одного. Тем не менее, это исключение тоже подтверждает гипотезу о влиянии личности Доминирующего на отношение ребёнка к алкоголю. Сильно пьющими были и Доминирующий (отец), и Подчинённый (мать) этого человека, причём его мать скончалась от алкоголизма в молодом возрасте. Казалось бы, ребёнок при таких обстоятельствах должен иметь

отвращение к спиртному, но случилось наоборот. Дело в том, что Доминирующее лицо хвасталось тем, что может пить рюмку за рюмкой, но оставаться при этом на ногах и якобы сохранять контроль за происходящим. Смерть матери, с которой отец к тому времени давно не жил, была прокомментирована им примерно следующим образом: «Слабачка – пить не умеет, тренировки нет, не то, что я». «Вот я и начал понемногу тренироваться, чтобы не отстать от отца своего. Стыдно мне было, что я не такой «супермен», как он, а теперь как бросить, не знаю», – объяснил мужчина.

Таблица 4

Кол-во причин	Кол-во человек	В процентах
0	1	1,59%
1	46	73.1%
2	14	22,22%
3	6	9,52%

Каков общий принцип выбора профессии?

Вопросы №51–54 задавались с целью проверить гипотезы, объясняющие логику профессионального выбора.

С помощью комплекса вопросов этого раздела проверялись следующие гипотезы:

- люди склонны выбирать такую профессию, чтобы она давала возможность возвыситься над Доминирующим (см. вопросы №51–52);
- профессия должна одновременно удовлетворять двум требованиям: давать возможность успешно конкурировать с людьми того пола, что Доминирующий, и получать одобрение и восторг от людей того пола, к которому относился Подчинённый (см. вопрос №53);
- ребёнок не склонен прислушиваться к советам Подчинённого относительно профессии, которую ему следует выбрать (см. вопрос №54).

№51. «Мне не нравится моя профессия, так как она не позволяет мне возвыситься над Доминирующим». Таких 85 человек (15,31%) из 555.

№52. «Мне нравится моя профессия, так как она позволяет мне возвыситься над Доминирующим». Таких было 80 человек (14,41%) из 555.

Вопросы №51–52 рассматривались совместно, поскольку оба показывают связь между любовью или нелюбовью к профессии с тем, помогает ли эта профессия превзойти Доминирующего. Поскольку в сумме 165 (29,72%) участников ответили на данные вопросы положительно, можно констатировать, что почти 30% испытуемых совершенно сознательно конкурируют с Доминирующим, сопоставляя своё занятие с его работой!

№53. «Мне понравилась бы такая профессия, чтобы я с её помощью мог успешно бороться, конкурировать с людьми того пола, что Доминирующий, и при этом получать одобрение людей того пола, что Подчинённый». Данный вопрос задавался только 170 испытуемым, обратившимся именно по поводу профориентации. Положительные ответы дали 126 (74,11%) человек! Этот результат является статистически значимым: $\chi^2=39,553$; $p\Box 0,001$.

Причина, по которой ребёнок не хочет следовать советам Подчинённого

№54. «Я не хочу выполнять предписания (насчёт профессии, образа жизни, выбора супруга и т.д.), которые давал мне Подчинённый». Этот вопрос тоже задавался только 170 испытуемым, обратившимся именно по поводу профориентации. Положительный ответ дали 97 человек (57%) из 170.

Ответы на вопрос №54 были сопоставлены с положительными ответами на вопросы №18(«Подчинённый всегда подчинялся Доминирующему») и №24а («Тот взрослый член семьи, которого мне в возрасте до 14 лет было жалко (мне хотелось облегчить его жизнь, помочь ему) – это Подчинённый»), которые свидетельствуют об осознании ребёнком более низкого положения Подчинённого в семейной иерархии.

В результате выявились достоверные различия и по вопросу №18 ($\chi^2=5,657$; $p=0,017$), и по вопросу 24а ($\chi^2=6,737$; $p=0,009$). Положительно отвечавшие на вопросы №18 и №24а, чаще отвечали положительно и на вопрос №54, т.е. подтвердившие, что их Подчинённый всегда подчинялся Доминирующему, и указавшие, что в возрасте до 14 лет они испытывали к Подчинённому жалость, чаще избегают следовать советам Подчинённого относительно профессии, образа жизни, выбора супруга и других вещей.

Рис. 12. Чаще не хотят следовать предписаниям Подчинённого те мужчины и женщины, у которых Подчинённый всегда подчинялся Доминирующему

Illustration 12. More often those men and women whose Subordinate has always obeyed the Dominant do not want to follow the instructions of the Subordinate

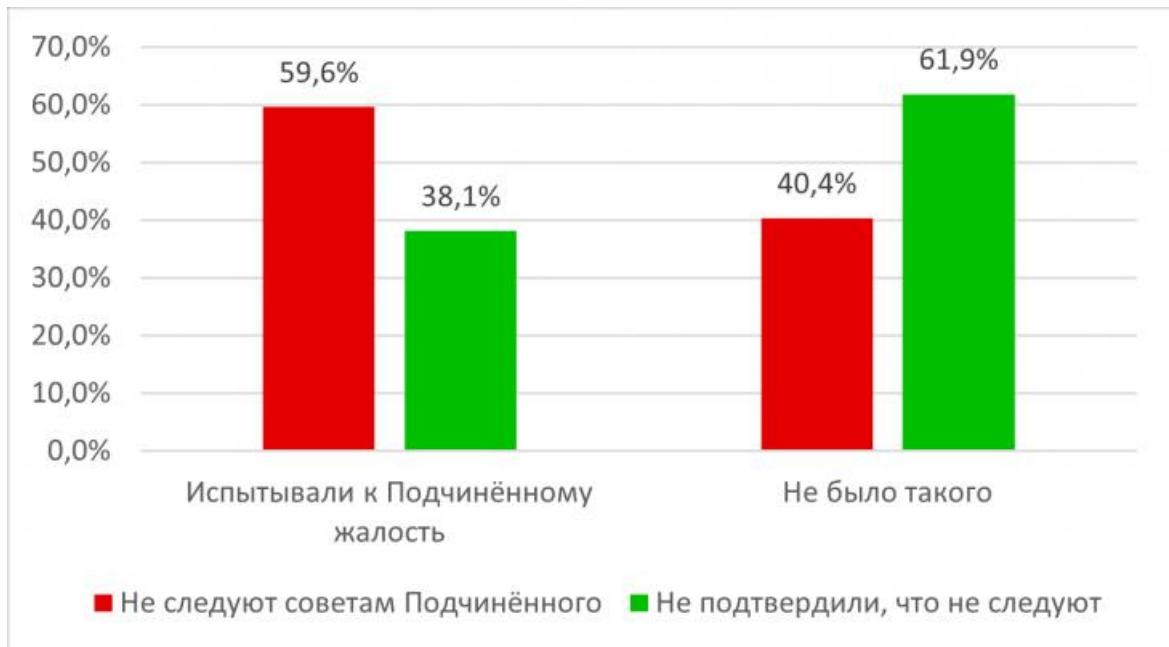

Рис. 13. Чаще не хотят следовать предписаниям Подчинённого мужчины и женщины, указавшие, что тот взрослый член семьи, которого им в возрасте до 14 лет было жалко, это Подчинённый

Illustration 13. More often, men and women do not want to follow the instructions of the Subordinate, indicating that the adult family member whom they felt sorry for under the age of 14 is the Subordinate

Какой информацией о Доминирующем пользуется человек, чтобы выбрать профессию и супруга?

Вопросы №55–70 направлены на проверку гипотез, связанных с логикой не только профессионального, но и брачного выбора. Проверялось предположение, что ребёнок с чрезвычайным вниманием относится к информации, которая может дать ему подсказку, каким образом он сможет возвыситься над своим Доминирующим. Обобщающая гипотеза заключается в том, что *ключевой жизненной задачей человека является стремление возвыситься над своим Доминирующим, и супруга он выбирает такого, который будет способствовать этому возвышению.*

Эта обобщающая гипотеза подразделяется на следующие частные гипотезы:

- если ребёнок знает, какая несбывшаяся мечта была у его Доминирующего (вопрос №55), он будет пытаться её осуществить (вопрос №56), а также будет искать сближения с человеком, которому удалось осуществить то, что не удалось Доминирующему (вопрос №75);
- если известно, кого уважал Доминирующий, кем восхищался, перед кем, быть может, благоговел (вопрос №57), ребёнок будет стремиться стать таким, как тот, кем восторгался Доминирующий (вопрос №58), а также захочет вступить в брак с человеком, который обладает качествами, которыми восторгался Доминирующий (вопрос №76);
- если известно, кому завидовал Доминирующий (вопрос №59), то ребёнок с большой долей вероятности захочет достичь тех же успехов, что и тот, кому завидовал Доминирующий (вопрос №60), а также будет стремиться к вступлению в брак с человеком, который имеет те умения и качества, которым завидовал Доминирующий (вопрос №77);

- если известно, людей какого типа Доминирующий презирал, считал слабыми и жалкими, ребёнок не захочет попадать в эту категорию и не захочет вступить в брак с человеком такого типа (вопросы №61, 62, 78);
- если Доминирующий кого-то или чего-то боялся (вопрос №63), то ребёнок будет стараться не бояться этого или станет заниматься вещами, которые могли бы напугать Доминирующего (вопрос №64); также он будет стремиться к сближению с человеком, который не боится того, чего боялся Доминирующий или занимается вещами, которые могли бы напугать Доминирующего (вопрос №79);
- если известно, от чего Доминирующий разъярялся, впадал в панику (вопрос №65), ребёнок будет стремиться делать то, что могло бы вызвать панику Доминирующего (вопрос №66), а также будет тяготеть к браку с человеком, ведущим себя таким образом, что это могло бы вызвать ярость Доминирующего (вопрос №80);
- если Доминирующий чем-то гордился, ставил нечто себе в заслугу (вопрос №67), то велика вероятность, что ребёнок захочет развить эти качества и в себе (вопрос №68), а также будет ценить таковые в своём супруге (вопрос №81);
- если ребёнку известно о человеке, который сумел каким-то образом возвыситься над Доминирующим (например, тот открыто критиковал Доминирующего, смеялся над ним или превзошёл его в чём-либо, особенно если это вызвало досаду Доминирующего, см. вопрос №69), то велика вероятность, что ребёнок будет брать пример с этой личности (вопрос №70), а также будет искать похожего человека для вступления с ним в брак (вопрос №82), поскольку именно с таким он сможет возвыситься над своим Доминирующим.

Ниже приведены ответы, демонстрирующие, насколько люди располагают вышеуказанной информацией о своих Доминирующих, и показывающие, какая доля овладевших такой информацией использует её для формирования в себе качеств, позволяющих возвыситься над Доминирующим с помощью неё. Что касается ответов, связанных с выбором супруга, мы рассмотрим их в следующих разделах.

№55. «Какие мечты были у Доминирующего, которые тот не смог осуществить? Например, он мог иметь намерение получить какое-то образование, устроиться на какую-то работу, стать богатым, написать книгу, прославиться, куда-то переехать и т.п.». Хотя бы одну несбывшуюся мечту своего Доминирующего смогли назвать 127 человек (23% от 555), и это количество представляет собой 100% для следующего вопроса (№56).

№56. «Я бы хотел совершить то, о чём мечтал Доминирующий, но ему это не удалось». Таких оказалось 112 (88,2%) из 127.

№57. «Кого уважал Доминирующий, кем он восхищался, перед кем, быть может, благоговел (возможно, у него были кумиры?). Это могут быть как люди из «ближнего круга» (родственники и знакомые), а могут быть «медийные личности» (те, о которых Доминирующий узнал из СМИ), герои художественных произведений, писатели, режиссёры, актёры, учёные, телеведущие, исторические деятели, политики и т.д.»

Хотя бы одну личность или хотя бы один тип личности (качество, уважаемое Доминирующим), сумели назвать 168 участников (30% от 555), и это количество представляет собой 100% для следующего вопроса (№58).

№ 58. «Я хочу иметь такие успехи, как у того человека, которым восторгался Доминирующий». Положительно ответил 121 испытуемый (72%) из 168.

№ 59. «Кому завидовал Доминирующий? Зависть зачастую проявляется, когда человек рассказывает о тех, с кем он учился или работал («А Вася-то Пупкин был двоичником, а теперь в Обладминистрации работает!») или когда следит за кем-то в соцсетях. Зависть может маскироваться и под осуждение («Ишь, наворовал, как богато живёт!»). Зависть не всегда сопровождается пожеланием кому-либо неудач, это может быть всего лишь похвальное стремление подражать чьим-то успехам и просто искренний восторг». Кому завидовал Доминирующий, смогли назвать 96 человек (17% от 555), и это количество представляет собой 100% для следующего вопроса (№ 60).

№ 60. «Я хочу иметь (или делать) то, что имел (делал) тот, кому завидовал Доминирующий». Положительные ответы дали 82 человека (85,4%) из 96.

№ 61. «Людей какого типа (какой категории) Доминирующий презирал, считал слабаками или людьми второго сорта. Внимание! Нужно отличать тех, кого Доминирующий презирал от тех, кого он ненавидел, из-за которых разъярялся, впадал в панику. Тех, кого Доминирующий презирал, он считал слабее себя, и в его суждениях о таких людях могла присутствовать даже доля самодовольства (например: «Фи, пьяница в луже лежит», «такой-то никогда не доводит дело до конца», «будешь плохо учиться – станешь дояркой»). Тех же, из-за которых он разъярялся, он воспринимал всерьёз как некую опасность. (Например: «Не спорь с ним, он в полиции работает»). Соответственно, слабаками он их не считал». Объяснить, какого рода людей презирал (считал слабаками) Доминирующий, смогли 133 человека (24% от 555), и это количество – 100% для следующего вопроса (№ 62).

№ 62. «Я не хочу относиться к той категории людей, которую презирал Доминирующий». Положительные ответы дали 119 человек (89,5%) из 133.

№ 63. «Чего или кого боялся Доминирующий? (Например, высоты, темноты, преступников, микробов, бедности, высказывать своё мнение, полицейских и т.д.). Внимание: страх за кого-то (например, страх за жену и детей) не в счёт. Нужно смотреть, чего Доминирующий боялся сам (в случае тревоги за родственников, возможно, был страх одиночества)». Ответить на этот вопрос смог 141 человек (25% от 555), и это 100% для следующего вопроса (№ 64).

№ 64. «Я стремлюсь делать то, чего боялся Доминирующий (или делать то, что могло бы испугать Доминирующего)». Положительные ответы дал 121 человек (85,8%) из 141.

№ 65. «Отчего Доминирующий разъярялся, проявлял панику (свидетельствующую, возможно, о его беспомощности в данной ситуации)? Например, Доминирующий начинал кричать и паниковать, если видел, что кто-то с ним не соглашается, если обнаруживал, что его сын или дочь курят, если ему не удавалось справиться с компьютером и т.д.». Сумели ответить на этот вопрос 115 участников (21% от 555), и это 100% для следующего вопроса (№ 66).

№ 66. «У меня возникало желание делать то, что могло бы вызвать ярость, панику у Доминирующего». Подтвердили данный тезис 103 участника (89,6%) из 115.

№ 67. «Чем гордился Доминирующий, чтоставил себе в заслугу? Например, тем,

что у него широкие познания, что он спортсмен, что он родил семерых сыновей и т.п. Если он гордился детьми, необходимо уточнить, почему он ставил себе в заслугу их успехи (например, он приписывал себе педагогический талант)». Ответ дал 191 участник (34% от 555), и это 100% для следующего вопроса (№68).

№68. «**Я бы хотел иметь такие умения или качества, которыми гордился Доминирующий**». Согласились с этим утверждением 164 участника (85,9%) из 191.

№69. «**Кто был человек, который открыто критиковал Доминирующего, смеялся над ним или превзошёл его в чём-либо (особенно если это вызвало досаду Доминирующего)?** Чаще всего такого человека можно обнаружить среди приходивших в дом гостей. Например, вашему Доминирующему медведь на ухо наступил, а кто-то прекрасно поёт или кто-то развлекает гостей интересными историями, а ваш Доминирующий остаётся в тени (особенно если Доминирующий досадует на это)». На данный вопрос сумел ответить 51 человек (9%), что составляет 100% для следующего вопроса (№70).

№70. «**Я бы хотел иметь те качества и навыки, которые имело лицо, взявшее верх над Доминирующим**». Положительный ответ дали 44 человека (86,3%) из 51.

Представим эти данные в виде нижеприведённой таблицы.

Таблица 5

№	Содержание вопроса	Количество давших ответ	Доля давших ответ от общего числа участников
55	Какие несбывшиеся мечты были у Доминирующего?	127 знает эту информацию	23%
56	Я бы хотел совершить то, о чем мечтал Доминирующий, но ему не удалось	112 утвердительных ответа	88%
57	Кого уважал Доминирующий, кем восхищался, перед кем благоволил?	168 знает эту информацию	30%
58	Я хочу иметь такие успехи, как у того человека, которым восторгался Доминирующий	121 утвердительный ответ	72%
59	Кому завидовал Доминирующий?	96 знает эту информацию	17%
60	Я хочу иметь (или делать) то, что имел (делал) тот, кому завидовал Доминирующий	82 утвердительных ответа	85%
61	Людей какого типа Доминирующий считал слабаками, презирал их?	133 знает эту информацию	24%
62	Я не хочу относиться к той категории людей, которую презирал Доминирующий	119 утвердительных ответа	89%
63	Чего или кого боялся Доминирующий?	141 знает эту информацию	25%

64	Я стремлюсь делать то, чего боялся Доминирующий (или делать то, что могло бы испугать Доминирующего)	108 утвердительных ответа	85%
65	Отчего Доминирующий разъярялся, проявлял панику?	115 знает эту информацию	21%
66	У меня возникало желание делать то, что могло бы вызвать ярость, панику у Доминирующего	103 утвердительных ответа	89%
67	Чем гордился Доминирующий, чтоставил себе в заслугу?	191 знает эту информацию	34%
68	Я бы хотел иметь такие умения или качества, которыми гордился Доминирующий	164 утвердительных ответа	85%
69	Кто был человек, который открыто критиковал Доминирующего, смеялся над ним или превзошёл его в чём-либо (особенно если это вызвало досаду Доминирующего)?	51 знает эту информацию	9%
70	Я бы хотел иметь те качества и навыки, которые имело лицо, взявшее верх над Доминирующим	44 утвердительных ответа	86%

Результаты демонстрируют, что далеко не всегда люди владеют информацией о том, что не удалось в жизни их Доминирующему и в чём их можно обойти (среднее арифметическое количества знающих ответы на вопросы №55, 57, 59, 61, 63, 65, 67, 69 равняется 22,87%), но если такую информацию удаётся получить, то подавляющее большинство стремится ею воспользоваться.

Таблица ниже демонстрирует количество одновременно указанных причин, связанных с личностью Доминирующего, по которым испытуемый развивает в себе какие-либо качества или чем-либо занимается (вопросы №56, 58, 60, 62, 64, 66, 68, 70). Эти данные показывают, что, если ребёнок владеет информацией, приведённой в вопросах №55, 57, 59, 61, 63, 65, 67, 79, то он стремится возвыситься над Доминирующим по некоторым параметрам. Приведённая таблица охватывает ответы 555 испытуемых (100%).

Таблица 6

Количество одновременно указанных причин, почему испытуемый развивает в себе какие-либо качества или чем-либо занимается (причин, связанных с личностью Доминирующего)	Количество человек	Количество давших ответы в процентах
0	243	43,8%
1	71	12,8%
2	63	11,4%
3	54	9,7%
4	40	7,2%
5	35	6,3%
6	26	4,7%
7	19	3,4%
8	4	0,7%

P

Как поведение Доминирующего и Подчинённого влияет на то, что делает человек, чтобы понравиться избраннику или избраннице?

Вопросы 71–73 направлены на проверку следующих гипотез:

- наблюдая за отношениями Доминирующего и Подчинённого (особенно в случае, если это супруги), ребёнок делает вывод, за какие качества Подчинённый любит Доминирующего или, по крайней мере, из-за каких качеств Доминирующего тот согласен подчиняться ему;
- эти качества ребёнок копирует, потому что верит, что, обладая ими, он добьётся любви и подчинения других людей, прежде всего, того, кого он наметил в супруги; иначе говоря, перед своим предполагаемым избранником он демонстрирует прежде всего те качества, за которые Подчинённый любил Доминирующего, и рассчитывает на похвалу.
- если нас хвалят именно за те качества, из-за которых Подчинённый любил Доминирующего, а не за какие-то другие, такое вызывает особый восторг, ведь это значит, что мы достигли уровня нашего Доминирующего (соответственно, и человек, высказавший именно такую похвалу, становится для нас особенно ценным).

№71. «**Почему Подчинённый любил Доминирующего?**» Сумели ответить на этот вопрос 57 человек (11% из 507 испытуемых, в семье которых был Подчинённый), и это 100% для следующих вопросов (№72–73).

№72. «**Я бы хотел, чтобы мой избранник любил меня за те качества, за какие Подчинённый любил Доминирующего.**» Интересно, что подтвердили данное положение все, давшие конкретный текстовый ответ-пояснение на вопрос 71 (т.е. 100%), и ещё четыре человека, которые ответить на вопрос 71 не смогли, но им «интуитивно кажется», что утверждение №72 верное (итого 61 опрошенный). Правда, подробное объяснение, в чём это у них проявляется (т.е. как именно они подражают качествам Доминирующего, за которые его любил Подчинённый), дали только 33 человека (58% от 57 испытуемых, знаяших, за что Подчинённый ценил Доминирующего). Видимо, этот показатель и следует учитывать как объективный.

№73. «Когда я общаюсь с человеком, с которым хочу связать свою жизнь, я подражаю некоторым чертам своего Доминирующего и рассчитываю, что любимый человек признает и одобрит меня в этом качестве». Аналогичная ситуация сложилась и здесь: положительно ответили 57 испытуемых, т.е. все, ответившие на вопрос №71, плюс ещё 10 человек, не сумевших дать ответ на вопрос №71, но которым кажется, что, общаясь с потенциальным избранником или избранницей, они подражают поведению своего Доминирующего и ожидают понравиться именно в таком качестве.

Правда, пояснения, в чём конкретно это проявляется, дали только 39 человек, т.е. 68% от 57 испытуемых, ответивших на вопрос №71. Тем не менее, даже этого количества достаточно, чтобы констатировать, что такой мотив как подражание Доминирующему в расчёте получить одобрение понравившегося человека, встречается довольно часто. В свою очередь, комментарии испытуемых демонстрируют, что эта склонность может приводить к недоразумениям в паре.

В качестве примера можно привести следующий случай. Доминирующим лицом в родительской семье мужчины была необычайно экономная мать, тщательно записывавшая все доходы и расходы. Подчинённое лицо (отец) восторгался этой чертой матери, поскольку семья жила бедно и сводила концы с концами именно благодаря её рачительности. Взрослый сын, женившись, тоже принял за мелочный подсчёт всего, что покупалось, в расчёте, что жена будет хвалить его так же, как отец хвалил мать, но та, не понимая причины, почему он так делает, была вне себя от его «скверности и удушающего контроля».

В кого человек влюбляется и почему?

Вопросы №75–82 направлены на проверку гипотезы, что если ребёнок может ответить на вопросы №55, 57, 59, 61, 63, 64, 67, 69, содержащие информацию, как прожить свою жизнь так, чтобы достичь большего, чем Доминирующий, ребёнок использует эти сведения не только для того, чтобы развить нужные для этого качества и навыки в себе, но и для того, чтобы связать свою жизнь с таким человеком, рядом с которым он будет чувствовать себя сильнее Доминирующего.

№75. «Я хотел бы вступить в брак с человеком, который сумел осуществить то, что не удалось Доминирующему». Из 127 опрошенных, знаях, что именно хотел осуществить Доминирующий, но не смог, подтвердили это высказывание 20 человек (15%).

№76. «Я хотел бы вступить в брак с лицом, имеющим качества или навыки, которые вызывали уважение, восхищение, преклонение Доминирующего». Из 168 знаях, какие качества и навыки вызывали уважение, восхищение, преклонение Доминирующего, положительные ответы дали 33 человека (19,6%).

№77. «Я бы хотел вступить в брак с человеком, который имеет качества, вызывавшие зависть Доминирующего». Из 96 опрошенных, сумевших ответить на вопрос, какие качества вызывали зависть Доминирующего, положительные ответы дали 30 человек (31%).

№78. «Я не хочу вступать в брак с человеком из данной категории (тех, кого презирал и считал жалкими Доминирующий)». Из 133 опрошенных, знающих о том, каких людей Доминирующий презирал и считал жалкими, утвердительно ответили 30 человек (22,6%).

№79. «Я хотел бы вступить в брак с человеком, который делает то, чего боялся Доминирующий (или делает то, что могло бы испугать Доминирующего)». Из 141 тех, кто сумел ответить на вопрос, чего боялся Доминирующий, подтвердили данное высказывание 30 человек (21%).

№80. «Я бы хотел вступить в брак с человеком, который делает то, что могло бы вызвать ярость, панику у Доминирующего». Из 115 тех, кто знал, что могло вызвать ярость, панику у Доминирующего, положительные ответы дал 51 человек (44%).

№81. «Я бы хотел вступить в брак с человеком, который имеет такие же умения и качества, какими гордился Доминирующий». Из 191 тех, кто смог ответить, чем гордился Доминирующий, подтвердил данное высказывание 21 человек (11%).

№82. «Я бы хотел вступить в брак с человеком, имеющим качества и навыки, которые имело лицо, взявшее верх над Доминирующим». Из 51 тех, кто знал человека, взявшего верх над Доминирующим, положительные ответы дали 23 человека (45,54%).

Представим вышеприведённые результаты ответов в виде таблицы. Здесь демонстрируется, что за 100 процентов для вопросов 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82 берётся число ответивших на вопросы 55, 57, 59, 61, 63, 65, 67, 69 соответственно.

Таблица 7

55	75	57	76	59	77	61	78	63	79	65	80	67	81	69	82
12 7	20 8	16 3	33 3	96 30	30 13	13 3	30 14	30 1	11 5	51 1	19 1	21 1	51 1	23 1	
10 0%	15 %	10 0%	19, 6%	10 0%	31 %	10 0%	22, 6%	10 0%	21 %	10 0%	44 %	10 0%	11 %	10 0%	45, 54 %

Вопросы №75–82 были представлены как единый вопрос с подпунктами и было проверено, сколько человек выбрали несколько подпунктов (вопросы №75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82) одновременно.

Таблица 8

Количество одновременно указанных причин вступления в брак (причин, связанных с личностью Доминирующего)	Количество человек	Количество давших ответы в процентах
1	104	68,4%
2	27	17,8%
3	11	7,2%
4	5	3,3%
5	3	2,0%
6	2	1,3%

Какие из четырёх типов пар чаще обращаются к психологу?

Вопросы 83–86 заполнялись в случае, если в качестве испытуемых оказывалась пара, обратившаяся по поводу своих взаимоотношений (таких было 385 человек). Цель этих вопросов – проверить гипотезы относительно того, какие проблемы являются типичными у пар, относящихся к нижеуказанным четырём типам.

№83. «**У жены Доминирующий – женщина, и у мужа тоже**». Таких 130 человек (33,8% от 385).

№84. «**У жены Доминирующий – мужчина, и у мужа тоже**». Таких 59 человек (15,3%).

№85. «**У жены Доминирующий – женщина, а у мужа – мужчина**». Таких 111 человек (28,8%).

№86. «**У жены Доминирующий – мужчина, а у мужа – женщина**». Таких 85 человек (22,1%).

Обращает на себя внимание, что пары, у которых и у мужа, и у жены Доминирующим была женщина, лидирует среди посетителей, а пары, у которых и у мужа, и у жены Доминирующим являлся мужчина, оказываются в явном меньшинстве. С чем это связано, можно предположить, исходя из результатов, приведённых далее.

Рис. 14. Четыре типа супружеских пар, участвовавших в исследовании

Illustration 14. Four types of couples in the study

Каковы типичные жалобы женщин на мужей, которые являются сыновьями доминирующих матерей?

На вопросы №87–94 отвечали только женщины. Согласно гипотезе исследования, эти утверждения представляют собой типичные жалобы жён в парах, где муж – сын доминирующей матери. Предполагается, что такой мужчина конкурирует с женщинами в женских сферах, кроме того, если с матерью у него был серьёзный конфликт, он воспринимает женщину как противника, с которым нужно бороться (и это подтверждается результатами ответов на вопросы №28, 30 и 37).

Исходя из приведённой гипотезы, положительные ответы на вопросы №87–94 сопоставлялись с положительными ответами на вопросы №83 и 86 (т.е. проверялось, действительно ли такие жалобы характерны именно для женщин, мужья которых являлись сыновьями доминирующих матерей).

В итоге по вопросам №87–94 были получены статистически значимые различия.

№87. «Проблема заключается в том, что муж лезет в женские дела (например, даёт «ценные указания», как готовить и вести хозяйство, контролирует расходы, поучает, как лучше одеваться и краситься)».

Положительно ответили на данный вопрос 24 женщины (18,3%), у мужей которых Доминирующим являлась женщина, и только 5 женщин (2,3%), у мужей которых Доминирующим был мужчина. Выявлены достоверные различия в частоте признака по

вопросу 87: $\chi^2=27,432$; $p \leq 0,001$.

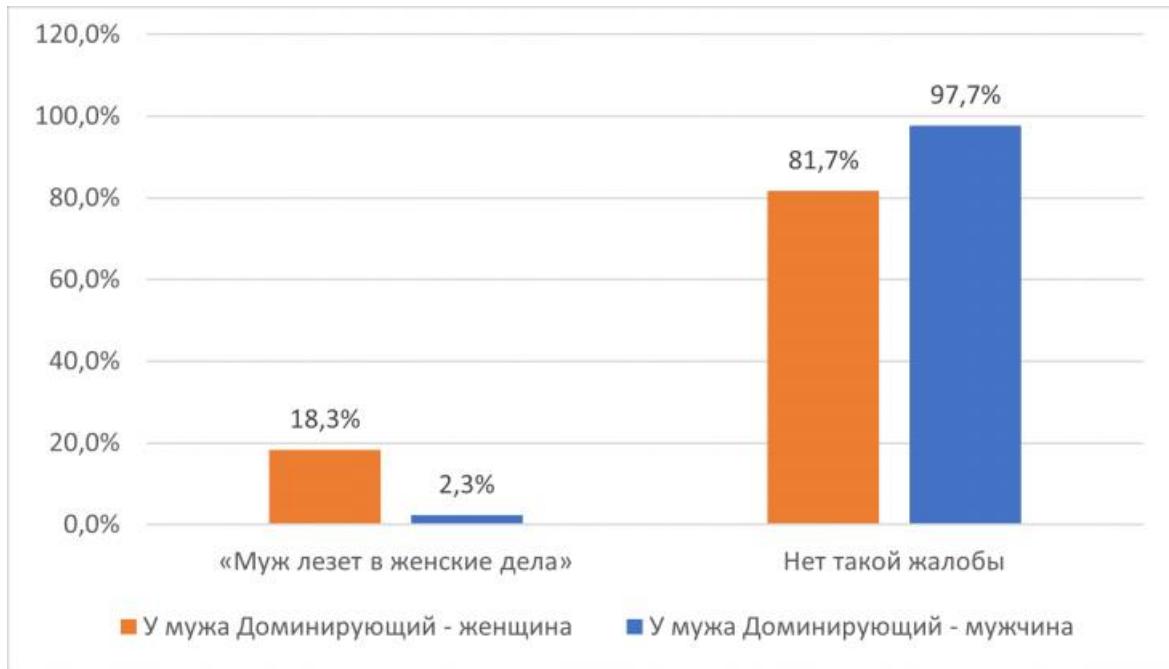

Рис. 15. Чаще отмечают, что муж «лезет в женские дела», те женщины, у которых Доминирующим являлась женщина

Illustration 15. It is more often noted that the husband "meddles in women's affairs", those women whose husbands had a dominant woman

№88. «Проблема заключается в том, что муж критикует мою внешность».

Положительно ответили 14 женщин (10,7%), у мужей которых Доминирующим являлась женщина, и только 3 женщины (1,4%), у мужей которых Доминирующим был мужчина. Выявлены достоверные различия в частоте признака по вопросу 88: $\chi^2=15,220$; $p \leq 0,001$.

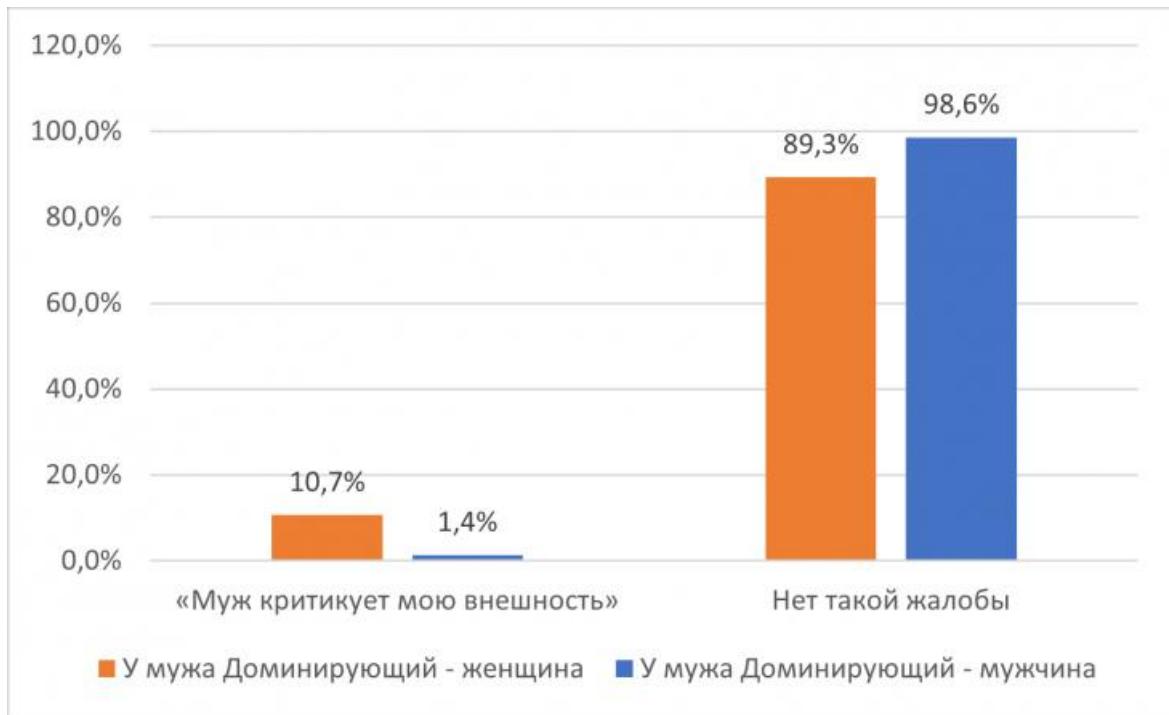

Рис. 16. Чаще жалуются на то, что муж критикует их внешность, те жёны, у мужей

которых Доминирующим являлась женщина

Illustration 16. More often those wives whose husbands had a dominant woman complain that their husband criticizes their appearance

№89. «**Проблема заключается в том, что муж проявляет мелочность, контролирует расходы**». Утвердительно ответили 23 женщины (17,6%), у мужей которых Доминирующим являлась женщина, и только 3 женщины (1,4%), у мужей которых Доминирующим был мужчина. Выявлены достоверные различия в частоте признака по вопросу 89: $\chi^2=30,914$; $p \square 0,001$.

Рис. 17. Чаще жалуются на то, что муж проявляет мелочность, контролирует расходы, те жёны, у мужей которых Доминирующим являлась женщина

Illustration 17. Those wives whose husbands had a Dominant woman complain more often that the husband is petty and controls expenses

№90. «**Проблема заключается в том, что муж меня поучает**». Подтвердили данное высказывание 37 женщин (28,2%), у мужей которых Доминирующим являлась женщина, и только 5 женщин (2,3%), у мужей которых Доминирующим был мужчина. Выявлены достоверные различия в частоте признака по вопросу 90: $\chi^2=51,795$; $p \square 0,001$.

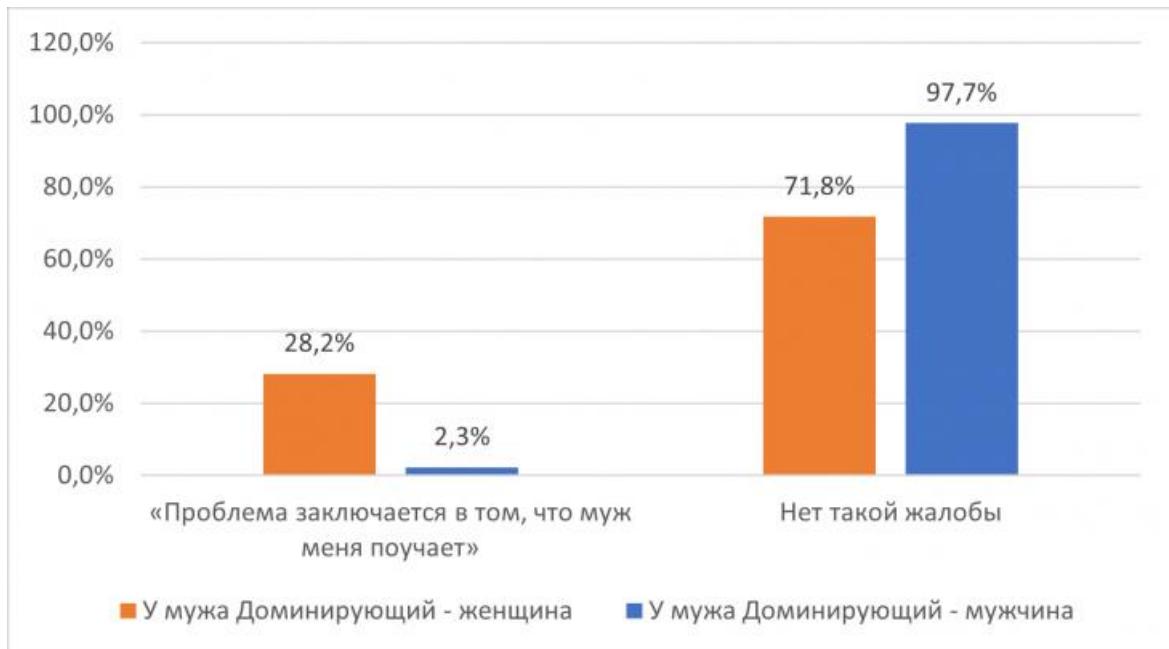

Рис. 18. Жёны тех мужей, у которых Доминирующим являлась женщина, чаще жалуются на то, что муж их поучает

Illustration 18. The wives of those husbands whose woman was dominant more often complain that their husband lectures them

№91. «**Проблема заключается в том, что муж намеренно вызывает мою ревность, оказывая знаки внимания другим женщинам, как бы невзначай показывает «подозрительную переписку» или фото в смартфоне, задерживается после работы, развесивает по стенам фотографии красавиц и т.п.**». Согласились с данным высказыванием 34 женщины (26%), у мужей которых Доминирующим являлась женщина, и только 7 женщин (3,2%), у мужей которых Доминирующим был мужчина. Выявлены достоверные различия в частоте признака по вопросу 91: $\chi^2=40,600$; $p<0,001$.

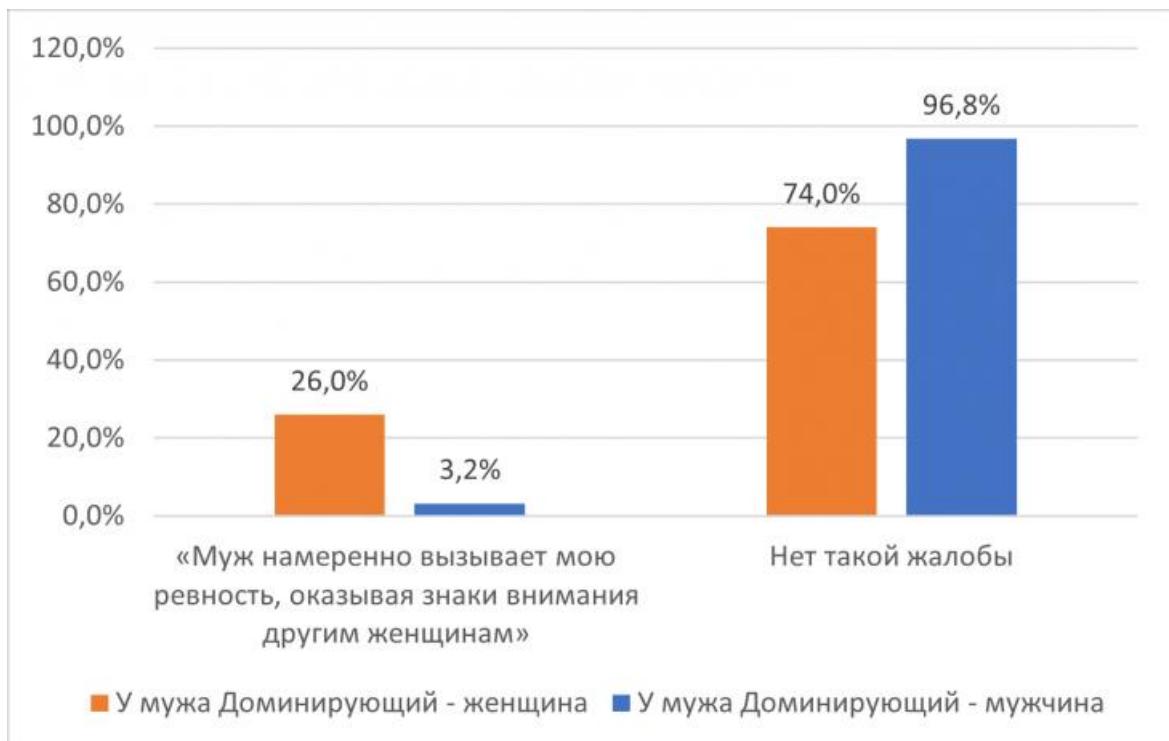

Рис. 19. Чаще жалуются на то, что муж намеренно вызывает ревность, те жёны, у мужей которых Доминирующим являлась женщина

Illustration 19. More often those wives whose husbands had a dominant woman complain that their husband intentionally causes jealousy

№92. «**Проблема заключается в том, что муж сравнивает меня со своей или с моей мамой не в мою пользу**». Согласились с данным высказыванием 13 женщин (9,9%), у мужей которых Доминирующим являлась женщина, и только 1 женщина (0,5%), у мужа которой Доминирующим был мужчина. Выявлены достоверные различия в частоте признака по вопросу 92: $\chi^2=18,944$; $p \square 0,001$.

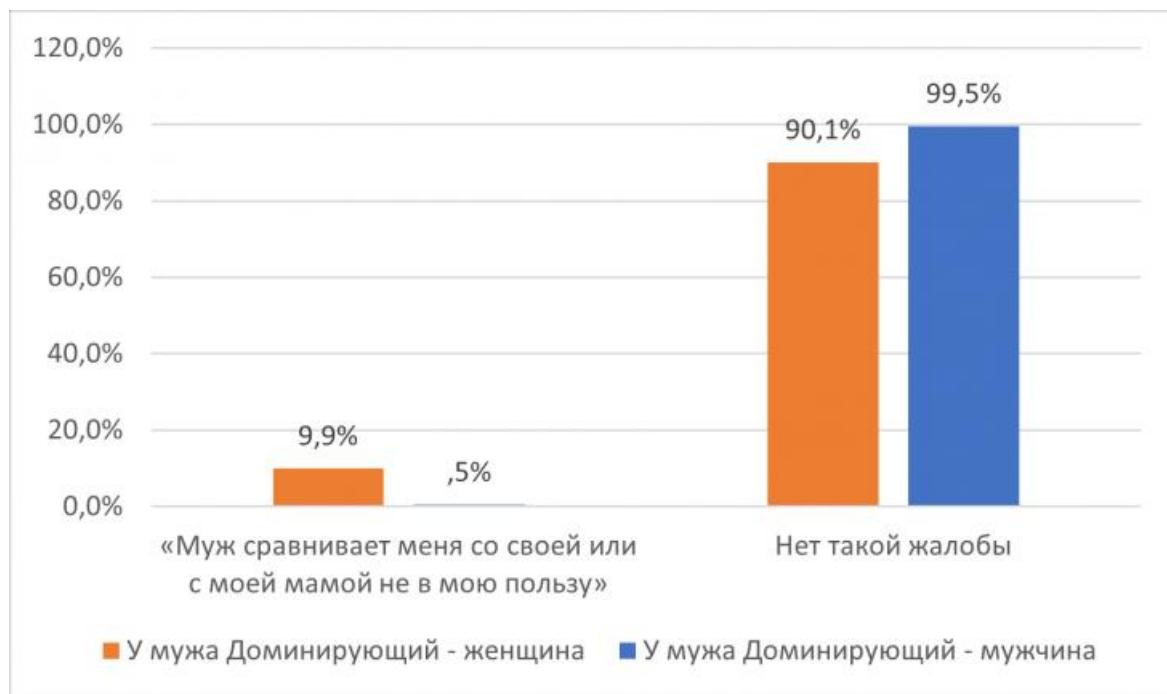

Рис. 20. Жёны тех мужей, у которых Доминирующим являлась женщина, чаще жалуются на то, что муж сравнивает их со свекровью или с тёщей не в пользу жены

Illustration 20. The wives of those husbands whose woman was dominant more often complain that their husband compares them with their mother-in-law or mother-in-law not in favor of the wife

№93. «**Мой муж то и дело говорит: «Ты мне выносишь мозг»**». Подтвердили факт таких высказываний 20 женщин (15,3%), у мужей которых Доминирующим являлась женщина, и ни одна женщина, у мужа которой Доминирующим был мужчина. Удивительно, что данный вопрос выявил достоверные различия не просто в поведении, а в частоте употребления конкретного словесного оборота! Сыновья доминирующих отцов в количестве 217 человек не использовали его вообще, в то время как 15% сыновей доминирующих матерей его употребляли. Выявлены достоверные различия в частоте признака по вопросу 93: $\chi^2=35,150$; $p \square 0,001$.

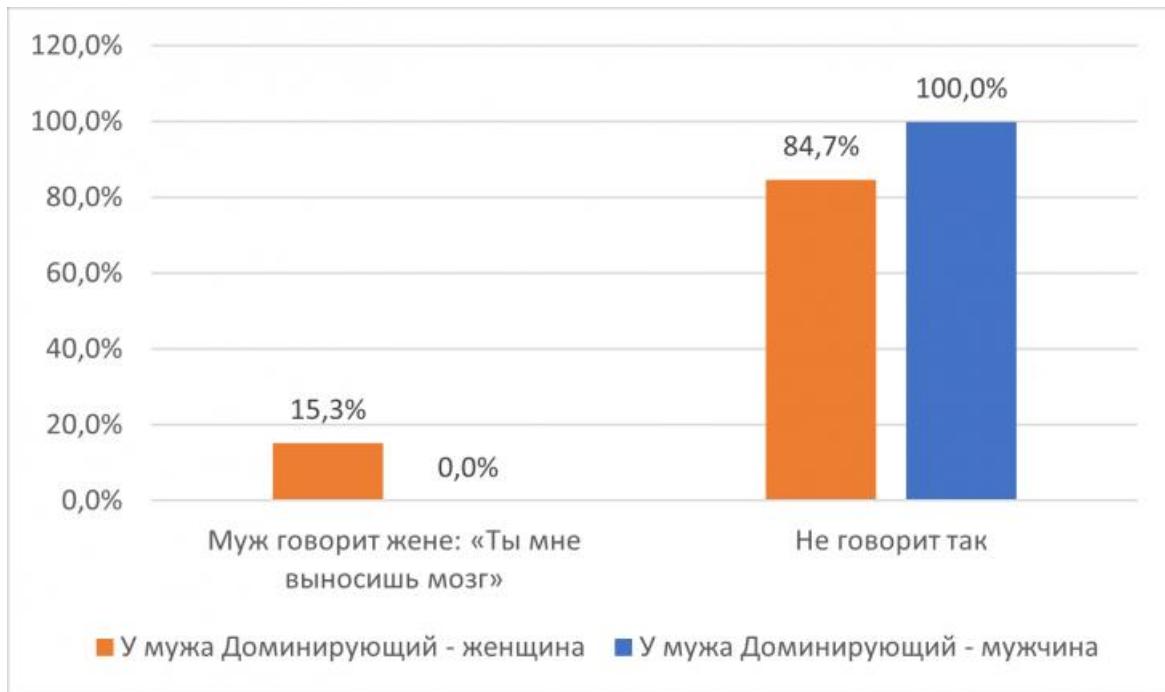

Рис. 21. Жёны тех мужей, у которых Доминирующими являлась женщина, жалуются на то, что муж в разговоре с ними употребляет выражение «ты мне выносишь мозг»

Illustration 21. The wives of those husbands whose woman was dominant complain that their husband uses the expression "you're blowing my mind" when talking to them

№ 94. «**Проблема заключается в том, что мой муж завидует мне, и потому препятствует моей карьере**». Положительно ответили 15 женщин (11,5%), у мужей которых Доминирующими являлась женщина, и только 2 женщины (0,9%), у мужа которых Доминирующими был мужчина. Выявлены достоверные различия в частоте признака по вопросу 94: $\chi^2=19,489$; $p \square 0,001$.

Рис. 22. Жёны тех мужей, у которых Доминирующими являлась женщина, жалуются на то, что муж завидует им, и потому препятствует их карьере

Illustration 22. The wives of those husbands whose woman was dominant complain that their husband is jealous of them and therefore interferes with their careers

Ниже приведена гистограмма, демонстрирующая присутствие жалоб из вопросов №87–

94 у тех женщин, которые замужем за «сыновьями доминирующих матерей» и «сыновьями доминирующих отцов».

Общее количество испытуемых-женщин 348 человек, из которых 217 замужем за мужчинами, Доминирующим лицом в семьях которых был мужчина, а 131 находится замужем за мужчинами, Доминирующим лицом которых в детстве была женщина.

У 92,6% женщин, мужья которых являются «сыновьями доминирующих отцов», вообще отсутствуют жалобы, приведённые в вопросах №87–94, в то время как в группе женщин, мужья которых – «сыновья доминирующих матерей», такие жалобы отсутствуют только у 37,4%.

Иначе говоря, жалобы из пунктов №87–94 действительно чаще встречаются у женщин, в семьях мужей которых Доминирующим была женщина, что и соответствует гипотезе.

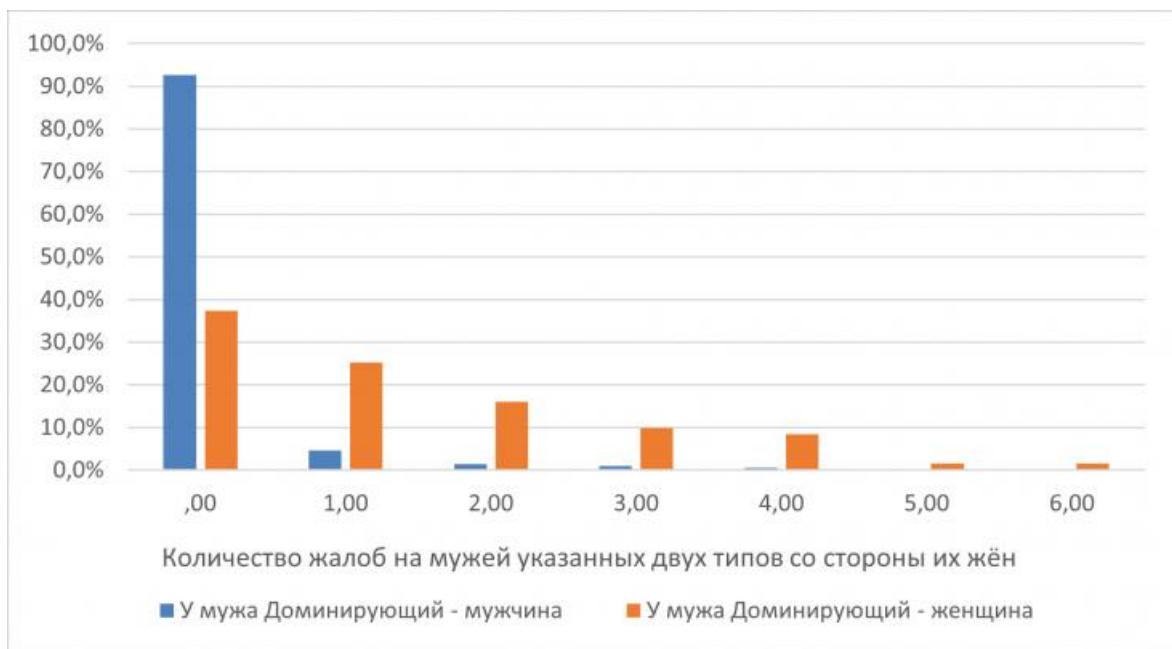

Рис. 23. Жалобы из вопросов №87–94 реже встречаются у женщин, мужья которых являются «сыновьями доминирующих отцов» (самый высокий столбец – ноль жалоб данного типа)

Illustration 23. Complaints from questions No. 87–94 are less common among women whose husbands are “sons of dominant fathers” (the highest column is zero complaints of this type)

Какова типичная жалоба мужчин на жён, являющихся дочерьми доминирующих матерей?

На вопросы №96–98 отвечали только мужчины. Гипотеза заключалась в том, что данные утверждения чаще встречаются у тех мужчин, у жён которых Доминирующим лицом в семье являлась женщина.

№96. «Проблема заключается в том, что моя жена слишком зациклена на быте и деньгах». Утвердительно ответили 12 мужчин (15%), у жён которых Доминирующим являлась женщина, и только 6 мужчин (5,1%), у жён которых Доминирующим был мужчина. Результат имеет статистическую значимость: $\chi^2=5,577$; $p=0,018$. Объясняется он, видимо, тем, что человек, Доминирующим которого являлась женщина, нацелен на конкуренцию с женщинами, а такая конкуренция зачастую связана с бытом, нарядами,

разными покупками и прочими вещами, для которых нужны деньги.

Рис. 24. Чаще жалуются, что жена слишком зациклена на быте и деньгах, мужья тех женщин, у которых Доминирующий – женщина

Illustration 24. More often they complain that the wife is too fixated on life and money, the husbands of those women whose Dominant is a woman

Каковы типичные жалобы на мужей со стороны женщин, являющихся дочерями доминирующих матерей?

Вопросы №99, 101 и 103 задавались только женщинам. Гипотеза состояла в том, что эти утверждения более типичны для тех женщин, в родительских семьях которых Доминирующим была женщина.

№99. «**Проблема заключается в том, что мой муж слишком скучный, от него мало эмоций, он редко выводит меня в гости, мало развлекает**». Предположение оправдалось: утвердительно ответили 17 женщин (14,3%), Доминирующим которых являлась женщина, и 13 женщин (6%), Доминирующим которых являлся мужчина. Результат имеет статистическую значимость: $\chi^2=6,575$; $p=0,010$.

Объяснением этому может быть то, что для «дочери доминирующей матери» важно соперничать с другими женщинами и нравиться мужчинам, чего невозможно достичь, не выходя в свет, в то время как «дочери доминирующих отцов» больше настроены на то, чтобы конкурировать с мужчинами, а не нравиться им, и тема «мода, стиль, красота» для них не так интересна.

Рис. 25. Женщины, у которых Доминирующими являлась женщина, чаще жалуются на то, что муж слишком скучный, от него мало эмоций, он редко выводит её в гости, мало развлекает

Illustration 25. Women for whom the dominant woman was more likely to complain that the husband is too boring, he has little emotion, he rarely takes her out on visits, and doesn't entertain her much.

№101. «Я ревнива, без конца слежу за мужем, подозреваю, что у него кто-то есть». Утвердительно ответили 28 женщин (23,5%), Доминирующими у которых была женщина, и только 7 женщин (3,2%), у которых Доминирующими являлся мужчина. Результат имеет статистическую значимость: $\chi^2=34,146$; $p<0,001$. Объяснением этому, по-видимому, является то, что «дочери доминирующих матерей» более склонны к конкуренции с лицами женского пола, в том числе к борьбе за мужчин с другими женщинами, чем «дочери доминирующих отцов».

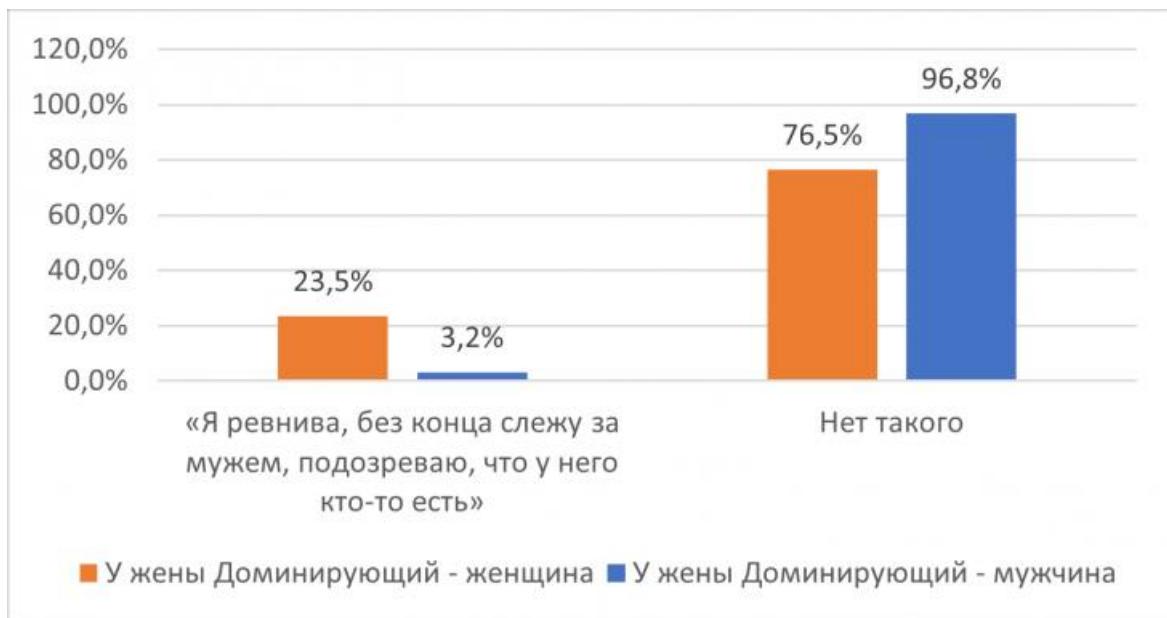

Рис. 26. Женщины, Доминирующими у которых являлась женщина, чаще признаются в том, что они ревнивы

Illustration 26. Women whose dominant relationship was female are more likely to admit

that they are jealous

№103. «**Проблема заключается в том, что муж не возвышает меня над другими женщинами (например, не выводит в свет, публично не дарит подарки и не оказывает знаки внимания)**». Вопрос №103 можно считать дополнительной проверкой результатов по вопросу №99. Положительный ответ дали 24 женщины (20,2%), Доминирующим которых являлась женщина, и только 15 женщин (6,9%), Доминирующим которых являлся мужчина. Результат имеет статистическую значимость: $\chi^2=13,281$; $p<0,001$.

Рис. 27. Женщины, Доминирующим у которых являлась женщина, чаще недовольны тем, что муж не возвышает их над другими женщинами

Illustration 27. Women in whom a woman was dominant are more often dissatisfied that their husband does not elevate them above other women

Позиция, характерная для женщин, Доминирующим лицом в родительской семье которых был мужчина

№100. «**Я не могу ничего просить у мужчины**». Подтвердили данный факт 34 женщины (15,6%), Доминирующим которых являлся мужчина, и только 9 женщин (7,6%), Доминирующим которых была женщина. Результат имеет статистическую значимость: $\chi^2=4,463$; $p=0,035$. Как разъясняли некоторые испытуемые из первой категории, в их семье положение матери было заметно ниже, чем положение доминировавшего отца, причём положение матери, как считал ребёнок, было обусловлено материальной зависимостью. Соответственно, чтобы не повторить судьбу матери, такая дочь принимает решение стать материально независимой. Некоторые даже рассказали, что самоутверждаются, когда дарят мужья дорогие подарки или оказывают им материальную поддержку в сложные периоды.

Рис. 28. Те женщины, Доминирующими которых являлся мужчина, чаще не могут ничего просить у мужчин

Illustration 28. Those women in whom a man was dominant are more often unable to ask for anything from men

Какова типичная жалоба мужей на жён, являющихся дочерьми доминирующих отцов?

№104. «Проблема заключается в том, что моя жена не выражает «щенячьего восторга», когда я что-то делаю для неё, и мне уже не хочется для неё стараться». Так считают 33 человека (28,2%), у жён которых Доминирующим являлся мужчина, и только 10 человек (12,5%), у жён которых Доминирующим была женщина. Результат имеет статистическую значимость: $\chi^2=6,868$; $p=0,009$.

Эти данные подтверждают, что тенденция, выявленная вопросом №100, имеет объективный характер. Дочь доминирующей матери зачастую не выражает восторга, когда муж приносит ей зарплату или дарит дорогие подарки, потому что убеждена: зависеть от мужчины стыдно. В свою очередь, такая сдержанность ошибочно воспринимается мужем как отсутствие любви и благодарности и создаёт предпосылку для охлаждения отношений.

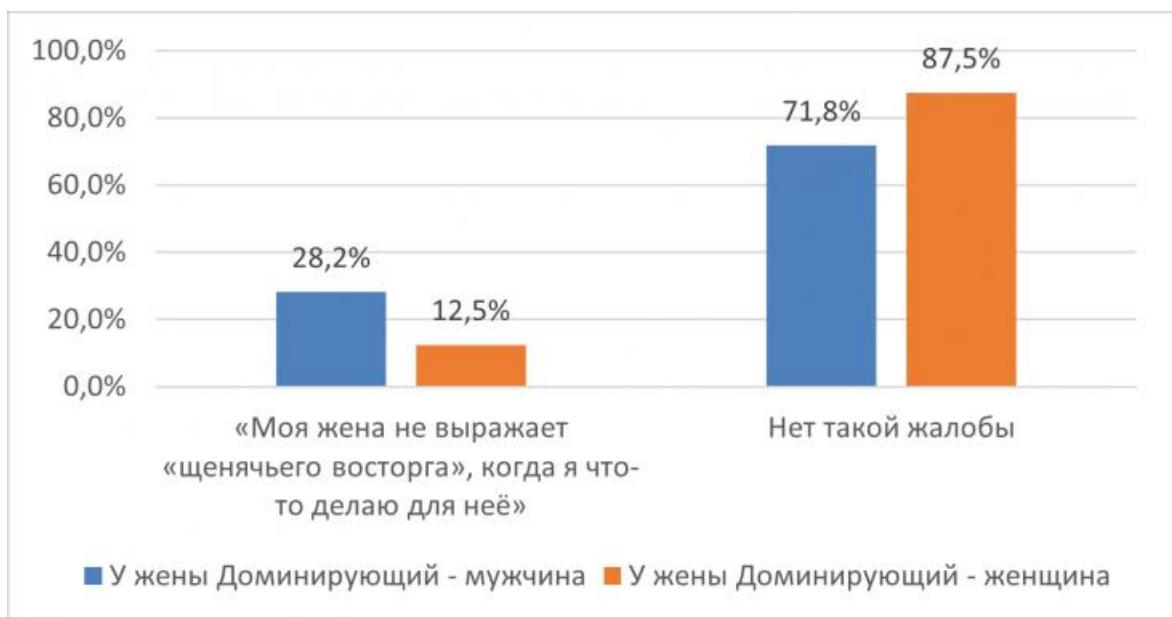

Рис. 29. Жалобу на то, что жена не умеет выражать восторженной благодарности, чаще высказывают те мужья, жёны которых росли в семьях с Доминирующим-мужчиной

Illustration 29. The complaint that the wife does not know how to express enthusiastic gratitude is more often expressed by those husbands whose wives grew up in families with a Dominant man

Кого не должен напоминать супруг?

Согласно гипотезе, вопросы №107–108 должны подтвердить положение, что самым раздражающим для человека является поведение, которое напоминает ему поведение его Доминирующего, поскольку именно он когда-то вызывал у ребёнка страх и применял в отношении него принуждение.

Предполагается, что в большинстве случаев ребёнок впервые познаёт, что такое гнев, во взаимоотношениях с Доминирующим, что и подтверждается результатами настоящего исследования (см. вопросы №22–23), поэтому, если супруг ведёт себя так, что это напоминает поведение Доминирующего, вызывавшее когда-то возмущение ребёнка, такое должно вызывать гнев.

№107. «Проблема заключается в том, что мой муж (жена) совершает неприятные для меня действия, которые напоминают мне действия моего Доминирующего».

№108. «Проблема заключается в том, что мой муж (жена) совершает какие-то неприятные для меня действия, которые напоминают мне действия моего Подчинённого».

Диаграмма ниже показывает, что если супруг или супруга демонстрирует поведение, напоминающее неприятные действия Доминирующего, это раздражает 25,3% участников, а если супруг обнаруживает поведение, напоминающее действия Подчинённого, это раздражает лишь 5,2% опрошенных. Результаты имеют статистическую значимость: $\chi^2=249,578$; $p \square 0,001$.

Почему поведение супруга или супруги столь часто оказывается похожим на поведение Доминирующего лица второй половины? Как демонстрируют ответы на вопросы 55–70 и 75–82, люди стремятся возвыситься над своим Доминирующим, и зачастую выбирают себе в качестве спутника жизни такого человека, который представляется им более

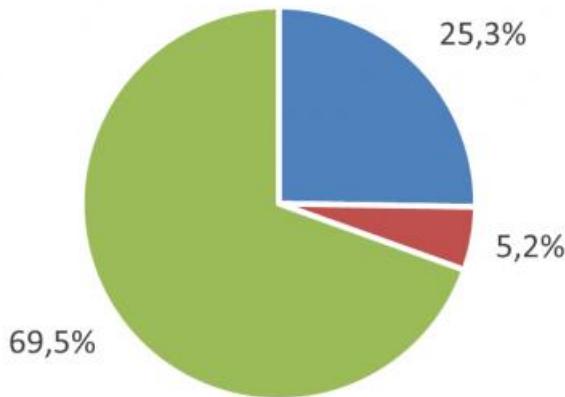
«могущественным», чем Доминирующий, в тех сферах, в которых Доминирующий потерпел фиаско.

Как работает эта логика, можно продемонстрировать на следующем мини-тесте, придуманном автором настоящей работы. «Представьте, что ваш муж/жена вступил в конфликт с вашим Доминирующим (но при этом они не знают друг друга; например, они встретились в другом городе или вообще в другой вселенной). Кто из них победит и за счёт чего? Как будет проходить конфликт? Проходить он может как словесно, так и в виде драки. Для того, чтобы проще сопоставить, кто сильнее, вы можете представить этот спор сначала «как есть», а потом так, будто ваш супруг и ваш Доминирующий – люди одной возрастной категории».

Всякий раз, когда приходили муж и жена, один из которых был недоволен союзом, а второго всё устраивало, первый заявлял, что его Доминирующий запросто победил бы супруга (например, «супруг бы подчинился моему отцу без споров», «моя мать запросто обманула бы жену, поскольку она слишком наивна», «моя жена эмоциональная, а мой отец спокойный и рассудительный, и она проиграла бы в споре»), второй же описывал картину, как его супруг одерживает победу.

Из этого следует, что любовь уходит тогда, когда ваш супруг не имеет ничего такого, за счёт чего вы могли бы возвыситься над своим Доминирующим. В нём нет ничего, что делало бы его могущественнее вашего Доминирующего, чтобы рядом с ним вы чувствовали себя гордо.

Если же избранник таков, что представить его победу над нашим Доминирующим несложно, очевидно, что в большинстве случаев он будет на нашего Доминирующего похож! Например, если Доминирующий занимался рукоприкладством, сложно представить, чтобы его победил «рафинированный интеллигент». Если он был склонен к манипуляциям, демагогии или прямой лжи, едва ли можно ему противопоставить такого супруга, который настолько чист душой, что неспособен распознать обмана. Гораздо проще представить в роли того, кто победит нашего Доминирующего, отъявленного хитреца (недаром говорят, «клин клином вышибают»). В результате то качество, которое привлекло нас в нашем избраннике с самого начала, может со временем обратиться против нас и начать нас раздражать.

- «Проблема заключается в том, что мой муж (жена) совершает неприятные для меня действия, которые напоминают мне действия моего Доминирующего»
- «Проблема заключается в том, что мой муж (жена) совершает неприятные для меня действия, которые напоминают мне действия моего Подчинённого»
- Нет таких жалоб

Рис. 30. Схожесть поведения супруга с неприятным поведением Доминирующего раздражает каждого четвёртого, а схожесть с поведением Подчинённого – лишь 5,2% участников

Illustration 30. The similarity of the spouse's behavior with the unpleasant behavior of the Dominant irritates every fourth person, and the similarity with the behavior of the Subordinate – only 5.2% of participants

В какое положение нельзя ставить своего супруга или супругу?

Согласно гипотезе исследования, каждый хочет прожить жизнь не хуже, чем его Доминирующий, а в идеале стремится возвыситься над ним, но никто не желает повторить путь своего Подчинённого. Пребывание в такой роли – это жизненная трагедия.

№109. «Проблема заключается в том, что мой муж (жена) ставит меня в положение моего Подчинённого».

Поскольку данный факт возмущает 48 человек (12%) из 385 участников, обратившихся по поводу проблем в браке, следует признать, что эта глубинная причина охлаждения отношений является довольно распространённой.

Что должны дать друг другу муж и жена, чтобы оба чувствовали себя гордо?

Вопрос №110 представляет собой дополнительную проверку гипотезы, что любовь к человеку возникает в том случае, когда вам кажется, что у него есть качества, с помощью которых он может помочь вам возвыситься над вашим Доминирующим. Соответственно, любовь проходит, когда выясняется, что это всего лишь показалось, либо ситуация меняется таким образом, что любимый когда-то человек эти качества

теряет.

№110. «Проблема заключается в том, что мой муж (жена) ничего не дают мне для того, чтобы я чувствовал(а) себя могущественней моего Доминирующего». Положительный ответ дали 79 человек (18,2%) из 385, обратившихся по поводу неурядиц в браке, т.е. почти каждый пятый!

От чего зависит отсутствие у мужчины «здоровой агрессии» в отношении других мужчин?

№112. «Проблема заключается в том, что у моего мужа отсутствует здоровая агрессия в отношении других мужчин». Согласно гипотезе, данное утверждение – типичная жалоба жены «сына доминирующей матери». Положительный ответ на данный вопрос сопоставлялся с положительными ответами на вопросы №83 и 86, т.е. с тем, кто являлся Доминирующим в родительской семье мужа.

Действительно, такая жалоба присутствовала у 60 женщин (23,7%), у мужей которых Доминирующим являлась женщина (положительные ответы на вопросы №83 и 86), и только у 12 женщин (12,6%), у мужей которых Доминирующим был мужчина. Результат является статистически значимым: $\chi^2=5,171$; $p=0,023$.

Рис. 31. Жалобу на то, что у мужа отсутствует здоровая агрессия в отношении других мужчин, чаще высказывают женщины, у мужей которых Доминирующим являлась женщина

Illustration 31. The complaint that the husband lacks healthy aggression towards other men is more often expressed by women whose husbands were dominant.

Как воспринимается полное отсутствие агрессии у супруга или супруги?

№113. «Проблема заключается в том, что у моего супруга (супруги) неестественное отсутствие агрессии (человек напоминает кота Леопольда, которому всё нравится, и он не хочет ни с кем ссориться)». Здесь мы не учтываем, кто является супругом отвечающего, а можем лишь судить о популярности данной жалобы. Гипотеза заключается в том, что полное отсутствие агрессии воспринимается как черта непривлекательная. Действительно, 33 человека (8,6%) из 385, обратившихся

в связи с дискомфортом в браке, выделили это в качестве проблемы.

Как понравиться дочери доминирующего отца и дочери доминирующей матери?

Согласно гипотезе, положительный ответ на вопрос 114 чаще дают дочери доминирующих матерей, а на вопрос 115 – дочери доминирующих отцов, поэтому положительные ответы на данные вопросы сопоставлялись с ответами на вопрос 3 («Пол испытуемого») и 7а («Пол доминирующего лица»).

№114. «Я предпочитаю мужчин активных, инициативных при знакомстве, настойчивых в ухаживаниях». Положительный ответ дали 33 женщины (73,3%), Доминирующим в семьях которых была женщина, и только 24 женщинам (42,1%), Доминирующим которых был мужчина.

№115. «Я предпочитаю мужчин скромных, неназойливых, а настойчивые в ухаживаниях мне не нравятся». Подтвердили данное положение 33 женщины (57,9%), Доминирующим которых являлся мужчина, и только 12 женщин (26,7%), в семьях которых доминировала женщина.

Гипотеза получила статистически достоверное подтверждение: $\chi^2=9,947$; $p0,002$. Можно объяснить это следующим образом. В случае с «дочерью доминирующей матери» отец занимал позицию ведомого, и у дочери сложилось представление о мужчинах как существах «безопасных». Что касается дочери доминирующего отца, та с детства усвоила, что мужчина может быть властным и подавляющим, а в некоторых случаях вербально агрессивным и способным на рукоприкладство. В связи с этим она предпочитает мужчин скромных, а то и робких. (Женщины, которых в детстве был отец, сообщали, что целенаправленно выбирали в мужья мужчин хрупкого сложения, «чтобы в случае чего с ним справиться»).

Идея включить данный вопрос в исследование возникла при следующих обстоятельствах. Автору предложили провести семинар в одном женском клубе в Новосибирске, а перед семинаром почему-то проводился просмотр короткометражного фильма М. Богина «Двое» (1965 г.). Кино началось с того, что молодой человек, увидев на улице красивую девушку, принял её весьма решительно её преследовать. Привожу дословный текст. «Девушка, вы уронили яблоко... А между прочим, в таких случаях Серванте斯 говорил: «Ничто не стоит так дёшево и не ценится так дорого, как вежливость [замечание в адрес девушки, которая улыбнулась и поблагодарила его кивком за поднятое яблоко, но в разговор не вступила]... А вы не слишком-то разговорчивы... Что-то ваше лицо мне очень знакомо. Простите, где я мог вас видеть? Вы меня не помните?.. Девушка, а девушка! У меня есть один знакомый, киноартист, так его вечно останавливают на улице и выясняют, где с ним встречались. Вы случайно не актриса? Молчание знак согласия!.. Так значит вы актриса, работаете вы на радио и бесплатно вы не разговариваете? Фрукты мы уже купили [комментарий по поводу её взгляда на витрину]... Парле ву франсе? Шпрехен зи дойч? Ду ю спик инглиш? Парли итальяно?»

Практически все зрительницы отреагировали на эту сцену восторженно: «Вот молодец, так и надо!», «Как он здорово знакомится, смотреть приятно!», «И куда теперь девались такие настоящие мужчины?!» и т.д. и т.п. В контраст этому две женщины отреагировали противоположным образом. Буквально было сказано следующее: «Какое неуважение! Так нагло себя ведёт, да ещё делает ей замечание!» и «Самовлюблённый тип, я бы тоже не стала с таким разговаривать!». На семинаре же выяснилось, что все участницы просмотра оказались дочерьми доминирующих матерей, за исключением тех двух, у

которых напористая манера персонажа вызвала отторжение. Таким образом, вышеуказанный фрагмент фильма вполне может использоваться как экспресс-тест для определения доминирующего лица в родительской семье женщины.

Рис. 32. Мужчины, явно проявляющие инициативу при знакомстве, нравятся больше женщинам, Доминирующими у которых была женщина

Illustration 32. Men who clearly take the initiative when dating are liked more by women who have a dominant woman

Выявленные тенденции

Как выбирается сфера самореализации (профессия) и супруг

- Люди склонны выбирать такую профессию, чтобы она давала возможность возвыситься над Доминирующим (см. вопросы №51–52);
- профессия должна одновременно удовлетворять двум требованиям: давать возможность успешно конкурировать с людьми того пола, что Доминирующий, и получать одобрение и восторг от людей того пола, к которому относился Подчинённый (см. вопрос №53);
- ребёнок не склонен прислушиваться к советам Подчинённого относительно профессии, которую ему следует выбрать (см. вопрос №54).

Результаты ответов на вопросы № 55–70 и 75–82 дают основание утверждать следующее:

- если ребёнок знает, какая несбывшаяся мечта была у его Доминирующего, он будет пытаться её осуществить, а также будет искать сближения с человеком, которому удалось осуществить то, что не удалось Доминирующему;
- если известно, кого уважал Доминирующий, кем восхищался, перед кем, быть может, благоговел, ребёнок будет стремиться стать таким, как тот, кем восторгался Доминирующий, а также захочет вступить в брак с человеком, который обладает качествами, которыми восторгался Доминирующий;
- если ребёнок понимает, кому завидовал Доминирующий, ребёнок с большой долей

вероятности захочет достичь тех же успехов, а также будет стремиться к вступлению в брак с человеком, который имеет те умения и качества, которым завидовал Доминирующий;

- если ребёнок слышал, людей какого типа Доминирующий презирал, считал слабыми и жалкими, ребёнок не захочет попадать в эту категорию и не захочет вступить в брак с человеком такого типа;
- если ребёнок видел, от чего Доминирующий разъярялся, впадал в панику, он будет стремиться делать то, что могло бы вызвать панику Доминирующего, а также будет тяготеть к браку с человеком, ведущим себя таким образом, что это могло бы вызвать ярость Доминирующего;
- если Доминирующий кого-то или чего-то боялся, то ребёнок будет стараться не бояться этого или станет заниматься вещами, которые могли бы напугать Доминирующего, также он будет стремиться к сближению с человеком, который не боится того, чего боялся Доминирующий или занимается вещами, которые могли бы напугать Доминирующего;
- если Доминирующий чем-то гордился, ставил какие-то свои умения или качества себе в заслугу, то велика вероятность, что ребёнок захочет развить эти качества в себе, а также будет ценить таковые в своём супруге, ведь это признаки «сильного поведения»;
- если ребёнку известно о человеке, который сумел каким-то образом возвыситься над Доминирующим (например, тот открыто критиковал Доминирующего, смеялся над ним или превзошёл его в чём-либо, особенно если это вызвало досаду Доминирующего), то велика вероятность, что ребёнок будет брать пример с этой личности, а также будет искать похожего человека для вступления с ним в брак, поскольку именно с таким он сможет возвыситься над своим Доминирующим.

Влияние Доминирующего

Ребёнок склонен подражать системе движений (мимике, жестикуляции, походке) **Доминирующего** (вопрос № 26). В то же время он склонен испытывать **агressию к людям того пола, к которому относился Доминирующий** (вопросы № 29–30, 37), причём наибольшее раздражение вызывают люди, поведение которых напоминает неприятные действия Доминирующего (вопросы № 27–28).

Люди того же пола, что и Доминирующий, обычно не нравятся за свою излишнюю активность (например, стремление контролировать окружающих, указывать, высмеивать, обесценивать чужие достижения, угрожать и т.п.), в то время как люди того пола, к которому относится Подчинённый, как правило, вызывают неприязнь из-за своей пассивности (отсутствия собственной позиции, лени, беспомощности, нежелания развиваться и т.п.) (вопросы № 27–28).

Влияние Подчинённого

Ребёнок более всего боится прожить жизнь так, как его Подчинённый, поэтому он избегает всего, что, как ему кажется, обусловило более низкое, по сравнению с Доминирующим, положение Подчинённого в семье. Вот некоторые следствия этого:

- если пол ребёнка совпадает не с полом Доминирующего, а с полом Подчинённого (вопрос № 35, задавался только женщинам), это обеспечивает гендерную дисфорию, особенно в случае, когда положение Подчинённого в семье было значительно ниже, чем у Доминирующего (вопрос № 17);

- ребёнок не склонен следовать советам относительно профессии, образа жизни и выбора супруга, исходящим от Подчинённого (вопрос № 54).

Человек склонен жалеть и оправдывать людей того пола, к которому относится Подчинённый (вопросы № 31–32, 38).

Алкоголизм и наркомания

К алкоголизму и наркомании предрасположены следующие три категории людей:

1) Доминирующий которых был склонен к чрезмерному контролю (вопрос № 42). (в этом случае употребление спиртного и наркотиков является формой протеста);

2) мужчины и женщины, Доминирующий которых в таком состоянии вёл себя буйно и внушал страх окружающим (вопрос № 44), т.к. у ребёнка возникает желание подражать, ведь получается, что употребление спиртного даёт власть над окружающими, которых охватывает страх. Напротив, мужчины и женщины, Доминирующий которых в пьяном виде становился тихим, особенно если он ложился спать или жаловался на дурноту, к алкоголизму не склонны (вопрос № 45);

3) к алкоголизму и наркомании склонны мужчины и женщины, Доминирующий которых сам не употреблял психоактивных веществ, но отчаянно и безуспешно боролся с пьянством или наркоманией какого-то другого человека (вопрос № 46). Вследствие этого ребёнок может воспринимать того, кто таким способом вызывал отчаяние Доминирующего в качестве победителя, и начать подражать ему.

Закономерности, касающиеся личной жизни

1) человек влюбляется в того, кто, как ему кажется, поможет возвыситься над Доминирующим лицом (вопросы № 74–82). Верно и обратное: любовь проходит, как только человек понимает, что ошибся: избранник или избранница не обладают теми качествами и навыками, которые помогут ему возвыситься над Доминирующим (вопрос № 110);

2) тяжелейшей проблемой для отношений является ситуация, когда положение человека в его супружеской семье начинает напоминать положение его Подчинённого из родительской семьи (вопрос № 109);

3) самым раздражающим для человека является поведение, которое напоминает ему поведение его Доминирующего (вопрос № 107), поскольку именно он когда-то вызывал у него страх и применял в отношении него принуждение. Соответственно, если супруг ведёт себя так, что это напоминает поведение Доминирующего, такое закономерно вызывает гнев. Обратим внимание, что этот вывод противоречит известному суждению, берущему начало из учения Фрейда, якобы люди выбирают супруга, похожего на их родителя противоположного пола, из-за скрытого влечения к этому родителю!

4) выросший ребёнок склонен копировать те качества Доминирующего, за которые, как ему казалось, и любил его Подчинённый (особенно в случае, если Доминирующий и Подчинённый супруги). Ребёнок верит, что, обладая этими качествами, он добьётся любви и подчинения других людей, прежде всего, того, кого он наметил в супруги (вопрос № 73). Если избранник хвалит именно за эти качества, а не за какие-то другие, такое вызывает особый восторг, ведь это значит, что копирующий достиг уровня нашего Доминирующего (вопрос № 72). Приведём пример. Отец-Подчинённый хвалил

Доминирующего (мать) за её умение экономить. Сын таких родителей, вступив в брак, проявляет чудеса скромности, записывает мельчайшие расходы и искренне верит, что именно за это жена будет его любить и восхвалять, хотя та уже не раз говорила, что такое поведение производит на неё удручающее впечатление.

5) ряд испытуемых пожаловались на то, что у их супруга или супруги «неестественное отсутствие агрессии (человек напоминает кота Леопольда, которому всё нравится, и он не хочет ни с кем ссориться)» (вопрос №113). **Человеку, имеющему серьёзный конфликт с его Доминирующим, может быть рискованно вступать в брак с тем, у кого этот конфликт был практически незаметен, поскольку последний будет неспособен разделить его гнев на тех, кто напоминает ему Доминирующему, и более агрессивный** (по причине большей травмированности) **супруг будет чувствовать себя одиноким.** Распространённые жалобы человека, у которого был сильный конфликт с его Доминирующим, на супруга, не имевшего такого конфликта, звучат примерно следующим образом: «Моему супругу (супруге) чего-то не хватает, чтобы быть для меня интересным. Он (она) какой-то «недоделанный», «ни рыба ни мясо»: ни чётко выраженного мнения, ни стремлений»; «мой супруг ни к чему не стремится, ни с кем не конкурирует».

Классификация семейных проблем

Проблемы, возникающие при взаимодействии в паре, также являются следствием особенностей личности Доминирующих и Подчинённых лиц из родительских семей супругов и подразделяются на четыре основные категории:

1) **если муж – сын доминирующей матери,** то чаще возникают конфликты, вытекающие из повышенной агрессии мужа в отношении женщин. Жёны чаще указывают на такие особенности поведения супруга как «лезет в женские дела», например, даёт «ценные указания», как готовить и вести хозяйство, контролирует расходы, поучает, как лучше одеваться и краситься (вопрос №87), критикует внешность жены (вопрос №88), проявляет мелочность, контролирует расходы (вопрос №89), поучает (вопрос №90), намеренно вызывает ревность, оказывая знаки внимания другим женщинам, как бы невзначай показывает «подозрительную переписку» или фото в смартфоне, задерживается после работы, развешивает по стенам фотографии красавиц и т.п. (вопрос №91); сравнивает жену со свекровью или тёщей не в пользу жены (вопрос №92); то и дело говорит: «Ты мне выносишь мозг» (словесный оборот, не характерный для сыновей доминирующих отцов, но типичный для сыновей доминирующих матерей, см. вопрос №93); завидует жене и препятствует её карьере (вопрос №94).

Некоторые женщины жалуются на отсутствие здоровой степени агрессии такого мужа в отношении других мужчин (вопрос №112), например, в полном отсутствии ревности или конкуренции с сослуживцами, что делает такого человека непривлекательным в глазах женщин. Как сказала одна из испытуемых, «мужчина может быть всяким: худым или толстым, умным или глупым, богатым или бедным, но главное не это мужчину делает мужчиной конкуренция с другими мужчинами».

2) **если жена – дочь доминирующей матери,** то мужья женщин этого типа чаще жалуются на чрезмерную зацикленность на быте и деньгах (вопрос №96). Объяснить это можно тем, что дочери доминирующих матерей нацелены на конкуренцию с другими женщинами, а такая конкуренция зачастую идёт в бытовой сфере. О себе дочери доминирующих матерей чаще, чем дочери доминирующих отцов, говорят следующее: «Я ревнива, без конца слежу за мужем, подозреваю, что у него кто-то есть» (вопрос

№101).

Женщина данного типа чаще жалуется на то, что муж слишком скучный, от него мало эмоций, он редко выводит её в гости, мало развлекает (вопрос №99), также чаще встречается жалоба, что муж не возвышает её над другими женщинами (не выводит в свет, не дарит публично подарки, не оказывает знаки внимания), см. вопрос №103.

Дочерям доминирующих матерей, по сравнению с дочерями доминирующих отцов, чаще нравятся мужчины активные, инициативные при знакомстве, настойчивые в ухаживаниях (вопрос №114).

3) если жена – дочь доминирующего отца, то типичны проблемы вследствие того, что такая женщина считает для себя унизительным что-то просить у мужчины (вопрос №100) и с восторгом благодарить его. Характерная жалоба мужа, жена которого – дочь доминирующего отца: «Моя жена не выражает «щенячьего восторга», когда я что-то делаю для неё, и мне уже не хочется для неё стараться» (вопрос №104). Дочери доминирующих отцов, в отличие от дочерей доминирующих матерей, чаще предпочитают скромных мужчин, не проявляющих настойчивости в ухаживаниях (вопрос №115), поскольку в их семьях мужчина зачастую был властным, подавляющим, а то и агрессивным.

Человек конкурирует с людьми того пола, к которому относится его Доминирующий. Ряд высказываний испытуемых-женщин данного типа указывает, что дабы сделать хороший комплимент дочери доминирующего отца, надо сравнить её не с другой женщиной, а с мужчиной (в её пользу).

4) если муж – сын доминирующего отца, то каких-то характерных проблем, связанных с особенностями личности такого человека или с наличием у него особых жалоб на супругу, выявлено не было. Тем не менее, в ряде случаев выявились конфликты следующего рода.

Сын доминирующего отца сосредоточен на конкуренции с другими мужчинами, а подобная конкуренция чаще идёт в традиционно мужских сферах (техника, охота, рыбалка, спорт и т.п.), и женщине бывает трудно найти с ним общую тему для разговора. Такого мужа порой характеризуют как скучного и не любящего светскую жизнь (между тем для дочери доминирующей матери походы в гости зачастую является делом большой важности).

Поскольку агрессия мужчины данного типа направлена на мужчин, то критиковать женщин, в том числе жену, он не склонен. В целом это хорошо, но в случае, когда жена – дочь доминирующей матери, конкурирующая с другими женщинами, полное непонимание этого соперничества разъединяет супружеское парное единство. Напомним, что для дочери доминирующей матери типична следующая жалоба: «Он не возвышает меня над другими женщинами (например, не выводит в свет, публично не дарит подарки и не оказывает знаки внимания)».

Если обобщить сказанное, то **проблемы в парах проис текают, в частности, из-за непонимания, обусловленного разной направленностью агрессии** (тот из супружеских, у которого доминировала женщина, критикует женщин и защищает мужчин, а тот, у кого доминировал мужчина, защищает женщин и критикует мужчин) **и тем, что у кого-то из супружеских агрессия направлена на лиц противоположного пола** (в паре, где у мужа доминирующее лицо мать, а у жены доминирующий – отец, эта агрессия является взаимной).

Результаты вопроса №7 показывают, что испытуемых, у которых Доминирующим была женщина, оказалось больше (55%). Чем это можно объяснить? Тем, что лидером среди пар, обратившихся к психологу, является чета, где и у мужа, и у жены Доминирующим являлась женщина (33,8%). При таком сочетании агрессия мужа направлена на женщин, и он излишне критикует жену (см. вопросы №87–90, 93). Она же, как показывают результаты ответа на вопрос №101, склонна ревновать мужа к другим женщинам, в то время как тот нарочно уязвляет её самолюбие, вызывая ревность и сравнивая с другими женщинами (вопросы №91–92). При этом жена, агрессия которой направлена на женщин, а не на мужчин, замечает, что к ней относятся неуважительно, слишком поздно, когда конфликт зашёл далеко.

Напомним, что пары распределились следующим образом. На втором месте – у жены Доминирующий женщина, а у мужа – мужчина (28,8%), на третьем – у жены Доминирующий мужчина, а у мужа – женщина (22,1%), на четвёртом месте – у жены Доминирующий мужчина, и у мужа тоже (15,3%). Таким образом, наименее конфликтным сочетанием оказалось последнее. Из бесед сарами данного типа можно заключить, что муж и жена в них чаще всего погружены в работу, и не придают большого значения «бытовым мелочам». Жёны не соперничают с другими женщинами, а потому не чувствуют себя униженными, если муж мало зарабатывает или не выводит их в свет. Агрессия обоих супругов направлена на критику мужчин, начиная с политиков и заканчивая сослуживцами, соответственно, муж не склонен уязвлять жену и сравнивать её с другими женщинами, а наиболее типичной проблемой является сдержанное, недостаточно тёплое отношение женщины к мужу (см. вопросы №100 и 104), что редко приводит к открытому конфликту.

Выводы

Учение З. Фрейда об эдиповом комплексе (конкуренция мальчика с отцом за внимание и одобрение матери) является верным, но это лишь частный случай более общей закономерности: соперничества ребёнка с Доминирующим ради признания и одобрения Подчинённого, при этом не важно, какого пола Доминирующий и Подчинённый, и движущей силой здесь является не скрытое влечение к родителю противоположного пола, а желание получить ту же меру почёта и обожания, что получает Доминирующий от Подчинённого. (Напомним, что в работе «Я и оно» З. Фрейд признавал, что бывает эдипов комплекс наоборот, т.е. любовь к родителю своего пола и соперничество с родителем противоположного пола, что согласуется с нашей точкой зрения).

В случае, если пол ребёнка совпадает с полом Подчинённого и не совпадает с полом Доминирующего, то, при условии, что положение Подчинённого было заметно ниже положения Доминирующего, возникает гендерная дисфория. В связи с этим истоки проблем сексуальной ориентации правильнее искать не в генетических предпосылках и не во влиянии пропаганды, а в особенностях семейного уклада.

Фрейд считал, что со временем происходит сублимация – процесс преобразования либидо в какие-либо виды деятельности, одобряемые обществом, но не предложил объяснения, от чего зависит, чем именно человек будет заниматься. Результаты данного исследования демонстрируют, что ребёнок выбирает себе тот вид деятельности, который позволит ему возвыситься над Доминирующим и получить одобрение и восторг Подчинённого.

Мнение А. Адлера насчёт того, что «стиль жизни» человека формируется вследствие комплекса неполноценности, пережитого в детстве, с нашей «теорией доминирования»

вполне согласуется. Адлер, безусловно, прав, утверждая, что ребёнок ищет самую сильную личность в своём окружении и начинает ей подражать. Правда, ни механизма формирования комплекса неполноценности, ни механизма выделения сильнейшей личности Адлер не разъясняет, а приводимые им примеры указывают на то, что, по его мнению, образцом для подражания может быть любой случайный человек.

Мы же считаем, что для выявления сильнейшего необходимы два фактора: принуждение со стороны «сильнейшего», которому ребёнок не в силах противостоять, и фигура Подчинённого, преклоняющегося перед этим «сильнейшим». Недаром говорится: «Короля играет его свита». Без этих элементов комплекс неполноценности, подталкивающий ребёнка к поиску способов возвыситься над «сильнейшим» и получить признание со стороны Подчинённого, не разовьётся.

Выбор объекта для подражания среди посторонних людей возможен только в том случае, если лицо, доминирующее в семье, проявляет уважение, восторг, преклонение перед этим посторонним, обнаруживает ярость, панику, свидетельствующую о беспомощности, зависть или страх (см. вопросы № 55, 57, 59, 61, 63, 65, 67, 69). Поэтому случай, приведенный Адлером, насчёт мальчика, который сказал, что он хочет стать палачом, объясняется не «недостатком социального интереса», не желанием быть «хозяином жизни и смерти», и движет им не «идея бесполезности жизни», а, скорее всего, ужасом (быть может, даже смешанным с почтением), который Доминирующий этого мальчика выразил, говоря о человеке, занимавшемся такого рода ремеслом.

То же самое касается приведённых Адлером примеров, где ребёнок захотел быть кучером, полицейским или врачом. Например, Доминирующий мог бояться лошадей, не уметь управлять ими, завидовать тем, кто работает с животными и т.п., он мог обходить за три версты полицейских, т.к. у него были проблемы с законом, или бояться зубного врача. Может быть и такое, что Доминирующий сам мечтал быть кучером, полицейским или врачом, но не смог и с сожалением говорил об этом в присутствии ребёнка, что и подтолкнуло того к идеи выбрать себе такую профессию, чтобы возвыситься над Доминирующим.

Таким образом, у Адлера не учитывается, что для того, чтобы некий посторонний человек произвел на ребёнка впечатление «сильного» и стал для него образцом для подражания, необходимо, чтобы Доминирующий (из семьи ребёнка) каким-то образом выдал информацию, из которой ребёнок сможет заключить, что если он скопирует качества этого постороннего человека, то возвысится над Доминирующим. Также Адлер не выделяет в окружении ребёнка вторую фигуру (Подчинённого), имеющую не меньшее значение для формирования личности, чем Доминирующий, а ведь именно он акцентирует внимание ребёнка на том, кто и почему является лидером. Кроме того, именно Подчинённый задаёт стандарт того, как жить не надо.

Э. Берн объясняет формирование особенностей личности «родительскими предписаниями», но не даёт объяснения, при каких условиях «родительские предписания» воздействуют на ребёнка, а при каких дети поступают прямо наоборот. Результаты настоящего исследования проливают свет на эти условия. Как уже было сказано, информация, представленная в вопросах № 55, 57, 59, 61, 63, 65, 67, 69 воспринимается ребёнком как руководство к действию, ведь она подсказывает ему, как возвыситься над его Доминирующим. Если Подчинённый ставит себя ребёнку в пример, даёт предписания насчёт профессии, образа жизни, выбора супруга и т.п., эти советы пропускаются мимо ушей, ведь сам советующий представляет собой для ребёнка образец «слабого поведения» (см. вопрос № 54). А вот признания Подчинённого

относительно того, за что он любит Доминирующего и по какой причине подчиняется ему, ребёнок слушает с интересом в расчёте скопировать эти качества Доминирующего и получать такое же одобрение окружающих (см. вопросы №53 и 72–73).

Как считает Э. Берн, сложившиеся сценарии подталкивают человека к определённому взаимодействию с другими людьми («трансакциям»), при этом важнейшими «трансакциями» являются «поглаживания» – различные акты признания и одобрения нашего существования. Тем не менее, какого-то закона, позволяющего предсказать, какие именно «трансакции» жаждет получить тот или иной человек, выведено не было. Результаты настоящего исследования позволяют восполнить этот пробел. Человеку особенно приятно, когда его хвалят за те умения и качества, которые, как ему кажется, свидетельствуют о том, что он достиг уровня своего Доминирующего, а то и превзошёл его (см. вопросы №53, 72–73). Так, например, женщина польстит, если её похвалят за физическую силу, если это было гордостью её отца, являвшегося в семье Доминирующим, но в тот же время она может оскорбиться, если ей скажут в качестве комплимента, что у неё такая же изящная походка, как у её матери, если та играла роль Подчинённого. Тянет же нас прежде всего к тем людям, у которых есть умения и качества, которые позволят нам возвыситься над Доминирующим (см. вопросы №75–77, 79–82). При этом мы избегаем взаимодействовать с теми, кого Доминирующий презирал, считал слабыми и жалкими (вопрос №78).

Согласно Б. Хеллингеру и его последователям, ребёнок зачастую отождествляет себя с каким-либо родственником, «исключённым из семейной системы», т.е. человеком, о котором стараются не говорить (например, о совершившем преступление). По мнению Хеллингера, ребёнка подталкивает к этому «бессознательная групповая совесть», которая стремится восстановить тех, кто предан забвению. Об аналогичных явлениях (например, о «синдроме годовщины») говорит и А. Анселин-Шутценбергер, правда, не предлагая им объяснения.

С точки зрения нашей «теории доминирования», подражание человеку, о котором стараются не говорить, происходит потому, что ребёнок видит: попытка заговорить об «исключённом» вызывает у родственников раздражение, бессильную ярость, страх. Если такую реакцию обнаруживает и Доминирующий, для ребёнка это значит, что тот человек, о котором боятся говорить, «сильнее» Доминирующего, поэтому стоит попробовать ему подражать.

Относительно такой причины подражания как стремление ребёнка завершить некие «не завершённые в семейной системе процессы» можно согласиться с Хеллингером, но с поправкой: осуществлять ребёнок захочет не любые начинания своих родственников, а только мечты Доминирующего (причём только в отношении его самого!), которые тот не смог осуществить (см. вопросы №55–56).

Можно констатировать, что сделанные в данной работе выводы не противоречат вышеперечисленным подходам, скорее они конкретизируют их. Особенно близки к нашим выводам наблюдения З.Фрейда и А.Адлера, и, если бы Фрейд не прервал научный диалог с Адлером, вполне возможно, что они сами пришли бы к выводу, что эдипов комплекс – это лишь частный случай соперничества ребёнка любого пола с Доминирующим (любого пола), причём показателем успешности этого соперничества является одобрение Подчинённого (также любого пола).

Что касается утверждения Х. Хендрикса, что прообразом будущего супруга должен быть тот родитель, с которым у ребёнка были «более сложные» отношения, с ним нельзя

согласиться. Не соответствует истине, на наш взгляд, и положение Хендрикса, что люди, непохожие на наших родителей, менее привлекательны для нас. Собственно говоря, мнение, что супруг или супруга должны «чём-то напоминать» (чём именно?) родителя (какого именно?), широко распространено, по крайней мере, со времён Фрейда (в связи с его учением об эдиповом комплексе), но до сих пор конкретное разъяснение этого положения отсутствует. Судя по всему, люди ищут не того, кто похож на мать или отца, а того, кто поможет возвыситься над лицом, доминировавшим в родительской семье.

Х. Хендрикс пишет, что мы провоцируем своего супруга на то, чтобы он проявил отрицательные качества нашего родителя, чтобы почувствовать нужное нам состояние, но на самом деле провокации в отношении потенциального супруга требуются для того, чтобы проверить две вещи: 1) не поведёт ли себя избранник так, как вёл себя в таких случаях Доминирующий, т.к. это для нас неприятное, травмирующее поведение; 2) сможет ли избранник защитить нас от таких людей, которые ведут себя так же, как Доминирующий.

По мнению Хендрикса, ссоры происходят по следующим причинам: 1) поведение наших супругов нарушает запреты, наложенные нашими родителями; 2) наши мужья и жёны похожи по поведению на наших родителей, а потому не могут залечить наши детские травмы.

С точки зрения «теории доминирования», первый пункт следует переформулировать следующим образом: нам может не нравиться поведение супруга, которое ставит его в положение «слабака», «человека второго сорта» с точки зрения Доминирующего (вопрос №61). Второй пункт можно разъяснить так. Похожесть супруга на Доминирующего не привлекает, а отталкивает, но поскольку мы ищем человека, который должен быть могущественнее нашего Доминирующего, довольно часто случается, что мы выбираем в супруги человека, который оказывается на него похож по поведению. Например, сложно представить, как можно возвыситься над хитрецом, не будучи самому хитрым, или быть могущественнее любителя применять силу, не имея аналогичного опыта. Кроме того, те качества, которыми Доминирующий гордится (вопрос №67), считает сильными ребёнок охотно копирует сам или культивирует в своём супруге, но делается это опять же не из желания видеть рядом с собой человека, напоминающего Доминирующего, а из стремления почувствовать себя с ним сильнее его.

Тенденции, продемонстрированные в настоящем исследовании, имеют практическое значение, т.к. могут послужить для создания опросника с целью выявления направленности личности, а также диагностики проблем взаимоотношений в браке.

Библиография

1. Havighurst R. Developmental Tasks and Education. N.Y.: D. McKay Company, 1972. 119 p.
2. Havighurst R. History of developmental psychology: Socialization and personality development through Life Span. In Baltes P.B.& Schaie (Eds.) Life-Span developmental Psychology: Personality and socialization. N.Y.: Academic press., 1973. P. 3-24.
3. Heymans P. Developmental tasks: A cultural Analysis of Human Development / Developmental tasks: Towards a cultural Analysis of Human Development. Dordrecht, Boston, London, 1994. P. 3-33.
4. Cantor N., Kihlstrom J.F. Social intelligence and cognitive assessments in personality. In R.S. Wyer & T.K. Srull (Eds.), Advances in social cognition. Hillsdale, N.Y.: Erlbaum, 1989. Vol.2. P. 1-60.

5. Zirckel S., Cantor N. Personal construal of life tasks: Those who struggle for independence // Journal of personality and social psychology, 1990, V. 58., P. 172–185.
6. Meeus W. Toward a psychological analysis of adolescent identity; An evaluation of epigenetic theory (Erikson) and identity status model (Marcia). In Meeus et al (Eds.) Adolescence, carriers, cultures. N.Y., 1992. P. 55–76.
7. Marcia J. Development and validation of ego-identity status // Journal of personality and social psychology. 1966. N.3. P. 551–558.
8. Marcia J. The status of statuses: Research review / In Marcia, Walterman et al, Ego identity; A handbook for psychological research. New York.: Springer-Verlag, 1993. P. 22–41.
9. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Academia, 2000. 180 с.
10. Levinson D. A conception of adult development // American psychologist. 1986. № 41. P. 3–13.
11. Lewin K. The Dynamic Theory of Personality. New York; London: McGraw Hill, 1935. 236 p.
12. Moos R. Coping with life crises: an integrated approach. N.Y., 1986. 424 p.
13. Folkman, S., Lazarus, R.S., Gruen, R.J., & DeLongis, A. Appraisal, Coping, Health Status, and Psychological Symptoms. Journal of Personality and Social Psychology, 1986, 50(3), P. 571–579.
14. Erikson E.N. The life cycle completed. New York: Norton, 1982. 134 p.
15. Vaillant G. The climb to maturity: how the best and brightest came of age // Psychology Today. 1977, September. P. 34–39.
16. Шихи Г. Возрастные кризисы. Ступени личностного роста. СПб., 2005. 436 с.
17. Виткин Дж. Мужчина и стресс. СПб.: Питер-пресс, 1996. 207 с.
18. Фридан Б. Загадка женственности. СПб., 1992. 494 с.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 340 с.
20. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996. 589 с.
21. Levinson D. The seasons of women's life: Implications for women and men. Am. Psych. Ass., Boston, 1990. 438 с.
22. Кон И.С. Дружба. Этико-психологический очерк. М., 1980. 255 с.
23. Кон И.С. В поисках себя. М., 1984. 367 с.
24. Абрамова Г.С. Возрастная психология. Екатеринбург, 1999. 621 с.
25. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер Ком, 1999. 416 с.
26. Психология зрелости / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 2003. 767 с.
27. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 349 с.
28. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. М., 1968. 464 с.
29. Малкина-Пых И.Г. Кризисы подросткового возраста. М., 2004. 382 с.
30. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986. 422 с.
31. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. 479 с.
32. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. М., 1993. 140 с.
33. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. М., 1997. 444 с.
34. Маслоу А. Психология бытия. М., 1997. 274 с.
35. Перлз Ф. Гештальт-семинары. Гештальт-терапия дословно. М., 1998. 352 с.

36. Перлз Ф. Опыты психологии самопознания. М., 1993. 272 с.
37. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991. 299 с.
38. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. М., 1994. Т. 15. №1. С. 3–19.
39. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984. 207 с.
40. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. М., 1998. 262 с.
41. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
42. Василюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1999. 284–314.
43. Адлер А. Наука жить. Киев, 1997. 240 с.
44. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. 297 с.
45. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996. 382 с.
46. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. 329 с.
47. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1988. 399 с.
48. Коржова Е.Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб., 2002. 334 с.
49. Кроник А.А. Жизнь как творчество (социально-психологический анализ). Киев, 1985. 302 с.
50. Кроник А.А. Сколько вам лет? Линии жизни глазами психолога. М., 1993. 109 с.
51. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989. 254 с.
52. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. М., 2000. 395 с.
53. Ермолаева М.В. Основы возрастной психологии и акмеологии. М., 2003. 414 с.
54. Любомирский К.Д. Психологические основания формирования образа значимого взрослого у подростков и юношей. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М., 2006. 146 с.
55. Пряжников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение. М. 1996. 318 с.
56. Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // Вопросы психологии. 1997. №4. С. 28–38.
57. Слободчиков В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопросы психологии. М., 1991. №2. С. 37–49.
58. Исаев Е.И., Слободчиков В.И. Возрастная психология // Вопросы психологии. М., 1998. №5. С. 107–114.
59. Большой психологический словарь под ред. Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. М.: Прайм-ЕвроЗнак, 2003. 672 с.
60. Лисина М.И. О механизмах смены ведущей деятельности у детей // Вопросы психологии. М., 1978. №5. С.73–77.
61. Запорожец А.В. Роль ориентировочной деятельности и образа в формировании и осуществлении произвольных движений // Избр. психол. труды. М.: Педагогика, 1986. Т.2. 296 с.
62. Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. М., 1994. 167 с.
63. Мухина В.С. Возрастная психология. М.: Академия, 2004. 456 с.
64. Крайг Г. Психология развития. СПб., 2000. 939 с.
65. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону,

1996. 509 с.
66. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Дону, 1999. 538 с.
67. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал, 1997. Т.18, №5. С. 20–30.
68. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. СПб., 2000. 340 с.
69. Ремшmidt Х. Подростковый и юношеский возраст. М., 1994. 319 с.
70. Бершедова Л.И. Психологическая готовность к переходу на новый этап возрастного развития как личностное новообразование критических периодов. Дис. ... док. психол. наук: 19.00.13. М., 1999. 314 с.
71. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Просвещение, 1991. 90 с.
72. Выготский Л.С. Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1007 с.
73. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 304 с.
74. Толстых Н.Н. Отношение к будущему // Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту. М., 1987. С. 45–65.
75. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. М., 2002. 399 с.
76. Гальперин П.Я., Кабыльницкая С.Л. Экспериментальное формирование внимания. М.: Изд-во МГУ, 1974. 99 с.
77. Карабанова О.А. Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции. Дис. ... док. психол. наук: 19.00.13. М., 2003. 379 с.
78. Карабанова О.А. Ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребёнка: от Л.С. Выготского к П.Я. Гальперину // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2012. № 4. С.73–82.
79. Красило Д.А. Ориентирующий образ наставника в процессе реального самоопределения: Период вхождения во взрослость. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М., 2005. 216 с.
80. Семенихина М.В. Взаимосвязь особенностей рефлексии и образов родителей у мужчин и женщин. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2008. 191 с.
81. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.: ООО «Попурри», 1997. 480 с.
82. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. 455 с.
83. Хорни К. Наши внутренние конфликты. М.: Апрель-Пресс, изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 560 с.
84. Клецина И.С. Самореализация личности и гендерные стереотипы // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 2. СПб., 1998. С. 188–202.
85. Геодакян В.А. Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение / Межд. Конф.: Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен. Москва, 1-4 июня 1994. С. 8-17.
86. Вейнингер О. Пол и характер. Ростов-на-Дону, 1998. 480 с.
87. Соловьев В.С. Смысл любви. М.: АСТ, 2021. 512 с.
88. Шестаков В.П. Русский эрос, или Философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. 448 с.
89. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. 445 с.

90. Maccoby, E.E., Jacklin, C.N. *The psychology of sex differences*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1974. 634 с.
91. Heibrun A. *Human sex-role behavior*. N.Y.: Pergamon Press, Emory University, 1981. 238 р.
92. Выготский Л.С. Педология подростка // Собр. соч. в 6 т. М., 1984. Т.4. С. 6–242.
93. Эльконин Д.Б. Детская психология. М.: Academia, 2004. 383 с.
94. Молчанов С.В. Развитие морально-ценностной ориентации личности как функции социальной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М., 2005. 234 с.
95. Непомнящая В.А. Особенности становления личности в молодости на этапе изменения социальной ситуации развития. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. Томск, 2005. 163 с.
96. Николаева И.А. Субъективный образ социального мира как репрезентация социальной ситуации развития личности (на примере подросткового возраста). Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Казань: 2004, 172 с.
97. Психическое развитие воспитанников детского дома. Под ред. Дубровиной И.В. М.: Педагогика, 1990. 264 с.
98. Карабанова О.А. «Социальная ситуация развития» как альтернатива понятию «социальная среда» в понимании движущих сил психического развития ребенка // Психолог в детском саду. М., 2004. №4. С. 3–39.
99. Кравцова Е.Е. Семья и развитие личности ребенка // Психолог в детском саду. М.: 2004. №2. С. 3–14.
100. Кравцов Г.Г. Методология культурно-исторического подхода и проблема личности // Перспективы развития культурно-исторической теории: Материалы VII Международных чтений памяти Л.С. Выготского / Под ред. В.Т. Кудрявцева. М.: Фонд Л.С. Выготского, 2006. 372 с.
101. Обухова Л.Ф. Две парадигмы в исследовании детского развития // Вопросы психологии. М.: 1996, №5, с. 30–37.
102. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1998. 352 с.
103. Кратохвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний. М.: Медицина, 1991. 335 с.
104. Арутюнянц Э. Педагогический потенциал семьи и проблема социального инфантилизма молодежи // Отец в современной семье. Вильнюс, 1988. С. 26–33.
105. Спиваковская А.С. Профилактика детских неврозов. Комплексная психологическая коррекция. Москва, 1988. 198 с.
106. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб, 1999. 651 с.
107. Личко Е.А. Подростковая психотерапия. Ленинград: Медицина, 1979. 335 с.
108. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Наука, 1994. 325 с.
109. Выготский Л.С. Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1007 с.
110. Васильченко Н.А. Особенности агрессивности и образа родителей у подростков. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Краснодар, 2005. 162 с.
111. Давлетова А.Д. Ориентировка личности в психологическом пространстве родительской семьи (на материале исследования казахской семьи). Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2003. 200 с.
112. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Значение отца для развития ребенка (на материале

- зарубежных исследований) // Семейная психология и семейная терапия. М., 2006. № 1. С. 87–99.
113. Коробанова Ж.В. Влияние полоролевых представлений родителей на формирование личностных особенностей одаренных девочек. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М., 2002. 182 с.
114. Трифонова Е.В. Влияние семейных отношений на формирование субъективных позиций у детей. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М., 2001.
115. Шатров Д.В. Личность родителей и нравственная сфера детей. Дис. ... канд. психол. наук. – СПб.: 2006, 209 с. 156 с.
116. Кон И.С. Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности. М.: Просвещение, 1979. 175 с.
117. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. М., 2006. 432 с.
118. Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии. М., 1998. 304 с.
119. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М., 2006. 320 с.
120. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 412 с.
121. Винникот Д.В. Разговор с родителями. М., 1995. 92 с.
122. Соколова Е.Т. Влияние на самооценку нарушений эмоциональных контактов между родителем и ребенком и формирование аномалий личности // Семья и формирование личности. Сб. науч. ст. под. ред. Бодалева А.А. М., 1981. С. 15–21.
123. Boulby J. A secure-base: Parent-child attachment and healthy human development. N.Y.: Basic Books, 1988. 196 с.
124. Parke R.D. Perceptions of father-infant interaction / J. Osofsky (Ed), Handbook of Infant development. New York, 1979. 954 с.
125. Андреева Т.В. Семейная психология. СПб.: Речь, 2004. 244 с.
126. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Academia, 2003. 334 с.
127. Каган В.Е. Стереотипы мужественности – женственности и образ «Я» у подростков // Вопросы психологии. М., 1989. № 3. С. 53–62.
128. Андреева Т.В., Муромцева С.О. Воспитательная роль отца и становление личности дочери // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2011. Выпуск 1. С. 188–194.
129. Фромм Э. Искусство любви. Исследование природы любви. М., 1990. 157 с.
130. Siegal M. Are sons and daughters treated more differently by fathers than by mothers? // Developmental Review. 1987. № 7. Р. 183–209.
131. Дружинин В.Н. Психология семьи. СПб: Питер, 2006. 176 с.
132. Захаров А.И. Неврозы у детей и психотерапия. СПб.: Лениздат, 2000. 323 с.
133. Циринг Д.А., Савельева С.А. Влияние детско-родительских отношений на формирование беспомощности у детей (системный подход) // Материалы третьей Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи» Часть 2(2). Под общей ред. Лидерса А.Г. М., 2007. С. 398–403.
134. Захаров А.И. Психологические особенности восприятия детьми роли родителей // Вопросы психологии. М., 1982. № 1. С. 59–68.
135. Мудрик А.В. Социализация и воспитание. М., 1997. 95 с.
136. Практикум по возрастной и педагогической психологии / Авт. сост. Е.Е. Данилова; под ред. И.В. Дубровиной. М.: Академия, 2002. 160 с.
137. Фрейд З. Художник и фантазирование. Пер. с нем. Под ред. Р.Ф. Додельцева, К.М. Долгова. М.: Республика, 1995. 398 с.

138. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминания детства. Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского Университета, 1990. 48 с.
139. Хорни К. Самоанализ. Психология женщины. СПб.: Питер, 2002. 480 с.
140. Фрейд З., Адлер А. Характер и судьба. Можно ли разорвать цепь? М.: Родина, 2021. 238 с.
141. Федотова Н.Ф. Глава семьи: мотивы признания // Вопросы психологии. М., 1983. № 5. С. 87–94.
142. Хендрикс Х. Любовь на всю жизнь. Пер. с англ. В. Горохова. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 320 с.
143. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. Воронеж, 1999. 608 с.
144. Хеллингер Б. Счастье, которое остается: куда нас ведут семейные расстановки. Пер. с нем. Дианы Комлач. М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2014. 149 с.
145. Вебер Г. Практика семейной расстановки: системные решения по Берту Хеллингеру. Пер. с нем. Ирины Беляковой. М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2011. 401 с.
146. Анселин-Шутценбергер А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. Пер. с фр. И.К. Масалкова. Москва: Психотерапия, 2011. 252 с.
147. Варга А.Я. Типы родительского отношения. Самара, 1997. 206 с.
148. Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983. 285 с.
149. Baumrind, D. Current patterns of parental authority. *Developmental Psychology*, 4 (1, Pt.2), 1971. P. 1–103.
150. Варга А.Я. Роль родительского отношения в стабилизации детской невротической реакции // Вестник МГУ, Серия Психология, М., 1985. № 4. С. 32–37.
151. Варга А.Я. Идентификация с родителями и формирование психологии пола // Семья и формирование личности: Сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Бодалева. М.: НИИОП АПН СССР, 1981. С. 35–36.
152. Спиваковская А.С. Как быть родителями. М.: Педагогика, 1986. 160 с.
153. Спирева Е.Н., Лидерс А.Г. Стиль семейного воспитания и личностные особенности родителя // Семейная психология и семейная терапия. М., 2001. № 4. С. 71–84.
154. Maccoby E.E. Social development. Psychological growth and parent-child relationship. N.Y., 1980. 436 с.
155. Беньямин Л. Кризис семьи. М., 1998.
156. Бодалев А.А. О психологических основах воспитания личности // Вопросы психологии. М., 1986. № 1. С. 19–27.
157. Петровская Л.А., Спиваковская А.С. Воспитание как общение-диалог // Вопросы психологии. М., 1983. № 2. С. 85–89.
158. Рыбочкина О.С. Взаимосвязь художественных творческих способностей юношей и девушек и их представлений о психологических характеристиках их родителей. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М., 2008. 196 с.
159. Новикова Е.В. О некоторых характеристиках общения между супругами // Семья и формирование личности. Сб. науч. тр. АПН СССР / Под ред. А.А. Бодалева. М., 1981. С. 45–51.
160. Титаренко В.Я. Семья и формирование личности. М.: Мысль, 1987. 351 с.
161. Шапатина О.В. Согласование родительских позиций как условие развития личности

- ребенка в семье. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М., 2001. 184 с.
162. Сонди Л. Судьбоанализ: выбор в любви, дружбе, профессии, заболевании и смерти. Пер. с немецкого А.В. Тихомирова, В.В. Джоса. Екатеринбург; Москва, 2017. 382 с.
163. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. 479 с.
164. Rogers C. On Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy. Boston, 1961. 420 с.
165. Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение, СПб, 2001. 56 с.
166. Абраменкова В.В. Методология и принципы анализа отношений ребенка в социальной психологии детства // Журнал «Психологическая наука и образование», 2001. №4. С. 48–60.
167. Марковская И.М. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми // Семейная психология и семейная психотерапия. М.: 1999. №2. С. 94–108.
168. Фомичева Л.Ф. Образ родителей и представленность отношений с ними у подростков // Психологическая наука и образование. №3. 2005. С. 26–39.
169. Хоментаускас Г.Т. Семья глазами ребенка. М., 1985. 154 с.
170. Смирнова Е.О., Быкова М.В. Опыт построения метода диагностики родительского отношения к ребенку // Семейные психотерапевты и семейные психологи: Кто мы? СПб., 2001. С. 3–14.
171. Трошина Е.Ю. Образы родителей как фактор детерминации и развития супружеских отношений мужчин и женщин. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Курск, 2010. 175 с.
172. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1979. 150 с.
173. Обозов Н.Н., Абакумова О.Н., Трапезникова Т.М. Влияние личностных характеристик родителей и взаимоотношений между ними на формирование личности ребенка // Психология взрослых коллективов. М., 1978. С.128–199.
174. Тащева А.И., Кучерова А.С. Связь самоотношения подростков и их восприятия родителей // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность. Материалы Сибирского психологического форума. 16–18 сентября 2004. Томск, 2004. С. 262–266.
175. Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Моск. Университета. Серия 14. Психология. 1984. №4. С. 13–21.
176. Берко Д.В. Влияние стилей родительского воспитания на личностные особенности девушки. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Ставрополь, 2000. 152 с.
177. Шабельников В.К. Функциональная психология. М., 2004. 590 с.
178. Литвинова А.В. Зависимость формирования личностных характеристик от рассогласования образов родителей // Международная психологическая конференция «Культурно-исторический подход и проблемы творчества» 17–19 ноября 2002. М.: РГГУ, 2002. 426 с.
179. Литвинова А.В., Синягина И.А. Влияние образов родителей на формирование субъектных позиций у старших дошкольников // Психолог в детском саду. М.: 2004. №1, С. 103–108.
180. Литвинова А.В. Взаимосвязь характеристик семейного окружения и целеполагания студентов // Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции под редакцией О.А. Карабановой, Н.Н. Васягиной / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2018. С. 728–

- 735.
181. Лимаева Ю.Ю. Особенности образов родителей и типы привязанности в межличностных отношениях у мужчин и женщин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 3(10). С. 139–142.
182. Лимаева Ю.Ю. Особенности образов родителей у представителей субкультур // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 1. С. 43–50.
183. Лимаева Ю.Ю. Особенности образов родителей у мужчин и женщин с различным уровнем эмоционального интеллекта // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Белгород, 2013. № 6. С. 248–252.
184. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 302 с.
185. Психология творчества: общая, дифференциальная и прикладная // под ред. Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. и др. М.: Наука, 1990. 250 с.
186. Основные современные концепции творчества и одаренности // под ред. Д.Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997. 416 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Связь между особенностями личности «Доминирующего» и «Подчинённого» лица в родительской семье и особенностями личности ребёнка».

Предмет исследования. Работа затрагивает проблему рассмотрения связи между особенностями личности «Доминирующего» и «Подчиненного» лица в родительской семье и формированием личности ребенка. В целом, автор провел подробный теоретико-методологический анализ, а также эмпирическое исследование, которое позволило сделать значимые выводы и заключения.

Методология исследования определяется выделенной актуальностью. Исследование опирается на научные результаты, которые были получены зарубежными и отечественными специалистами.

Актуальность исследования определяется важностью выявления механизмов и закономерностей формирования личности ребенка в ее взаимосвязи с позициями «Доминирующего» и «Подчиненного» лица в родительской семье.

Научная новизна исследования. Полученные результаты отличаются практической значимостью, могут послужить для создания опросника с целью выявления направленности личности, а также диагностики проблем взаимоотношений в браке.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Однако, не выделены основные смысловые части, что требуется в научно-исследовательской статье.

Во введении статьи представлены методические подходы, которые рассматривают формирование особенностей человека и его жизненных сценариев.

В первом разделе описаны основные понятия в исследованиях жизненного сценария «Жизненная задача»: «достижение идентичности», «взросление», «переход к взрослости», «самоопределение», «Я-концепция», «образ «Я»», «жизненный стиль»,

«кризис юности». Автором представлены отечественные и зарубежные подходы ученых и практиков.

Во втором разделе представлена характеристика понятий, которые связаны с лицом, влияющим на формирование жизненного сценария «Знакомый другой» («близкий взрослый»). Автор отталкивается от феномена, введенного американским психиатром Г.Салливаном. В разделе рассматриваются следующие вопросы: функции «значимого другого», кто может играть роль «значимого другого», «значение наставника и проводника во взрослую жизнь», «образ незначимого другого».

Следующий раздел касается проблем формирования психологических различий между мужчинами и женщинами, а также влияния данных различий на жизненные сценарии. Автором были рассмотрены подходы В.А. Геодакян, И.С. Клециной, З.Фрейда, К.Хони, а также известные философские работы по гендерной тематике. Особое внимание уделено тематике «андрогинии».

Следующие разделы содержат анализ исследований: роли социальной среды (семьи) в формировании личности, значение матери и отца, инверсии родительских ролей, отношения ребенка к своему положению в семье и обществе; особенностей «родительских предписаний», поведения, убеждения, мироощущения, норм и ценностей в семье и др. Особое внимание уделяется описанию типов семейного воспитания (эмоционального отношения, стиля общения, удовлетворения потребностей и осуществления контроля), конфликтам и рассогласованности и напряженности между «родительскими линиями».

В основном разделе автором представлена гипотеза, методы и организация исследования. Автор обосновал выбор методики, описал эмпирическую базу исследования, этапы эксперимента и основные способы обработки полученных данных. В работе дана подробная характеристика обработанных результатов, которые представлены, в том числе, в табличной форме и в виде рисунков.

Заканчивается работа аргументированными выводами, в которых представлена практическая значимость проведенного исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 186 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В списке присутствуют, в основном, научно-исследовательские статьи и тезисы. Помимо этого, в библиографии имеются монографии, диссертации и учебно-методические пособия. Источники оформлены, в основном, неоднородно и некорректно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- структурировать работу, выделив введение, основную часть и заключение;
 - оформить корректно, с учетом предъявляемых требований библиографический список.
- Выводы.** Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые рассматривают проблемы формирования психологических различий между мужчинами и женщинами, влияние данных различий на жизненный сценарий. Статья может быть рекомендована к опубликованию с учетом выделенных рекомендаций.

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Гайдай А.С., Кадыров Р.В., Капустина Т.В. — Мобильные приложения для психического здоровья: обзор литературы // Психолог. — 2023. — № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.44193 EDN: YRWLJC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44193

Мобильные приложения для психического здоровья: обзор литературы

Гайдай Антон Сергеевич

ORCID: 0000-0002-0648-1170

старший преподаватель, кафедра Общепсихологических дисциплин, ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России.

690017, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Проспект Острякова, 2, каб. 12-008

✉ Netparoley@gmail.com**Кадыров Руслан Васитович**

кандидат психологических наук

заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр. Острякова, 2

✉ rusl-kad@yandex.ru**Капустина Татьяна Викторовна**

ORCID: 0000-0001-9833-8963

кандидат психологических наук

доцент, кафедра Общепсихологических дисциплин, ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр. Острякова, 2

✉ 12_archetypesplus@mail.ru[Статья из рубрики "Горизонты психологии"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8701.2023.5.44193

EDN:

YRW LJC

Дата направления статьи в редакцию:

27-09-2023

Дата публикации:

04-10-2023

Аннотация: В данной статье представлен обзор литературы по мобильным приложениям для психического здоровья. Объектом исследования являются мобильные приложения, разработанные для оказания помощи при различных психических расстройствах. В статье подробно рассмотрены аспекты, связанные с эффективностью и доступностью таких приложений, а также преимущества и недостатки использования мобильных приложений в контексте пользы для конечного пользователя. Эта статья предлагает обобщенный обзор литературы по данной теме и может служить основой для дальнейших исследований в области мобильных приложений для психического здоровья. Также предпринята попытка определить перспективные для данной области направления. Авторы приходят к выводу, что мобильные приложения для психического здоровья обладают как рядом достоинств, среди которых можно назвать их общедоступность, конфиденциальность и положительное влияние на здоровье пользователей, так и недостатками, которые в значительной степени связаны с недавним возникновением области и отсутствием контроля со стороны специалистов в области психического здоровья. Научная новизна статьи заключается в систематизации и анализе существующих данных о мобильных приложениях для психического здоровья. Выводы статьи могут быть полезны для специалистов в области психологии и разработчиков мобильных приложений для психического здоровья.

Ключевые слова:

Психическое здоровье, Мобильные приложения, Поддержка психического здоровья, Обзор литературы, Доступность психологической помощи, Технологии здоровья, Мобильные сервисы, Цифровое здравоохранение, Электронное здоровье, Психологическое благополучие

Вопросы психического здоровья приобретают все большую актуальность в современном мире. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, каждый восьмой человек в мире страдает от того или иного психического расстройства [45]. Более того, во время пандемии COVID-19 произошел резкий рост числа депрессивных и тревожных расстройств. В то же время существующие системы здравоохранения и психологические службы оказываются не в состоянии оказать помощь всем нуждающимся, и значительное их число вынуждено справляться со своими недугами самостоятельно. Это обуславливает актуальность альтернативных путей оказания как медицинской, так и психологической помощи.

Новые технологии в сферах телекоммуникации и программирования могут открыть нам подобные альтернативы. Одним из перспективных путей являются мобильные приложения для психического здоровья. Они представляют собой программы, устанавливаемые и функционирующие на смартфонах, и предназначены для оказания дистанционных услуг в области психического здоровья и могут применяться для общения со специалистом, саморегуляции, диагностики и лечения [27]. Такие приложения обладают рядом очевидных преимуществ по сравнению с традиционными методами помощи: они доступны круглые сутки любому обладателю смартфона, территориально зависят только от доступа к сети Интернет, с ними нет необходимости дожидаться приема у специалиста, они недороги либо вовсе бесплатны и позволяют сохранять анонимность [21, 27, 35]. Новые технологии открывают перспективы серьезного увеличения

эффективности борьбы с психическими расстройствами, что широко обсуждается последние годы [21, 27]. Так, с 2016 по 2018 год число приложений для психического здоровья выросло втрой [35], и на текущий момент их перечень состоит из десятков тысяч наименований [23]. Что касается разновидностей подобных приложений, то в литературе выделяются облачные и web-приложения, мобильные и VR-приложения [36]. Также отдельно может выделяться коммуникация со специалистом при помощи текстовых сообщений [38].

Итак, мы имеем сферу мобильных приложений для психического здоровья, возникшую совсем недавно, развивающуюся лавинообразным образом, пользующуюся спросом и способную приносить большую пользу людям. Однако, достаточно быстро стали появляться публикации, авторы которых указывали на негативные стороны технологического прогресса, среди которых можно назвать незащищенность данных пользователей, отсутствие сертификации, противоречивые данные об эффективности и использование в приложениях подходов с недоказанной эффективностью. Все сказанное делает чрезвычайно актуальным обзор данной сферы с целью выяснить эффективность мобильных приложений для психического здоровья.

Объект настоящего исследования – мобильные приложения для психического здоровья.

Предмет – оценка достоинств и недостатков мобильных приложений для психического здоровья в научной периодике.

Методы исследования

Поиск публикаций по интересующему нас предмету осуществлялся путем запросов «mobile app» и «mobile mental health application» в психологических разделах баз данных научной периодики Scopus, PubMed и в поисковой системе Google Scholar. Поиск русскоязычных публикаций осуществлялся через запрос «мобильное приложение» в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU. Отбирались те публикации, в которых описывались обзорные исследования приложений. То есть, во избежание чрезмерного разрастания объема настоящей публикации, мы старались рассматривать обзоры, а не отчеты о применении отдельных приложений. В отечественной научной периодике таких публикаций найти не удалось, что нашло свое отражение в списке литературы. В изложении результатов мы будем последовательно рассматривать преимущества и недостатки мобильных приложений для психического здоровья.

Результаты и их обсуждение

Полученные сведения будут представлены последовательным перечислением и описанием отмечаемых в литературе достоинств и недостатков интересующей нас области. Более предпочтительным было бы приведение статистических сведений об эффективности мобильных приложений, но на сегодняшний день такой анализ представляется крайне затруднительным, если не невозможным. Есть несколько причин такого положения дел, среди которых можно назвать большое разнообразие самих приложений, их направленность на различные расстройства и состояния, разные целевые аудитории и применение всевозможных психотерапевтических подходов, независимо от их научной обоснованности. Все это усугубляется тем обстоятельством, что мобильное приложение может сделать любой желающий, исходя из личной заинтересованности, коммерческих соображений или же по другим причинам. Никакой системы сертификации на сегодняшний день не существует и в этом отношении все приложения равны. Поэтому на текущий момент общий обзор представляется наиболее

целесообразным.

Существует большое количество свидетельств в пользу того, что мобильные приложения для психического здоровья улучшают терапевтические результаты, в том числе ослабляют симптомы расстройств настроения [7, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 22-24, 30-33, 37, 40, 44, 46]. В одном из метаанализов было выявлено, что вмешательство с помощью мобильных приложений имело небольшое или умеренное воздействие в снижении симптомов депрессии в общей выборке из 3 414 взрослых как клинических, так и доклинических групп населения [18]. В одной из публикаций приводятся доказательства полезности мобильных приложений, предназначенных для работы с депрессией, стрессом, тревогой и расстройствами пищевого поведения у студентов [22]. В другой обзорной работе было показано, что участники испытали снижение уровня стресса и улучшение навыков преодоления трудностей после трех недель использования приложений [37]. Вероятное объяснение состоит в том, что приложения дают клиенту возможность практиковать новые полезные навыки, фасилитируя процесс оздоровительных изменений, и тем самым повышают общую эффективность всего лечения.

Это происходит посредством дополнения и поддержки различных этапов традиционной терапии, способствуя решению специфических задач каждого из них. Так, было обнаружено, что приложения для психического здоровья с функцией отслеживания и контроля эмоционального состояния и стресса пользователя, ослабляют симптомы депрессии, тревоги и стресса [24]. Особенno ценны такие приложения благодаря возможности контроля состояния клиента и, вследствие этого, оперативной корректировки индивидуальных рекомендаций. Также отмечаются частые благодарные упоминания пользователями в отзывах к приложениям таких функций, как «напоминание и уведомление», «ведение журнала», «визуализация и экспорт данных». Все это – преимущества именно приложений для психического здоровья, которые ценятся обращающимися за помощью людьми.

Одним из важных преимуществ мобильных приложений является их легкодоступность в случае необходимости. Трудности, связанные с необходимостью дождаться своей очереди на прием и приехать на него в случае территориальной удаленности, здесь просто отсутствуют. Неудивительно поэтому, что данное преимущество является одним из обычных, подчеркиваемых в литературе [3, 5, 7, 12, 13, 16, 17, 23, 24, 33, 44]. Такое обеспечение круглосуточного доступа к поддержке важно в любом регионе, но особенную значимость обретает в тех областях, где квалифицированная психологическая помощь недоступна [2]. Кроме непосредственной пользы, эта особенность приложений отчетливо осознается пользователями, видящими здесь возможность относительно легко начать вносить позитивные изменения в свою жизнь, что оказывает серьезное влияние на желание клиентов пользоваться помощью такого рода [13]. Еще одна важная сторона доступности заключается в более сложной терапии запущенных состояний – чем дольше клиент остается без помощи, тем выше риск развития более серьезных расстройств. И в этом смысле мобильные приложения тоже могут обеспечить своевременную поддержку и профилактику [2, 3, 21]. Также подчеркивается всесторонняя гибкость мобильных приложений, что позволяет пользователям преодолевать организационные, социальные и индивидуальные барьеры для получения психологической помощи [6]. Что касается приложений, действующих на принципах научно-обоснованных направлений психотерапии, то в них зачастую предполагается выбор – можно пользоваться ими самостоятельно, получать поддержку

специалиста через приложение, а также использоваться как дополнение к традиционным сеансам у специалиста [29].

Другая группа факторов полезности мобильных приложений для психического здоровья может быть охарактеризована как экономическая. Так, в источниках указывается относительная простота поиска информации о психологической помощи, которая подходила бы конкретному пользователю с финансовой точки зрения [1, 5, 7, 12, 24, 33, 44]. В одной из публикаций, посвященной использованию мобильных приложений для психического здоровья студентами с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью, показано, что необходимость только символической платы оказала решающую роль в получении помощи нуждающимися в ней лицами, тогда как обращение к специалистам традиционным способом было им не по карману. Действительно, средняя стоимость платных приложений составляет около 5 долларов США, что в 20-40 раз дешевле стоимости одного приема у профильного специалиста [7].

В литературе подчеркивается, что анонимность при пользовании мобильными приложениями позволяет избежать стигматизации, которая, несмотря на распространение научных знаний о психическом здоровье, продолжает оставаться проблемой [7, 12, 16, 17]. Если же говорить о культурах, где сохраняются традиционные представления о стыде, то обращение за помощью может иметь обратный эффект и даже усугубить состояние клиента [34]. Кроме того, в одном из обзоров утверждается, что приложения могут служить своеобразным входом в сферу психологической помощи и в конечном итоге приводить клиента к специалисту [44]. В целом, мобильные приложения для психического здоровья позволяют пользователям преодолевать препятствия при обращении за помощью, возникающие из-за негативного отношения к традиционной психолого-психиатрической помощи [39].

Вышеизложенное показывает несомненную пользу мобильных приложений в сочетании с традиционной терапией. Однако, были выявлены и определенные проблемы этого инструмента, к рассмотрению которых мы теперь и обратимся.

Общей проблемой для мобильных приложений является низкий процент удержания пользователей [19, 30, 32, 42, 46]. В одном из обзоров указывается, что доля потерянных пользователей превышает 20% [19]. В другой работе процент участников, полностью прошедших курс терапии на мобильных устройствах, характеризовался широким разбросом в зависимости от исследования: от 29,4% до 87,5%. Среди причин ухода пользователей называют такие факторы, как неудовлетворительная функциональность и трудности в использовании приложений [42]. Также, применение мобильных приложений предполагает отсутствие уверенности, что предлагаемые воздействия используются в соответствии с замыслом разработчика [25]. И действительно, на сегодняшний день существует лишь малое число объективных способов обеспечить правильное выполнение заданий пользователем, поэтому в данном случае все зависит исключительно от мотивации клиента.

Следующая причина для опасений подразумевает приложения, предназначенные для сопровождения лиц с высоким суициальным риском. Согласно имеющимся данным, такие приложения пока не отличаются высокой эффективностью в предотвращении самоубийств [28, 42]. Так, ни одно из подобных приложений не соответствует передовой практике предоставления информации о кризисной поддержке внутри приложения, то есть там нет четких и ясных инструкций для пользователя о поведении в критическом

случае [28]. Большинство приложений пока не способны эффективно помогать во время ситуаций, связанных с самоубийством или членовредительством, тем более прогнозировать наступление таких ситуаций заранее [42]. В итоге лица с высоким суицидальным риском пока не находят должной поддержки посредством мобильных приложений для психического здоровья.

Среди проблем с конфиденциальностью выделяются два основных недостатка: доступ третьих лиц к конфиденциальной информации и отсутствие политики конфиденциальности [1, 9, 13, 17, 28, 42, 44]. Так, пользователи часто озвучивают опасения, что информация о них используется без соответствующего согласия в маркетинговых целях [9, 13, 17, 42, 44]. Еще большее беспокойство связано с мыслями о попадании личной информации в открытый доступ с последующими проблемами в личной, профессиональной и других сферах жизни [44]. Если судить по отзывам пользователей, то они были недовольны отсутствием необходимости вводить пароль для доступа к конфиденциальной информации [11].

Что касается политики конфиденциальности, только 22% приложений, ориентированных на биполярное расстройство, и 29% приложений, ориентированных на самоубийство или самоповреждающее поведение, предоставляли четкую политику конфиденциальности, которая информировала бы пользователей о том, как используются их данные [1, 28]. То есть при использовании части приложений для психического здоровья имеется реальный риск быть идентифицированным и столкнуться с рядом проблем в различных сферах жизни, что разрушает доверие пользователей к этим приложениям.

Эффективность мобильных приложений для психического здоровья

Как уже говорилось, существуют сведения об эффективности мобильных приложений [4, 12, 15, 24, 31, 32, 37, 42, 44]. Но при подробном рассмотрении выясняется, что далеко не всегда в рассматриваемых исследованиях использовались корректные методы оценки воздействий, а если они все-таки использовались, то речь шла о небольшом числе участников [15]. Что, касается краткосрочной эффективности, то о ней можно говорить лишь относительно двух приложений, свидетельств же долгосрочной эффективности от использования приложений пока нет – большая часть исследований дает информацию о периодах использования приложений продолжительностью менее шести месяцев [12]. В одном из обзорных исследований, где рассматривались 11 рандомизированных контролируемых исследования результатов использования приложений, авторы приходят к выводу, что долговременная польза от приложений не подтверждается эмпирическими данными, поэтому нуждающимся в соответствующей помощи не стоит всецело полагаться на данный инструмент [31]. Подытоживая, можно сказать, что доказательная база свидетельствует о нехватке качественных, полезных, удобных приложений, и, несмотря на стремительный рост их числа, свидетельства их полезности остаются достаточно скромными [4, 8, 10, 20, 43].

Также, ряд авторов указывает на сомнительную теоретическую основу некоторых приложений для психического здоровья [24, 37, 42, 44]. Например, в одном из обзоров отмечается, что лишь в малой части рассмотренных работ давалось четкое обоснование предлагаемых воздействий [37]. В другом обзоре таких ничем не обоснованных приложений оказалось 2 из 14 рассматриваемых [24]. Излишне говорить, что непроверенные практики могут наносить вред пользователям, которым, как и

специалистам, следует знать о подобных проблемах в данной области.

Заключение

Мы получили до некоторой степени противоречивые сведения о полезности мобильных приложений для психического здоровья. Они, несомненно, обладают большим потенциалом для помощи людям с психическими расстройствами, но также им присущи и заметные недостатки, которые трудно назвать неустранимыми, но о которых, тем не менее, следует знать всем заинтересованным сторонам. Конечно, часть неясностей вызвана широким характером данного обзора. Несомненно, картина, связанная с рассмотрением одного из направлений в данной области, связанного с конкретным расстройством или выборкой, может заметно отличаться от представленной. Исходя из вышеизложенного, мы считаем необходимым сделать некоторые выводы относительно перспективности будущих исследований мобильных приложений для психического здоровья.

Отсутствие стандартизованных способов оценки приложений для психического здоровья обуславливает необходимость разработки соответствующих руководств для пациентов и специалистов, а также систем сертификации. В основе признания приложения качественным могут быть его разработка на базе обоснованного подхода, научная оценка эффективности и наличие связи со службами экстренной помощи.

Проблемы вовлеченности пользователей могут быть в значительной степени решены с помощью интерактивных элементов, геймификации и интеграции с социальными сетями [14]. Действительно, проблемы вовлеченности пользователей в мобильные приложения для психического здоровья могут быть эффективно решены с помощью различных подходов. Один из таких подходов связан с использованием интерактивных элементов. Интерактивные элементы могут помочь пользователям чувствовать себя активными участниками процесса улучшения своего психического здоровья. Например, пользователи могут проходить различные тесты или опросы, чтобы оценить свое психическое состояние, а затем получать рекомендации и советы в зависимости от результатов. Это дает людям ощущение контроля и участия. Еще один стимулирующий подход - геймификация. Геймификация позволяет превратить процесс улучшения психического здоровья в игру или соревнование, что может быть очень мотивирующим для пользователей. Например, мобильное приложение может предлагать достижения за достижение определенных целей, использование функций приложения или участие в определенных заданиях. Пользователи могут соревноваться с друзьями или другими пользователями приложения, что также будет способствовать поддержанию их интереса и мотивации. Интеграция с социальными сетями также может быть полезным инструментом для увеличения вовлеченности пользователей. Пользователи могут делиться своими достижениями, прогрессом или опытом с помощью социальных сетей, если сочтут это необходимым, что позволит им получать поддержку от других людей. Это создаст дополнительную мотивацию и чувство принадлежности к сообществу людей с похожими затруднениями. Однако для эффективного решения проблем вовлеченности пользователей в мобильные приложения для психического здоровья необходимо учитывать различные факторы, такие как индивидуальные потребности пользователей, качество контента, удобство использования и конфиденциальность данных. Важно дополнить эти подходы дальнейшим исследованием и анализом, чтобы разработать более эффективные стратегии для повышения вовлеченности и улучшения психического здоровья пользователей.

Более широкое использование возможностей мобильных устройств, учет состояния

пользователя с привязкой к месту и времени, может обеспечить персонализированный, чувствительный к контексту подход во взаимодействии с приложением. При сочетании мобильного приложения с традиционной терапией, возможен доступ специалиста к части информации о клиенте, если это представляется необходимым и желательным [9, 11, 18].

Одним из перспективных направлений представляется оценка эффективности и привлекательности мобильных приложений для представителей старшего поколения. Поскольку большая часть исследований проводилась среди представителей молодежи, результаты для людей, хуже знакомых с современными технологиями и относящимися к ним не так благосклонно, могут заметно отличаться от имеющихся [31, 35, 41].

По результатам обзора мы можем утверждать, что мобильные приложения для психического здоровья обладают такими достоинствами как доступность, экономичность и конфиденциальность. Другим важным достоинством является улучшение результатов лечения. Выше мы уже имели возможность видеть, что далеко не всегда эти достоинства находят полное воплощение, что связано с достаточно широкой распространенностью таких недостатков, как высокий процент уходящих пользователей, трудности с защитой данных и использование сомнительных психотерапевтических подходов в качестве основы приложений. Эти недостатки, как и зачастую недостаточное раскрытие достоинств, неудивительны, если учесть лишь недавнее возникновение данной области. Перечисленные недостатки едва ли носят критический характер и уже сегодня можно говорить о новых богатых возможностях, открывающихся для психологии в сфере мобильных приложений для психического здоровья.

Библиография

1. Alqahtani, F.; Orji, R. Insights from User Reviews to Improve Mental Health Apps. *Health Inform. J.* 2020, 26, 2042–2066.
2. Anderson, J.K.; Howarth, E.; Vainre, M.; Jones, P.B.; Humphrey, A. A Scoping Literature Review of Service-Level Barriers for Access and Engagement with Mental Health Services for Children and Young People. *Child. Youth Serv. Rev.* 2017, 77, 164–176.
3. Bakker, D.; Kazantzis, N.; Rickwood, D.; Rickard, N. Mental Health Smartphone Apps: Review and Evidence-Based Recommendations for Future Developments. *JMIR Ment. Health* 2016, 3, e4984.
4. Balcombe L, De Leo D. Human-Computer Interaction in Digital Mental Health. *Informatics*. 2022; 9(1):14. <https://doi.org/10.3390/informatics9010014>
5. Balcombe, L.; Leo, D.D. Psychological Screening and Tracking of Athletes and Digital Mental Health Solutions in a Hybrid Model of Care: Mini Review. *JMIR Form. Res.* 2020, 4, e22755.
6. Baumann, H., Heuel, L., Bischoff, L.L. et al. mHealth interventions to reduce stress in healthcare workers (fitcor): study protocol for a randomized controlled trial. *Trials* 24, 163 (2023). <https://doi.org/10.1186/s13063-023-07182-7>
7. Binhadyan, B.; Davey, B.; Wickramasinghe, N. How e-mental health services benefit university students with ADHD: A literature review. *arXiv* 2016, arXiv:1606.00876.
8. Bolinski, F.; Boumparis, N.; Kleiboer, A.; Cuijpers, P.; Ebert, D.D.; Riper, H. The Effect of E-Mental Health Interventions on Academic Performance in University and College Students: A Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials. *Internet Interv.* 2020, 20, 100321.
9. Borghouts, J.; Eikey, E.; Mark, G.; De Leon, C.; Schueller, S.M.; Schneider, M.;

- Stadnick, N.; Zheng, K.; Mukamel, D.; Sorkin, D.H. Barriers to and Facilitators of User Engagement with Digital Mental Health Interventions: Systematic Review. *J. Med. Internet Res.* 2021, 23, e24387.
10. Burger, F.; Neerincx, M.A.; Brinkman, W.-P. Technological State of the Art of Electronic Mental Health Interventions for Major Depressive Disorder: Systematic Literature Review. *J. Med. Internet Res.* 2020, 22, e12599.
11. Burns MN, Begale M, Duffecy J, Gergle D, Karr CJ, Giangrande E, Mohr DC Harnessing Context Sensing to Develop a Mobile Intervention for Depression. *JOURNAL OF MEDICAL INTERNET RESEARCH* 2011;13(3):e55 doi: 10.2196/jmir.1838.
12. Carter, H.; Araya, R.; Anjur, K.; Deng, D.; Naslund, J.A. The Emergence of Digital Mental Health in Low-Income and Middle-Income Countries: A Review of Recent Advances and Implications for the Treatment and Prevention of Mental Disorders. *J. Psychiatr. Res.* 2021, 133, 223–246.
13. Chan, A.H.Y.; Honey, M.L.L. User Perceptions of Mobile Digital Apps for Mental Health: Acceptability and Usability—An Integrative Review. *J. Psychiatr. Ment. Health Nurs.* 2022, 29, 147–168.
14. Denecke K, Schmid N, Nüssli S. Implementation of Cognitive Behavioral Therapy in e-Mental Health Apps: Literature Review. *J Med Internet Res.* 2022 Mar 10;24(3):e27791. doi: 10.2196/27791. PMID: 35266875; PMCID: PMC8949700.)
15. Drissi, N.; Ouhbi, S.; Marques, G.; Díez, I.D.L.T.; Ghogho, M.; Janati Idrissi, M.A. A Systematic Literature Review on E-Mental Health Solutions to Assist Health CareWorkers During COVID-19. *Telemed. E-Health* 2021, 27, 594–602.
16. Eisenstadt, M.; Liverpool, S.; Infanti, E.; Ciuvat, R.M.; Carlsson, C. Mobile Apps That Promote Emotion Regulation, Positive Mental Health, and Well-Being in the General Population: Systematic Review and Meta-Analysis. *JMIR Ment. Health* 2021, 8, e31170.
17. Ellis, L.A.; Meulenbroeks, I.; Churruca, K.; Pomare, C.; Hatem, S.; Harrison, R.; Zurynski, Y.; Braithwaite, J. The Application of E-Mental Health in Response to COVID-19: Scoping Review and Bibliometric Analysis. *JMIR Ment. Health* 2021, 8, e32948.
18. Firth, J.; Torous, J.; Nicholas, J.; Carney, R.; Pratap, A.; Rosenbaum, S.; Sarris, J. The Efficacy of Smartphone-Based Mental Health Interventions for Depressive Symptoms: A Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials. *World Psychiatry* 2017, 16, 287–298.
19. Garrido, S.; Millington, C.; Cheers, D.; Boydell, K.; Schubert, E.; Meade, T.; Nguyen, Q.V. What Works and What Doesn't Work? A Systematic Review of Digital Mental Health Interventions for Depression and Anxiety in Young People. *Front. Psychiatry* 2019, 10, 759.
20. Grist R, Porter J, Stallard P. Mental Health Mobile Apps for Preadolescents and Adolescents: A Systematic Review. *J Med Internet Res.* 2017 May 25;19(5):e176. doi: 10.2196/jmir.7332. PMID: 28546138; PMCID: PMC5465380.)
21. Ha, S.W.; Kim, J. Designing a Scalable, Accessible, and Effective Mobile App Based Solution for Common Mental Health Problems. *Int. J. Hum. Comput. Interact.* 2020, 36, 1354–1367.
22. Harith, S.; Backhaus, I.; Mohbin, N.; Ngo, H.T.; Khoo, S. Effectiveness of Digital Mental Health Interventions for University Students: An Umbrella Review. *PeerJ* 2022, 10, e13111.
23. Henson, P.; Wisniewski, H.; Hollis, C.; Keshavan, M.; Torous, J. Digital Mental Health Apps and the Therapeutic Alliance: Initial Review. *BJPsych Open* 2019, 5, e15.
24. Hwang, W.J.; Ha, J.S.; Kim, M.J. Research Trends on Mobile Mental Health Application for General Population: A Scoping Review. *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2021, 18,

2459.

25. Kendall, P. C., Khanna, M. C., Edson, A., Cummings, C., & Harris, M. S. (2011). Computers and psychosocial treatment for child anxiety: Recent advances and ongoing efforts. *Depression and Anxiety*, 28, 58–66
26. Khazaal, Y.; Favrod, J.; Sort, A.; Borgeat, F.; Bouchard, S. Editorial: Computers and Games for Mental Health and Well-Being. *Front. Psychiatry* 2018, 9, 141.
27. Kretzschmar, K.; Tyroll, H.; Pavarini, G.; Manzini, A.; Singh, I.; NeurOx Young People's Advisory Group. Can Your Phone Be Your Therapist? Young People's Ethical Perspectives on the Use of Fully Automated Conversational Agents (Chatbots) in Mental Health Support. *Biomed. Inform. Insights* 2019, 11, 1178222619829083.
28. Larsen, M.E.; Nicholas, J.; Christensen, H. A Systematic Assessment of Smartphone Tools for Suicide Prevention. *PLoS ONE* 2016, 11, e0152285.
29. Lattie, E.G., Stiles-Shields, C. & Graham, A.K. An overview of and recommendations for more accessible digital mental health services. *Nat Rev Psychol* 1, 87–100 (2022). <https://doi.org/10.1038/s44159-021-00003-1>
30. Lattie, E.G.; Adkins, E.C.; Winquist, N.; Stiles-Shields, C.; Wafford, Q.E.; Graham, A.K. Digital Mental Health Interventions for Depression, Anxiety, and Enhancement of Psychological Well-Being Among College Students: Systematic Review. *J. Med. Internet Res.* 2019, 21, e12869.
31. Leech, T.; Dorstyn, D.; Taylor, A.; Li, W. Mental Health Apps for Adolescents and Young Adults: A Systematic Review of Randomised Controlled Trials. *Child. Youth Serv. Rev.* 2021, 127, 106073.
32. Lehtimaki, S.; Martic, J.; Wahl, B.; Foster, K.T.; Schwalbe, N. Evidence on Digital Mental Health Interventions for Adolescents and Young People: Systematic Overview. *JMIR Ment. Health* 2021, 8, e25847.
33. Liverpool, S.; Mota, C.P.; Sales, C.M.D.; Čuš, A.; Carletto, S.; Hancheva, C.; Sousa, S.; Cerón, S.C.; Moreno-Peral, P.; Pietrabissa, G.; et al. Engaging Children and Young People in Digital Mental Health Interventions: Systematic Review of Modes of Delivery, Facilitators, and Barriers. *J. Med. Internet Res.* 2020, 22, e16317.
34. Lua, V.Y.Q.; Majeed, N.M.; Hartanto, A.; Leung, A.K.-Y. Help-Seeking Tendencies and Subjective Well-Being: A Cross-Cultural Comparison of the United States and Japan. *Soc. Psychol. Q.* 2022, 85, 164–186.
35. Marshall, J.M.; Dunstan, D.A.; Bartik, W. Clinical or Gimmickal: The Use and Effectiveness of Mobile Mental Health Apps for Treating Anxiety and Depression. *Aust. N. Z. J. Psychiatry* 2020, 54, 20–28.
36. Muniya S. Khanna, Matthew Carper. Digital Mental Health Interventions for Child and adolescent Anxiety, Cognitive and Behavioral Practice, Volume 29, Issue 1, 2022, Pages 60-68, ISSN 1077-7229, <https://doi.org/10.1016/j.cbpra.2021.05.003>.
37. Petrovic, M.; Gaggioli, A. Digital Mental Health Tools for Caregivers of Older Adults—A Scoping Review. *Front. Public Health* 2020, 8, 128.
38. Polillo A, Kozloff N, Dixon LB. Mobile "mHealth" Interventions in Mental Health Care. *Psychiatr Serv.* 2021 Nov 1;72(11):1363-1364. doi: 10.1176/appi.ps.721103. PMID: 34734753.
39. Koh J, Tng GYQ, Hartanto A. Potential and Pitfalls of Mobile Mental Health Apps in Traditional Treatment: An Umbrella Review. *J Pers Med.* 2022 Aug 25;12(9):1376. doi: 10.3390/jpm12091376. PMID: 36143161; PMCID: PMC9505389.
40. Simblett, S.; Birch, J.; Matcham, F.; Yaguez, L.; Morris, R. A Systematic Review and

- Meta-Analysis of e-Mental Health Interventions to Treat Symptoms of Posttraumatic Stress. *JMIR Ment. Health* 2017, 4, e14.
41. Smith, A.C.; Fowler, L.A.; Graham, A.K.; Jaworski, B.K.; Firebaugh, M.-L.; Monterubio, G.E.; Vázquez, M.M.; DePietro, B.; Sadeh-Sharvit, S.; Balantekin, K.N.; et al. Digital Overload among College Students: Implications for Mental Health App Use. *Soc. Sci.* 2021, 10, 279.
42. Torous, J.; Nicholas, J.; Larsen, M.E.; Firth, J.; Christensen, H. Clinical Review of User Engagement with Mental Health Smartphone Apps: Evidence, Theory and Improvements. *Evid. Based Ment. Health* 2018, 21, 116–119.
43. Tremain, H.; McEnery, C.; Fletcher, K.; Murray, G. The Therapeutic Alliance in Digital Mental Health Interventions for Serious Mental Illnesses: Narrative Review. *JMIR Ment. Health* 2020, 7, e17204.
44. Wies, B.; Landers, C.; Ienca, M. Digital Mental Health for Young People: A Scoping Review of Ethical Promises and Challenges. *Front. Digit. Health* 2021, 3, 91.
45. World Health Organization (электронный ресурс): Mental disorders. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders> (дата обращения: 01.10.2023).
46. Zhang, X.; Lewis, S.; Firth, J.; Chen, X.; Bucci, S. Digital Mental Health in China: A Systematic Review. *Psychol. Med.* 2021, 51, 2552–2570

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья выполнена на важную, интересную и перспективную тему. Связано это с тем, что проблема нервно-психических расстройств здоровья в эпоху глобальной цифровизации актуализируется до такой степени, что традиционных способов контроля за состоянием больных становится недостаточно. Об этом пишет и автор в самом начале статьи, отмечая, что вопросы психического здоровья приобретают все большую актуальность в современном мире и согласно данным Всемирной организации здравоохранения, каждый восьмой человек в мире страдает от того или иного психического расстройства. Поэтому актуальность исследования возможностей мобильных приложений для динамической оценки психического здоровья и контроля за его состоянием у пациентов очевидна.

По этому поводу в тексте отмечается, что одним из перспективных путей являются мобильные приложения для психического здоровья. Они представляют собой программы, устанавливаемые и функционирующие на смартфонах, и предназначены для оказания дистанционных услуг в области психического здоровья и могут применяться для общения со специалистом, саморегуляции, диагностики и лечения. Рецензент согласен с таким подходом. Но важно учитывать, как достоинства, так и недостатки, особенно риски, новых скрининговых технологий. Мобильные приложения по своему функциональному назначению, кстати, могут способствовать решению и скрининговых задач, в том числе. Для оценки нервно-психического здоровья это очень подходит. Рецензент пока не очень осведомлен и из списка литературных источников данной статьи непонятно как обстоят дела по этому поводу в Китае. С учетом рейтинговой оценки социального поведения, не исключено, что вопросы оценки нервно-психических девиаций в этой стране также учитываются. То есть, информации пока недостаточно.

И это несмотря на то, что, как верно отмечает автор, достаточно быстро стали появляться публикации, авторы которых указывали на негативные стороны технологического прогресса, среди которых можно назвать незащищенность данных пользователей, отсутствие сертификации, противоречивые данные об эффективности и использование в приложениях подходов с недоказанной эффективностью. Все сказанное делает чрезвычайно актуальным обзор данной сферы с целью выяснить эффективность мобильных приложений для психического здоровья.

По тексту виден критический подход автора к оценке имеющихся в литературе данных. Это хорошо.

По структуре текста видно, что автор пытается как-то ее формализовать, подстраиваясь по установленные правила. Поэтому вводит понятия объекта и предмета исследования, перечисляет методы, имеется рубрика по результатам и их обсуждению. Но в данном случае такая формализация структуры необязательна, поскольку в названии статьи указано, что это обзор литературных данных. А для обзоров важно соблюсти только стиль изложения, позволяющий донести до читателя в обобщенном виде состояние исследуемого вопроса.

По поводу психического здоровья имеется ряд особенностей, которые важно не забывать при внедрении чего угодно для его оценки, в том числе и мобильных приложений. Имеется в виду законодательство, конфиденциальность и риски социальной опасности психических больных. Все эти три обстоятельства могут и должны ограничивать любые меры вмешательства в процесс оценки психического здоровья человека непрофессионалами. Например, как отмечено в тексте, по конфиденциальности: только 22% приложений, ориентированных на биполярное расстройство, и 29% приложений, ориентированных на самоубийство или самоповреждающее поведение, предоставили четкую политику конфиденциальности, которая информировала бы пользователей о том, как используются их данные. Насчет социальной опасности и суицидов конкретно указано: «Следующая причина для опасений подразумевает приложения, предназначенные для сопровождения лиц с высоким суициdalным риском. Согласно имеющимся данным, такие приложения пока не отличаются высокой эффективностью в предотвращении самоубийств». То есть, и автор и другие исследователи не упускают из виду эти обстоятельства. Это хорошо.

Следует добавить, что в литературе уже имеется много сведений позитивного содержания. Например, в одном из метаанализов было выявлено, что вмешательство с помощью мобильных приложений имело небольшое или умеренное воздействие в снижении симптомов депрессии в общей выборке из 3 414 взрослых как клинических, так и доклинических групп населения. В другой обзорной работе было показано, что участники испытали снижение уровня стресса и улучшение навыков преодоления трудностей после трех недель использования приложений.

Автор правильно пишет, что важная сторона доступности заключается в более сложной терапии запущенных состояний – чем дольше клиент остается без помощи, тем выше риск развития более серьезных расстройств. И в этом смысле мобильные приложения тоже могут обеспечить своевременную поддержку и профилактику.

В тексте рассматриваются и финансово-экономические стороны оценки психического здоровья, что очень важно. Такие больные, как правило, не могут себе позволить многого.

Критический анализ литературных данных позволил автору утверждать о сомнительности теоретической основы некоторых приложений для психического здоровья. Например, в одном из обзоров отмечается, что лишь в малой части рассмотренных работ давалось четкое обоснование предлагаемых воздействий. В другом обзоре таких ничем не обоснованных приложений оказалось 2 из 14 рассматриваемых. Излишне говорить,

пишет автор, что непроверенные практики могут наносить вред пользователям, которым, как и специалистам, следует знать о подобных проблемах в данной области.

В статье имеется заключение и выводы. В заключении указано, что отсутствие стандартизованных способов оценки приложений для психического здоровья обуславливает необходимость разработки соответствующих руководств для пациентов и специалистов, а также систем сертификации. В основе признания приложения качественным могут быть его разработка на базе обоснованного подхода, научная оценка эффективности и наличие связи со службами экстренной помощи. С этим можно только согласиться.

Выводы соответствуют содержанию текста. Библиографический список включает литературные источники по теме исследования.

Данную статью можно рекомендовать к опубликованию как представляющую интерес для читающей аудитории.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Акимкина Ю.Е. — Различия в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.68700 EDN: TDGCTV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68700

Различия в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки

Акимкина Юлия Евгеньевна

ORCID: 0000-0001-7184-5789

ассистент, кафедра психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ akimkina_yue@rudn.ru

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.5.68700

EDN:

TDGCTV

Дата направления статьи в редакцию:

13-10-2023

Дата публикации:

24-10-2023

Аннотация: Статья посвящена проблеме коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки. Исследование особенностей коммуникативной парадигмы студентов, ее влияния на их жизнедеятельность становится необходимым ввиду их высокой вовлеченности в виртуальный мир. Основной формой взаимодействия в Интернете для студентов является коммуникативная сетевая активность. Цель исследования - изучить различия в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки. Методология и методы исследования. В статье применялись методы исследования: теоретический, эмпирический, методы математической обработки психологических данных: Н-критерий Крускала-Уоллиса, У-

критерий Манна-Уитни. Компьютерная обработка данных осуществлялась с использованием программных пакетов «Excel» и «IBM SPSS Statistics 21». Использован комплекс следующих методик: «Опросник проблемного использования социальных сетей» [16]; «Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий» [15]. Эмпирическая база исследования составила 240 респондентов, средний возраст 20,3 лет. Результаты исследования. У студентов технического направления выявлено неконтролируемое мыслительное возвращение в виртуальный мир, склонность к разнообразному использованию электронных технологий; естественно-научного профиля незначительно выражена когнитивная поглощенность и появление негативных последствий погруженности в Интернет; гуманитарного направления отсутствует разнообразие в использовании электронных технологий, однако они имеют высокую вовлеченность к совершению экономических действий в виртуальном мире. Важно отметить существование общих тенденций, независящих от профессионального направления подготовки обучающихся: приоритет онлайн общения, коммуникация в социальных сетях, посещение Интернета с целью избежать чувство одиночества. Практическая значимость. Полученные результаты в ходе исследования различий коммуникативной сетевой активности студентов разных направлений профессиональной подготовки могут быть использованы для составления практических рекомендаций с целью формирования и развития навыков цифровой компетенции.

Ключевые слова:

коммуникативная сетевая активность, коммуникация, виртуальный мир, студенты, сетевая активность, активность, цифровая компетентность, социальные сети, профессиональная подготовка, вовлеченность

Введение

Исследование коммуникативной сетевой активности, ее особенностей, сущности и проблем у студенческой молодежи имеет высокую значимость в современном мире, ввиду не только положительного влияния на жизнедеятельность, но и проявления негативных последствий. Актуальность настоящей работы заключается в необходимости выявления различий коммуникативной сетевой активности между студентами разных направлений профессиональной подготовки для анализа формирования коммуникативной сетевой активности в зависимости от специфики образования и профессиональной подготовки, а также, обнаружения возможных преимуществ и недостатков коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки. Полученные результаты исследования могут быть использованы для организации цифровой образовательной среды и составления практических рекомендаций по формированию и развитию навыков цифровых компетенций студентов.

Новизна работы в том, что впервые рассматриваются различия в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки. Целью исследования является изучение различий в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки.

Студенты выбирают коммуникативную сетевую активность, которая направлена на удовлетворение потребностей эмоционально-чувственной сферы, а также является средством реализации и самовыражения. Применение конструкта «коммуникативная

сетевая активность» широко охватывает суть процесса коммуникации в виртуальном мире, взаимодействие личности с другими участниками и виртуальным миром, подчеркивает активность и динамичность личности, разнообразие и наличие сетевой инфраструктуры. Существует ряд свойств коммуникативной сетевой активности студентов: анонимность, необратимость передачи информации, асинхронность сообщений/писем, синхронность ответов и получения/передачи информации, вариативность самопрезентации, сетевая идентичность, неограниченность одновременных контактов и в целом сетевого взаимодействия, преодоление временных и пространственных границ. Вместе с возможностями коммуникативной сетевой активности появляются и определенные риски. Формирование и развитие цифровой компетенции становится обязательным условием нахождения в виртуальном мире и неотъемлемым навыком.

Таким образом, исследование различий в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки помогает выявить проблемы, особенности, тенденции, понять их потребности и интересы, тем самым помочь студентам развивать навыки цифровой компетенции.

При планировании исследования выдвинута гипотеза: существуют различия в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки.

Были сформулированы следующие исследовательские задачи:

1. Выявить различия в стратегиях коммуникативной сетевой активности студентов разных направлений профессиональной подготовки.
2. Проанализировать гендерные различия студентов разных направлений профессиональной подготовки, выраженные в стратегиях коммуникативной сетевой активности.

Обзор литературы

Для исследования стратегий коммуникативной сетевой активности студентов необходимо разобраться в сущности феномена коммуникация. Термин интернет-коммуникация используется учеными для обозначения коммуникационной деятельности между пользователями. Тем не менее, до сих пор не существует единого понимания коммуникации в Интернете. В научной литературе коммуникацию изучали как передачу информации [6]; как обмен информацией [13]; как социальное общение [14]; как информационный процесс [12], как экзистенциальный процесс результатом которого становится осмысление смысла жизни [17]. Из приведенных кратких пояснений термина коммуникации следует, что это не только передача и получение информации, но и сложный многозадачный, многосторонний акт взаимодействия, основанный на активности участников. Основы интернет-коммуникации берут свои истоки в общении в реальном мире между людьми [18], повторяют их, при этом формируются и развиваются новые формы, отличные от общения в реальности [19].

Т. А. Бондаренко указывала на одно из ключевых отличий общения от коммуникации – отсутствие невербальных средств общения, состоящие из мимики, жестов и т.д. и лишении коммуникационной речи паралингвистических средств [5].

А. М. Агалъцев сравнивал коммуникацию и общение следующим образом: 1) через общение обретается подлинное существование человека, а коммуникация является

обязательным инструментом для эффективного функционирования общества; 2) в процесс общения закладывается мораль, нравственные ценности, в свою очередь коммуникация лишена глубины погружения; 3) для общения необходимо взаимопонимание, а для коммуникации это условие не является обязательным; 4) общение определяет в целом личность человека, его ценностные ориентации, нравственность, восприятие мира, поведение, а в коммуникации определяет эффективность чаще всего статус или социальная роль человека [1].

Основными характеристика коммуникации в виртуальном мире становятся – анонимность и возможность использовать любую идентичность, отсутствие границ (временных, географических, социальных), неограниченность, асинхронность, безнаказанность [3; 4; 7; 8]. Таким образом, коммуникация в виртуальном мире – это не только передача и получение информации, но и сетевая активность личности, особая форма взаимодействия. Ввиду всеобъемлющего отражения термина коммуникации в Интернете целесообразнее применить термин коммуникативная сетевая активность, который подчеркивает, что пребывание в сети не ограничивается простым обменом сообщениями, а предполагает активное взаимодействие с другими участниками через различные интернет-ресурсы. Коммуникативная сетевая активность студентов связана с отправкой сообщений на форумах, социальных сетях, приложениях, обсуждения тем, обменом информацией и идеями, лайками и эмодзи, документами, видеосвязью, контролем геолокации, комментированием и отзывами на сообщения других участников, самопрезентацией личности, ведением блога и другими формами коммуникации через сеть. Развитая коммуникативная сетевая активность позволяет эффективно общаться и сотрудничать, самовыражаться, делиться и получать обратную связь от других участников.

А.Г. Горбачева разделяет коммуникацию в сети на конструктивную и деструктивную сетевую активность личности [10].

Деструктивная коммуникативная сетевая активность оказывает негативное влияние на психологическое здоровье человека, разрушает целостность психики, наносит вред и ущерб психологическому благополучию участников взаимодействия. [2]. К деструктивной коммуникативной сетевой активности относится – компульсивное использование и когнитивная поглощенность, появление интернет-зависимости, кибербуллинг (клевета, нападки), киберсталкинг (длительное агрессивное преследование объекта), флейминг (негативное поведение, конфликт схожий с «перепалкой»), хэйтинг (нелицеприятные высказывания, разжигающие ненависть), хайпинг (внедрение какой-то идеи и «заражение» ею как можно большего количества пользователей), селфизм (одержимость продемонстрировать себя в виртуальном мире).

Конструктивная коммуникативная сетевая активность заключается в эффективном взаимодействии личности с виртуальным миром, его участниками, направлена на построение взаимоотношений с другими людьми в положительном ключе, способствует формированию и развитию полезных навыков, способностей. К конструктивной коммуникативной сетевой активности относится самопрезентация, ведение блога, сайты знакомств, совершение экономических действий, направленных на удовлетворение потребностей и сокращения времени, упрощение получения услуг и другие вопросы.

Ввиду того, что студенты проводят много времени в виртуальном мире, встает вопрос о безопасности коммуникативной сетевой активности. Важнейшими задачами безопасности является защита персональных данных, умение выстраивать виртуальные отношения,

избегать разжигание конфликтов, быть осведомленными о негативных последствиях пребывания в сети. Соответственно овладение студентами навыками цифровой компетенции является приоритетной задачей.

Результаты исследования А. С. Волковой и М. М. Кудаевой цифровой грамотности у студентов нецифровых направлений профессиональной подготовки показали, что включение в образовательный процесс программ медиаграмотности необходимо [8]. К аналогичным выводам пришли и другие ученые, проводившие исследования цифровых навыков у студентов [11].

Методология и методы исследования

В статье представлен анализ теоретико-эмпирического исследования коммуникативной сетевой активности студентов. Объектом настоящего исследования является коммуникативная сетевая активность студентов. Предметом исследования выступают различия в коммуникативной сетевой активности студентов разных направлений профессиональной подготовки. Цель настоящего исследования – выявить различия в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки. Методологической основой исследования послужил субъектно-личностный подход (А. Г. Асмолов, В. Н. Мясищев).

Проведено эмпирическое исследование на базе РУДН, МИИТ, КемГУ, МГУ, РНИМУ и Н.И. Пирогова. Объем выборки составил 240 респондентов (120 юношей и 120 девушек), в возрасте от 17 до 23, средний возраст 20,3 лет. Респонденты следующих направлений профессиональной подготовки: естественно-научное (80 человек), гуманитарное (80 человек), техническое (80 человек). Сбор данных проходил в период с ноября 2021 по март 2023 года и осуществлялся с использованием программного обеспечения Microsoft Forms. Методы статистической обработки включали в себя: Н-критерий Крускала-Уоллиса, У-критерий Манна-Уитни.

В работе были использованы следующие методики:

- «Опросник проблемного использования социальных сетей» (Н.А. Сирота, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский, А.В. Ялтонская) [16]. Применение Опросника позволило изучить поведение студентов в условиях коммуникации социальных сетей, а также, выявить проблемные тенденции их использования, через шкалы: «Предпочтение онлайн-коммуникации», «Регуляция эмоций», «Компульсивное поведение», «Когнитивная поглощенность», «Негативные последствия»;
- «Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий» (А.Н. Татарко, Е.В. Макласова, З.Х. Лепшокова и др.) [15]. Методика применена для анализа тенденций вовлеченности студентов во включение в свою жизнедеятельность электронных технологий через шкалы: «Коммуникация в социальных сетях», «Экономические действия в Интернете», «Использование смартфона» и «Разнообразие сфер использования ИКТ».

Результаты эмпирического исследования

На рисунке 1 представлены результаты сравнительного анализа с использованием Н-критерий Крускала-Уоллиса данных методики «Проблемное использование социальных сетей» у студентов разных направлений профессиональной подготовки. Статистически значимые различия были обнаружены по шкалам: «Когнитивная поглощенность» естественно-научное направление – 108,28, гуманитарное – 116,39, техническое –

136,48 ($H=7,064$, $p=0,029$); «Негативные последствия» у студентов естественно-научного направления – 106,62, гуманитарного – 121,21, технического – 133,34 ($H=7,065$, $p=0,029$). У студентов технического направления обнаружена когнитивная поглощенность, неконтролируемое мысленное возвращение в виртуальный мир, соответственно это ведет к трудностям планирования интернет-времени. Респонденты технического направления осознают риски и негативные последствия в связи с излишним пребыванием в виртуальном мире. К таким последствиям относится – социальная замкнутость, ухудшение качества жизни и возникновение проблем в реальном мире. Наименее выражена когнитивная поглощенность и появление негативных последствий Интернет посещения у студентов естественно-научного направления. Можно предположить, что профессиональная направленность подготовки студентов оказывает влияние на интернет-поведение ввиду различий в методах и подходах, области знаний, профессиональной специализации.

Анализ следующих шкал не показал статистически значимых различий: «Компульсивное использование» у студентов естественно-научного направления – 107,32, гуманитарного – 121,76, технического – 132,11 ($H=5,163$, $p=0,076$); «Регуляция эмоций» у студентов естественно-научного направления – 109,66, гуманитарного – 124,06, технического – 127,53 ($H=2,076$, $p=0,226$); «Предпочтение онлайн общения» естественно-научного направления – 111,91, гуманитарного – 115,10, технического – 134,22 ($H=4,892$, $p=0,087$). Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что студенческая молодежь имеет схожие тенденции в Интернете в части компульсивного использования, посещения виртуального мира с целью поднятия эмоционального настроя и предпочтения онлайн коммуникации.

Рисунок 1. Сравнительный анализ проблемного использования социальных сетей у студентов разных направлений профессиональной подготовки

Figure 1. Comparative analysis of problematic use of social networks among students of different areas of professional training

Далее рассмотрим результаты сравнительного анализа с применением U-критерия Манна-Уитни в отношении проблемного использования социальных сетей по основанию гендера у студентов разных направлений профессиональной подготовки (таб. 1).

Различия выявлены у студентов гуманитарного ($U=693,500$, $p=0,057$) и технического ($H=649,000$, $p=0,053$) направлений по шкале «Регуляция эмоций». Девушки обоих направлений выбирают справляться с чувством одиночества, поднимать эмоциональный настрой, улучшать свое эмоциональное состояние, с помощью виртуальной коммуникации. Различия обнаружены по шкалам «Когнитивная поглощенность» ($U=412,500$, $p=0,000$) и «Негативные последствия» ($U=481,000$, $p=0,003$) у студентов естественно-научного направления и более выражены у юношей. Молодые люди осознают отрицательное влияние неконтролируемого интернет-пользования, при этом стремление находиться в виртуальном мире высоко и присутствует навязчивое мысленное возвращение.

Таблица 1. Гендерные различия студентов в проблемном использовании социальных сетей

Table 1. Gender differences among students in problematic use of social networks

№	Направление профессиональной подготовки студентов	Кол-во студентов(N)	Средние ранги		Асимпт. значение	Значение U-критерия Манна-Уитни
			Девушки(N=40)	Юноши(N=40)		
Шкала «Предпочтение онлайн»						
1	Гуманитарное	80	41,98	39,03	0,568	741,000
2	Техническое	80	41,27	40,26	0,780	790,500
3	Естественно-научное	80	36,18	44,12	0,122	622,500
Шкала «Регуляция эмоций»						
4	Гуманитарное	80	45,16	36,84	0,057	693,500
5	Техническое	80	46,17	35,73	0,053	649,000
6	Естественно-научное	80	41,72	38,14	0,485	708,500
Шкала «Когнитивная поглощенность»						
7	Гуманитарное	80	38,90	42,10	0,536	736,000
8	Техническое	80	40,52	41,49	0,853	800,500
9	Естественно-научное	80	31,16	49,64	0,000	412,500
Шкала «Компульсивное использование»						
10	Гуманитарное	80	43,44	37,56	0,256	682,500
11	Техническое	80	24,36	29,88	0,891	805,500
12	Естественно-научное	80	31,59	39,59	0,879	763,500
Шкала «Негативные последствия»						
13	Гуманитарное	80	37,98	43,03	0,328	699,000
14	Техническое	80	38,07	44,00	0,254	700,000
15	Естественно-научное	80	32,73	47,84	0,003	481,000

Перейдем к сравнительному анализу результатов по направлениям профессиональной подготовки студентов «Методики оценки вовлеченности студентов в использование ИКТ» с применением Н-критерия Крускала-Уоллиса (рис. 2). Статистически значимые различия

обнаружены у студентов по шкалам: «Разнообразие сфер использования ИКТ» естественно-научное направление – 118,44, гуманитарное – 112,24, техническое – 128,9 ($H=2,340$, $p=0,053$). «Экономические действия» естественно-научное направление – 166,91, гуманитарное – 191,79, техническое – 171,38 ($H=2,178$, $p=0,055$). Студенты технического направления используют более разнообразно электронные технологии, скорее всего это связано с профессиональной направленностью области знаний и ее практического применения. Менее разнообразно используют технологии студенты-гуманитарии. При этом гуманитарным направлениям подготовки присуще совершение экономических действий в виртуальном мире, таких как совершение различных платежей, покупка и приобретение товаров и услуг, использование в экономических целях приложения, интернет-платформы и сервисы и т.д.

При анализе следующих шкал не было выявлено статистически значимых различий: «Использование смартфона» естественно-научное направление – 118,66, гуманитарное – 119,20, техническое – 123,58 ($H=0,407$, $p=0,816$); «Коммуникация в социальных сетях» естественно-научное направление – 175,15, гуманитарное – 182,30, техническое – 180,71 ($H=0,318$, $p=0,853$). Общие тенденции у студенческой выборки наблюдаются в отношении использования смартфона и нахождения в социальных сетях с целью коммуникации.

Рисунок 2. Сравнительный анализ оценки вовлеченности в использование ИКТ у студентов разных направлений профессиональной подготовки

Figure 2. Comparative analysis of assessment of involvement in the use of ICT among students of different areas of professional training

В таблице 2 представлен сравнительный анализ по основанию гендера у студентов разных направлений профессиональной подготовки. Различия выявлены у юношей гуманитарного направления по шкале «Экономические действия в Интернете» ($U=429,000$, $p=0,000$). Юноши более склонны к приобретению товаров и услуг в виртуальном мире, использования приложений и других ресурсов. Девушки технического направления подготовки выбирают коммуникацию в социальных сетях чаще чем юноши этого же направления (шкала «Коммуникация в социальных сетях» $U=595,500$, $p=0,052$). Также, девушкам -технарям присуще чаще использовать смартфон, чем юношам («Использование смартфона» $U=609,500$, $p=0,026$).

Таблица 2. Гендерные различия студентов в вовлеченности использования электронных технологий

Table 2. Gender differences among students in involvement in the use of electronic technologies

№	Направление профессиональной подготовки студентов	Кол-во студентов(N)	Средние ранги		Асимпт. значение	Значение U-критерия Манна-Уитни
			Девушки (N=40)	Юноши (N=40)		
Шкала «Экономические действия в Интернете»						
1	Гуманитарное	80	31,23	49,78	0,000	429,000
2	Техническое	80	37,13	43,09	0,245	661,500
3	Естественно-научное	80	41,70	40,29	0,787	791,500
Шкала «Коммуникация в социальных сетях»						
4	Гуманитарное	80	38,60	42,40	0,440	724,000
5	Техническое	80	45,18	34,82	0,052	595,500
6	Естественно-научное	80	41,24	40,88	0,962	815,000
Шкала «Использование смартфона»						
7	Гуманитарное	80	42,18	38,83	0,387	744,000
8	Техническое	80	44,13	35,54	0,026	609,500
9	Естественно-научное	80	41,20	40,80	0,936	812,000
Шкала «Разнообразие сфер использования ИКТ»						
10	Гуманитарное	80	38,41	42,69	0,420	716,500
11	Техническое	80	38,06	42,09	0,433	699,500
12	Естественно-научное	80	41,24	40,75	0,924	810,000

Заключение

Настоящее исследование рассматривает коммуникативную сетевую активность студентов как динамическое информационное взаимодействие в виртуальном мире, характеризующееся рядом особенностей.

Представим основные выводы, полученные в ходе исследования:

- У студентов технического направления профессиональной подготовки** проявлено неконтролируемое мысленное возвращение в виртуальный мир. Респонденты разнообразно используют электронные технологии, не осознают в полной мере риски и негативные последствия в связи с излишним пребыванием в виртуальном мире. Результаты гендерного анализа выявили, что девушки технического направления больше чем юноши вовлечены в коммуникацию в социальных сетях, для избегания чувства одиночества, а также, используют смартфон чаще чем юноши этого же направления.
- Выявлено, что у студентов естественно-научного направления профессиональной подготовки** незначительно выражена когнитивная

поглощенность и появление негативных последствий погруженности в Интернет. Гендерный анализ показал, что юноши более склонны к интернет-зависимому поведению, чем девушки и больше чем девушки понимают негативные последствия неконтролируемого интернет-пользования. Студенты в равной мере используют смартфон и коммуницируют в социальных сетях, совершают экономические действия, независимо от гендерных различий.

3. **Студенты гуманитарного направления профессиональной подготовки** менее разнообразно используют электронные технологии. При этом гуманитарии охотнее совершают экономические действия в виртуальном мире, такие как покупка и приобретение товаров и услуг, использование в экономических целях приложений, интернет-платформ, сервисов и т.д. В отношении гендерных различий выявлено, что девушки чаще выбирают коммуникацию в виртуальном мире, как место, которое помогает справляться с чувством одиночества, поднимать эмоциональный настрой. Юноши более склонны к совершению экономических действий виртуальном мире, чем девушки.
4. Профессиональная направленность подготовки студентов оказывает влияние на коммуникативную сетевую активность студентов, ввиду различий в методах и подходах, областей знаний, профессиональной специализации.

Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что студенческая молодежь помимо различий в коммуникативной сетевой активности имеет и ряд схожих тенденций. Среди наиболее выраженных схожих тенденций является предпочтение онлайн общения, коммуникация в социальных сетях, посещение виртуального мира с целью избегания чувства одиночества.

Полученные результаты в ходе исследования различий коммуникативной сетевой активности студентов разных направлений профессиональной подготовки могут быть использованы для составления практических рекомендаций с целью формирования и развития навыков цифровой компетенции.

Библиография

1. Агальцев А. М. Природа общения / Томский гос. ун-т. Томск, 2007. 220 с.
2. Акулич М.М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского государственного университета: Социология. 2012. № 8. С. 47-54.
3. Асмус, Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2005. – 23 с.
4. Бергельсон, М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации : Язык и межкультурная коммуникация // Вестник Московского университета. Сер. 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация / МГУ, Филологич. фак. МГУ . – 2002 . – № 1. – С. 55-67.
5. Бондаренко Т.А.Общение в виртуальном мире Интернета // Advanced Engineering Research. 2009. №4. С. 216-223
6. Винер Н. Кибернетика и общество ; Творец и робот: Пер. с англ. / Норберт Винер; Предисл. и примеч. И.Г. Поспелова.-Москва : Тайдекс Ко, 2003 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). – 245 с.
7. Виноградова, Т.Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63-67.
8. Волкова А.С., Кудаева М.М. Оценка цифровых компетенций студентов в контексте профессиональной подготовки кадров для цифровой экономики // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 5. – С. 1953-1974. – DOI: 10.18334/ce.16.5.114800

9. Горошко Е.И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. — М., 2012. — С. 9–52.
10. Горбачева А.Г. Конструктивные и деструктивные коммуникативные практики людей в сети Интернет // Идеи и идеалы. 2013. №3. С. 17-25.
11. Дмитриев Я. В., Алябин И. А., Бровко Е. И., Двинина С. Ю., Демьянова О. В. Развитие цифровых навыков у студентов вузов: де-юре vs де-факто // Университетское управление: практика и анализ. 2021. №2. С. 59-79.
12. Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
13. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: Учеб.пособие для университетов и институтов. – М.: Приор, 1998. – 224 с.
14. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2009. – 832 с.
15. Татарко А. Н., Макласова Е. В., Лепшокова З. Х., Галяпина В. Н., Ефремова М. В., Дубров Д. И., Бульцева М. А., Бушина Е. В., Миронова А. А. Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 1. С. 159–179.
16. Сирота Н. А., Московченко Д. В., Ялтонский В. М., Ялтонская А. В. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 3. С. 33–55.
17. Стрекаловская Е.В. Понятие экзистенции у К.Ясперса / Е.В. Стрекаловская – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 32 (270). – С. 169-172.
18. Sungurova N. L., Akimkina Y. E. Self-trust and academic motivation of students in virtual educational space // Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. 2021. № 117. Р. 1490-1495.
19. Sungurova N. L., Akimkina Yu. E., Adawiyah R. Features of personality trust of Russian and Indonesian students in terms of network activity. The Education and Science Journal. 2023; 25 (1): pp. 167-195.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются различия в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки.

В качестве методологической основы предметной области исследования в данной статье стал субъектно-личностный подход, и были использованы две основные методики, а именно «Опросник проблемного использования социальных сетей» и «Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий», для сбора данных по указанным методикам было использовано программное обеспечение Microsoft Forms, а для обработки полученных данных применены следующие методы статистической обработки: Н-критерий Крускала-Уоллиса, У-критерий Манна-Уитни.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, так как сама по себе коммуникативная сетевая активность имеет как положительное, так и отрицательное влияние на жизнедеятельность студентов. Как отмечается в данном исследовании, студенты

выбирают коммуникативную сетевую активность, которая направлена на удовлетворение потребностей эмоционально-чувственной сферы, а также является средством реализации и самовыражения. Применение конструкта «коммуникативная сетевая активность» широко охватывает суть процесса коммуникации в виртуальном мире, взаимодействие личности с другими участниками и виртуальным миром, подчеркивает активность и динамичность личности, разнообразие и наличие сетевой инфраструктуры. Научная новизна исследования заключается в изучении коммуникативная сетевая активность с помощью проведения эмпирического исследования с применением «Опросника проблемного использования социальных сетей» и «Методики оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий» на базе нескольких образовательных организаций, а именно, РУДН, МИИТ, КемГУ, МГУ, РНИМ им Н.И. Пирогова. Объем выборки составил 240 респондентов (120 юношей и 120 девушек), в возрасте от 17 до 23, средний возраст 20,3 лет. Респондентами выступили обучающиеся следующих направлений профессиональной подготовки: естественно-научное (80 человек), гуманитарное (80 человек), техническое (80 человек).

Статья изложена языком научного стиля с грамотным использованием в тексте терминологии и дефиниций по теме исследования.

Структура четко выдержана с учетом всех требований, предъявляемых к написанию научных статей, а именно включает в себя такие основные структурные элементы как введение, обзор литературы, методологию и методы исследования, результаты эмпирического исследования, заключение, основные выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенno ценным в содержании исследования следует отметить приведенные наглядные материалы, представленные в табличной форме, что существенно облегчает возможность восприятия информации, используемой для анализа в проведенном исследовании, характеризующих такие показатели коммуникативной сетевой активности, как гендерные различия студентов в проблемном использовании социальных сетей и гендерные различия студентов в вовлеченности использования электронных технологий с учетом шкал и в разрезе направлений подготовки студентов.

Библиография содержит 19 источников, включающих в себя преимущественно российские периодические и непериодические издания, а также в том числе два зарубежных источника. Особенno хотелось бы отметить новизну использованных периодических изданий, что говорит о постоянной актуализации современных тенденций исследуемой проблематики при проведении данного исследования.

Поскольку представленное исследование сочетает в себе теоретико-методологический субъектно-личностный подход (А. Г. Асмолов, В. Н. Мясищев), с проведением эмпирического исследования, то в данной статье приводятся обсуждение и апелляция к точкам зрения современных авторов, изучающих вопросы коммуникативной сетевой активности среди молодежи, а также применение уже ранее разработанных авторских методик «Опросник проблемного использования социальных сетей» (Н.А. Сирота, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский, А.В. Ялтонская) и «Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий» (А.Н. Татарко, Е.В. Макласова, З.Х. Лепшокова и др.).

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования, а именно, в статье отмечается, что в сложившихся современных условиях социальной реальности и виртуализации социального пространства студенческая молодежь помимо различий в коммуникативной сетевой активности имеет и ряд схожих тенденций. Среди наиболее выраженных схожих тенденций является предпочтение онлайн общения, коммуникация в социальных сетях, посещение виртуального мира с целью избегания чувства одиночества.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций разного уровня, работниками органов исполнительной власти различных уровней, работниками общественных организаций и волонтерских центров, при подготовке справочных материалов, практических рекомендаций и пояснительных записок по заявленной тематике.

В качестве недостатков данного исследования можно отметить, что в структуре работы четко не определены актуальность и новизна исследования, хотя они не вызывают сомнения и само содержание исследования их подтверждает. Кроме того, в тексте статьи представлены только две таблицы (таблица 1 и таблица 2), а в самом тексте исследования встречаются упоминания и отсылки еще и к рисунку 1 (Рисунок 1. Сравнительный анализ проблемного использования социальных сетей у студентов разных направлений профессиональной подготовки. Figure 1. Comparative analysis of problematic use of social networks among students of different areas of professional training) и рисунку 2 (Рисунок 2. Сравнительный анализ оценки вовлеченности в использование ИКТ у студентов разных направлений профессиональной подготовки. Figure 2. Comparative analysis of assessment of involvement in the use of ICT among students of different areas of professional training), которые по факту в данной статье не представлены. Данные замечание не умаляет качество самого исследования и его несомненную высокую теоретическую и практическую значимость, однако указанные замечания необходимо устраниить в кратчайшие сроки. Статью рекомендовано отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Различия в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки».

Предмет исследования. Работа нацелена на изучение различий в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки. В целом, проведенное исследование отличается целостностью, поставленные цель и исследовательские задачи были реализованы.

Методология исследования определяется выделенной актуальностью. Оно было осуществлено с использованием теоретических и эмпирических методов. Методологической основой послужил субъектно-личностный подход (А. Г. Асмолов, В. Н. Мясищев). Автором было проведено исследование, полученные результаты проанализированы и обоснованы.

Актуальность исследования определяется тем, что в необходимо выявить различия коммуникативной сетевой активности между студентами разных направлений профессиональной подготовки для того, чтобы анализировать формирование коммуникативной сетевой активности в зависимости от специфики образования и профессиональной подготовки, а также, обнаруживать возможные преимущества и недостатки коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки.

Научная новизна исследования. Проведенное исследование позволило уточнить феномен коммуникативной сетевой активности студентов, а также выявить характерные ее особенности. Автор выявил, что профессиональная направленность подготовки

студентов оказывает влияние на коммуникативную сетевую активность студентов.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части.

Начинается работа с введения, в котором была выделена актуальность выделенной проблемы. Автор отмечает, что важно исследовать различия в коммуникативной сетевой активности у студентов разных направлений профессиональной подготовки; выявлять проблемы, особенности, тенденции; понимать их потребности, интересы и развивать навыки цифровой компетенции. Во введении обозначена гипотеза и исследовательские задачи.

Следующий раздел включает обзор литературы. Автор провел анализ работ исследователей. Особое внимание удалено положениям, которые были выдвинуты Т. А. Бондаренко, А. М. Агальцевым, А.Г. Горбачевой, А. С. Волковой, М. М. Кудаевой и др. В разделе уточнено понятие «коммуникативная сетевая активность», представлены основные характеристики коммуникации в виртуальном мире студента, определено содержание конструктивной и деструктивной сетевой активности личности.

В третьем разделе представлено описание методологии и методы исследования. Автором были выделены объект, предмет, цель, а также описана методологическая основа. Автор описал эмпирическое исследование, которое было проведено на базе РУДН, МИИТ, КемГУ, МГУ, РНИМУ им Н.И. Пирогова. Автор охарактеризовал выборку и респондентов а также использованные методики.

Четвертый раздел посвящен описанию результатов эмпирического исследования. Проанализированные данные и полученные результаты представлены в виде графиков и таблиц.

В заключении формулируются подробные выводы. Автор отмечает следующее:

- коммуникативная сетевая активность студентов является динамическим информационным взаимодействием в виртуальном мире, которое характеризуется определенными особенностями;
- профессиональная направленность подготовки студентов оказывает влияние на коммуникативную сетевую активность студентов, ввиду различий в методах и подходах, областей знаний, профессиональной специализации;
- кенным характеристикам автор отнес следующие: студенты технического направления подготовки неконтролируемо мысленно возвращаются в виртуальный мир; у студентов естественно-научного направления профессиональной подготовки незначительно выражена когнитивная поглощенность и появление негативных последствий погруженности в Интернет; студенты гуманитарного направления профессиональной подготовки в меньшей степени используют электронные технологии;
- студенческая молодежь помимо различий в коммуникативной сетевой активности имеет и ряд схожих тенденций (предпочтение онлайн общения, коммуникация в социальных сетях, посещение виртуального мира с целью избегания чувства одиночества).

В заключении представлена практическая значимость проведенного исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 19 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены, в основном, статьи и тезисы. Помимо этого, в библиографии есть диссертации, монографии и учебные пособия. Источники оформлены не во всех позициях корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- выделить научную новизну и авторский вклад автора в решение выделенной им проблемы;

- расширить раздел «Обзор литературы», представив более полный анализ современных исследований;
- необходимо провести коррекцию работы на предмет описок и неточностей.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые рассматривают коммуникативную активность студентов, ее особенности, сущность и основные проблемы. Статья может быть рекомендована к опубликованию с учетом выделенных рекомендаций.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Папко Е.В. — Смысложизненные ориентации в профилактике психического здоровья медицинских работников, в связи с пандемией COVID-19 // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.39152
EDN: KWASNH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39152

Смысложизненные ориентации в профилактике психического здоровья медицинских работников, в связи с пандемией COVID-19

Папко Елена Владимировна

ORCID: 0000-0003-3069-2805

аспирант Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет
357000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, оф. 2

✉ papko@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Психология чрезвычайных ситуаций"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.5.39152

EDN:

KWASNH

Дата направления статьи в редакцию:

12-11-2022

Дата публикации:

01-11-2023

Аннотация: В статье выделены особенности смысложизненных ориентаций медицинских работников в период распространения COVID-19. Рассмотрены возможности профилактики психологического здоровья, как способ снижения дезадаптации и проблем психологического характера, среди врачей и среднего медицинского персонала. Цель статьи определить возможные стратегии индивидуального подхода в рамках актуализации смысложизненных ориентаций медицинских работников для снижения влияния дистресса. В теоретической части статьи рассматривается опыт исследования особенностей эмоционально-личностной сферы медицинских работников. Описываются результаты исследования 84 медицинских работников, с опытом работы более 3 лет, непосредственно участвующих в работе с пациентами с COVID-19.

Достижение жизненных целей и внимание к процессу жизни значимо для медицинского персонала, что говорит о приверженности к ориентации на будущее, построении планов и проектов, восприятии процесса жизни как интересного и насыщенного. Значимо больше внимания врачи по сравнению со средним медицинским персоналом уделяют внимания развитию и построению картины будущего, таким образом больше целеустремлены на перспективу, развитие и достижения, которые произойдут через время. У врачей были статистически более выражены результаты, позволяющие отметить ориентацию на цели в жизни, в то время как у средний медицинский персонал отличает ориентация на результат жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмыслена была прожитая ее часть. Модель психологической профилактики основана на актуализации смысложизненных ориентаций, которые позволяют сохранять баланс и поиск личностных ресурсов. Программа профилактики была сосредоточена на обучении методам саморегуляции и проведении групповой психотерапии.

Ключевые слова:

врач, медицинский работник, стрессоустойчивость, локус контроля, SARS-CoV-2, смысложизненные ориентации, психологическая профилактика, COVID-19, риск для жизни, пандемия

Введение

Распространение новой коронавирусной инфекции, а также инфекционных заболеваний новой этиологии обращает повышенное внимание общества, возникновения риска заболевания среди населения, с высокой смертностью и явным снижением качества жизни, впоследствии перенесенного заболевания является актуальной проблемой здравоохранения. Возникновение пандемии COVID-19 подвергло высокой нагрузке человеческие ресурсы, а именно медицинских работников, непосредственно контактирующих с больными, оказывающих помощь пациентам с малоизученным и высококонтагиозным заболеванием при отсутствии средств лечения.

Исследование психического здоровья медицинских работников России в период распространения SARS-CoV-2 было проведено М.Ю. Сорокиным, Е.Д. Касьяновым и другими. В ходе исследования по шкале PSM – 25 наибольший стресс испытывают врачи $81,2+31,0$, в сравнении со средним ($70,7+30,0$) и младшим медперсоналом ($62,8+26,1$). Более высокий уровень стресса был зафиксирован у медицинского персонала, непосредственно контактирующего с пациентами: $97,5+31,0$ среди медработников, уверенных в наличии контакта с больными COVID-19 и $67,9+29,0$ не контактирующих [17]. Следует отметить, что наиболее неблагоприятный прогноз для реагирования на стресс был выявлен в группе молодых специалистов, с меньшим медицинским стажем, преимущественно врачей, а также не имеющих социальной поддержки в семейных отношениях. Медицинские работники в условиях пандемии демонстрируют общие для работников здравоохранения психологические проблемы, проявления дистресса, которые имеют специфическую динамику. При снижении психологического стресса как компенсаторный механизма возникает показатель обесценивания пациентов с респираторными заболеваниями [3,9].

Согласно исследованию М.Б. Карпухиной, Т.В. Икониковой и других, расстройство адаптации у медицинского персонала выражено в разной степени у большинства сотрудников поликлинического звена. Дезадаптационный синдром включает в себя

психологические, тревожно-депрессивные и вегетативные проявления, при этом около 40% медицинских работников испытывают субклинические проявления тревожности, депрессии – 10% [8]. О.В. Коновалова и В.А. Милицина отдельно выделяют особенности копинг-стратегий, присущих медицинским работникам, например, 30% медицинских работников используют копинг, ориентированный на избегание и социальное отвлечение [10].

В работе Е.Л. Николаева рассматривается психологический контекст профессионального стресса медицинских работников, а именно распространность эмоционального выгорания. Медицинские работники склонны отмечать у себя симптомы фазы истощения, среди врачей – 74+20,28, среди медицинских сестер – 41,80+18,01 согласно опроснику для выявления степени «Эмоционального выгорания» [14]. И.Ю. Худова и Г.Э. Улумбекова в своей работе о выгорании, к особенностям связанным с COVID-19 относят: неуверенность в собственной компетенции, беспокойство за семью и детей, физический стресс от работы в СИЗ [20]. В работе Е.И. Сухановой отмечается, что профессиональное выгорание связано и со страхом оказаться в роли пациента, что вызывает пренебрежение собственным здоровьем [18]. В.В. Гребнева и А.В. Гребнев в своей работе рассматривает влияние телесности при формировании и профилактике профессиональной дезадаптации врачей, а именно проводит связи при соотношении верbalного обозначения чувств и формирования симптомов профессиональной дезадаптации, так для медицинских работников свойственно использование вербальных метафор телесности при маркировании эмоциональных проблем [6].

Т.И. Растиоргуева, О.Б. Карпова и Т.Н. Проклова в психологическом сопровождении деятельности медицинских работников отмечают, что основные организационно-психологические технологии сосредоточены в проведении психологической диагностики, организация «здорового рабочего окружения», уменьшение оттока кадров [16]. Удовлетворенность трудом у медицинских работников связана индивидуально-психологическими установками, а именно отношением к жизни, а также проявлением позитивного мышления [19].

Нам представляется важным рассмотреть ценностно-смысловые ориентации медицинских работников как определяющих направленность целей и смыслов взаимодействия, ведения повседневной деятельности, а также определяющих личностные свойства. При психологическом сопровождении медицинского персонала возникает необходимость принятия управлеченческих решений и формирования рабочих групп врачей. Работа медицинского персонала в бригадном формировании происходит с учетом взаимодействия среднего медицинского персонала и врачей, как основных групп соприкосновения с пациентами.

Организация и методы исследования

На данном этапе в эмпирическом исследовании участвовали 84 респондента (n=84), сотрудника медицинских организаций с опытом работы более 3 лет мужского и женского пола в возрасте от 22 до 52 лет Южного федерального округа г. Ростов-на-Дону. По виду профессиональной деятельности обследованных сотрудников распределили на подгруппы: врачи – n = 36 (43 %); средний медицинской персонал (фельдшер, медицинская сестра) n = 48 (57%). Все участники исследования непосредственно участвуют в оказании медицинской помощи пациентам с коронавирусной инфекцией.

В качестве исследования ценностно-смысловых ориентаций медицинского персонала

использовался тест «Смысложизненные ориентации», разработанный Д.А. Леонтьевым, который позволяет оценить общий показатель осмысленности жизни, а также смысложизненные ориентации и локус контроля [12]. Процедура исследования предполагала заполнение опросных листов в актовом зале в присутствии психолога. При обработке эмпирических данных для обобщения и систематизации результатов применялись методы описательной статистики (средние значение, стандартное отклонение). При статистической обработке количественных данных с нормальным распределением использовался параметрический t-критерий Стьюдента. Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась с использованием программы «Statistica 6.1».

На основе изучения факторов влияющих на психологическое состояние медицинских работников была разработана модель психологической профилактики возникновения стрессовых состояний, нарушающих адаптацию. Данная модель включает в себя индивидуальные беседы и групповые семинары-тренинги. Ведущим фактором модели является актуализация смысложизненных ориентаций как составляющей опоры личности.

Психологическое просвещение позволяет медицинскому персоналу на практике ознакомится с методами саморегуляции, получить знания о психологическом здоровье и методах его поддержки. Актуализация психологических знаний позволяет осознать уже полученную информацию и интегрировать ее в повседневную жизнь, в рамках психопрофилактических мероприятий, также стояла задача интегрировать приемы психогигиены в повседневную рабочую среду медицинского персонала. Данная задача решалась организацией перерыва для осознанной работы со своим состоянием, наличием памяток и шаблонов для использования в моменте рутинной деятельности, например при мытье рук и дезинфекция.

Результаты исследования и их обсуждение

Начнем рассмотрение результатов с анализа групповых различий и описания выделенных групп среди опрошенных респондентов. При помощи анализа массив медицинских работников был разделен на 2 группы:

1-я – врачи n = 36;

2-я - средний медицинской персонал (фельдшер, медицинская сестра) n = 48.

Таблица 1

Показатели демографических и психологических методик ($M \pm SD$) балл

Показатель	Группа			p < 0,05
	общая	1-я	2-я	
Возраст, лет	$37,1 \pm 6,2$	$35,2 \pm 4,7$	$27,4 \pm 7,6$	1-2
Стаж работы, лет	$8,4 \pm 2,7$	$5,1 \pm 2,3$	$7,2 \pm 3,4$	1-2
Тест «Смысложизненные ориентации»				
Цели в жизни	$31,2 \pm 6,7$	$32,1 \pm 5,4$	$26,7 \pm 4,7$	1-2
Процесс в жизни	$27,1 \pm 5,2$	$26,8 \pm 4,6$	$27,5 \pm 3,8$	
Результат жизни	$31,0 \pm 6,5$	$28,5 \pm 3,2$	$32,3 \pm 5,4$	1-2
Локус контроля – Я	$29,4 \pm 6,2$	$30,2 \pm 5,6$	$28,0 \pm 4,5$	
Локус контроля – жизнь	$30,8 \pm 4,2$	$29,7 \pm 3,1$	$31,4 \pm 3,8$	
Осмысленность жизни	$152,3 \pm 8,4$	$148,4 \pm 12,7$	$145,7 \pm 11,2$	

Социальная сеть жизни | ← ← , . = . , . | ← . , . = ← . , . | ← . , . = ← . , . | ← . , . = ← . , . |

Обобщенные данные по методике «Смыслоизмененные ориентации» показывают более низкие результаты по шкале «Процесс жизни». При этом важность достижения жизненных целей и внимания к процессу жизни имеют близкие значения, что говорит о приверженности медицинского персонала к ориентации на будущее, построении планов и проектов, восприятии процесса жизни как интересного и насыщенного. Значимо больше внимания врачи по сравнению со средним медицинским персоналом уделяют внимания развитию и построению картины будущего, таким образом больше целеустремлены на перспективу, развитие и достижения, которые произойдут через время. У медицинских работников 1-й группы были статистически более выражены результаты, позволяющие отметить ориентацию на цели в жизни, в то время как работников 2-й группы отличает ориентация на результат жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмыслена была прожитая ее часть.

Рассматривая психологические методы профилактики стресса в современных условиях, Н.Ю. Галкина отмечает, что в следствии переживания стресса, у человека наблюдаются определенные проблемы с познавательными и физиологическими процессами, трудности в общении и профессиональной деятельности. Естественными методами профилактики различных видов стресса могут быть действия, которыми современный человек занимается с детства – это и прослушивание любимой музыки, чтение художественной литературы, прогулки с домашними животными [4].

Определение мишеней психологической коррекции состояния дезадаптации медицинских работников, оказывающих стационарную помощь пациентам с коронавирусной инфекцией, в исследовании А.А. Раевского, С.П. Ивашева, А.П. Мироновой, были выделены в «Астено-невротический комплекс», «Конверсионные проявления», «Эмоционально-нравственная дезориентация». Медицинским работникам склонным к проявлению данных комплексов дезадаптации, могут быть рекомендованы методы пролонгированной психологической помощи, направленные на проработку индивидуального стиля реагирования, работа с неконструктивными копинг-стратегиями [15]. В результатах апробации программы профилактики и коррекции профессионального выгорания врачей, А.Н. Блинков и Н.С. Шевченко отмечают, что ресурсный подход с использованием элементов технологий нейролингвистического программирования, показывает статистически значимую связь в снижении уровня профессионального выгорания [2].

В работе Л.С. Кулжабаевой, Р.О. Шаихова психологические средства профилактики стресса в профессиональной деятельности ориентированы на устранение потенциальных источников стресса – не только во внешнем, но и во внутреннем мире человека. Особое значение здесь имеет обучение навыкам психической саморегуляции, которые при комплексном применении позволяют повысить уровень работоспособности и восстановить затраченные ресурсы [11].

В статье А.Д. Гольменко, В.А. Хаптановой, Е.Л. Выговского профилактика нарушения социально-психологической адаптации медицинских работников рассматривается как работа, направленная на симптомы, возникающие на различных стадиях эмоционального выгорания. При удовлетворительной и устойчивой адаптации могут применяться методы психоразвивающей и психокоррекционной работы, а при дезадаптации в большей степени медицинские мероприятия. Медицинскому персоналу, находящемуся в удовлетворительной и устойчивой адаптации, требуется консультирование по результатам психодиагностики, индивидуальное психологическое консультирование по

личному запросу, групповая психокоррекционная работа. Медицинскому персоналу в стадии дезадаптации требуется анализ заболеваемости по результатам диспансеризации, проведение дополнительных профилактических осмотров [5].

Предотвращение синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников, по мнению Е.В. Елфимовой, М.А. Елфимова и А.С. Березкина, состоит в удовлетворении потребностей, создании мотивации к труду, соблюдению рекомендаций к труду и отдыху [7]. Опыт организации психологической подготовки медицинского персонала для работы с пациентами с COVID-19, по результатам исследования И.Н. Абросимова и др., включает комплекс мероприятий направленных на повышение уровня коммуникативных компетенций, формирование навыков эмоциональной саморегуляции в стрессовых ситуациях, профилактика эмоционального выгорания, повышение стрессоустойчивости в условиях работы в красной зоне [11].

В исследовании А.О. Надирбековой, В.А. Кременцова и других, профилактика профессионального выгорания у медицинских работников включает модель из процедуры тестирования, изучения творческих продуктов деятельности, индивидуальных бесед и групповых семинаров. Такой метод позволил освоить медицинским работникам установленных стандартов работы, развития адаптивных индивидуально-психологических свойств и качеств личности, что способствовало преодолению и корректированию стрессов [13].

Модель психологической профилактики основана на актуализации смысложизненных ориентаций, которые позволяют сохранять баланс и поиску личностных ресурсов. Личностные ресурсы представлены как система способностей человека к устранению противоречий с жизненной средой, преодоления жизненных трудностей на основе трансформации ценностно-смыслового измерения личности. Смысложизненные ориентации можно рассмотреть в двух аспектах. Во-первых, это те сферы жизни, в которых данный конкретный человек с наибольшей вероятностью может найти смысл своей жизни. Во-вторых, это связь смысла жизни с будущим, настоящим и прошлым человека. Смысложизненные ориентации отражают то, насколько в жизни человека присутствует значимая цель, в какой степени он считает процесс своей жизни насыщенным и интересным, и в какой степени он удовлетворен теми результатами, которых уже достиг. Направленность внимания медицинского работника на смысложизненные ориентации позволяет осуществить психопрофилактическую работу. Программа профилактики включала в себя методы интерактивного обучения основам саморегуляции, лекцию (о базовых психологических понятиях и свойствах человека), методы саморегуляции, метод самоанализа, элементы групповой психотерапии.

Выводы

Сегодня медицинские работники сталкиваются с ситуациями, которые порождают больше стресса, чем ежедневные ситуации. Результаты исследования особенностей стрессоустойчивости медицинских работников, детальность которых связана с риском для жизни в период ограничительных мероприятий, связанных с распространением SARS-CoV-2, обуславливают необходимость разработки алгоритма психопрофилактических мероприятий, включающих психологическое сопровождение, направленных на актуализацию смысложизненных ориентаций. С целью профилактики формирования состояний психической травматизации и профессиональной дезадаптации у медицинских работников. Важность достижения жизненных целей и внимания к процессу жизни важно для медицинского персонала, что говорит о приверженности к

ориентации на будущее, построении планов и проектов, восприятии процесса жизни как интересного и насыщенного. Значимо больше внимания врачи по сравнению со средним медицинским персоналом уделяют внимания развитию и построению картины будущего, таким образом больше целеустремлены на перспективу, развитие и достижения, которые произойдут через время. У врачей были статистически более выражены результаты, позволяющие отметить ориентацию на цели в жизни, в то время как у средний медицинский персонал отличает ориентация на результат жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть.

Библиография

1. Абросимов И.Н., Воротыло Н.В., Кузнецова Ю.С., Волчкова Ю.В., Панкова Д.П., Саджая С.Т., Канатбек Кызы А., Самылина У.В. Опыт организации психологической подготовки медицинского персонала для работы с пациентами с COVID-19 [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-organizatsii-psihologicheskoy-podgotovki-meditsinskogo-personala-dlya-raboty-s-patsientami-s-covid-19> (дата обращения: 29.06.2022).
2. Блинков А.Н., Шевченко Н.С. Результаты апробации программы профилактики и коррекции профессионального выгорания врачей [Электронный ресурс] // Акмеология. 2018. №4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezulstaty-aprobatsii-programmy-profilaktiki-i-korrektssiiprofessionalnogo-vygoraniya-vrachey> (дата обращения: 29.06.2022).
3. Верна В. В., Иззетдинова А. А. Профилактика профессионального выгорания медицинских работников в период распространения пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 [Электронный ресурс] // АНИ: экономика и управление. 2020. № 4(33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-professionalnogo-vygoraniya-meditsinskih-rabotnikov-v-period-rasprostraneniya-pandemii-koronavirusnoy-infektsii-covid> (дата обращения: 23.03.2022).
4. Галкина Н.Ю. Психологические методы профилактики стресса в современных условиях [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №60-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-metody-profilaktiki-stressa-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 19.05.2022).
5. Гольменко А.Д., Хаптанова В.А., Выговский Е.Л. Научно-методические подходы к изучению и профилактике нарушения социально-психологической адаптации медицинских работников [Электронный ресурс] // Acta Biomedica Scientifica. 2015. №4 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-metodicheskie-podhody-k-izucheniyu-i-profilaktike-narusheniya-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-meditsinskih-rabotnikov> (дата обращения: 19.05.2022).
6. Гребнева В.В., Гребнев А.В. Роль телесности в формировании и профилактике профессиональной дезадаптации врачей [Электронный ресурс] // EESJ. 2020. №2-2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-telesnosti-v-formirovaniyi-profilaktike-professionalnoy-dezadaptatsii-vrachej> (дата обращения: 29.06.2022).
7. Елфимова Е.В., Елфимов М.А., Березкин А.С. Как предотвратить синдром эмоционального выгорания у медицинских работников? [Электронный ресурс] // ЭиКГ. 2016. №5 (129). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-predotvratit-sindrom-emotsionalnogo-vygoraniya-u-meditsinskih-rabotnikov> (дата обращения: 25.05.2022).
8. Карпухина М.Б., Иконникова Т.В., Антипенко Е.А., Лазарева М.Ю., Густов А.В. Расстройства адаптации у медицинского персонала поликлинического звена [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Медицина. 2008. №7. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/rasstroystva-adaptatsii-u-meditsinskogo-personala-poliklinicheskogo-zvena-1> (дата обращения: 25.05.2022).
9. Киреева С.А., Гусева О.С., Дерунов А.В. Стрессоустойчивость медицинского персонала [Электронный ресурс] // БМИК. 2015. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stressoustoychivost-meditsinskogo-personala> (дата обращения: 29.06.2022).
10. Коновалова О. В., Милицина В. А. Особенности копинг – поведения у медицинских работников [Электронный ресурс] // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-koping-povedeniya-u-meditsinskih-rabotnikov> (дата обращения: 29.06.2022).
11. Кулжабаева Л.С., Шаихов Р.О. Психологические средства профилактики стресса в профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Наука и образование сегодня. 2018. №5 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-sredstva-profilaktiki-stressa-v-professionalnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 19.05.2022).
12. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М. : Смысл, 2000. 18 с.
13. Надирбекова А.О., Кременцов В.А., Рыскулова Г.К., Коржова С.И. Профилактика психологического профессионального выгорания у медицинских работников [Электронный ресурс] // Вестник АГИУВ. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-psihologicheskogo-professionalnogo-vygoraniya-u-meditsinskih-rabotnikov-1> (дата обращения: 19.05.2022).
14. Николаев Е. Л. Что волнует медицинского работника на рабочем месте: психологический контекст профилактики профессионального стресса [Электронный ресурс] // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11, № 3. С. 27-45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-volnuet-meditsinskogo-rabotnika-na-rabochem-meste-psihologicheskiy-kontekst-profilaktiki-professionalnogo-stressa> (дата обращения: 23.03.2022).
15. Раевский А.А., Ивашев С.П., Миронова А.П. Определение мишеней психологической коррекции состояния дезадаптации медицинских работников, оказывающих стационарную медицинскую помощь пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 [Электронный ресурс] // Психология. Психофизиология. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-misheney-psihologicheskoy-korreksii-sostoyaniya-dezadaptatsii-meditsinskih-rabotnikov-okazyvayuschih-statsionarnuyu> (дата обращения: 07.07.2022).
16. Расторгуева Т.И., Карпова О.Б., Проклова Т.Н. Психологическое сопровождение деятельности медицинских работников (практический аспект) [Электронный ресурс] // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soprovozhdenie-deyatelnosti-meditsinskih-rabotnikov-prakticheskiy-aspekt> (дата обращения: 29.06.2022).
17. Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В., Макаревич О.В., Незнанов Н.Г., Лутова Н.Б., Мазо Г.Э. Популяционное исследование психического здоровья медработников России: факторы дистресса, ассоциированного с пандемией COVID-19 [Электронный ресурс] // Социальная и клиническая психиатрия. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/populyatsionnoe-issledovanie-psihicheskogo-zdorovya-medrabotnikov-rossii-faktory-distressa-assotsiirovannogo-s-pandemiey-covid-19> (дата обращения: 19.05.2022).
18. Суханова Е.И. профессиональное выгорание медицинских сотрудников и его

- диагностика [Электронный ресурс] // Неонатология: Новости. Мнения. Обучение. 2022. №2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vygoranie-meditsinskikh-sotrudnikov-i-ego-diagnostika> (дата обращения: 07.07.2022).
19. Ферапонтова М.В., Илларионова А.Ф. Взаимосвязь позитивного мышления и удовлетворенности трудом у медицинских работников [Электронный ресурс] // Коллекция гуманитарных исследований. 2022. №1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-pozitivnogo-myshleniya-i-udovletvorenosti-trudom-u-meditsinskikh-rabotnikov> (дата обращения: 29.06.2022).
20. Худова И.Ю., Улумбекова Г.Э. «Выгорание» у медицинских работников: диагностика, лечение, особенности в эпоху COVID-19 [Электронный ресурс] // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2021. №1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vygoranie-u-meditsinskikh-rabotnikov-diagnostika-lechenie-osobennosti-v-epohu-covid-19> (дата обращения: 29.06.2022).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Смысложизненные ориентации в профилактике психического здоровья медицинских работников, в связи с пандемией COVID-19».

Предмет и методология исследования. В качестве предмета, как следует из наименования, автор рассматривает смысложизненные ориентации в профилактике психического здоровья медицинских работников в связи с пандемией COVID-19. Предмет сформулирован корректно, поставленная автором цель была достигнута. В методологии описаны актуальные концепции, на основных положениях которых было выстроено данное исследование.

Актуальность, значимость и сущность затронутой проблемы обосновывается как с позиции значимости сохранения психического здоровья врачей, так и с позиции дефицитарности научных исследований. Автор выделил противоречия, которые могут быть разрешены в результате проведения научно-исследовательской работы. Особую значимость проведенной работе придает рассмотрение проблемы профилактики психического здоровья через пандемию COVID-19.

Научная новизна. Автором сделана попытка рассмотреть ценностно-смысловые ориентации медицинских работников, как определяющих направленность целей и смыслов взаимодействия, ведения повседневной деятельности, а также определяющих личностные свойства врачей. Особенно значимым это становится в период пандемий.

Недостаточно внимания уделено обоснованию того, почему именно смысложизненные ориентации важны в профилактике психического здоровья медицинских работников.

В работе упоминается о разработке модели психологической профилактики возникновения стрессовых ситуаций, нарушающих адаптацию. Ведущим фактором модели является актуализация смысложизненных ориентаций как составляющей опоры личности. К сожалению, в тексте статьи данная разработка представлена не была, а только упоминание, что она включает в себя «индивидуальные беседы и групповые семинары-тренинги». Описание содержания авторской модели отличается научной новизной и значимостью.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным языком, стиль изложения полностью соответствует публикациям такого уровня. Структура работы соответствует

внутренней логике повествования и четко определена: введение с обоснованием актуальности и проведением небольшого теоретического анализа; организация и методы исследования; результаты исследования и их обсуждение, выводы с небольшим анализом проведенной работы

Библиография. Библиография статьи включает в себя 20 отечественных источников, большая часть которых издана за последние три года. Проблематика работ соответствует тематике статьи. В библиографии представлены научно-исследовательские статьи.

В то время, отсутствует единообразие в оформлении источников. Большая часть источников нуждается в коррекции оформления в соответствии с обязательными требованиями.

Апелляция к оппонентам. Несмотря на актуальность и значимость проведенной работы, недостаточно подробно рассмотрены взаимосвязи. Необходимо более подробно описать результаты.

В исследовании была использована одна методика. Количество респондентов недостаточно для получения достоверных результатов: 36 – врачей, 48 – фельдшеров.

В работе присутствуют описки (например, «у средний медицинский персонал», «позволяет медицинскому персоналу на практике ознакомится с методами», «средний медицинской персонал» и пр.) и синтаксические неточности.

Выводы. Статья отличается несомненной теоретической и практической ценностью, будет интересна читательской аудитории и практикам, которые работают со старшими подростками. Работа может быть рекомендована к опубликованию с учетом рекомендаций.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Гайворонская А.А. — Портрет личности и его исследование психосемантикой // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.39269 EDN: FIPOHZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39269

Портрет личности и его исследование психосемантикой

Гайворонская Александра Александровна

ORCID: 0000-0002-1924-3622

кандидат психологических наук

сотрудник лаборатории когнитивных исследований

214005, Россия, г. Смоленск, ул. Новокиевская, 2, кв. кв 192

✉ aleksagai@rambler.ru

[Статья из рубрики "Горизонты психологии"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.5.39269

EDN:

FIPOHZ

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2022

Аннотация: Предметом исследования является портрет личности. Психологический портрет представляет собой подробное описание характеристик личности. Единицей анализа личности является личностный смысл. В совокупности других смыслов, личностный смысл образует иерархическую конструкцию, способную перестраиваться в ходе жизни и в зависимости от опыта трансформировать содержание смыслов в этой иерархии. Объект исследования – портрет личности изучаемый методами психосемантики для выявления строения, функционирования системы значений, способов категоризации, описывающих портрет личности. Психосемантические методы направлены на реконструкцию имплицитных теорий личности и решают следующие задачи: соединение исследуемого значения данного явления с другими значениями, системами значений, выделение и интерпретация среди этих связей наиболее существенных. Психосемантический подход к портрету личности представляет собой описание психологической (семантической) структуры, которая содержит свойства-признаки, при помощи которых можно охарактеризовать личность. Эта структура сформирована различными типами значений «классифицирующими» данный конструкт

как «психологический портрет». Основными выводами проведенного исследования являются: 1) использование психосемантического инструментария к интерпретации «портрета личности» способствует раскрытию характеристик данного феномена, а именно, как уровни категоризации, выделенные в ходе исследования, соотносятся со значимыми темами, описывающими психологический портрет; 2) портрет личности – это комплексная характеристика, отражающая внутренний мир, направленность личности и являющаяся инструментом для изучения человека. Новизна исследования заключается в изучении имплицитных теорий составления психологического портрета, получив в результате модель психологического портрета.

Ключевые слова:

психологический портрет, личностный смысл, имплицитные теории, конструкт, картина мира, категоризация, комплексная характеристика, направленность личности, типы значений, иерархическая конструкция

Психологический портрет представляет собой подробное описание характеристик личности. Единицей анализа личности является личностный смысл. В совокупности других смыслов, личностный смысл образует иерархическую конструкцию, способную перестраиваться в ходе жизни и в зависимости от опыта трансформировать содержание смыслов в этой иерархии. Способы интерпретации действительности, наполняемые разными смыслами, отражают разные мотивы деятельности. «Система взаимодействующих факторов, условий и средств, структур различных отношений и связей, на базе которых возникают и действуют мотивы выступают как направленность человеческой активности» (Леонтьев, 1982. С. 6) [\[1\]](#). Комплекс поступков, их организация в поведенческих схемах, наработка индивидуальных решений, опыт, направленность представляет собой характер. Объяснение характера как частной подструктуры личности рассматривалась в ряде работ А.Г. Асмолова (1996) [\[2\]](#), Б.С. Братуся (1994) [\[3\]](#), Д.А. Леонтьева (2013) [\[4\]](#) и др.

Обыденное сознание представляет собой совокупность представлений, установок, стереотипов, основывающихся на непосредственном повседневном опыте, или так называемое «донаучное» знание. Донаучное знание (наблюдение, опыт) Дж. Брунер и Р. Тагиури обозначили как «имплицитную» теорию (модель) личности (Брунер, Тагиури, 1954) [\[5\]](#). Имплицитность (донаучность) связана с несознаваемыми представлениями, ожиданиями и проявляется в поведении [\[6\]](#). Изучение имплицитных теорий по мнению Р. Стенберга способствует описанию типичного повседневного поведения (Р. Стенберг 1985) [\[7\]](#).

Идеи конструктивизма (плурализм истины, множественность различных культурно-исторических моделей мира) находят отражение в работах связанных с психосемантикой. Роль индивидуальных конструктов в познании и описании мира, языковая и культурно-историческая опосредованность познавательных процессов, идеи множества способов описания разных феноменов и относительности истин лежат в основе психосемантического подхода (Петренко, 2009) [\[8\]](#). Конструкт – это способы истолкования или интерпретации мира. Организованная система более или менее важных конструктов создается и используется для объяснения событий, явлений (Келли, 2000) [\[9\]](#). Переосмысление, переструктурирование, переработка, «модулирование

установок» отражает смысловую наполненность изучаемого конструкта (Леонтьев, 2021) [10]. Возможные сценарии развития будущего предопределены конструктами и конструкты, изменяясь могут менять смысл того или иного явления. Портрет личности, представляет собой психологический конструкт при помощи которого моделируется картина мира личности. А.Н. Леонтьев, используя понятие «образ мира» («амодальный», созданный на основе действительности, сотканный из разных «тканей»), полагает, что в основе «образа мира» находится «картина мира» [11]. С.Д. Смирнов считает, что «картина мира» состоит из некой психологической реальности, которая образуется при взаимодействии с внешним и внутренним миром [12]. При этом, картина мира находится в одном семантическом пространстве с понятиями «мировоззрение», «менталитет», «когнитивный стиль», «способы категоризации» и др.

Одна из задач психосемантики – это изучение картины мира личности, где экспериментальная психосемантика изучает генезис, строение, функционирование системы значений, способы категоризации, а субъективная семантика рассматривает картину мира личности, как некую модель действительности, состоящую из образа себя, явлений и их объяснения. «Картина мира (по Е.Ю. Артемьевой) в узком смысле слова, представляет собой агрегацию различных семантик» (Артемьева, 1980) [13]. Психосемантические методы направлены на реконструкцию имплицитных теорий личности и решают следующие задачи: соединение исследуемого значения данного явления с другими значениями, системами значений, выделение и интерпретация среди этих связей наиболее существенных, значимых и реконструирование модели данного явления (Соломин, 2009) [14].

Психосемантический подход к портрету личности представляет собой описание психологической (семантической) структуры, которая содержит свойства-признаки, при помощи которых можно охарактеризовать личность. Эта структура сформирована различными типами значений «классифициирующими» данный конструкт как «психологический портрет».

Цель исследования состояла в изучении того, что понимается, какое объясняется, какое содержание вкладывается в конструкт «портрет личности» и его составление. Методы исследования: метод определения понятий, метод мини-сочинений, контент и микросемантический анализ.

В исследовании приняло участие 182 молодых человека, получающих психологическое образование, в возрасте от 17 до 20 лет, женского пола 22 человека, средний возраст молодых людей $M = 19$ лет, стандартное отклонение $SD=1,79$. Данное исследование носит пилотажный характер, связанный с количеством выборки, а также целями исследования.

Для получения индивидуальных конструктов при описании портрета личности респондентов просили ответить на вопросы:

- Что такое портрет личности?
- Из чего состоит портрет личности?
- Для чего нужен портрет личности?

В ходе исследования респонденты в виде свободных мини-рассказов описали свои представления о портрете личности, используя конкретные примеры из личного опыта.

Обнаружение в интерпретации данного феномена разных объяснений, выявление психологических характеристик процесса интерпретирования (интеллектуальных /когнитивных/ или оценочных), а именно - противоречивость в интерпретации, проблемность (глубина интерпретации) и контекст интерпретации – (широта, разнообразие) способствовало изучению психологического портрета личности.

Описание и анализ результатов исследования.

Контент-анализ протоколов мини-сочинений позволил получить описание конструкта «портрет личности», где ведущие контенты: *внутренний мир, «расшифровка» личности, типологические особенности, признаки, личностная сфера, внутренний мир человека, характерные особенности, комплексная психологическая характеристика, человеческие качества, поведенческие манеры, инструмент, позволяющий ближе узнать человека, средства, показатели, содержит критерии и др.* Категории, описывающие конструкт «портрет личности» отражают

- комплексную характеристику качеств,
- инструмент для изучения человека,
- внутренний мир, сфера личности.

В протоколах упоминаются конструкты портрета, связанные с деятельностью личности, ее возможностями, потребностями. Например, «*Если человек военный, то его портрет будет связан с такими качествами как смелость, решительность*» (Таня, 18л.). Также в портрете содержится совокупность свойств, характеристик. Например, из сочинения Лены 20л.: «*Психологический портрет должен содержать что-то общее, что есть в любом портрете, но должно быть и отличным от других портретов*», «*Психологический портрет, например, учителя – это внешний вид, правильная речь, культура поведения*» (Татьяна, 20л.), «*Портрет менеджера связан с тем что он умеет: работать с людьми, обладает решительностью, энтузиазмом*» (Николай, 19л.), «*Портрет личности – это краткий срез свойств и характеристик, актуальных на данный момент времени*» (Настя 20л.).

Воспитание и самовоспитание могут находить свое отражение в характеристиках, содержащихся в портрете личности. Например: «*Воспитанность очень важна для человека, потому что с ним приятно общаться, он соблюдает правила приличия*» (Елена 20л.), «*Те, кто занимаются спортом обладают волей, стремлением к победе*» (Иван, 19л.), «*Все учёные немого рассеянные*» (Юрий 19 л.). Желания, стремления, интересы описывались при помощи увлечений: «*Занятие вышивкой характеризует человека как усидчивого, терпеливого*» (Таня 18л.), «*Марки собираю люди, которым склонны к уединению*» (Петр 19л.). Внутренний мир описывался респондентами как уникальный мир, содержащий убеждения, ценности, принципы. Например: «*Человек с богатым внутренним миром – интересный собеседник*» (Мария 18л.),

При описании из чего состоит портрет личности, в протоколах указывался тип темперамента. Ведущая содержательная психологического портрета – это тип высшей нервной деятельности (совокупность врожденных и приобретенных свойств нервной системы, определяющих темперамент личности): сильный, уравновешенный, подвижный; сильный, уравновешенный, инертный; сильный, неуравновешенный; слабый. Особенно важно для респондентов, оказалось наличие или отсутствие волевых качеств, таких как самоконтроль, самооценка, дисциплинированность, организованность. Учет в психологическом портрете таких качеств передает уровень осознанности, способы контроля над собой. Рассматривались также в протоколах такие конструкты как

интеллектуальные качества: творческое мышление, логичность, гибкость (подвижность). Не менее важный конструкт – коммуникативные способности, которые обеспечивающие эффективность общения, а именно, восприятие, оценка себя и окружающих, понимание, структурирование и передача полученной информации, выступление перед другими и умение подстраиваться под того с кем происходит общение, восприятие и интерпретация верbalных и неверbalных сигналов, умение понимать подтекст и контекст, а также предвидеть траекторию развития разговора и др.

Категории, описывающие содержание на основе которого строится портрет личности:

- тип высшей нервной деятельности,
- волевые, интеллектуальные качества,
- коммуникативные способности,
- нервно-психическая устойчивость,
- эмоциональные характеристики.

Интересно отметить, что в сочинениях встречалось такие конструкты: «отношение к опасным ситуациям» (Мария, 19л.), «способы выхода из опасных, травматичных ситуаций» (Дмитрий, 20л.), «способы планирования своего будущего» (Вера 19л.), «реакция на опасность» (Света, 17 л.), «обидчивость», «ревность», «завистливость», «враждебность» (Антон, 17 л.) и др.

Психологический портрет, по мнению респондентов, нужен для того, чтобы:

- уметь найти индивидуальный подход к личности («ключик»),
- установить линию поведения для эффективного общения,
- выявить сильные и слабые стороны при взаимодействии,
- выявить скрытые психологические травмы,
- выявить совместимость,
- определить соответствие позиционируемым качествам («быть и казаться»),
- определить перспективы сотрудничества,
- прогнозировать поведение в определенной ситуации,
- определить лучшего кандидата на должность,
- помогает взглянуть на себя с другой стороны.

При составлении портрета личности, по мнению респондентов, важно учитывать персональные данные – пол, возраст, внешние параметры, а также социальный статус – должность, специальность, семейное положение. Например, «В наше время важно знать половую ориентацию человека, потому что существуют люди, у которых поведение может измениться лишь от того к какому полу они себя причисляют» (Вера, 20л.), «Большое значение имеет, кем является человек, руководитель или подчиненный» (Юра, 17л.), «Если у женщины много детей, то она старается быть заботливой мамой» (Ира, 17л.), «Пожилой человек выглядит уверенно, потому что у него много знаний о жизни...» (Сергей, 18л.). Понимание таких особенностей необходимо для того, чтобы моделируемые

характеристики соответствовали социальной ситуации, в которой находится личность. Небольшая биография, где указаны основные, самые важные события и моменты жизни помогут более точно установить характерные особенности данной личности, выявить ведущие поведенческие схемы, прогнозировать действия и поступки. Например, «Я знаю, что И.И. принимал участие в боевых действиях, и поэтому у него взрывной характер» (Люся, 19л.).

Отдельно в протоколах указывались качества, связанные с профессией. Например: для врача – это порядочность, ответственность, интеллигентность, человечность. Для психолога: эмпатичность, дружелюбие, общительность, вежливость, жизнерадостность. Для эксперта, проводящего судебную экспертизу важны такие личные качества, как честность, независимость, добросовестность, беспристрастность. Для учителя – порядочность, толерантность, доброжелательность, деликатность, принципиальность.

По мнению респондентов, для получения психологического портрета лучше применять проективные методики. Наиболее часто в протоколах упоминались такие методики как пятна Роршаха, тест Люшера, Тест Сонди, психогеометрический тест С. Деллингера, рисуночные тесты («несуществующее животное», «дерево», «слон» и др.). Использование классических методик, по мнению респондентов, слишком энергозатратно, скучно и неинтересно.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что использование психосемантического инструментария к интерпретации «портрета личности» способствует раскрытию характеристик данного феномена, а именно, как уровни категоризации, выделенные в ходе исследования, соотносятся со значимыми темами, описывающими психологический портрет, то есть, портрет личности – это комплексная характеристика качеств отражающих внутренний мир, направленность личности и являющейся инструментом для изучения человека.

Библиография

1. Леонтьев В. Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования. Новосибирск: ГП «Новосибирский полиграфкомбинат», 2002. 264 с.
2. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования / А. Г. Асмолов.-М.: Изд-во МГУ, 1984.-104 с.
3. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности: (Психол. исслед.) / Б. С. Братусь.- М.: Знание, 1985.-64 с.
4. Леонтьев Д.А. Опыт методологического осмыслиения практик работы с личностью: фасилитация, ноотехника, жизнетворчество// Консультативная психология и психотерапия. 2012. №4 С.164-185.
5. Bruner J.S., Tagiuri R. The perception of people // Lindzey G. (ed.). Handbook of Social Psychology. Vol. 2. Mass., 1954.
6. Аллахвердов М. В. Принцип проверяемости имплицитных теорий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. №3. С.14-19.
7. Стенберг Р. Дж., Форсайт Дж. Б., Хедланд Дж. и др. Практический интеллект. СПб: Питер, 2002. 265с.
8. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / М.: Новый хронограф. 2009.
9. Kelly G. The Psychology of Personal Constructs. Vol. 1, 2. N. Y., 1955
10. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика 1983. С.251-261.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Портрет личности и его исследование психосемантикой».

Предмет и методология исследования. В качестве предмета автором, как видно из названия, определен портрет личности и его исследование психосемантикой. Предмет сформулирован однозначно, в большей степени – это формулировка объекта.

Методология исследования в работе представлена. Автор при разработке программы исследования опирается на психосемантический подход, который представляет собой описание психологической (семантической) структуры, которая содержит свойства-признаки, при помощи которых можно охарактеризовать личность. Эта структура сформирована различными типами значений «классифицирующими» данный конструкт как «психологический портрет».

Исследование было проведено на выборке 182 человека в возрасте от 17 до 20 лет, которые отвечали на три вопроса. Однако отсутствует обоснование того, почему именно данные вопросы были взяты для анкетирования. Это авторская методика, либо диагностический инструментарий другого исследования.

Актуальность и научная новизна. Значимость и сущность затронутой проблемы не обоснована. Автором обозначены основные положения теоретических подходов. Не совсем понятно, какова значимость проведенного исследования. Отмечается только, что «использование психосемантического инструментария к интерпретации «портрета личности» способствует раскрытию характеристик данного феномена, а именно, как уровни категоризации, выделенные в ходе исследования, соотносятся со значимыми темами, описывающими психологический портрет, то есть, портрет личности – это комплексная характеристика качеств отражающих внутренний мир, направленность личности и являющийся инструментом для изучения человека».

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык изложения научный.

Структура работы прослеживается не четко: введение с обоснованием актуальности и постановкой проблемы отсутствует, есть краткий теоретический обзор; описывается исследование с обозначением цели, характеристикой испытуемых, описанием содержания анкеты; представлен анализ результатов исследования; небольшой общий вывод.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 10 отечественных и зарубежных источника, ни один из которых не опубликован за последние три года. Проблематика работ соответствует тематике статьи. В библиографии представлены научно-исследовательские статьи и монографии. Источники литературы оформлены в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Апелляция к оппонентам. Несмотря на актуальность и значимость проведенной работы, важно проведение анализа современных отечественных и зарубежных исследований за последние годы. В работе проведенный теоретический анализ является недостаточным. Важно уделить внимание аргументированным выводам, поскольку в работе представлен единственный абзац с кратким утверждением.

Не совсем понятно, в каком контексте понимается феномен «портрет». Это также нуждается в конкретизации.

Важно прописать научную значимость и новизну исследования, поскольку в работе есть

актуальность. Но эти позиции не обозначены.

Выводы. Статья отличается несомненной теоретической ценностью, будет интересна с теоретической и практической точки зрения, исследователям и практикам. Работа нуждается в доработке.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Березина Т.Н. — Четырехуровневая регуляция продолжительности жизни посредством биopsихологических часов // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.68681 EDN: FLSTEG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68681

Четырехуровневая регуляция продолжительности жизни посредством биopsихологических часов

Березина Татьяна Николаевна

доктор психологических наук

профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет

123290, Россия, г. Москва, наб. Шелепихинская, 2а, ауд. 508

 tanberez@mail.ru

[Статья из рубрики "Горизонты психологии"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.5.68681

EDN:

FLSTEG

Дата направления статьи в редакцию:

10-10-2023

Аннотация: Рассматривается модель регуляции продолжительности жизни посредством биopsихологических часов четырех уровней. Первый уровень представлен внутриклеточными молекулярно-генетическими часами, отвечающими за максимальную продолжительность жизни. На втором уровне происходит регуляции времени деятельности (тайм-менеджмент), этот уровень связан с психологическими часами, существует также связь с активностью годичных и месячных биоритмов. Этот уровень связан с организацией жизненного пути, регуляцией образа жизни, профессиональным долголетием человека. На третьем уровне осуществляется регуляция бодрствования и сна посредством циркадных биоритмов с периодом 20-28 часов. Здесь происходит регуляция состояния здоровья и восстановление иммунитета. Четвертый уровень связан с регуляцией ритмов дыхательной и сердечной систем, с ним связано явление преждевременной смерти, и он отвечает за прекращение жизни. Мы рассматриваем регуляцию, осуществляющуюся сверху вниз, при этом каждый уровень отвечает за свой аспект продолжительности жизни. Между уровнями существует взаимодействие, однако его механизмы изучены мало. Кроме этого, существуют также механизмы,

обеспечивающие автономное функционирование метаболизма каждого уровня. Вывод: для восстановления здоровья, профилактики внезапной смерти, потенциального увеличения продолжительности жизни необходимо разрабатывать комплексные стратегии, объединяющие все уровни биологических и психологических часов.

Ключевые слова:

личность, личностная организация времени, активность, психологические часы, биологические часы, продолжительность жизни, теории старения, биopsихологическая регуляция, биологические ритмы, биологический возраст

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00058 П. <https://rscf.ru/project/19-18-00058/>

Введение.

Регуляция жизнедеятельности организма осуществляется сложной системой биологических часов. Биологические часы представляют собой внутреннюю систему организма, которая определяет все ритмы его жизнедеятельности: от частоты сердечных сокращений до организации всей жизни (биологические ритмы или биоритмы). Нами было предложено существование единого метаресурса – общего запаса жизненных сил, связанного с биopsихологическим старением. Этот метаресурс определяет общее состояние работоспособности человека и влияет на темп биологического старения [1].

Таким образом, нам представляется **актуальной** разработка целостной модели регуляции продолжительности человеческой жизни с учетом ее конечности на основе современных данных о работе психологических и биологических часов. Именно это и является **целью** данной работы.

Биopsихологическая концепция регуляции продолжительности жизни.

Мы предположили существование 4 уровней биopsихологических часов, связанных с продолжительностью жизни.

Первый уровень. Самый верхний уровень – это биологические часы, регулирующие общую продолжительность жизни. Мы назвали это регуляцией времени жизни, а время, которое на этом уровне регулируется, – **временем жизни**.

В иерархию биологических ритмов регуляцию продолжительности жизни обычно не включают. Это во многом связано с тем, что биологические ритмы по определению представляют собой периодически повторяющиеся изменения характера и интенсивности биологических процессов и явлений, а индивидуальная жизнь – это единичный односторонний необратимый процесс. Тем не менее, регуляция продолжительности жизни и развития организма на субклеточном уровне регулируются биологическими часами. Исследователи выделяют несколько разных молекулярных процессов, способных выполнять роль биологических часов, ответственных за продолжительность жизни организма. Наиболее часто в этой связи исследователи рассматривают среднюю длину теломер в клетках (хромосомные часы) [2] и уровень метилирования ДНК (эпигенетические часы) [3].

Одна из самых первых моделей биологических часов, кодирующих продолжительность

жизни, это концепция теломеразных (хромосомных) биочасов. Работа хромосомных биологических часов организована следующим образом. Генетическая информация программируется специальными молекулами ДНК, которые группируются в хромосомы. На конце каждой хромосомы есть специальные участки – теломеры. При каждом делении молекулы теломерной ДНК становятся короче на 200-300 нуклеотидов (можно сказать, букв), укорачивание происходит благодаря активности специальных ферментов – теломераз. Длина теломерной ДНК составляет около 10-15 тысяч букв. Если разделить пятнадцать тысяч на триста, получим пятьдесят, т.е. пятьдесят делений клетки. Система теломераза-теломеры, по мнению авторов, это биологические часы жизни живых существ, но идут они с разной скоростью у каждого человека. Теломеразу можно сравнить с двигателем, а теломеры – со стрелками часов. Только эти стрелки постепенно укорачиваются, а не движутся по циферблату. Таким образом, как предполагается, кодируется продолжительность жизни и ее конечность [\[2\]](#). Позднее были предложены концепции эпигенетических часов. Существуют эпигенетические часы Хорвата [\[3\]](#) и эпигенетические часы Ханума [\[4\]](#).

Работа биологических часов связана с энергетикой клетки [\[5\]](#). Например, метаболическая теория заключается в том, что старение является неизбежным результатом токсичных побочных продуктов нормального метаболизма, таких как побочные продукты клеточного дыхания или активные формы кислорода. А теломеразная теория старения (уменьшение теломер) предлагает более сложные механизмы регуляции метаболизма, также как и теории соматических мутаций. В любом случае, именно ограниченность возможности метаболизма определяет продолжительность жизни. А управление метаболизмом осуществляется посредством биологических часов разных уровней.

Говоря об энергетике жизни, хочется привести мнение российского физиолога К.П. Иванова, занимавшегося исследованием метаболизма живой клетки [\[6\]](#). Он обосновал понятие «энергия жизни».

Человек в течение дня тратит энергии в несколько раз больше, чем ему необходимо для обеспечения потребностей организма. У деятельного человека, потребляющего в сутки около 2300 ккал, примерно 60% энергозатрат происходят при полном мышечном покое, т.е., на уровне основного обмена, когда человек ничего не делает, просто лежит, а то и спит. Именно на это «ничего» человек тратит 1800 ккал в сутки. На вопрос, куда уходит эта энергия, чаще всего отвечают, что на деятельность внутренних органов. Но физиологи подсчитали, что на деятельность внутренних органов он тратит примерно 20% энергии. Остается 1400 ккал. Они идут на поддержание жизни организма. Но что это такое «поддержание жизни» Автор статьи утверждает, что эта энергия тратится, во-первых, на восстановление белка, поскольку в нормальных условиях идет постоянное разрушение белков (старение). Белки разрушаются постоянно, например, под действием воды; вода в своем механическом воздействии на живые молекулы вследствие тепловых колебаний может разрушать целостность живых структур клетки. Во-вторых, на восстановление клеток: дело в том, что большинство клеток в живом организме существуют от 1,5 до 10 сут., а потом разрушаются. Автор статьи утверждает, что сложность строения живой материи настолько велика, что термодинамически она находится очень далеко от равновесного состояния, вот почему имеет место постоянное саморазрушение тканей. Т.е., энергия тратится на восстановление клеток, и это и есть энергия жизни.

Однако эта энергия конечна. Приведем мнение другого физиолога Макса Рубнера: в

своей механистической теории износа, которую он считал основой для всех других теорий, он изучал энергетические затраты организма, необходимые для жизнедеятельности. Он исследовал скорость метаболизма животных разного размера – от морских свинок до коров. Он подсчитал, что расход энергии на единицу массы тела фиксирован: каждый грамм ткани тела потребляет одинаковое количество энергии перед смертью для всех изученных им видов. Таким образом, он пришел к выводу, что изменение продолжительности жизни обусловлено изменением скорости метаболизма [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что биологические часы этого уровня имеют свой запас энергии, который и определяет длительность их функционирования.

Второй уровень биopsихологических часов обеспечивает распределение энергии по этапам жизненного пути, – это тайм-менеджмент, скорее всего, за это отвечают биологические часы, регулирующие годичные и месячные циклы. Для человека с этими биологическими часами оказывается связана личностная регуляция **времени деятельности**.

Представление о личности как о субъекте жизни было заложено еще С.Л. Рубинштейном, в концепции личностной организации времени это представление было дополнено и доработано для анализа способов организации жизни. На основании своей концепции личностной организации времени К.А. Абульханова предложила рассматривать личностную регуляцию продолжительности жизни посредством трех пространственно-временных ценностно-смысовых характеристик жизненного пути: «жизненная позиция», «жизненная линия», «жизненная перспектива» [8]. Важным показателем является длина временной перспективы. Продолжительность такой регуляции индивидуальна, – большинство людей строят на срок до месяца, иногда до года, очень редко человек разрабатывает реальный план на несколько лет. Например, учебу в вузе нельзя считать реальным планом, потому что для большинства студентов это совершенно внешняя регуляция, а не реализация разработанных ими планов.

Нарушение установившихся ритмов жизнедеятельности может снижать работоспособность, оказывать неблагоприятное воздействие на здоровье человека. Характер биологических ритмов учитывают при организации рационального режима труда и отдыха человека, особенно в экстремальных условиях (в полярных условиях, в космосе, при быстром перемещении в другие часовые пояса и т.д.) [9]. Люди строят свои планы, опираясь на эндогенные (например, чередование периодов сна и бодрствования) и экзогенные (сезонные циклы зима – лето) биологические ритмы. Попытка строить личностные планы независимо от биоритмов приводит к их десинхронизации, нарушение приуроченности биоритмов человека к периодическим изменениям во внешней среде получило название десинхроноза. В качестве примера можно привести перелёт в другой часовой пояс и т.п. Последствиями десинхроноза могут являться обострения хронических заболеваний, повышенная утомляемость и снижение работоспособности [10].

Как связана продолжительность жизни с личностной организацией времени? На этот вопрос нет однозначного ответа.

Чаще всего исследователи предлагают данные о том, что определенным образом организованная жизнь человека способствует увеличению или снижению продолжительности жизни. Продолжительность жизни могут уменьшить вредные привычки: наркомания, алкоголизм, табакокурение, а здоровый образ жизни

соответственно способствует ее увеличению. Выбор того или иного образа жизни зависит от личности самого человека [11]. Более того, показано, что образ жизни влияет и на регуляцию предыдущего уровня: поведение человека, стиль его жизни, режим дня, отношение к миру влияют на биологический возраст, даже определяемый на хромосомном уровне [12]. Как известно, теломеры и связанные с теломерами белки играют важную роль в старении клеток, что имеет значение для глобального здоровья. Как показало исследование С. Вернера, изменение обычного поведения здоровых людей, в частности, включение тренировок на выносливость в обычный режим дня влияют на активность теломеразы и длину теломер [13].

Мы полагаем, что регуляция продолжительности жизни осуществляется сверху вниз. Определенное количество энергии жизни закладывается в систему биологических часов более низкого уровня, в данном случае управляющих инфрадианными и цирканными ритмами, а потом распределяющимися с помощью этих часов на месяцы и на год.

Адаптация и старение биосистем увеличивают периоды биоритмов. За счет обучения и привыкания происходит минимизация энергетических затрат, увеличение экономичности процессов жизнедеятельности. Однако при этом снижается гомеостатическая мощность биосистемы, сужается коридор допустимых без потери устойчивости отклонений параметров биосистемы и варьирования периодов биоритмов. Контроль точности работы генетического и белоксинтезирующего аппаратов клетки обеспечивается саморегуляцией – поддержанием допустимого диапазона изменения периодов биоритмов транскрипции и трансляции. Старение рибосомы увеличивает период синтеза молекул белка, что может приводить к ошибкам в структуре белка и нарушению внутриклеточных процессов. Исправление таких ошибок обеспечивается своевременной ферментной деструкцией «плохих» рибосом и восстановлением временной координации внутриклеточных процессов [14].

Тем не менее следует отметить, что образ жизни влияет на ускорение метаболизма, однако это не всегда приводит к изменению продолжительности жизни. Были исследования с попытками через образ жизни ускорить метаболизм у лабораторных животных [15]. Авторы исследовали влияние повышенного расхода энергии, вызванного воздействием холода на продолжительность жизни мышей. Долголетие измеряли в группах из 60 мышей-самцов, которых содержали при температуре 22°C или 10°C на протяжении всей взрослой жизни. Воздействие холода увеличило средний ежедневный расход энергии примерно на 10%-48%, однако авторы не наблюдали существенных различий в средней продолжительности жизни между контрольной и экспериментальной группами.

Мы полагаем, что ускорение метаболизма вследствие изменения образа жизни связано с работой биологических часов 2-го уровня, а не 1-го, т.е., напрямую не будет приводить к снижению продолжительности жизни (регулируемой на 1-м уровне), скорее всего наоборот, – будут включаться механизмы, препятствующие этому. У человека перегруженность деятельностью сверх планируемого может привести к перерасходу энергии, ускорению биологического старения и включению в организме механизмов предупреждающих это, иначе говоря, к чувству хронической усталости, слабости и заболеваниям [16]. Эти механизмы, скорее всего, будут приводить к изменению образа жизни и, соответственно, замедлению метаболизма. Лишь в редких экстремальных случаях длительное нарушение нормального функционирования живого существа может приводить к смерти.

Третий уровень – это регуляция на основе суточных (циркадных, циркадианных) или околосуточных биоритмов с периодом 20-28 часов. Мы назвали это регуляцией **времени бодрствования**. Это наиболее изученная область хронобиологии и хронопсихологии. Каждый из нас практически сталкивается с необходимостью такой регуляции, это известный режим дня человека. Даже те, кто его специально не составляет, живут по нему (спят ночью, а днем бодрствуют).

Мы полагаем, что регуляция этого уровня связана со здоровьем и иммунитетом [17]. Депривация сна может снижать иммунитет, в то время как хороший сон его улучшает. Многие аспекты физиологии и поведения человека демонстрируют ритмичность с периодом около 24-х часов. Ритмические изменения контролируются эндогенным хранителем времени, циркадными часами и включают в себя циклы сна-бодрствования, физическую и умственную работоспособность, кровяное давление и температуру тела. Исследователи отмечают, что многие заболевания, такие как метаболические, нарушения сна, аутоиммунные и психические расстройства и рак, связаны с циркадным ритмом [18].

Механизмы чередования сна и бодрствования в физиологии хорошо изучены и они хорошо согласуются с нашей моделью биopsихологической регуляции. Согласно нашей модели, на каждом уровне существуют свои механизмы, которые связаны с аккумуляцией запаса энергии и распределением ее посредством биологических часов. Исходя из этого, для данного уровня энергия должна восстанавливаться ночью и расходоваться днем.

В 2017 году Джейфри Холл, Майкл Росбаш и Майкл Янг получили Нобелевскую премию за исследования регуляции циркадных ритмов. Изучая генотип муки дрозофилы, они обнаружили ген и белок *period*, концентрация которого колеблется с периодичностью 24 часа и определяет работу «биологических часов» насекомого. Ученые определили, что этот ген производит белок, который накапливается в клетках в течение ночи, а затем накапливается в течение дня [19].

Для человека подобную же функцию может выполнять гормон мелатонин. Секреция мелатонина происходит в основном ночью, в темное время суток, а в утренние и дневные часы – на свету – выработка гормона резко подавляется. С помощью мелатонина происходит организация суточного периодизма, он выступает посредником между пейсмекерным механизмом ядер и периферическими органами. Кроме этого, он обладает антиоксидантной активностью и необходим для обеспечения психологического и соматического здоровья [20].

Существуют также данные о связи этого уровня регуляции с продолжительностью жизни. На ежегодной конференции на Всемирном кардиологическом конгрессе в США было представлено исследование взаимосвязи сна и здоровья, в исследовании были использованы данные 172 321 человека со средним возрастом 50 лет, которые участвовали в национальном опросе о состоянии здоровья в период с 2013 по 2018 год [21]. На основании полученных результатов авторы сделали вывод, что мужчины, которые регулярно хорошо спят, могут прожить почти на пять лет дольше, а женщины могут прожить дольше на два года. Хороший сон по мнению авторов был основан на пяти различных факторах: идеальная продолжительность сна от семи до восьми часов в сутки, трудности с засыпанием не чаще двух раз в неделю, проблемы со сном не чаще двух раз в неделю, отсутствие каких-либо снотворных препаратов и чувство хорошего отдыха после пробуждения не менее пяти дней в неделю.

А длительная депривация сна приводит к увеличению смертности экспериментальных животных (от насекомых до крыс) [22]. Например, было показано, что лишение сна, подобного отдыху, привело к повышению скорости метаболизма у тихоокеанского таракана-жука и к значительному увеличению смертности в экспериментальной группе, начиная с 17-го дня (в среднем 0,57 смертей в день после этого), в то время как в контрольной группе смертность осталась все время на одинаковом уровне (в среднем 0,17 смертей в день на протяжении всего периода) [22]. Также существуют данные, что единственной причиной синдрома внезапной смерти новорожденных является нарушение ритмики продукции мелатонина, гормона, который регулирует цикл сна и бодрствования у человека и животных; как оказалось, в организме необходимо определенное его содержание для поддержания нормальной работы нервной системы и здоровья всех органов [23].

Исходя из нашей концепции, биологические часы каждого уровня отвечают за свой кусок регуляции продолжительности жизни. Несмотря на связь энергетики организма с продолжительностью жизни, на каждом уровне существует своя регуляция и работают механизмы, препятствующие незапрограммированному переходу энергии сверху вниз. Как правило, это механизмы, которые препятствуют повышению затрат энергии и пытаются вернуть метаболизм на естественный уровень.

Например, нарушения биологических ритмов у взрослого человека не ведет к внезапной смерти, а приводит к возникновению состояний сниженной работоспособности (и соответственно сниженным энергозатратам). Десинхроноз возникает при рассогласовании внутренних циркадных ритмов как из-за патологии систем или органов, так и из-за работы в ночное время или трансмеридианных перелетов. В свою очередь, нарушение естественной структуры биоритмов (десинхроноз) приводит к нарушениям сна, головной боли, дневной сонливости, снижению работоспособности, снижению резистентности организма и др. [24] Все это ведет к снижению общей активности человека и постепенной адаптации его биоритмов к новой ситуации. Аналогичный эффект появляется при лишении сна взрослых людей [25]. Во-первых, депривация сна ведет к снижению общей активности человека, физической и умственной заторможенности, во-вторых, спонтанно начинают возникать просоночные состояния, человек непроизвольно проваливается в сон на короткое время и удерживать бодрствование он просто не может без каких-то специальных упражнений.

Четвертый уровень – это регуляция циркадианных ритмов сердечной и дыхательной систем. Мы назвали это регуляцией времени сердечной активности (**времени сердца**).

Следует отметить, что именно нарушение работы этих биоритмов является фактической причиной прекращения жизни. Регистрация смерти практически всегда осуществляется однозначно: это остановка сердца и прекращение дыхания. Это низовой уровень регуляции. Все остальные уровни и все биологические часы, ими управляющие, в этом случае могут действовать только через остановку сердечной деятельности. Именно сердечную ритмику Ф. Хальберг назвал циклами, склоняющими чашу весов между смертью и жизнью.

Этот уровень связан с другими. Множество факторов могут действовать на сердечные ритмы, склоняя эту чашу в ту или иную сторону. Систематический хронобиологический амбулаторный мониторинг артериального давления и частоты сердечных сокращений, проводимый круглосуточно в течение недели, показал зависимость сердечного ритма от циркадных ритмов чередования сна и бодрствования, а также от световых циклов [26].

Экспериментальное исследование хроноструктуры ритмов сердечно-сосудистой системы в наземной лаборатории и в условиях космического полета показало их связь с воздействием факторов внешней среды [27]. Автор приводит данные, показывающие, что циркадианная система сердца гибко и последовательно изменяется в циклах, имеющих многолетние, инфрадианные и многодневные периоды, например, таких, как одиннадцатилетний цикл солнечной активности, около 28-дневный, около 14-дневный, около-недельный ритмы. Также им показано, что на сердечные ритмы могут влиять внешние раздражители, например, социальные факторы и изменения ритмов освещенности и геомагнитного поля.

Таким образом, прекращение жизни всегда происходит из-за остановки сердца. А от чего зависит остановка сердца? Мы предполагаем, что причины как всегда энергетические, т.е. у биологических часов, управляющих сердечной деятельностью, также существует свой запас энергии, которая накапливается (или выделяется) в определенный момент функционирования, а потом расходуется. Вероятнее всего, этот запас энергии сопоставим с промежутком клинической смерти, в течение которой человека еще можно вернуть к жизни.

Возможный механизм этого предложен российским ученым С.Л. Загускиным, который считал, что интегрирующим фактором всех видов биохимической регуляции энергетики клетки является агрегация митохондрий с торможением энергетики при увеличении геля и дезагрегация митохондрий с увеличением энергетики при увеличении золя [\[14\]](#).

Однако именно для этого уровня регуляции чрезмерные траты энергии оказываются фатальными, потому что могут привести в внезапной смерти. В последние годы началось изучение феномена внезапной смерти у взрослых людей, не имеющих предшествующих проблем со здоровьем. Чаще всего внезапная смерть регистрируется у спортсменов после продолжительной нагрузки. Это явление известно еще с глубокой древности, – смерть вестника, первым пробежавшим марафонскую дистанцию. В настоящее время исследования продолжаются. Например, внезапная сердечная смерть 387 молодых американских спортсменов (в возрасте до 35 лет) была проанализирована в медицинском обзоре 2003 года, авторы показывают, что причиной внезапной смерти чаще всего оказываются незамеченные ранее проблемы с сердцем, однако во многих случаях причины смерти установить не удается [\[28\]](#).

Как мы полагаем, в организме человека существуют механизмы, препятствующие чрезмерной трате энергии. Существуют они также и на уровне регуляции сердечной деятельности. В данном случае, скорее всего, они обеспечиваются механизмами, препятствующими возможности человека развить запредельные усилия. Это механизмы усталости, слабости, боли, тяжести в мышцах, возникновение субъективного ощущения «не могу пошевелить ни рукой, ни ногой». Поэтому объяснимо, почему внезапная смерть взрослых чаще всего регистрируется у спортсменов: все их тренировки направлены на возможность выдержать предельные нагрузки и достичь приложения сверхусилий. Возможно, это приводит к истощению энергетического потенциала. Во всяком случае, это может происходить в тех ситуациях, когда другие причины смерти установить не удалось.

Заключение.

Мы предлагаем концепцию биopsихологической регуляции продолжительности жизни посредством биологических часов четырех уровней. Мы предполагаем относительную независимость каждого уровня. Если продолжить метафору часов, то биологические

часы на каждом уровне заводятся независимо посредством собственных механизмов и выполняют свою регуляционную функцию. Мы связываем работу биологических часов с собственной энергетикой клетки и опираемся на отечественные и зарубежные исследования внутриклеточного метаболизма. Согласно этим концепциям, изменение продолжительности жизни обусловлено изменением скорости метаболизма. Человек вырабатывает больше энергии, чем ему необходимо для обеспечения потребностей организма, эта энергия идет на восстановление структуры белка и на восстановление целостности клеток, иначе говоря, она идет на поддержку жизни, и эта энергия конечна. На каждом уровне работы биологических часов существуют свои механизмы аккумуляции и расхода этой энергии. Мы полагаем, что это могут быть определенная структура молекул, ферменты, гормоны или какие-то другие механизмы.

Первый уровень – это молекулярно-генетические часы, находящиеся внутри клетки; они связаны с регуляцией максимальной продолжительности жизни (временем жизни). Продолжительность жизни определяется или размером теломер, длина которых уменьшается с каждым делением клетки (число таких делений конечно) или особенностями метилирования ДНК, которые закономерно изменяются с возрастом.

Второй уровень – это биopsихологические часы, регулирующие время деятельности. В основе их лежит личностная регуляция времени (тайм-менеджмент) на основе экзогенных и эндогенных биологических ритмов (годичное, месячное планирование). При составлении таких планов человек бессознательно ориентируется на инфрадианные ритмы с периодичностью 23-28 дней и окологодичные (циркадные) ритмы, – повторяющиеся изменения интенсивности и характера биологических процессов и явлений с периодом от около года. Механизмы аккумулирования и расхода энергии на этом уровне не изучены. Мы полагаем, что этот уровень определяет профессиональное долголетие человека и в конечном счете – успешность пенсионной реформы.

Третий уровень – это регуляция на основе циркадных (суточных) биоритмов с периодом 20-28 часов (регуляция сна и бодрствования). Сон – состояние, необходимое для выживания, это подтверждается его распространностью, очевидными нарушениями здоровья при рассогласовании циркадных ритмов и возможным летальным исходом при длительной депривации сна. Мы полагаем, что регуляция на этом уровне связана с поддержкой здоровья и иммунитетом.

Четвертый уровень – это регуляция циркадианных ритмов сердечной и дыхательной системой, – регуляция времени сердечной активности (времени сердца). Именно этот уровень связан с прекращением жизни. Скорее всего, у биологических часов этого уровня также существует свой запас энергии, сопоставимый с промежутком клинической смерти, в течение которого человека можно вернуть к жизни. Доказательством этого является феномен внезапной смерти взрослых людей без предшествующих проблем со здоровьем. Чаще всего, он регистрируется у спортсменов после чрезмерной нагрузки. Биологические часы, регулирующие продолжительность жизни на других уровнях, ее завершение могут вызывать только через остановку сердечной деятельности, т.е., через воздействие на этот уровень.

Каждый уровень отвечает за свой аспект продолжительности жизни. Первый – за максимальную продолжительность жизни, второй – за профессиональное долголетие, третий – за состояние здоровья и иммунитет, четвертый – за вероятность преждевременной смерти и вообще за прекращение жизни. Между уровнями существует взаимодействие, однако его механизмы изучены мало. Кроме этого, существуют также механизмы, обеспечивающие автономное функционирование метаболизма каждого

уровня. Они препятствуют бесконтрольному перемещению энергии между уровнями. Для достижения практических целей, таких как восстановление здоровья или профилактика внезапной смерти, необходимо работать на том уровне биологических часов, которые обеспечивают регуляцию именно этих процессов. Соответственно, увеличение максимальной продолжительности жизни возможно только на молекулярно-генетическом уровне. Существующие данные о том, что те или иные методики и образ жизни влияют на ее продолжительность, скорее всего связаны с замедлением или ускорением темпов биологического старения, но не увеличением ее максимальной длительности.

Библиография

1. Березина Т.Н. Биopsихологический возраст и здоровье профессионалов: Перспективы антистарения: международная коллективная монография / под ред. Т. Н. Березиной. – М.: Издательский дом Академии им. Н. Е. Жуковского, 2021, с. 270-276.
2. Kipling D, Telomere-dependent senescence. Nat Biotechnol. 1999 Apr; 17(4):313-4.:10.1038/7827
3. Horvath S. DNA methylation age of human tissues and cell types. Genome Biol. 2013. 14, R115. <https://doi.org/10.1186/gb-2013-14-10-r115>
4. Hannum, G. Genome-wide methylation profiles reveal quantitative views of human aging rates. // Mol Cell. 2013, 49: 359–367. DOI: 10.1016/j.molcel.2012.10.016
5. Jones O.R., Vaupel J.W. Senescence is not inevitable // Biogerontology. 2017. Vol. 18 (6). P. 965-971. DOI: 10.1007/s10522-017-9727-3
6. Иванов, К. П. Жизнь при минимальных расходах энергии / К. П. Иванов // Успехи физиологических наук. – 2008. – Т. 39, № 1. – С. 42-54.
7. Speakman JR, Selman C, McLaren JS, Harper EJ. Living fast, dying when? The link between aging and energetics. J Nutr. 2002 Jun;132(6 Suppl 2):1583S-97S. doi: 10.1093/jn/132.6.1583S. PMID: 12042467.
8. Абульханова, К. А. Время личности и ее жизненного пути // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 165-200.
9. Бороноев, В. В. Иерархия биоритмов в организме человека / В. В. Бороноев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 11-1. – С. 37-40.
10. Хронобиология и хрономедицина / Под редакцией С.М. Чубисова, С.И. Рапопорта, М.Л. Благонравова. – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – 828 с.
11. Berezina T. Differences in individual life path choices affecting life expectancy and health in Russia// E3s Web of Conferences T. 210, 17032 (2020). <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021017032>.
12. Boutari C., Mantzoros C.S. Decreasing Lean Body Mass with Age: Challenges and Opportunities for Novel Therapies // Endocrinology and Metabolism (2017), 32 (4):422 <http://dx.doi.org/10.3803/EnM.2017.32.4.422>.
13. Werner C.M, Hecksteden A., Morsch A., Zundler J, Wegmann M., Kratzsch J., Thiery J., Hohl M. , Thomas Bittenbring J.T., Neumann F., Böhm M., Meyer T., Laufs U. (2018). Differential effects of endurance, interval, and resistance training on telomerase activity and telomere length in a randomized, controlled study. / European Heart Journal, Volume 40, Issue 1, 01 January 2019, P. 34–46, <https://doi.org/10.1093/eurheartj/ehy585> DOI: 10.1093/eurheartj/ehy585.
14. Загускин, С. Л. Биологическое время: саморегуляция и управление / С.Л. Загускин

- // Пространство и Время. –2016. – № 4 (22). – С. 254-266. Электронный ресурс [https://space-time.ru/space-time /article/view/2226-7271provr_st4-22.2015.111](https://space-time.ru/space-time/article/view/2226-7271provr_st4-22.2015.111) (дата доступа: 25.07.2023)
15. Vaanholt LM, Daan S, Schubert KA, Visser GH. Metabolism and aging: effects of cold exposure on metabolic rate, body composition, and longevity in mice. *Physiol Biochem Zool.* 2009 Jul-Aug;82(4):314-24. doi: 10.1086/589727. PMID: 19115965.
 16. Berezina T. N., Temirkanova A., Litvinova A. V., Kokurin A. V. Using Virtual Reality Techniques to Alleviate Cognitive Fatigue in Graduate Students Working while in College // European Journal of Contemporary Education. – 2022. – Vol. 11. – No 1. – P. 36-46. – DOI 10.13187/ejced.2022.1.36.
 17. Rybtsova, N. Molecular Markers of Blood Cell Populations Can Help Estimate Aging of the Immune System / N. Rybtsova, T. N. Berezina, S. Rybtsov // International Journal of Molecular Sciences. – 2023. – Vol. 24, No. 6. – P. 5708. – DOI 10.3390/ijms24065708.
 18. Preußner, M., Heyd, F. Post-transcriptional control of the mammalian circadian clock: implications for health and disease. *Pflugers Arch-Eur J Physiol* 468, 983–991 (2016). <https://doi.org/10.1007/s00424-016-1820-y>
 19. Sehgal A, Rothenfluh-Hilfiker A, Hunter-Ensor M, Chen Y, Myers MP, Young MW. Rhythmic expression of timeless: a basis for promoting circadian cycles in period gene autoregulation. *Science.* 1995 Nov 3;270(5237):808-10. DOI: 10.1126/наука.270.5237.808
 20. Арушанян, Э. Б. Гормон эпифиза мелатонин и его лечебные возможности // Русский медицинский журнал. – 2005. – Т. 13, № 26.
 21. Qian F. Low-Risk Sleep Patterns, Mortality, and Life Expectancy at Age 30 Years: A Prospective Study of 172,321 US Adults // the American College of Cardiology's Annual Scientific Session Together With the World Congress of Cardiology on March 6, 2023. Report.
 22. Stephenson R, Chu KM, Lee J. Prolonged deprivation of sleep-like rest raises metabolic rate in the Pacific beetle cockroach, *Diptoptera punctata* (Eschscholtz). *J Exp Biol.* 2007 Jul;210(Pt 14):2540-7. DOI: 10.1242/jeb.005322.
 23. Weissbluth L, Weissbluth M (1994). Sudden infant death syndrome: a genetically determined impaired maturation of the photoneuroendocrine system. A unifying hypothesis. *J Theor Biol* 167: 13–25.
 24. Bobok, M.N., Krasnyuk, I.I. & Kozlova, Zh. M. (2020). Regulation of biological rhythms. modern methods of desynchronoses correction. International Research Journal, 7(97). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.97.7.031>
 25. Мисникова, И. В. Сон и нарушения метаболизма / И. В. Мисникова, Ю. А. Ковалева // РМЖ. – 2017. – Т. 25, № 22. – С. 1641-1645.
 26. Halberg, F., Cornélissen, G., Katinas, G., Syutkina, E.V., Sothern, R.B., Zaslavskaya, R., Halberg, F., Watanabe, Y., Schwartzkopff, O., Otsuka, K., Tarquini, R., Frederico, P. and Sigelova, J., 2003. Transdisciplinary unifying implications of circadian findings in the 1950s. *Journal of Circadian Rhythms*, 1(0), p.Art. 2.DOI: <https://doi.org/10.1186/1740-3391-1-2>
 27. Бреус, Т. К., Чибисов, С. М., Баевский, Р. Н., Шебзухов, К. В. Хроноструктура ритмов сердца и факторы внешней среды: Монография. – М., 2002. – 232 с.
 28. Maron, Barry J. Sudden Death in Young Athletes. // New England Journal of Medicine. 349 (11): (September 11, 2003). 1064–1075, DOI:10.1056/NEJMra022783. PMID 12968091. S2CID 6487670

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Четырехуровневая регуляция продолжительности жизни посредством биopsихологических часов».

Предмет исследования. Работа нацелена на разработку целостной модели регуляции продолжительности человеческой жизни с учетом ее конечности на основе современных данных о работе психологических и биологических часов. В целом, автором был проведен анализ обозначенной проблемы.

Методология исследования определяется выделенной актуальностью и поставленными целями. Автором обоснована авторская концепция биopsихологической регуляции продолжительности жизни посредством биологических часов четырех уровней. Работа представляет собой теоретический анализ, а эмпирическое исследование отсутствует.

Актуальность исследования определяется тем, что важно выделить единый метаресурс, общий запас жизненных сил, связанных с биopsихологическим старением. Этот метаресурс определяет общее состояние работоспособности человека и влияет на темп биологического старения.

Научная новизна исследования. Проведенное исследование представляет собой обоснование и описание концепции биopsихологической регуляции продолжительности жизни посредством биологических часов четырех уровней; выделен и четко прописан каждый уровень.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части.

Во вводной части статьи обозначена актуальность затронутой проблемы. Автором выделено понимание особенностей регуляции жизнедеятельности, биологических часов и биологических ритмов. В статье предложено существование единого метаресурса - общего запаса жизненных сил, связанного с биopsихологическим старением. Автор также обозначил цель проводимой работы.

Второй раздел посвящен описанию биологической концепции регуляции продолжительности жизни. Автором выделено существование четырех уровней биopsихологических часов, которые связаны с продолжительностью жизни.

На первом (верхнем) уровне рассматриваются биологические часы, которые регулируют общую продолжительность жизни. Речь идет о времени жизни. На втором уровне обеспечивается распределение энергии по этапам жизненного пути. Это – время деятельности. Третий уровень затрагивает регуляцию на основе суточных или околосуточных биоритмов с периодом 20-28 часов. Он называется временем бодрствованием. Четвертый уровень затрагивает регуляцию циркадианных ритмов сердечной и дыхательных систем. Данная регуляция называется временем сердца.

В заключении автором описывается концепция биopsихологической регуляции продолжительности жизни посредством биологических часов четырех уровней. В статье описывается, что данные уровни являются относительно независимыми и выполняют определенные функции.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 28 отечественных и зарубежных источников, издания за последние три года практически отсутствуют. В списке представлены, в основном, монографии, учебные и учебно-методические пособия, статьи. Помимо этого, в библиографии есть интернет-источники. Источники оформлены, в

основном, корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- провести более глубокий теоретический анализ, в том числе современных научных источников по затронутой тематике;
- определить в работе научную новизну и авторский вклад в решение затронутой проблемы.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами регуляции продолжительности жизни и нахождение соответствующих механизмов. Статья может быть рекомендована к опубликованию с учетом выделенных рекомендаций.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Суворова Н.В., Наконечная Е.В., Смирная А.А., Смирнова А.В., Шепелева Ю.С. — Уровень адаптации к обучению у первоклассников, воспитывающихся в семьях с разным типом детско-родительских отношений // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.43957 EDN: DSQMOM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43957

Уровень адаптации к обучению у первоклассников, воспитывающихся в семьях с разным типом детско-родительских отношений

Суворова Наталия Владимировна

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра психологии, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии

660037, Россия, г. Красноярск, ул. Московская, 7а

✉ nata.suvorova.7474@inbox.ru

Наконечная Екатерина Владимировна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологии, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии

660037, Россия, г. Красноярск, ул. Московская, 7а

✉ jurcity@yandex.ru

Смирная Анастасия Андреевна

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра психологии и педагогики, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева

660049, Россия, г. Красноярск, ул. Мира, 82

✉ nastenasm@yandex.ru

Смирнова Анастасия Викторовна

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра английской филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

660060, Россия, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89

✉ anastasyavic@mail.ru

Шепелева Юлия Сергеевна

старший преподаватель, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России

660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1

✉ lady@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

—♦—

10.25136/2409-8701.2023.5.43957

EDN:

DSQMOM

Дата направления статьи в редакцию:

04-09-2023

Аннотация: Предмет исследования – связь детско-родительских отношений и эффективности адаптации первоклассников. Цель исследования – определение уровня адаптации к обучению у первоклассников, воспитывающихся в семьях с разным типом детско-родительских отношений. Значимость для ребенка детско-родительских отношений в сложный для него период начала школьного обучения подчеркивается многими авторами. Зачастую причина трудностей в адаптации к школе лежит в несформированности личностных форм общения младшего школьника с родителями, в неумении родителей построить общение с ребенком по типу «ребенок – взрослый как равный», в привычке родителя общаться с уже повзрослевшим ребенком по сложившемуся в дошкольном детстве стереотипу. Исследование проведено на базе муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Средняя школа № 19 имени А.В. Седельникова» города Красноярска. Было проанализировано 30 родителей (мамы первоклассников) и 30 детей возраста 7 лет. Прослеживается прямая взаимосвязь детско-родительских отношений и адаптацией первоклассников к школе. Для обучающихся, воспитывающихся в семьях с демократическим типом воспитания, характерна успешная, полная адаптация. У школьников из семей, в которых преобладающими типами детско-родительских отношений выступают попустительский и авторитарный стили воспитания, преобладает неполная адаптация и дезадаптация. Проведенное исследование позволяет разработать психологические программы по повышению уровня адаптации первоклассников к обучению для родителей с авторитарным стилем воспитания и для родителей с попустительским стилем воспитания.

Ключевые слова:

адаптация, первоклассники, семья, детско-родительские отношения, воспитание, обучение, мотивация, родители, уровень адаптированности, успешность

Актуальность темы исследования. В современном мире все больше возрастает понимание семьи как определяющей не только развитие ребенка, но и развитие общества в целом. Именно семья обеспечивает социализацию ребенка, открывает и структурирует для него мир, выделяя значимые критерии для ориентировки в нем. Переход ребенка к систематическому школьному обучению считается одним из сложных этапов его жизни. Начало школьного обучения связано с коренными изменениями образа жизни ребенка, в том числе и с новым отношением со стороны родителей в семье.

Внимание к проблеме школьной адаптации первоклассников в современной психолого-педагогической теории и практике возрастает в связи с тем, что растет количество детей, имеющих затруднения в учебной деятельности, испытывающих повышенную тревожность, проблемы в установлении взаимоотношений с одноклассниками и учителем. Неудовлетворительные детско-родительские отношения на этапе начального школьного обучения провоцируют возникновение более сложных нарушений в старшем возрасте, способствуют формированию различных акцентуаций характера в период взросления.

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования направлен на решение следующих задач: формирование общей культуры личности детей, развития их социальных, нравственных, эстетических, интеллектуальных, физических качеств, инициативности, самостоятельности и ответственности ребенка, формирования предпосылок учебной деятельности. Аргументом в пользу необходимости подготовки детей к обучению в школе выступает возрастающее число первоклассников, неспособных справиться с учебной нагрузкой и адаптироваться к школьной жизни.

Педагоги и психологи отмечают, что начало школьного обучения коренным образом меняет образ жизни ребенка. В связи с приобретением новой социальной роли – роли школьника, изменяется положение ребенка в семье: с некоторыми привилегиями предъявляются и новые требования, связанные, например, с необходимостью выполнения распорядка дня, соответствующего школьному расписанию [19, 20].

В это время значительно возрастают требования к умениям ребенка и его развитию, появляются также и формальные оценки его достижений и неудач, и неформальные реакции родителей на эти оценки. В связи с этим ребенок вступает в сложные отношения посредничества между двумя институтами социализации – семьей и школой. Зачастую причина трудностей в адаптации к школе лежит в несформированности личностных форм общения младшего школьника с родителями, в неумении родителей построить общение с ребенком по типу «ребенок – взрослый как равный», в привычке родителя общаться с уже повзрослевшим ребенком по сложившемуся в дошкольном детстве стереотипу [21, 22].

Теоретическая постановка проблемы.

Значимость отношений между родителями и детьми привлекает внимание многих психологов различных школ и направлений. Накоплен огромный опыт работы в сфере детско-родительских отношений (А.Я. Варга, Н.Б. Жураева, Л.В. Зеленая [5, 10, 11]). Доказано, что роль и значение семьи в жизни человека нельзя переоценить. Именно семья является основой для формирования наиболее значимых социальных функций. Семья является уникальным социальным институтом, посредником между индивидуумом и обществом, транслятором фундаментальных ценностей от поколения к поколению [1, 8].

Общеизвестно, что роль семьи очень велика в становлении мировоззрения ребенка, его миропонимании и представлении о социальном устройстве мира [2, 3? 18]. Детско-родительские отношения являются тем компонентом, который обуславливает развитие психической составляющей ребенка, так же определяет формирование его личности. Об этом пишут Варавина Е.А. [4], Васюк С.Н. [6], Гайдукова Д.В. [7] Влияние, которое оказывают родители на ребенка, неразрывно связано с воспитательными воздействиями на него. Родители имеют определенные представления о ребенке – и это является внутренней или ориентировочной основой воспитания .

Значимость для ребенка детско-родительских отношений в сложный для него период начала школьного обучения подчеркивается многими авторами (Григорьева Е.Л. [9], Матюшкина Е.Г. [13]). Проведены исследования механизмов влияния родителей на эффективность адаптации ребенка к ситуации школьного обучения (Калашникова С.В. [11], Мовсисян К.А. [14]). Доказано, что ценностные ориентации родителей, эмоциональное отношение к ребенку, то, как родители воспринимают ребенка, стиль семейного воспитания – все это является значимым фактором адаптации ребенка к школе [15, 16, 17].

За рубежом проблема адаптации первокурсников к обучению в школе в связи с характером детско-родительских отношений изучается Hoste G., Ken M., Lollge H. Masironi R. Denolin H. [23, 24, 25, 26]

Исследование. Целью исследования было определение уровня адаптации к обучению у первоклассников, воспитывающихся в семьях с разным типом детско-родительских отношений

Предмет исследования – связь детско-родительских отношений и эффективности адаптации первоклассников.

Для изучения типа детско-родительских отношений были применены методики:

- опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковская (для родителей дошкольников и младших школьников);
- опросник стиля родительского воспитания (ACB) Э.Г. Эйдемиллер, В.К. Юстицкис (для младших школьников).

Для изучения уровня адаптированности первоклассников были применены методики:

- анкета «Уровень школьной мотивации» (Н.Г. Лусканова);
- методика определения личностной адаптированности школьников (А.В. Фурман);
- методика «Экспертная оценка адаптированности ребенка к школе» (Чирков В.И., Соколова О.Л., Сорокина О.В.).

Эмпирическая база исследования. Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 19 имени А.В. Седельникова» города Красноярска. Было проанализировано 30 родителей (мамы первоклассников) и 30 детей возраста 7 лет.

Результаты. В результате проведения опросника «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской получены следующие данные, представленные по всем десяти шкалам на рисунке 1.

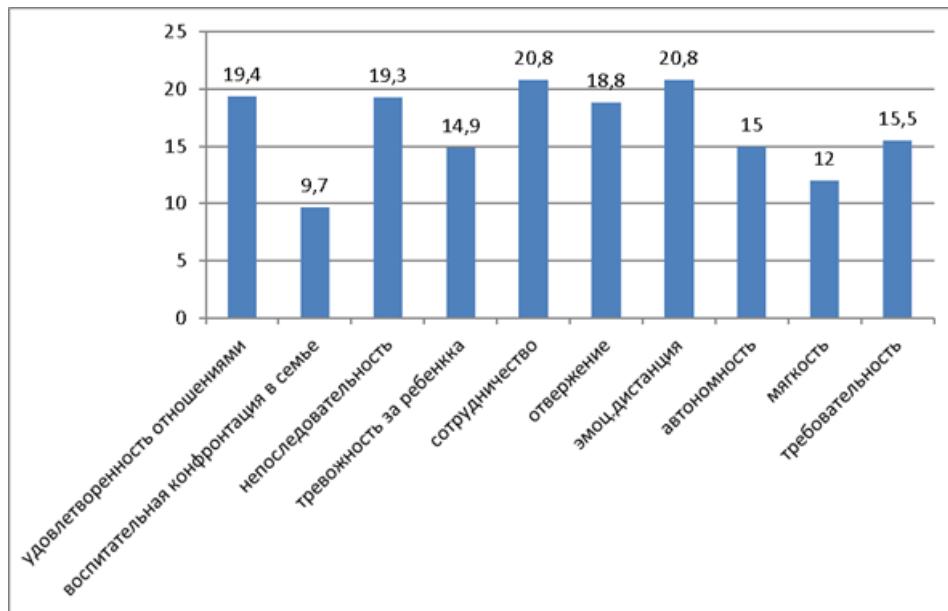

Рисунок 1 – Анализ критериев оценки взаимодействия родителей с первоклассниками

По результатам описательной статистики и частотного анализа, среднее значение по шкале «нетребовательность/требовательность» родителя равно 15,519. Это достаточно высокий показатель по нормам данной методики. Большинство родителей имеют высокий уровень требовательности к ребенку и ожидают от него высокого уровня ответственности.

Среднее значение по шкале «мягкость/строгость родителя» равно 12,019. Это средний показатель по нормам данной методики. Родители умеренно строги. Правила, установленные во взаимоотношениях между родителем и ребенком, и давления на ребенка не отличаются особой жесткостью.

Среднее значение по шкале «автономность/контроль по отношению к ребенку» равно 15,056. Значение выше среднего, говорит о том, что у большинства родителей выражено контролирующее поведение по отношению к ребенку. Это может проявляться в мелочной опеке, навязчивости, ограничениях.

Среднее значение по шкале «эмоциональная дистанция/близость» ребенка к родителю» равно 20,889. По данной методике это означает, что большинство родителей считает, что у них выстроены доверительные, близкие отношения с ребенком.

Среднее значение по шкале «отвержение/принятие ребенка родителем» равно 18,889. В данном случае высокие показатели говорят о том, что большинство родителей принимают ребенка как личность: личностные качества и поведенческие проявления.

Среднее значение по шкале «отсутствие сотрудничества» равно 20,889. Это указывает на наличие равенства и партнерства в отношениях родителей и детей у большинства родителей. Авторитарный, безразличный или попустительский стиль воспитания для них не характерен.

Среднее значение по шкале «тревожность за ребенка» равно 14,907. Результат этой шкалы выше среднего уровня. Большинство родителей проявляют высокую степень переживания за своего ребенка и низкую степень свободы и самостоятельности ребенка.

Среднее значение по шкале «непоследовательность / последовательность родителя»

равно 19,389, что по данной методике говорит о том, что большинство родителей демонстрируют последовательность и постоянство в своих требованиях, в применении наказаний и поощрений, в целом в отношении к ребенку.

Среднее значение по шкале «воспитательная конфронтация в семье» равно 9,796, что по данной методике говорит о том, что низкие показатели по этой шкале свидетельствуют о высокой сплоченности и единогласии членов семьи по вопросу воспитания.

Среднее значение по шкале «удовлетворенность отношениями ребенка с родителем» равно 19,481. В соответствии с данной методикой, результат говорит об удовлетворенности во взаимоотношениях с ребенком у большинства родителей.

Результаты Опросника «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллер, В.К. Юстицкис представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Средние значения выраженности стилей воспитания по опроснику «Анализ семейных взаимоотношений»

Показатели	Среднее	Станд. откл.	Чел.	%
Гиперпротекция	7,20	2,077	10	66,6
Гипопротекция	1,53	0,915	0	0
Потворствование	5,00	2,777	3	20
Игнорирование потребностей	0,40	0,632	0	0
Чрезмерность требования	1,27	0,884	0	0
Недостаточность требований	2,00	1,414	2	13,3
Чрезмерность запретов	1,53	0,743	0	0
Недостаточность запретов	2,40	1,056	7	46,6
Строгость санкций	0,53	0,743	0	0
Минимальность санкций	3,67	0,976	9	60
Неустойчивость стиля воспитания	0,33	0,617	0	0
Расширение сферы родительских чувств	3,07	1,870	1	6,6
Предпочтение детских качеств	1,33	0,976	0	0
Воспитательная неуверенность родителей	2,13	1,457	1	6.6
Фобия утраты ребенка	3,93	1,668	3	20
Неразвитость родительских чувств	1,13	1,302	0	0
Проекция нежелательных качеств	0,60	0,828	0	0
Вынесение конфликта в сферу воспитания	0,67	0,900	0	0
Предпочтение женских качеств	1,67	0,900	0	0
Предпочтение мужских качеств	0,87	0,915	0	0

Ни один из показателей не достиг диагностического значения, что может говорить о том, что в целом детско-родительские отношения в данной группе не имеют существенных нарушений. Однако, у большинства родителей существует тенденция к таким стилям семейного воспитания, как: гиперпротекция (66,6%), минимальность санкций (60%), недостаточность требований-запретов (46,6%).

Для изучения уровня адаптированности первоклассников использованы:

1. Анкета «Уровень школьной мотивации» (Н.Г. Лусканова).
2. Методика определения личностной адаптированности школьников (А.В. Фурман).
3. Методика «Экспертная оценка адаптированности ребенка к школе» (Чирков В.И., Соколова О.Л., Сорокина О.В.).

По методике Н.Г. Лускановой представим полученные данные графически на рисунке 2.

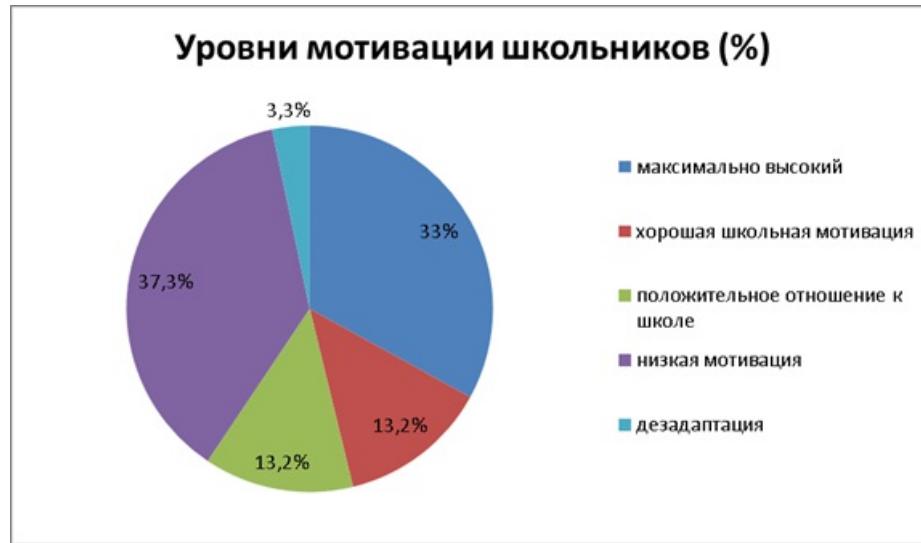

Рисунок 2 – Уровни мотивации первоклассников

У 33% первоклассников диагностирован максимально высокий уровень школьной мотивации, учебной активности. Эти школьники отличаются наличием высоких познавательных мотивов, стремлением наиболее успешно выполнять все предъявляемые школой требования. Они очень четко следуют всем указаниям учителя, добросовестны и ответственны, сильно переживают, если получают неудовлетворительные оценки или замечания педагога. В рисунках на школьную тему они изображают учителя у доски, процесс урока, учебный материал и т.п.

У 13,2% первоклассников диагностирована хорошая школьная мотивация. Подобные показатели имеют большинство, успешно справляющихся с учебной деятельностью. В рисунках на школьную тему они также изображают учебные ситуации, а при ответах на вопросы проявляют меньшую зависимость от жестких требований и норм. Подобный уровень мотивации является средней нормой.

У 13,2% первоклассников диагностировано положительное отношение к школе, но школа привлекает больше внеучебными сторонами. Такие дети достаточно благополучно чувствуют себя в школе, однако чаще ходят в школу, чтобы общаться с друзьями, с учителями. Им нравится ощущать себя учениками, иметь красивый портфель, ручки, тетради. Познавательные мотивы у таких детей сформированы в меньшей степени и учебный процесс их мало привлекает. В рисунках на школьную тему такие дети изображают, как правило, школьные, но не учебные ситуации.

У 37,3% первоклассников диагностирована низкая школьная мотивация. Подобные школьники посещают школу неохотно, предпочитают пропускать занятия. На уроках часто занимаются посторонними делами, играми. Испытывают серьезные затруднения в учебной деятельности. Находятся в состоянии неустойчивой адаптации к школе. В рисунках на школьную тему такие дети изображают игровые сюжеты, хотя косвенно они связаны со школой, присутствуют в школе.

У 3,3% первоклассника диагностировано негативное отношение к школе, школьная дезадаптация. Этот школьник испытывает серьезные трудности в школе: он не справляется с учебной деятельностью, испытывает проблемы в общении с одноклассниками, во взаимоотношениях с учителями. Школа нередко воспринимается им как враждебная среда, пребывания в которой для них невыносимо. Может плакать, проситься домой, проявлять агрессивные реакции, отказываться выполнять те или иные задания, следовать нормам, правилам. Рисунки, как правило, не соответствуют школьной теме, а отражают индивидуальные пристрастия ребенка.

По методике определения личностной адаптированности школьников (А.В. Фурман) получены данные, представленные на рисунке 3.

Рисунок 3 – Уровни адаптированности первоклассников

По методике «Экспертная оценка адаптированности ребенка к школе» (Чирков В.И., Соколова О.Л., Сорокина О.В.) получены данные, отраженные на рисунке 4.

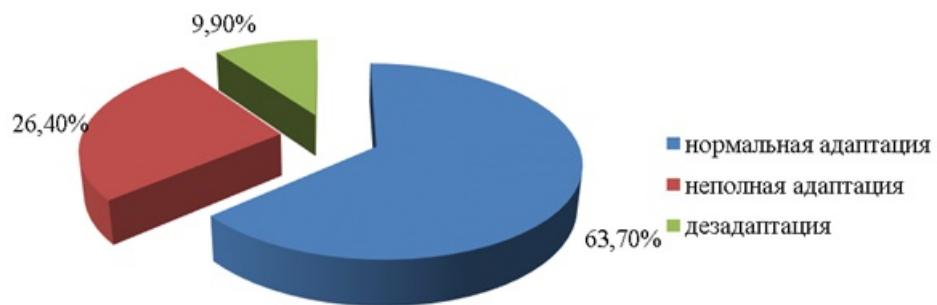

Рисунок 4 – Экспертная оценка адаптированности ребенка к школе

Из представленных данных очевидно, что у 19 (63,7%) первоклассников диагностирована нормальная адаптация. Эти школьники соблюдают режим, самостоятельно готовят школьные принадлежности и складывают их в портфель, в школе им интересно, пробелов в освоении учебной программы нет, они не капризничает, не отказываются ходить в школу, легко ладят как с одноклассниками, так и с педагогическим составом школы, занимают в классе высокий социометрический статус, имеют развитую учебную мотивацию, произвольную регуляцию.

У 26,4% первоклассников диагностирована неполная адаптация. Эти школьники при

помощи и контроле со стороны родителей соблюдают режим, готовят школьные принадлежности и складывают их в портфель, легко устраниют пробелы в освоении учебной программы, им комфортно в классе, где они имеют много товарищей.

У 9,9% первоклассников диагностирована дезадаптация, выражаясь в слабом привыкании ребенка к школе, трудностях с усвоением знаний и навыков, низкой работоспособности, несформированной мотивации учения, неблагоприятном положении в среде сверстников, негативном отношении к школе.

Далее рассмотрим соотношение стиля воспитания и типа адаптации к школе.

На рисунке 5 представлены стили воспитания в семьях первоклассников, у которых диагностирована нормальная адаптация.

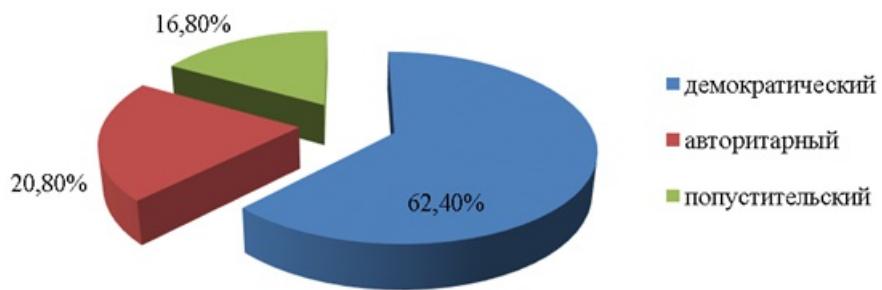

Рисунок 5 –Стиль воспитания при нормальной адаптации

Как следует из данных, представленных на рисунке 5, в семьях первоклассников с нормальной адаптацией преобладает демократический стиль воспитания – такой стиль выявлен в 62,4% семьях. В 20,8% семьях преобладает авторитарный стиль воспитания. В 16,8% семьях преобладает попустительский стиль воспитания.

Демократический стиль воспитания может положительно сказаться на адаптации ребенка к школе. Этот стиль воспитания ценит сотрудничество, открытое общение и взаимное уважение между родителями и детьми. Такой подход может помочь ребенку почувствовать поддержку и быть услышанным, что может повысить его самооценку и уверенность в своих силах.

Дети, воспитанные в демократическом стиле воспитания, поощряются к самостоятельному принятию решений и решению проблем. Такой подход может помочь им развить критическое мышление и навыки принятия решений, которые могут быть полезны в школе. Они также могут чувствовать себя более комфортно, обращаясь за помощью к учителям и сверстникам, что может способствовать улучшению отношений и успехам в учебе.

Демократический стиль воспитания также может помочь детям понять важность правил и границ. Родители, которые используют этот стиль, как правило, устанавливают четкие ожидания и последствия для действий своих детей, что может помочь детям научиться следовать правилам и понимать влияние их поведения на других. Это может привести к лучшему поведению в школе и улучшению взаимодействия с одноклассниками и учителями.

В целом, демократический стиль воспитания может способствовать положительному школьному опыту ребенка, способствуя его независимости, навыкам критического мышления и пониманию правил и границ.

На рисунке 6 представлены стили воспитания в семьях первоклассников, у которых диагностирована неполная адаптация.

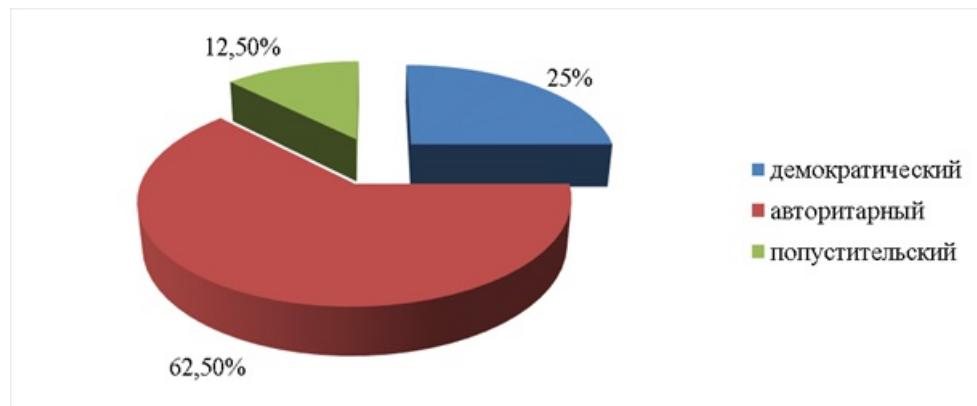

Рисунок 6 –Стиль воспитания при неполной адаптации

Как следует из данных, представленных на рисунке 6, в семьях первоклассников с неполной адаптацией преобладает авторитарный стиль воспитания – такой стиль выявлен в 62,5% семьях. В 25% семьях преобладает демократический стиль воспитания. В 12,5% преобладает попустительский стиль воспитания.

Авторитарный стиль воспитания, характеризующийся строгими правилами, наказаниями и недостатком тепла, может негативно сказаться на адаптации ребенка к школе несколькими способами.

Во-первых, дети авторитарных родителей могут испытывать большую тревогу и страх по отношению к своим учителям, что затрудняет формирование с ними позитивных отношений. Это может привести к отсутствию мотивации к обучению и занятиям в классе, что помешает их успеваемости.

Во-вторых, авторитарный стиль воспитания может ограничивать самостоятельность ребенка и навыки решения проблем, поскольку ему не дают возможности принимать решения и учиться на своих ошибках. Это может привести к неуверенности в своих силах и нежеланию рисковать в обучении.

В-третьих, авторитарные родители могут отдавать предпочтение послушанию и достижениям, а не эмоциональному благополучию, что приводит к отсутствию эмоциональной регуляции и самовыражения у детей. Это может проявляться в поведенческих проблемах в классе, таких как агрессия или замкнутость.

В целом, авторитарный стиль воспитания может препятствовать социальному, эмоциональному и академическому развитию ребенка, затрудняя его адаптацию к школьным требованиям.

На рисунке 7 представлены стили воспитания в семьях первоклассников, у которых диагностирована дезадаптация.

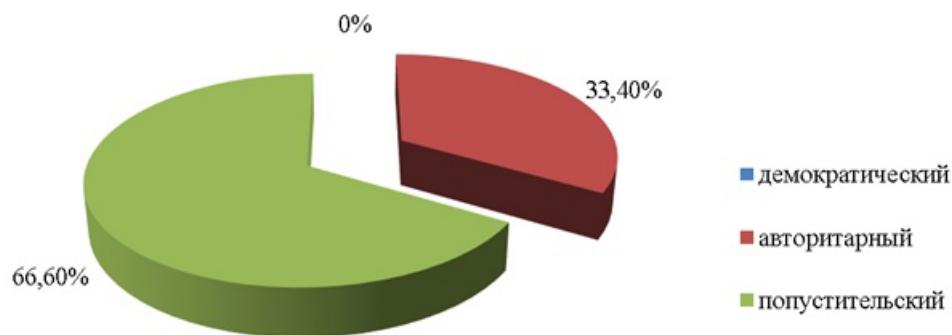

Рисунок 7 –Стиль воспитания при дезадаптации

Как следует из данных, представленных на рисунке 7, в семьях первоклассников с дезадаптацией преобладает попустительский стиль воспитания – такой стиль выявлен в 66,6% семьях. В 33,4% семье преобладает авторитарный стиль воспитания. Демократический стиль воспитания в семьях первоклассников с дезадаптацией не выявлен.

Попустительский стиль воспитания, характеризующийся отсутствием структуры, правил и последствий, может негативно сказаться на адаптации ребенка к школе. Дети, которые растут в атмосфере вседозволенности родителей, часто испытывают трудности с развитием чувства дисциплины и самоконтроля, из-за чего им может быть трудно следовать правилам и распорядку в школьной среде.

В результате у детей таких родителей могут возникнуть проблемы с адаптацией к структурированной среде в классе, у них могут не развиться эффективные учебные привычки, и они могут испытывать трудности со своевременным выполнением заданий. Кроме того, поскольку снисходительные родители, как правило, менее вовлечены в образование своего ребенка, эти дети могут не получить от своих родителей необходимой поддержки и руководства, чтобы добиться успеха в школе.

Кроме того, попустительское воспитание может привести к неуважению к авторитету, что может привести к тому, что ребенок начнет действовать в классе и ему будет трудно следовать инструкциям учителей и других сотрудников школы.

Таким образом, попустительский стиль воспитания может негативно повлиять на адаптацию ребенка к школе, препятствуя развитию дисциплины и самоконтроля, затрудня员 соблюдение правил и распорядка и вызывая неуважение к авторитетам.

Далее рассмотрим соотношение типа адаптации к школе и типа взаимодействия «родитель-ребенок».

На рисунке 8 представлены типы взаимодействия «родитель-ребенок» в семьях первоклассников, у которых диагностирована нормальная адаптация.

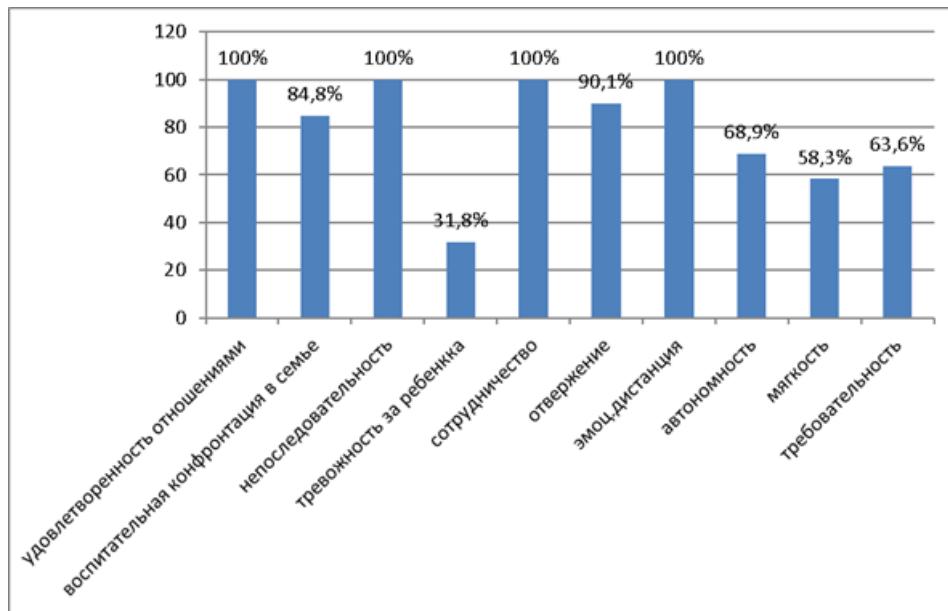

Рисунок 8 –Типы взаимодействия «родитель-ребенок» при нормальной адаптации

Анализ данных, представленных на рисунке 8, позволяет сделать следующие выводы.

В 63,6% семьях детей, у которых диагностирована "нормальная" адаптация родители имеют высокий уровень требовательности к ребенку и ожидают от него высокого уровня ответственности.

В 58,3% семьях отмечается мягкость родителей по отношению к ребенку. В этих семьях правила, установленные во взаимоотношениях между родителем и ребенком, не отличаются особой строгостью.

В 68,9% семьях диагностирована автономность по отношению к ребенку, означающее, что большинство родителей не устанавливают тотального контроля по отношению к ребенку, не устанавливают мелочную опеку и жесткие ограничения.

В 100% семьях выстроены доверительные, эмоционально близкие отношения родителей и детей.

В 90,1% семьях родители принимают ребенка как личность: личностные качества и поведенческие проявления.

В 100% семьях между родителями и детьми установлены конструктивные отношения сотрудничества.

В 31,8% семьях родители проявляют высокую степень переживания за своего ребенка и, тем самым ограничивая степень свободы и самостоятельности ребенка.

В 100% семьях родители демонстрируют последовательность и постоянство в своих требованиях, в применении наказаний и поощрений, в целом в отношении к ребенку.

В 84,8% семьях диагностирована высокая сплоченность и единогласие членов семьи по вопросу воспитания.

В 100% семьях родители удовлетворены взаимоотношениями с ребенком.

На рисунке 9 представлены типы взаимодействия «родитель-ребенок» в семьях первоклассников, у которых диагностирована неполная адаптация.

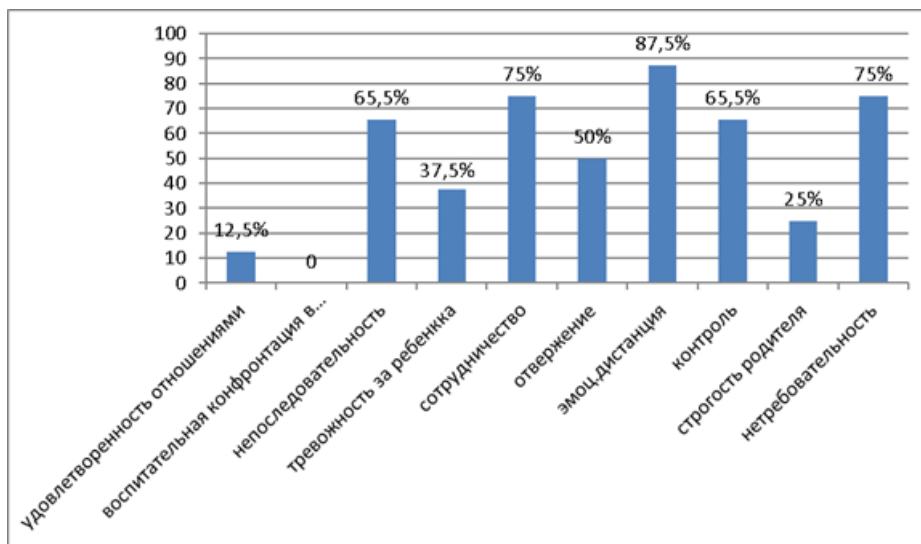

Рисунок 9 –Типы взаимодействия «родитель-ребенок»

при неполной адаптации

Анализ данных, представленных на рисунке 9, позволяет сделать следующие выводы.

В 75% семьях родители не предъявляют особых требований к ребенку и не ожидают от него высокого уровня ответственности.

В 25% семьях родители строги. Правила, установленные во взаимоотношениях между родителем и ребенком, отличаются особой жесткостью, на ребенка оказывается эмоциональное давление.

В 65,5% семьях родители жестко контролируют жизнь ребенка, проявляя мелочную опеку, навязчивость, устанавливая многочисленные ограничения.

В 87,5% семьях между родителями и детьми отсутствует эмоциональная близость, нет доверительных и близких отношений.

В 50% семьях диагностировано ребенка родителем, свидетельствующее о том, что родители не принимают ребенка как личность, игнорируют его личностные качества и поведенческие проявления.

В 75% семьях между родителями и детьми отсутствует сотрудничество, нет партнерских отношений.

В 37,5% семьях родители проявляют высокую степень переживания за своего ребенка и низкую степень свободы и самостоятельности ребенка.

В 65,5% семьях диагностирована непоследовательность – родители не постоянны в своих требованиях, в применении наказаний и поощрений, в целом в отношении к ребенку.

В данной выборе не диагностирован такой показатель, как «воспитательная конфронтация в семье». Это свидетельствует об отсутствии единогласия членов семьи по вопросу воспитания.

Только в 12,5 семей диагностирована удовлетворенность отношениями ребенка с родителем. В остальных семьях родители не удовлетворены взаимоотношения со своими детьми.

На рисунке 10 представлены типы взаимодействия «родитель-ребенок» в семьях первоклассников, у которых диагностирована дезадаптация.

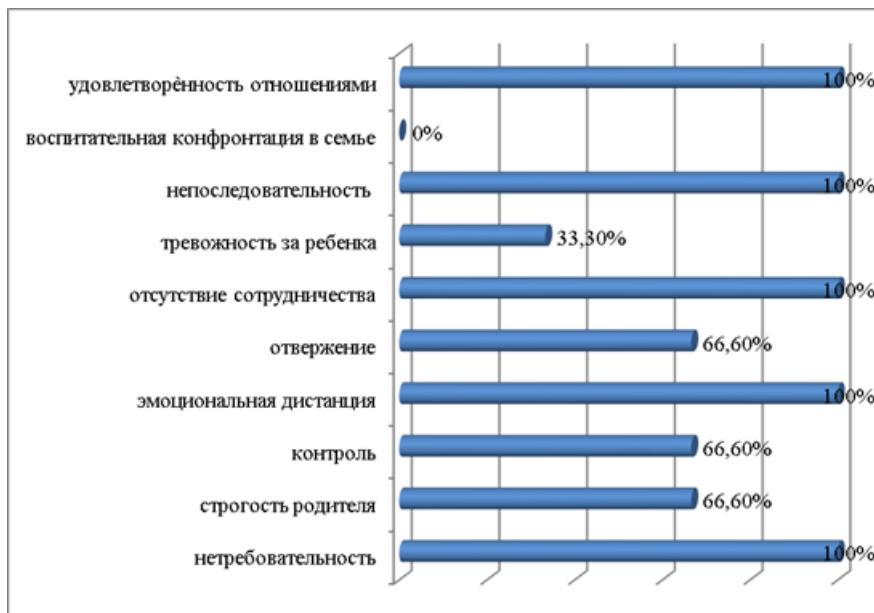

Рисунок 10 –Типы взаимодействия «родитель-ребенок»

при дезадаптации

Анализ данных, представленных на рисунке 10, позволяет сделать следующие выводы.

В 100% семьях родители не предъявляют особых требований к ребенку и не ожидают от него высокого уровня ответственности.

В 66,6% семьях родители строги. Правила, установленные во взаимоотношениях между родителем и ребенком, отличаются особой жесткостью, на ребенка оказывается эмоциональное давление.

В 66,6% семьях родители жестко контролируют жизнь ребенка, проявляя мелочную опеку, навязчивость, устанавливая многочисленные ограничения.

В 100% семьях между родителями и детьми отсутствует эмоциональная близость, нет доверительных и близких отношений.

В 66,6% семьях диагностировано ребенка родителем, свидетельствующее о том, что родители не принимают ребенка как личность, игнорируют его личностные качества и поведенческие проявления.

В 100% семьях между родителями и детьми отсутствует сотрудничество, нет партнерских отношений.

В 33,3% семье родители проявляют высокую степень переживания за своего ребенка и низкую степень свободы и самостоятельности ребенка.

В 100% семьях диагностирована непоследовательность – родители не постоянны в своих требованиях, в применении наказаний и поощрений, в целом в отношении к ребенку.

В данной выборе не диагностирован такой показатель, как «воспитательная конфронтация в семье». Это свидетельствует об отсутствии единогласия членов семьи по вопросу воспитания.

В 100% семьях родители не удовлетворены взаимоотношениями со своими детьми.

Корреляционный анализ позволит выявить взаимосвязь между методиками:

«Взаимодействие родитель-ребенок»

- «Экспертная оценка адаптированности ребенка к школе»

Выдвигаем гипотезу о влиянии взаимодействия в семье ребенка на его адаптированность. Сведем результаты методик в единую таблицу 2.

Таблица 2 – Исходная таблица для расчета

№ респондента	Сумма баллов по методике «Взаимодействие родитель-ребенок», Х – фактор влияния	Сумма баллов по методике «Экспертная оценка адаптированности ребенка к школе»; Y – зависимая переменная
1	14	23
2	16	26
3	16	27
4	7	20
5	5	16
6	4	10
7	6	19
8	18	34
9	16	29
10	16	31
11	14	23
12	14	32
13	16	24
14	7	18
15	5	18
16	14	25
17	16	30
18	16	31
19	4	6
20	16	32
21	5	20
22	8	17
23	16	32
24	5	19
25	4	4
26	7	33
27	18	28
28	14	27
29	16	30
30	18	25

Перейдем к статистическому анализу полученного уравнения регрессии: проверке

значимости уравнения и его коэффициентов, исследованию абсолютных и относительных ошибок аппроксимации.

Для несмешенной оценки дисперсии проделаем следующие вычисления:

Несмешенная ошибка $\varepsilon = Y - Y(x) = Y - X^*s$ (абсолютная ошибка аппроксимации)

Y	Y(x)	$\varepsilon = Y - Y(x)$	ε^2	$(Y - Y_{cp})^2$	$ \varepsilon : Y $
14	11.363	2.637	6.955	5.29	0.188
16	12.96	3.04	9.241	18.49	0.19
16	13.493	2.507	6.287	18.49	0.157
7	9.765	-2.765	7.647	22.09	0.395
5	7.635	-2.635	6.946	44.89	0.527
4	4.441	-0.441	0.194	59.29	0.11
6	9.233	-3.233	10.452	32.49	0.539
18	17.22	0.78	0.609	39.69	0.0433
16	14.558	1.442	2.081	18.49	0.0902
16	15.623	0.377	0.142	18.49	0.0236
14	11.363	2.637	6.955	5.29	0.188
14	16.155	-2.155	4.644	5.29	0.154
16	11.895	4.105	16.849	18.49	0.257
7	8.7	-1.7	2.891	22.09	0.243
5	8.7	-3.7	13.693	44.89	0.74
14	12.428	1.572	2.472	5.29	0.112
16	15.09	0.91	0.828	18.49	0.0569
16	15.623	0.377	0.142	18.49	0.0236
4	2.311	1.689	2.853	59.29	0.422
16	16.155	-0.155	0.024	18.49	0.00969
5	9.765	-4.765	22.709	44.89	0.953
8	8.168	-0.168	0.0282	13.69	0.021
16	16.155	-0.155	0.024	18.49	0.00969
5	9.233	-4.233	17.917	44.89	0.847
4	1.246	2.754	7.585	59.29	0.689
7	16.687	-9.687	93.847	22.09	1.384
18	14.025	3.975	15.8	39.69	0.221
14	13.493	0.507	0.257	5.29	0.0362
16	15.09	0.91	0.828	18.49	0.0569
18	12.428	5.572	31.05	39.69	0.31
			291.951	800.3	8.996

Средняя ошибка аппроксимации

$$A=8, 996/30*100=29,99$$

Оценка дисперсии равна:

$$s_e^2 = (Y - Y(X))^T(Y - Y(X)) = 291.951$$

Несмешенная оценка дисперсии равна:

$$S=1|30-*1-18291.951=10.4$$

Оценка среднеквадратичного отклонения (стандартная ошибка для оценки Y):

Найдем оценку ковариационной матрицы вектора $k = S^2 \cdot (X^T X)^{-1}$

$$k(x) = \begin{matrix} 10.43 & 0,3448 & -0,01318 \\ & -0,01318 & 0,000558 \end{matrix} = \begin{matrix} 3,5957 & -0,1374 \\ -0,1374 & 0,00582 \end{matrix}$$

Частные коэффициенты эластичности.

Частный коэффициент эластичности показывает, насколько процентов в среднем изменяется признак-результат Y с увеличением признака-фактора x_j на 1% от своего среднего уровня при фиксированном положении других факторов модели.

$$E_1 = 0.532 * (23.6 / 11.7 = 1.076)$$

При изменении фактора x_1 на 1%, Y изменится на 1.076%. Частные коэффициент эластичности $|E_1| > 1$. Следовательно, он существенно влияет на результативный признак Y .

Стандартизованные частные коэффициенты регрессии - β -коэффициенты (β_j) показывают, на какую часть своего среднего квадратического отклонения $S(y)$ изменится признак-результат Y с изменением соответствующего фактора x_j на величину своего среднего квадратического отклонения (S_{xj}) при неизменном влиянии прочих факторов (входящих в уравнение).

По максимальному β_j можно судить, какой фактор сильнее влияет на результат Y .

Так для нашего примера непосредственное влияние фактора x_1 на результат Y в уравнении регрессии измеряется β_1 и составляет ; косвенное (опосредованное) влияние данного фактора на результат определяется как:

$$r_{x1x2}\beta_2 = * = 0$$

Сравнительная оценка влияния анализируемых факторов на результативный признак производится:

- средним коэффициентом эластичности, показывающим на сколько процентов среднем по совокупности изменится результат Y от своей средней величины при изменении фактора x_i на 1% от своего среднего значения;
- β -коэффициенты, показывающие, что, если величина фактора изменится на одно среднеквадратическое отклонение S_{xi} , то значение результативного признака изменится в среднем на β своего среднеквадратического отклонения;
- долю каждого фактора в общей вариации результативного признака определяют коэффициенты раздельной детерминации (отдельного определения): $d_i^2 = r_{yx_i}\beta_i$.

$$d_1^2 = * = 0$$

При этом должно выполняться равенство:

$$\sum d_i^2 = R^2 = 0$$

То есть, вязь между признаком Y и факторами X_i сильная.

Коэффициент детерминации: $R^2 = 0$, коэффициент детерминации: $R^2 = 0.797^2 = 0.6352$

Чем ближе этот коэффициент к единице, тем больше уравнение регрессии объясняет поведение Y .

таким образом, методом корреляционного анализа была выявлена прямая связь между стилем воспитания и уровнем адаптированности ребенка.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показало, что в семьях с демократическим типом воспитания процесс адаптации первоклассников к школе складывается благоприятно. У детей из этих семей сформированы все компоненты школьной готовности называют: социальный; физиологический; психологический; личностный; интеллектуальный; эмоционально-волевой; коммуникативно-речевой; мотивационный. Детско-родительские отношения в семьях с демократическим типом воспитания обеспечивают благоприятную психологическую атмосферу для ребенка в период адаптации к школе. Открытость и доверие между родителями и детьми позволяет сформировать систему соподчиненных мотивов, что обеспечивает общую направленность поведения младшего школьника. Принимая наиболее значимый мотив, обучающийся способен двигаться к намеченной цели, оставляя в стороне желания, которые возникают внезапно, ситуативно. Таким образом, родители из семей с демократическим типом воспитания оказывают направленную помочь ребенку в адаптации и обеспечивают ему всестороннюю психологическую поддержку. Это позволяет младшему школьнику безболезненно войти в обновленное жизненное пространство, именуемое школьной жизнью.

Иная ситуация складывается в семьях, в которых преобладающими типами детско-родительских отношений выступают попустительский и авторитарный стили воспитания. Так, в семьях с попустительским стилем воспитания со стороны родителей не обеспечивается должное воспитание, не уделяется внимания образованию и развитию детей в период подготовки к школе. Воспитываясь в семьях с попустительским стилем воспитания, дети не получают от родителей должного внимания, не удовлетворяют свою потребность в общении. У них развивается негативное отношение к родителям, нежелание понимать их и выстраивать с ними эффективные коммуникации. Все перечисленные факторы ведут к сложностям адаптационного периода, поскольку младшие школьники из таких семей не развиты компоненты школьной готовности, поскольку родители не обеспечили развитие произвольного внимания, тонкой моторики, не сформировали навыки пересчета и моторные навыки, не уделили должно внимание развитию графической деятельности.

Неблагоприятное влияния на адаптационный процесс оказывают также детско-родительские отношения в семьях с авторитарным стилем воспитания. Отсутствие доверительных и открытых отношений между родителями и детьми в семьях с попустительским стилем воспитания ведет к тому, что младшие школьники не воспринимают требования педагогов, не умеют выстраивать эффективные коммуникации с одноклассниками, сторонятся их, не проявляют инициативы в школьных и внешкольных мероприятиях. Обучающиеся из семей с авторитарным стилем воспитания не могут рассчитывать по поддержку и помочь родителей в случае возникновения затруднений и сложных ситуаций.

Таким образом, прослеживается прямая взаимосвязь детско-родительских отношений и

адаптацией первоклассников к школе. Для обучающихся, воспитывающихся в семьях с демократическим типом воспитания, характерна успешная, полная адаптация. У школьников из семей, в которых преобладающими типами детско-родительских отношений выступают попустительский и авторитарный стили воспитания, преобладает неполная адаптация и дезадаптация.

Библиография

1. Аборина, М.В. Анализ детско-родительских отношений в системе социальной адаптации школьников / М.В. Аборина, Е.Г. Фильшинская // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 10. С. 45-47.
2. Адилова, Х.Л. Пути адаптации учащихся начальной школы к школьному образованию / Х.Л. Адилова // Достижения науки и образования. 2019. № 7. С. 71-73.
3. Антипина, Е.А. Взаимосвязь стилей детско-родительских отношений и готовности к школьному обучению старших дошкольников // Школа ответственного родительства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Владимир, 03-06 октября 2019 года. – Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2019. С. 72-76.
4. Варавина, Е.А. Стили детско-родительских отношений: теоретико-исторический аспект / Е.А. Варавина // Вестник магистратуры. 2021. № 2. С. 97-99.
5. Варга, А.Я. Структура и типы родительского отношения: дис. ... канд. психол. наук. М.: Просвещение, 1986. 206 с.
6. Васюк, С.Н. Адаптация первоклассников к школе // Вопросы науки и образования. 2018. № 23. С. 137-139.
7. Гайдукова, Д.В. Детско-родительские отношения как фактор адаптации детей 6-7 лет к школе / Д.В. Гайдукова, Е.Г. Гуцу // Проблемы и перспективы развития начального образования: Сборник статей по материалам 2-ой Всероссийской научно-практической конференции , Нижний Новгород, 19 апреля 2022 года. Нижний Новгород: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2022. С. 56-61.
8. Гоглева, А.В. Влияние особенностей детско-родительских отношений на процесс социально-психологической адаптации первоклассников к школьному обучению / А.В. Гоглева // Наука молодых: Сборник научных статей участников XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Арзамас, 29–30 ноября 2018 года. – Арзамас: Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2018. С. 338-341.
9. Григорьева, Е.Л. Методы адаптации первоклассников к новым видам деятельности и коллективу в инновационном образовательном пространстве / Е.Л. Григорьева, А.Б. Смирнов, М.А. Беляева, В.В. Антонова // Известия Тульского государственного университета. 2020. № 7. С. 32-39.
10. Жураева, Н.Б. Адаптация первоклассников к школе // Достижения науки и образования. 2019. № 10. С. 12-13.
11. Зеленая, Л.В. Проблема адаптации в педагогической психологии // Современная психология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 43-45.
12. Калашникова, С.В. Проблема социально-психологической адаптации в психологии / С.В. Калашникова // Материалы Всероссийской студенческой научно-практической

- конференции «Актуальные проблемы образования: позиция молодых» (г. Челябинск, 05-24 апреля 2020 г.). – Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2020. С. 173-175.
13. Матюшкина, Е.Г. Взаимосвязь детско-родительских отношений с уровнем адаптации младших школьников в школе / Е.Г. Матюшкина, О.Ю. Степанова // Психология в меняющемся мире: проблемы, гипотезы, исследования : сборник материалов международной студенческой научно-практической конференции, Челябинск, 19–20 мая 2020 года. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. С. 228-232.
 14. Мовсисян, К.А. Благоприятные условия детско-родительских отношений в становлении личности школьника / К.А. Мовсисян // Будущее науки - 2019 : сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 25–26 апреля 2019 года. Том 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 223-226.
 15. Назаревич, О.С. Теоретические подходы к определению социально-психологических аспектов адаптации личности // Вестник угреведения. 2012. № 4. С. 34-36.
 16. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен / Р.В. Овчарова. – Москва: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
 17. Петровских, О.Н. Методическое совершенствование адаптации будущих первоклассников к школе // Социальная педагогика. 2019. № 2. С. 64-67.
 18. Ростовцева М.В. Методологические подходы к исследованию социальной адаптации личности: монография. Красноярск, 2021. 198 с.
 19. Сарапульцева, П.П. Влияние детско-родительских отношений на социальную адаптацию ребенка младшего школьного возраста / П.П. Сарапульцева, О.В. Лозгачева // Актуальные проблемы психологии личности: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2021. С. 175-182.
 20. Серебрякова, Т.А. Роль семьи в эффективной адаптации ребенка к образовательной организации / Т.А. Серебрякова, Е.А. Глазова // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. № 6. С. 427-431.
 21. Сидорина, Е.В. К проблеме адаптации первоклассников к обучению в школе / Е.В. Сидорина, И.А. Иванова, А.М. Емельянова // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62. С. 302-305.
 22. Яворская, С.Ю. Влияние детско-родительских отношений на процесс социально-психологической адаптации в младшем школьном возрасте / С.Ю. Яворская // Форум молодых ученых. 2019. № 3. С. 886-894.
 23. Hoste G. Rope skipping. Game, amusement, helth // CESS Bulletin V. 6. 1997. P. 2.
 24. Ken M. Solis. Ropics. The jimp rope primer // Human Kinetics Books. Champaing, Illinois. 1991. 89 p.
 25. Lollge H. Recomendations and standard guidelines forse conf. Jnergometry, Jilisce 1987. London: Acad. Press, 2022. 37 p.
 26. Masironi R. Denolin H. Physical activity in disease provention and treatmtent. Padua: Piccin; Boston etc: Butter worth, 1985. 206 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тематика данной статьи по своей актуальности является традиционной. По этому поводу выполнено большое количество работ и все они вызывают интерес у читательской аудитории, поскольку адаптация к школе имеет важнейшее значение для педагогов, родителей, администрации, воспитателей. Школьная адаптация и готовность к школе зависят от многих факторов, среди которых фактор детско-родительских отношений имеет важнейшее значение. При обосновании актуальности своего исследования автор правильно пишет о том, что внимание к проблеме школьной адаптации первоклассников в современной психолого-педагогической теории и практике возрастает в связи с тем, что растет количество детей, имеющих затруднения в учебной деятельности, испытывающих повышенную тревожность, проблемы в установлении взаимоотношений с одноклассниками и учителем. Неудовлетворительные детско-родительские отношения на этапе начального школьного обучения провоцируют возникновение более сложных нарушений в старшем возрасте, способствуют формированию различных акцентуаций характера в период взросления. Все это верно и сомнений не вызывает.

Целью исследования является «определение уровня адаптации к обучению у первоклассников, воспитывающихся в семьях с разным типом детско-родительских отношений». Предмет исследования – связь детско-родительских отношений и эффективности адаптации первоклассников. Такие формулировки также понятны и принимаются.

Но в тексте не показано обоснование научной новизны и методология исследования. Это требует доработки.

Стиль изложения текста научно-исследовательский. Автор анализирует данные литературы и приводит результаты собственного исследования.

Структура работы в целом соответствует общепринятым требованиям. Но нет разграничения по тексту между введением и основной частью (теоретическая постановка проблемы). Конец введения и начало основной части разделены между собой будто формально, поскольку и там, и там приводятся данные литературы.

Содержание статьи свидетельствует о большом объеме выполненных исследований, в ходе которых были использованы вполне подходящие методы.

Так, автор в иллюстративном материале приводит анализ критерии оценки взаимодействия родителей с первоклассниками, стили воспитания по опроснику «Анализ семейных взаимоотношений», уровни школьной мотивации и школьной адаптации.

В целом, материал изложен понятным образом и свидетельствует о том, что стили детско-родительских отношений оказывают влияние на успешность процесса школьной адаптации ребенка. Приведены данные о том, что у 37,3% первоклассников диагностирована низкая школьная мотивация. Подобные школьники посещают школу неохотно, предпочитают пропускать занятия. На уроках часто занимаются посторонними делами, играми. Испытывают серьезные затруднения в учебной деятельности. Находятся в состоянии неустойчивой адаптации к школе.

У 3,3% первоклассников было выявлено негативное отношение к школе, школьная дезадаптация. В таких случаях школьник испытывает серьезные трудности в школе: он не справляется с учебной деятельностью, испытывает проблемы в общении с одноклассниками, во взаимоотношениях с учителями. Школа нередко воспринимается им как враждебная среда, пребывания в которой для них невыносимо. Может плакать, проситься домой, проявлять агрессивные реакции, отказываться выполнять те или иные задания, следовать нормам, правилам.

Только автор постоянно пишет о каких-то рисунках, хотя о них нигде ранее не было указано в качестве метода диагностики школьной адаптации.

Автор считает, что у 9,9% первоклассников была диагностирована дезадаптация, выражаясь в слабом привыкании ребенка к школе, трудностях с усвоением знаний и

навыков, низкой работоспособности, несформированной мотивации учения, неблагоприятном положении в среде сверстников, негативном отношении к школе.

Некоторые данные автора не совсем понятны. Например, когда отмечается, что «В 100% семьях родители не удовлетворены взаимоотношениями со своими детьми». По-видимому, имеет место некорректная фраза. Необходимо поправить или пояснить.

Полученные фактические данные по тексту имеют интерпретацию, которая вполне разумна и убедительно. Но в самом конце, когда автор пытается показать результаты статистической обработки материала, таблица оформлена явно некорректно. В данном случае лучше будет либо оформить эту таблицу более понятным образом, либо статистические показатели представить описательным образом, указав что с чем и насколько прочно связано. Либо в предыдущих соответствующих иллюстрациях найти возможность показать выявленные корреляционные связи с помощью соответствующих значков.

Выводы требуют доработки. Они должны быть конкретны представлены только в утвердительной форме. Пока они выглядят просто как фрагмент текста.

Заключение отсутствует. Оно должно быть и в нем целесообразно кратко представить результаты всего исследования (описательным образом).

Библиографический список содержит источники по теме исследования.

После доработки текста, данную статью можно рекомендовать к опубликованию как представляющую интерес для читательской аудитории.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: связь детско-родительских отношений и эффективности адаптации первоклассников.

Методология исследования.

Для изучения типа детско-родительских отношений были применены методики: опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковская (для родителей дошкольников и младших школьников); опросник стиля родительского воспитания (ACB) Э.Г. Эйдемиллер, В.К. Юстицкис (для младших школьников).

Для изучения уровня адаптированности первоклассников были применены методики: анкета «Уровень школьной мотивации» (Н.Г. Лусканова); методика определения личностной адаптированности школьников (А.В. Фурман); методика «Экспертная оценка адаптированности ребенка к школе» (Чирков В.И., Соколова О.Л., Сорокина О.В.).

К сожалению, в работе отсутствует гипотеза. Получается автор применяет методики, проводит корреляционный анализ, но неясно, что он проверяет?

Актуальность: «растет количество детей, имеющих затруднения в учебной деятельности, испытывающих повышенную тревожность, проблемы в установлении взаимоотношений с одноклассниками и учителем». «Зачастую причина трудностей в адаптации к школе лежит в несформированности личностных форм общения младшего школьника с родителями, в неумении родителей построить общение с ребенком по типу «ребенок – взрослый как равный». Вместе с тем остается вопрос о научной актуальности. Что еще не исследовано в данной теме?

Научная новизна: описаны уровни адаптации к обучению у первоклассников с демократическим, попустительским и авторитарным стилями воспитания.

Стиль, структура, содержание. Стиль научный. Работа недостаточно четко структурирована; актуальность темы исследования, теоретическая постановка проблемы,

исследование (?), эмпирическая база исследования, результаты (в том числе громоздкий корреляционный анализ), заключение.

Описываются результаты методик:

1. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской. Описаны результаты всех шкал.
2. Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллер, В.К. Юстицкис. «Ни один из показателей не достиг диагностического значения, что может говорить о том, что в целом детско-родительские отношения в данной группе не имеют существенных нарушений. Однако, у большинства родителей существует тенденция к таким стилям семейного воспитания, как: гиперпротекция (66,6%), минимальность санкций (60%), недостаточность требований-запретов (46,6%)».
3. Анкета «Уровень школьной мотивации» (Н.Г. Лусканова). У 33% первоклассников диагностирован максимально высокий уровень школьной мотивации, учебной активности. У 13,2% первоклассников диагностирована хорошая школьная мотивация. У 13,2% первоклассников диагностировано положительное отношение к школе, но школа привлекает больше внеучебными сторонами. У 37,3% первоклассников диагностирована низкая школьная мотивация. У 3,3% первоклассника диагностировано негативное отношение к школе, школьная дезадаптация.
4. Методика определения личностной адаптированности школьников (А.В. Фурман). Определены уровни адаптированности первоклассников.
5. Методика «Экспертная оценка адаптированности ребенка к школе» (Чирков В.И., Соколова О.Л., Сорокина О.В.). У 19 (63,7%) первоклассников диагностирована нормальная адаптация. У 26,4% первоклассников диагностирована неполная адаптация. У 9,9% первоклассников диагностирована дезадаптация.
6. После этого рассчитывается соотношение стиля воспитания и типа адаптации к школе: при нормальной адаптации преобладает демократический стиль воспитания, при неполной адаптации преобладает авторитарный стиль воспитания, при дезадаптации преобладает попустительский стиль воспитания.
7. После этого рассматривается соотношение типа адаптации к школе и типа взаимодействия «родитель-ребенок». И описываются характеристики взаимодействия при нормальной, неполной адаптации и дезадаптации.
8. Затем описываются результаты корреляционного анализа. Выявлена прямая связь между стилем воспитания и уровнем адаптированности ребенка.

Библиография явно неполная. Поиск в гугл академии дает массу литературы по теме: Влияние особенностей детско-родительских отношений на процесс социально-психологической адаптации первоклассников к школьному обучению; Влияние детско-родительских отношений на адаптацию первоклассников к обучению в школе; Повышение педагогической компетентности родителей по вопросам адаптации первоклассника (младшего школьника); Специфика взаимосвязи психологической адаптации и типа детско-родительских отношений младших школьников и т.п.

Неясно исследуются ли в зарубежных источниках 24,25,26 детско-родительские отношения?

Апелляция к оппонентам отсутствует.

Выводы: в семьях с демократическим типом воспитания процесс адаптации первоклассников к школе складывается благоприятно. В семьях с попустительским стилем воспитания со стороны родителей не обеспечивается должное воспитание, не уделяется внимания образованию и развитию детей в период подготовки к школе. Детско-родительские отношения в семьях с авторитарным стилем воспитания ведут к дезадаптации. Выводы банальны.

Интерес читательской аудитории: работа может быть интересна после существенной

доработки, исправления указанных недостатков.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Тулитбаева Г.Ф., Политика О.И., Шафигуллина Л.Р., Божко А.А. — Особенности посттравматического стрессового расстройства, жизнестойкости и отношения к заболеванию у пациентов разных групп (на примере онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний) // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.44091 EDN: ERURQS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44091

Особенности посттравматического стрессового расстройства, жизнестойкости и отношения к заболеванию у пациентов разных групп (на примере онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний)

Тулитбаева Галина Фанилевна

ORCID: 0000-0002-3754-9473

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологического сопровождения и клинической психологии, Уфимский университет науки и технологий

450000, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/4

✉ tulitbaevagf@rambler.ru

Политика Оксана Ивановна

ORCID: 0000-0002-5538-7711

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологического сопровождения и клинической психологии, Уфимский университет науки и технологий

450000, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/1

✉ oksanapolitika@yandex.ru

Шафигуллина Лилия Рашидовна

ORCID: 0009-0003-9555-8380

ассистент, кафедра психологического сопровождения и клинической психологии, Уфимский университет науки и технологий

45000, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/1

✉ tulitbaevagf@rambler.ru

Божко Айгуль Анасовна

ORCID: 0000-0000-0000-0000

магистр, кафедра психологического сопровождения и клинической психологии, Уфимский университет науки и технологий

45000, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/1

✉ tulitbaevagf@rambler.ru

[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.5.44091

EDN:

ERURQS

Дата направления статьи в редакцию:

21-09-2023

Аннотация: Во всем мире отмечается неуклонный рост онкологических заболеваний. Злокачественные опухоли являются одной из самых частых причин смерти населения развитых стран. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей посттравматического стрессового расстройства, жизнестойкости и отношения к заболеванию у пациентов с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями. Выборку исследования составили 80 человек в возрасте от 40 до 73 лет. Средний возраст – 58 лет. В состав выборки вошли 40 пациентов с онкологическим заболеванием и 40 пациентов с заболеваниями сердечно-сосудистой системы. В исследовании приняли участие дееспособные мужчины и женщины, свободно владеющие русским языком, без когнитивных расстройств. Между группами обнаружены статистически достоверные различия. Больные с онкологическим заболеванием более склонны заново переживать случившееся при напоминании о травмирующем событии, направленность личности характеризуется избеганием всего, что напоминает о травматическом опыте, выражено посттравматическое стрессовое расстройство. Ощущение собственной безопасности более характерно для больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями, чем для онкобольных. Для последних более характерна гнетущая неопределенность. Если говорить о типах реагирования на болезнь, то среди онкобольных чаще возникает постоянное беспокойство, они думают об осложнениях; наблюдается чрезмерное сосредоточение на субъективных болезненных и иных неприятных ощущениях; поведение по типу «раздражительной слабости»; удрученность, поэтому неверие к возможности выздоровления и улучшению состояния, а также в целом на эффективность лечения, пессимистичный взгляд на все вокруг; ранимость. Выставление на показ близким и окружающим переживаний и страданий превалирует у онкобольных в сравнении с больными сердечно-сосудистой группы.

Ключевые слова:

стресс, стрессовое расстройство, после травмы, жизнестойкость, отношение, заболевание, пациент, онкологическое заболевание, сердечно-сосудистое заболевание, отношение к болезни

Актуальность исследования. Во всем мире отмечается неуклонный рост онкологических заболеваний. Злокачественные опухоли являются одной из самых частых причин смерти населения развитых стран. Сам по себе факт наличия тяжелого соматического заболевания является для больного мощным психическим и

физиологическим стрессом [5; 6; 3; 1].

Известно, что внутренняя картина болезни при онкологическом заболевании соотносится с понятиями «страдание», «боль», «смерть» и приобретает исключительную значимость для человека. Диагноз данной болезни является одним из самых мощных стрессогенных факторов, приводящим к нарушению всех адаптационных механизмов, истощению психологических ресурсов и здоровья пациента. Постановка диагноза онкологического заболевания и информация о предстоящем лечении запускает целый ряд переживаний и вызывает сильнейший психологический дистресс у каждого человека, что при дефиците механизмов совладания может приводить к развитию сопутствующих психических расстройств.

Личностные характеристики, особенности психологического состояния больных онкологическими заболеваниями не раз становились объектами психологических исследований (Непомнящая Н.И., Ивашина М.Г., Васильева А.В., Казенная Е.В. и др.). Наименее изученными среди психических особенностей сопутствующей злокачественным новообразованиям являются посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и жизнестойкость. Посттравматическое стрессовое расстройство представляет собой комплекс психических и физических симптомов, которые развиваются в рамках реакции на травматическую ситуацию и сохраняются более одного месяца [5]. Для развития посттравматического стрессового расстройства важен не столько тип стрессора, сколько его характеристики. Заболевание развивается после событий, которые носят экстремальный характер, выходят за пределы обычных человеческих переживаний и вызывают интенсивный страх за свою жизнь, ужас и ощущение беспомощности. Важными характеристиками тяжелого психотравмирующего фактора являются неожиданность, стремительное развитие катастрофического события и длительность воздействия. Знание об онкологическим заболевании отвечает этим критериям и может стать причиной посттравматического стрессового расстройства.

Цель исследования состоит в изучении особенностей посттравматического стрессового расстройства, жизнестойкости и отношения к заболеванию у пациентов с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Гипотеза исследования: посттравматическое стрессовое расстройство, жизнестойкость, отношение к болезни у онкологических больных имеют свои особенности в сравнении с больными с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Для решения поставленных задач и проверки выдвинутой гипотезы были использованы следующие **методики**: «Шкала оценки влияния травматического события» (М. Горовиц и др.), «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова), «Шкала психологического стресса» (Лемура-Тесье-Филлиона), «Опросник диагностики типов отношения к болезни» (Научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева).

Количественный анализа данных произведен с помощью непараметрического критерия У-критерий Манна-Уитни. Все расчеты выполнены в программном обеспечении SPSS (версия 17.0)

В качестве эмпирической базы исследования выступили отделение противоопухолевой лекарственной терапии Республиканского клинического онкологического диспансера Министерства Здравоохранения Республики Башкортостан г. Октябрьский; онкологическое отделение Государственного бюджетного учреждения

здравоохранения Республики Башкортостан Городская Больница №1 г. Октябрьский.

Выборку исследования составили 80 человек в возрасте от 40 до 73 лет. Средний возраст – 58 лет. В состав выборки вошли 40 пациентов с онкологическим заболеванием и 40 пациентов с заболеваниями сердечно-сосудистой системы. В исследовании приняли участие дееспособные мужчины и женщины, свободно владеющие русским языком, без когнитивных расстройств.

В таблице 1 представлены выявленные статистически значимые различия в группах с онкологическими заболеваниями и с сердечно-сосудистыми болезнями по двенадцати переменным.

Таблица 1

Различия показателей в группах пациентов с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями, среднее

Переменные	Пациенты с онкологическими заболеваниями	Пациенты с сердечно-сосудистыми заболеваниями	U-критерий Манна-Уитни	Уровень различий
«Шкала оценки влияния травматического события» (М. Горовиц и др.)				
вторжение	14,70	9,5	103,0	0,008a
избегание	17,35	8,85	61,5	0,000a
возбудимость	14,20	11,55	153,5	0,211a
сумма	46,25	29,9	92,0	0,003a
«Тест жизнестойкости» (С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова)				
вовлеченность	22,80	23,4	187,0	0,738a
контроль	15,20	18,1	127,0	0,049a
принятие риска	10,40	13,1	136,0	0,086a
сумма	48,40	54,6	142,0	0,121a 0
«Опросник диагностики типов отношения к болезни»				
(Научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева)				
гармоничный	16,6	13,95	198,0	0,968a
эрзопатический	24,7	23,85	183,5	0,659a
анозогнозический	11,95	12,75	176,0	0,529a
тревожный	13,9	5,6	125,0	0,043a
ипохондрический	14,2	6,8	97,50	0,005a
неврастенический	15	7,55	120,5	0,030a
меланхолический	8	1,55	112,5	0,017a
апатический	6,55	1,85	120,0	0,030a
сенситивный	21,75	7,0	44,0	0,000a
эгоцентрический	11,4	4,65	62,0	0,000a
паронойяльный	6,65	4,45	138,0	0,096a
дисфорический	6,75	4,3	181,0	0,620a
«Шкала психологического стресса» (Лемур-Тесье-Филлион)				
рсм	рт	рт	рт	рт

р_{см} = 25	95	81	125,5	0,045а
----------------------------	----	----	-------	---------------

Примечание: жирным выделены значимые различия на уровне 0.05

Анализ имеющихся статистически достоверных различий между выборками по представленным переменным показал следующее. При исследовании влияния травматического события на человека обнаружены статистически достоверные различия по показателю вторжение (14,70; 9,5; $p=0,008$). Так, больные с онкологическим заболеванием более склонны заново переживать случившееся при напоминании о травмирующем событии, у них чаще возникают неожиданные ощущения прямого возврата в травмирующую ситуацию, чем у больных сердечно-сосудистой группы.

Получены достоверные различия по критерию избегание (17,35; 8,85; $p=0,000$). Направленность личности на избегание всего, что напоминает о травматическом опыте характерна для пациентов с онкологическим заболеванием, чем для пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Также они более склонны к внутренней напряженности, раздражительности, настороженности.

Кроме того, получены статистически значимые различия по сумме баллов по методике (46,25; 29,9; $p=0,003$), что говорит о том, что у пациентов с онкологическими заболеваниями сильнее проявляется посттравматическое стрессовое расстройство, ярче выражена травматизация.

Исследование жизнестойкости показало наличие статистически достоверных различий по шкале контроль (15,20; 18,1; $p=0,049$). Соответственно контроль, владение ситуацией дается пациентам с онкозаболеванием легче и проще, имеется жденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, в то же время, ощущение собственной безопасности более характерно для больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями, чем для онкобольных. Для последних более характерна гнетущая неопределенность.

Исследование типов отношения к болезни в обеих группах показали следующие различия в выборках.

Такой тип реагирования на заболевание как «тревожный» более характерен для онкобольных (13,9; 5,6; $p=0,043$), чем для пациентов группы сердечно-сосудистых заболеваний. Это означает, что они испытывают постоянное беспокойство, думают о постоянных осложнениях.

Ипохондричный тип также более характерен для онкобольных (14,2; 6,8; $p=0,005$), что показывает чрезмерное сосредоточение на субъективных болезненных и иных неприятных ощущениях, стремление обсуждать эту проблему в обществе, преувеличивать страдания.

Поведение по типу «раздражительной слабости», активные вспышки раздражительности при неудачах, неблагоприятных ощущениях, болях, нетерпеливость, т.е. неврастенический тип отношения к заболеванию в целом более характерен для больных с онкологическим заболеванием, чем для больных второй группы (15; 7,55; $p=0,030$).

В то же время онкологические пациенты чаще испытывают удрученность болезнью, в эффект лечения не верят, имеется пессимистичный взгляд на все вокруг, что показывает преобладающий у них меланхолический тип отношения к заболеванию (8; 1,55; $p=0,017$).

Наличие апатического типа ($6,55; 1,85; p=0,030$) указывает на утрату интереса к жизни, вялость, полное безразличие, что способствует усилинию проявления посттравматического стрессового расстройства, что также у онкобольных выражено ярче.

У онкологических больных наблюдается чрезмерная уязвимость и ранимость, в то же время боязнь стать обузой для близких (сенситивный тип отношения к болезни) ($21,75; 7,0; p=0,000$).

Обратим внимание, что такой тип отношения к болезни как эгоцентрический ($11,4; 4,65; p=0,000$), который характеризуется тем, что выставляются на показ близким и окружающим переживания и страдания превалирует у онкобольных, чем у больных сердечно-сосудистой группы.

Изучение типов отношения к заболеванию в целом показывает картину, в которой четко видно, что для онкологических пациентов более характерно преобладание дезадаптивного расстройства поведения и обычно нарушение социальной адаптации.

Данные шкалы психологического стресса свидетельствуют о том, что реакция стресса у пациентов с онкологическими заболеваниями выражена ярче, чем у больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями ($95; 81; p=0,043$), но в то же время он имеет низкий, адаптивный уровень выраженности в обеих группах.

В остальных изучаемых параметрах статистически достоверных различий в двух выборках не обнаружено. Так, возбудимость как симптом посттравматического стресса присущ обеим группам и имеет низкий уровень выраженности ($14,20; 11,55; p=0,211$). Такие показатели жизнестойкости как вовлеченность ($22,80; 23,4; p=0,738$), принятие риска ($10,40; 13,1; p=0,086$) имеют одинаковые степени выраженности в обеих группах. Жизнестойкость, по мнению многих авторов, формируется на заре юности и, поэтому заболевание, развивающееся уже зрелом возрасте не может сильно повлиять на данные характерологические особенности человека.

Исследование типов отношения к болезни не выявило различий по представленным шкалам: гармоничный ($16,6; 13,95; p=0,968$), эргопатический ($24,7; 23,85; p=0,659$), аноэгнозический ($11,95; 12,75; \text{при } p=0,529$). Типы отношения к болезни характеризуется отсутствием у больных психической дезадаптации.

Таким образом, обнаружены статистически достоверные различия между двумя исследуемыми группами. Так, больные с онкологическим заболеванием более склонны заново переживать случившееся при напоминании о травмирующем событии, направленность личности характеризуется избеганием всего, что напоминает о травматическом опыте, выражено посттравматическое стрессовое расстройство. Ощущение собственной безопасности более характерно для больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями, чем для онкобольных. Для последних более характерна гнетущая неопределенность. Если говорить о типах реагирования на болезнь, то среди онкобольных чаще возникает постоянное беспокойство, они думают об осложнениях; наблюдается чрезмерное сосредоточение на субъективных болезненных и иных неприятных ощущениях; поведение по типу «раздражительной слабости»; удрученность, поэтому неверие к возможности выздоровления и улучшению состояния, а также в целом на эффективность лечения, пессимистичный взгляд на все вокруг; ранимость. Выставление на показ близким и окружающим переживаний и страданий превалирует у онкобольных в стравнении с больными сердечно-сосудистой группы.

Как видим в изучаемых группах обнаружены статистически достоверные различия по большинству шкалам. В дальнейшем для изучения структуры взаимосвязи переменных будет произведен корреляционный анализ отдельно для обеих групп и представлен в следующих публикациях авторов.

Библиография

1. Васильева А.В., Караваева Т.А., Мизинова Е.Б., Лукошкина Е.П. Мишени психотерапии при коморбидном посттравматическом стрессовом расстройстве у онкологических больных // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2020. – Т. 10. – Вып. 4. – С. 402-416.
2. Казенная Е.В. Современные зарубежные исследования посттравматического стрессового расстройства и его лечения эффективными психотерапевтическими методами у взрослых // Современная зарубежная психология. – 2020. – Том 9. – № 4. – С. 110-119.
3. Карпова Э.Б. Онкологическое заболевание как психологический кризис // Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения – 2007». – СПб.: Изд-во СПбГУ. – 2007. – С. 556-557.
4. Тарабрина Н.В. Онкопсихология: посттравматический стресс у больных раком молочной железы. – М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 175 с.
5. Ахмедова Х.Б. Посттравматические изменения личности у гражданских лиц, переживших угрозу жизни // Вопросы психологии. – 2004. – № 3. – С. 93-102.
6. Биктина Н.Н., Кекк А.Н. Личностные особенности и ролевые позиции онкологических больных // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20391>
7. Володин Б.Ю. Возможности психотерапии в онкологической клинике // Российский онкологический журнал: научно-практический журнал. – 2009. – № 1. – С. 43-45.
8. Ивашкина М.Г. Психологические особенности личности онкологических больных: автореф. дис... канд. психол. наук. – М., 1998. – 66 с.
9. Непомнящая Н.И. О психологическом аспекте онкологических заболеваний // Психологический журнал. – 1998. – №4. – С. 132-145.
10. Andrykowski M. A. Posttraumatic stress disorder after treatment for breast cancer: Prevalence of diagnosis and use of the PTSD Checklist–Civilian Version (PCL–C) as a screening instrument/ M. A. Andrykowski, M. J.Cordova, J. L. Studts et al. // J. Consult Clin Psychol. – 1998. – Vol. 66. – P. 586-590.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Выявление личностных особенностей реагирования на онкологическое заболевание давно и неоднократно было предметом научного исследования клинических психологов. Это имеет важное значение, поскольку лечащие врачи должны учитывать такого рода реакции в лечебном процессе. Именно это обстоятельство имеет традиционную актуальность для исследований на данную тематику. А не то, на что указывает автор, ссылаясь на литературу и свидетельствующую о том, что «во всем мире отмечается неуклонный рост онкологических заболеваний. Злокачественные опухоли являются одной из самых частых причин смерти населения развитых стран. Сам по себе факт

наличия тяжелого соматического заболевания является для больного мощным психическим и физиологическим стрессом». К обоснованию актуальности заявленной темы такие ссылки прямого отношения не имеют. Необходимо уделить больше внимания обоснованию именно данной темы исследования.

По поводу темы исследования также возникают вопросы. Она сформулирована излишне громоздко и если ориентироваться именно на такую формулировку, то исследование должно быть намного большим, чем представленное на рассмотрение рецензенту. К тому же непонятен изначальный замысел автора. Почему онкологические больные сравниваются с больными по сердечно-сосудистой патологии? Что это за патология? Сердечно-сосудистая патология очень разная и непонятна логика автора. По тексту пояснения нет и о больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями вообще не отмечено ничего. Почему не с больными по желудочно-кишечной патологии? Или дыхательными болезнями?

Автор пишет, что постановка диагноза онкологического заболевания и информация о предстоящем лечении запускает целый ряд переживаний и вызывает сильнейший психологический дистресс у каждого человека, что при дефиците механизмов совладания может приводить к развитию сопутствующих психических расстройств. Да, это так и с мнением автора можно только согласиться.

В тексте статьи отсутствуют формулировки предмета исследования. По тексту это заметно. Кстати, текст воспринимается как беспредметный.

Не обоснована научная новизна и нет сведений о методологии исследования. Эти недостатки требуют доработки текста, поскольку негативно сказываются на его содержании.

Стиль изложения поверхностный и непоследовательный. По тексту имеются большое количество опечаток, свидетельствующих о небрежном отношении автора к работе и искажающих смысл. Даже в названии статьи имеется ошибка. Но главное то, что нет логики изложения. Автор исходит из того, что до постановки диагноза личность всех обследуемых была гармонична и сам факт выявления онкологической патологии запустил механизм ПТСР в результате чего сформировались личностные паттерны. Это не так. Тип реагирования зависит от очень большого количества факторов. Индивидуально-психологические особенности личности больного также относятся к ним и именно они предопределяют направленность, выраженность и специфику личностного реагирования на болезнь.

По содержанию работы видно, что автор имеет только теоретические представления о психологии онкологических больных. Например, не обращается внимание на возраст больных, которые были обследованы. Указано, что были люди от 40 до 73 лет. Как можно допускать такой большой возрастной разрыв обследуемых? От возраста пациентов очень зависит развертывание механизмов совладания в случае выявления ракового заболевания.

Не учтены также диагнозы раковых больных, а именно они имеют также определяющее значение. Раки разные, у них разный прогноз. Многие лечатся. Поэтому важна детализация для большей убедительности результатов исследования и, особенно, их практического значения.

Несмотря на имеющиеся недостатки, следует отметить, что автор получил важные, интересные и полезные сведения по типам отношения к заболеванию. Так, исследование жизнестойкости показало наличие статистически достоверных различий по шкале контроль ($15,20; 18,1; p=0,049$). Соответственно контроль, владение ситуацией дается пациентам с онкологическими заболеваниями легче и проще. У них имеется убежденность в том, что борьба за жизнь позволяет повлиять на результат происходящего. Но для таких больных характерна гнетущая неопределенность. Вот это

обстоятельство имеет практическое значение, так как в случае выставления диагноза с крайне неблагоприятным прогнозом, важно уметь оказывать таким больным паллиативную психологическую помощь.

Автор обращает внимание на такой тип отношения к болезни как эгоцентрический, который характеризуется тем, что выставляются на показ близким и окружающим переживания и страдания. Такие переживания превалирует у онкологических больных. Это также имеет практическое значение при необходимости психологического консультирования родственников, например, умирающих больных. Такая необходимость возникает нередко. Кстати, такие сведения важны и для лечащих врачей, поскольку именно к ним, а не к психологам обращаются родственники за советом.

Структура статьи также нуждается в доработке. Кроме отмеченных выше замечаний, в статье, например, отсутствуют выводы.

Заключение имеется и оно, по мнению рецензента, написано правильно.

Библиографический список состоит из источников по теме исследования.

Несмотря на наличие большого количества критических замечаний, следует отметить, что они устранимы при соответствующей доработке текста. Поэтому после доработки текста статьи, ее можно будет рекомендовать к опубликованию в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Особенности посттравматического стрессового расстройства, жизнестойкости и отношения к заболеванию у пациентов разных групп (на примере онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний)».

Предмет исследования. Работа нацелена на изучение особенностей посттравматического стрессового расстройства, жизнестойкости и отношения к заболеванию у пациентов с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями. Автор в результате исследования смог выявить наличие различий в обозначенных группах.

Методология исследования определяется выделенной актуальностью, поставленной целью и задачами. Однако наблюдается дефицитарность исследований, посвященных изучению данной проблемы.

Актуальность исследования определяется тем, что необходимо своевременно выявлять личностные характеристики, особенности психологического состояния больных онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Научная новизна исследования. Проведенное исследование позволило выделить показатели особенностей посттравматического стрессового расстройства, жизнестойкости и отношения к заболеванию у пациентов с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями. Автор при выделении критериев изучения опирался на использованные методики. В результате были определены следующие показатели: вторжение, избегание, возбудимость, вовлеченность, контроль, принятие риска, типы отношения к болезни (гармоничный, эргопатический, анонгнозический, тревожный, ипохондрический, неврастенический, меланхолический, апатический, сенситивный, эгоцентрический, паройяльный, дисфорический).

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части.

Во вводной части статьи обозначена актуальность затронутой проблемы. Автором

выделены некоторых проблемы проведенных исследований, эмпирическая база и выборка. В работе определена цель и гипотеза проводимого исследования, отвечающие им методики и способы обработки полученных результатов.

Следующий раздел посвящен описанию полученных результатов. Автор представил выявленные статистически значимые различия в группах с онкологическими заболеваниями и с сердечно-сосудистыми болезнями по двенадцати переменным.

В заключении формулируются итоговые краткие выводы. Автор отмечает следующее:

- обнаружены статистически достоверные различия между двумя исследуемыми группами (с онкологическими заболеваниями и с сердечно-сосудистыми болезнями) по выделенным шкалам;
- выделены перспективы дальнейшего исследования затронутой проблемы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 10 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены, в основном, статьи и тезисы. Помимо этого, в библиографии есть монографии, автореферат и интернет-источники. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- провести более глубокий теоретический анализ современных научных источников по затронутой тематике;
- для достижения поставленной цели и формирования выводов представить в данной работе корреляционный анализ данных отдельно для обеих групп.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются вопросами психологического сопровождения пациентов с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями. Важно выявить особенности их посттравматического стрессового расстройства, жизнестойкости и отношения к заболеванию. Статья может быть рекомендована к опубликованию с учетом выделенных рекомендаций.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Гвоздева А.А., Зинатуллина А.М. — Эффективность применения виртуальных технологий для обучения студентов техникам безопасности жизнедеятельности // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.68725 EDN: FDQLWL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68725

Эффективность применения виртуальных технологий для обучения студентов техникам безопасности жизнедеятельности

Гвоздева Анастасия Андреевна

Психолог, МГППУ, факультет "Экстремальная психология"

127051, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Сретенка, 29

✉ gvozdeva.anastasia2018@yandex.ru

Зинатуллина Азалия Маратовна

преподаватель, кафедра научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет

127051, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Сретенка, 29

✉ azaliazinatullina@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология чрезвычайных ситуаций"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.5.68725

EDN:

FDQLWL

Дата направления статьи в редакцию:

16-10-2023

Аннотация: Цель исследования: теоретическое и эмпирическое изучение эффективности осуществления профессионально-психологической подготовки к деятельности в экстремальных условиях с помощью виртуальных технологий. Объект исследования: профессионально-психологическая подготовка к деятельности. Предмет исследования: применение VR-технологий для профессионально-психологической подготовки к деятельности в экстремальных условиях. Исследование было осуществлено с помощью применения теоретических и эмпирических методов: эксперимент,

тестирование, анализ и синтез, сравнение, обобщение. Методы исследования: Опросник «Самочувствие, активность, настроение». «Личностная готовность к риску». Измерение частоты сердечных сокращений. Тест достижений. «Оказание первой помощи при поражении электрическим током». Формировалась ситуация в экстремальных условиях, с помощью программы ARPort SafetyVR в режиме «Оказание первой помощи при ударе током». Методики статистики: Среднее значение, стандартное отклонение, U-Критерий Манна-Уитни, ANOVA. Испытуемые: 32 студента, проходящих обучение по направлению «Экстремальная психология» в МГППУ. Результаты показывают, что применение виртуальных программ, нацеленных на обучение и развитие навыков в опасных ситуациях, является эффективным способом формирования профессионально-психологической подготовки студентов к деятельности в экстремальных условиях и оптимизации у них показателей самочувствия, настроения и общей активности. Изучая литературу и полученные данные можно сказать, что современные виртуальные технологии могут успешно использоваться в психологической работе. Данные исследования можно использовать для разработки тренингов с применением технологий виртуальной реальности для представителей профессий особого риска или для подготовки специалистов к деятельности в экстремальных условиях.

Ключевые слова:

виртуальные программы, виртуальные технологии, VR-программы, экстремальные ситуации, психологическая подготовка, профессиональная подготовка, первая помощь, профессии особого риска, удар током, безопасность жизнедеятельности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00058 П.

Обзор литературы

С каждым годом техническое развитие все больше набирает обороты. Возникают новые приборы, улучшающие жизнь людей. Также создаются технологии, чье применение способствует продвижению науки. В частности, можно отметить, как обширно осуществляется применение виртуальных технологий в различных сферах жизни. Применение симуляции «другого» мира не могло не заинтересовать психологов, которые изучают психику человека, его взаимодействие с окружающим миром и самим собой [1;2]. Возможность создания совершенно иных условий, открыло много возможностей для изучения возникающих на них реакций у человека [3; 4].

В особенности активно виртуальные технологии используются для изучения реакций человека на экстремальную среду. Ведь создание настоящих экстремальных ситуаций способствуют большому риску обучающихся сотрудников, которые еще не имеют достаточного опыта. Поэтому требуется воссоздание схожих условий, но без риска для жизни и здоровья. Виртуальные технологии помогают осуществить данную задачу. Так, они применяются для приобретения необходимых знаний об опасной среде, ее географической местности, вероятных формах возникновения опасности (пожар, удар током и т.д.) [5]. Знания, подкрепленные виртуальной картинкой, звуками, способами виртуального взаимодействия сотрудника с представленной средой, помогают постепенно выработать нужные для адаптации навыки. Наличие программ, посвященных различным видам профессиональной деятельности, многообразным экстремальным

ситуациям, требующим быстрого и четкого решения, дает возможность подготовить почти каждого сотрудника в соответствии с его специальностью [6; 7; 8].

Особое внимание хотелось бы уделить работе специалистов в области высокого электрического напряжения. Существует необходимость в отработке не только теоретических, но практических навыков в работе с током. Однако подготовка к выполнению данной деятельности усложняется из-за риска получения специалистом электрического удара. Создание учебных ситуаций, которые имитируют реальную деятельность не всегда передают ее особенности, а также ее опасность. Для этого требуются новые варианты обучения, например, погружение в виртуальную реальность [1]. С помощью виртуальных технологий возможно отработать большое разнообразие ситуаций от самых простых до экстремальных, причем в контролируемых, безопасных условиях. Ведь неопытный специалист может испытывать страх, неуверенность в своих силах, а в случае аварийной ситуации может не решиться на активные действия. А промедление, неверные действия в экстренные моменты могут привести к серьезным потерям и даже смертям людей [9]. Специальная подготовка с помощью виртуальных технологий позволяет закрепить имеющиеся теоретические знания и начать актуализировать практические, что в своей совокупности составит те начальные умения, позволяющие сотруднику постепенно переходить на все более сложные и реальные случаи. Причем такая тренировка позволит подготовить специалиста как в области профессиональных навыков, так и в области психологических.

В рамках этого, интересен проект «Виртуальный электрик», реализуемый в филиале АО «Сетевая компания» Нижнекамские электрические сети, который осуществляется через применение виртуальных технологий [10]. С помощью виртуальных очков обучаемый смотрит видео, в котором четко отражены этапы действий при выполнении тех или иных работ, указаны возможные опасности, которые могут возникнуть процессе. Такая подготовка способствует более быстрому обучению электромонтеров, особенно в совокупности в работе начинающего специалиста с более опытным. Программа отражает большое количество важных деталей, которые характерны определенным ситуациям и выполняемым операциям, которые соответствуют реальным. Применение тренажера способствует более крепкому закреплению знаний и практических навыков, к тому же такой формат более интересен в прохождении сотрудниками. Многократная отработка профессионального алгоритма действий с помощью тренажера позволит достичь необходимой профессионально-психологической подготовки электромонтёра.

Применение новых технологий также осуществляется и в области обучения тушения пожаров. Исследование «The Evaluation of Virtual Reality Fire Extinguisher Training» проведенное в 2020 г. в Норвегии [11] было направлено на то, чтобы узнать, как стажеры оценивают свое обучение обращению с огнетушителем в виртуальной реальности. Результаты показали, что более половины слушателей положительно оценили VR-тренировку и сообщили о положительных эмоциях во время тренировки. Однако большинство предпочитало традиционное обучение или относилось к нему нейтрально. Две основные темы, которые участники оценивали по-разному, — реалистичность обучения и их эмоциональные переживания во время сеанса виртуальной реальности. В то время как обучение в виртуальной реальности на этом этапе рассматривалось как хорошее дополнение к реальному обучению, его отсутствие реализма было серьезным недостатком, но преимущества для здоровья и безопасности, а также эффективность и удобство этого обучения были очевидными преимуществами по

сравнению с реальным обучением.

В исследовании «Understanding VR-Based Construction Safety Training Effectiveness: The Role of Telepresence, Risk Perception, and Training Satisfaction», проведенного в Корее 2022 году [12], были проанализированы данные опроса 248 строителей, прошедших обучение технике безопасности при строительстве с использованием виртуальной реальности. По полученным результатам было отмечено, что применение виртуальных технологий, их наглядность и интерактивность оказало большое влияние на результаты обучения техник безопасности. Так же важно отметить и то, что строители сами отмечали удовлетворенность после прошедших занятий, они сами чувствовали положительный эффект от оказанного воздействия.

В связи с обилием исследований [13;14] выявляется актуальность профессионально—психологической подготовки специалистов для эффективного осуществления рабочей деятельности в экстремальной деятельности. А актуальность темы является причиной проведения данного исследования.

Организация исследования

Цель исследования заключается в изучении эффективности применения виртуальных технологий для осуществления профессионально—психологической подготовки студентов к деятельности в экстремальных условиях.

Объект исследования: профессионально—психологическая подготовка к деятельности.

Предмет исследования: применение VR—технологий для профессионально—психологической подготовки к деятельности в экстремальных условиях. Исследование было осуществлено с помощью применения теоретических и эмпирических методов: эксперимент, тестирование, анализ и синтез, сравнение, обобщение.

Гипотезой является предположение о том, что применение виртуальных технологий, нацеленных на развитие навыков деятельности в опасных ситуациях, способствует повышению профессионально—психологической подготовки сотрудников к деятельности в экстремальных условиях и оптимизации у них показателей самочувствия, настроения и общей активности.

Методы исследования:

- 1.Опросник «Самочувствие, активность, настроение» (САН). Авторы: В. А. Доскин, Н. А. Лаврентьева, В. Б. Шарай, М. П. Мирошников, Карелин А.
- 2.Личностная готовность к риску. Автор: А.М. Шуберт.
- 3.Измерение психофизиологической составляющей функционального состояния. Измерение ЧСС (частоты сердечных сокращений).
- 4.Тест достижений. «Оказание первой помощи при поражении электрическим током». Авторская разработка.

Также моделировалась экстремальная ситуация посредством технологий виртуальной реальности. С помощью программы ARPort SafetyVR в режиме «Оказание первой помощи при ударе током» испытуемым предлагалось пройти обучение по работе в условиях высокого напряжения, а также выполнить поставленную цель и спасти пострадавшего, который находится под воздействием электрического тока, и при этом не попасть самому в смертельную опасность. Экстремальное воздействие оказывалось в рамках 10 минут.

В процессе обучения испытуемые учились обращать внимание на обстановку, оценивать возможные риски, выстраивать алгоритм поведения, который позволил устраниить или избежать, обнаруженную опасность, а также затратить на это оптимальное количество времени. Участники больше обращали внимание на сложившуюся ситуацию, где высока вероятность получения удара тока. Знакомились с особенностями распространения и проведения тока через пространство и материалы, узнавали про верный алгоритм действий при нахождении в поле шагового напряжения. Принимали участие в эвакуации пострадавшего. Узнавали, как обесточить человека, как верно его после этого можно взять, за какие части тела, как далеко необходимо оттащить человека от зоны поражения электрическим током, какие биологические процессы необходимо проверить, как оказать первую помощь и т.д.

В начале обучающей программы озвучивается цель занятия, а в его процессе отмечается, какой шаг необходимо выполнить в данный момент и на что стоит обратить внимание, чтобы его успешно завершить. Ошибки влекут за собой потерю баллов, а смертельные ошибки, следовательно, смерть спасателя. Причем она сопровождается внезапной и сильной вибрацией в джойстиках (имитация удара током), а также отображением, как управляемый игроком спасатель падает на землю. Затем озвучивалось, что послужило результатом подобного исхода, в чем была совершена ошибка. Для некоторых испытуемых совокупность вышеуказанных элементов вызывала испуг. После каждой фатальной ошибки участники вновь начинали обучение с самого начала. Через получение теоретических и практических знаний они успешно обучились оказанию первой помощи пострадавшему при ударе током.

Используемое оборудование: Vive Focus Plus.

Методики математической статистики: Среднее значение, стандартное отклонение, U—Критерий Манна —Уитни, ANOVA.

Выборку составили 32 человека, студенты, проходящие обучение по направлению «Экстремальная психология» в МГППУ.

Результаты исследования и их анализ

Изначально были проведены тестирования и замеры (САН, готовность к риску, Тест достижений. «Оказание первой помощи при поражении электрическим током», ЧСС) у 32 студентов с кафедры «Экстремальная психология». Была осуществлена диагностика уровня обучения деятельности в зоне высокого напряжения. После, по результатам было отобрано 20 человек. 10 из них вошли в экспериментальную группу, а 10 других вошли в контрольную группу. Экспериментальная группа принимала участие в обучающей программе с помощью виртуальных технологий. Контрольная группа не подвергалась никакому воздействию. По успешному завершению профессионально—психологической подготовки, с экспериментальной группы снова собиралась информация по тестированием. У контрольной группы также проходило тестирование во второй раз.

Было проведено исследование самочувствия, настроения, активности, уровня готовности к риску, результатов тестировании по оказанию первой помощи в результате удара тока, а также измерение пульса всех 32 исследуемых до выделения групп и проведения экспериментального воздействия. Анализ дал следующие результаты.

Таблица 1 — Показатели всей выборки до выделения групп и проведения

экспериментального воздействия

№	Показатель	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение
1	Тест достижений	5,44	1,585
2	Самочувствие	44,94	13,629
3	Активность	39,78	11,653
4	Настроение	47,84	12,741
5	Риск	-1,69	13,642
6	Пульс	77,00	10,192

По таблице 1 можно понять, что «Тестирование» (Тест достижений. «Оказание первой помощи при поражении электрическим током»), пройденное 32 испытуемыми в среднем было оценено в 5 из 10 баллов, что показывает средний уровень знаний по оказанию первой помощи при получении удара электрическим током. Самочувствие в среднем по выборке набрало 44,94 баллов, что говорит о благоприятном состоянии испытуемых. Активность в среднем набрало 39,78 баллов, данные показатели отражают несколько пониженные значения по активности. Настроение по средним значениям набрало 47,84 баллов, что также отражает благоприятное настроение испытуемых. Готовность к риску в среднем проявляется на уровне -1,69, что говорит о средних значениях склонности к риску среди опрашиваемых. Пульс по средним значениям составляет 77 ударов в минуту, что отражает показатели в рамках нормы.

На следующем этапе, из 32 человек было отобрано 20 человек с самыми низкими значениями по Тесту достижений. «Оказание первой помощи при поражении электрическим током для участия в эксперименте». Эти 20 человек были разделены на 2 группы: экспериментальную группу (ЭП) и контрольную группу (КГ).

Для того, чтобы узнать есть ли различия в показателях КГ и ЭГ на первом замере был применен непараметрический критерий У—Критерий Манна—Уитни.

Таблица 2 — Сравнение показателей КГ и ЭГ на первом замере, до воздействия

№	Показатель	Критерий U	P=
1	Тест достижений	0,78	p≥0,05
2	Самочувствие	0,21	p≥0,05
3	Активность	0,705	p≥0,05
4	Настроение	0,088	p≥0,05
5	Риск	0,058	p≥0,05
6	Пульс	0,733	p≥0,05

В таблице 2 можно увидеть, что значимых различий в показателях КГ и ЭГ нет. Это означает, что группы значимо не различаются по результатам методик. Но можно выделить результаты по «Настроению» и «готовности к риску», значимость которых проявляется на уровне тенденций U=27,5 и U=25 при p≥ 0,05.

На следующем этапе было оказано стрессовое воздействие через VR- очки. На ЭГ было оказано экспериментальное воздействие, а на КГ нет. Чтобы определить наличие каких-либо изменений был применен однофакторный дисперсионный анализ ANOVA.

Таблица 3 — Сравнение показателей 1 и 2 замера у КГ

Nº	Показатель	1 замер средние значения	2 замер средние значения	1 замер стандартное отклонение	2 замер стандартное отклонение	Критерий <i>F</i>	<i>P</i> =
1	Тест достижений	4,7	5	0,94868	1,24722	0,552	$p \geq 0,05$
2	Самочувствие	38,9	39,2	14,84326	15,12761	0,965	$p \geq 0,05$
3	Активность	37	39,8	13,41641	13,11318	0,643	$p \geq 0,05$
4	Настроение	41,6	43,7	13,4594	17,23723	0,765	$p \geq 0,05$
5	Риск	-0,3	-1,2	15,74131	13,33167	0,892	$p \geq 0,05$
6	Пульс	77,9	78,7	12,96534	10,53091	0,881	$p \geq 0,05$

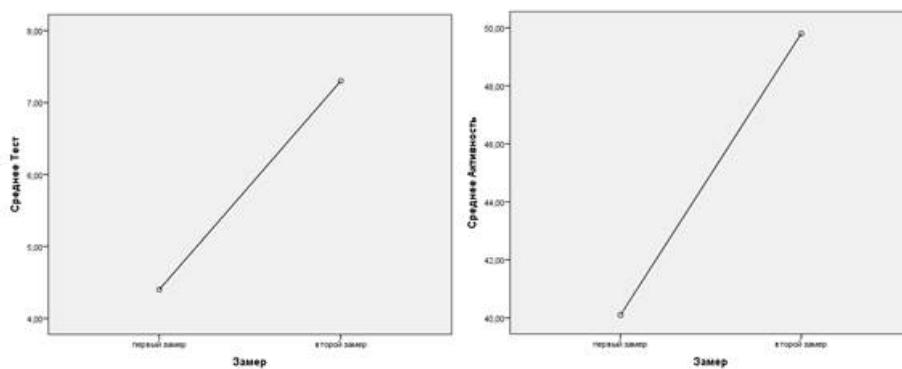
Как видно из таблицы 3, значимых результатов не имеется. Показатели при прохождении методик в первый и во второй раз значимо не различаются. Результаты по Тесту достижений, «Оказание первой помощи при поражении электрическим током», САН, готовности к риску, ЧСС не имеют между первым и вторым замером достоверных различий.

Таблица 4 — Сравнение показателей 1 и 2 замера, до и после экспериментального воздействия у ЭК

Nº	Показатель	1 замер средние значения	2 замер средние значения	1 замер стандартное отклонение	2 замер стандартное отклонение	Критерий <i>F</i>	<i>P</i> =
1	Тест достижений	4,4	7,3	1,26491	1,1595	0,0	$p \leq 0,001$
2	Самочувствие	48	54,8	15,4991	12,891	0,3	$p \geq 0,05$
3	Активность	40,1	49,8	13,77961	10,37947	<u>0,092</u>	$p \geq 0,05$
4	Настроение	52	53,6	14	12,50955	0,791	$p \geq 0,05$
5	Риск	-10,2	-7,6	11,35097	10,38375	0,6	$p \geq 0,05$
6	Пульс	75,7	79,5	8,70568	14,13624	0,478	$p \geq 0,05$

График 1 — Показатель «Тест» - результат прохождения Теста достижений. «Оказание первой помощи при поражении электрическим током ЭГ до и после экспериментального воздействия

График 2 — Показатель «Активность» - результат ЭГ по шкале из методики САН до и после экспериментального воздействия

Расчеты по однофакторному дисперсионному анализу ANOVA показали в таблице 4 значимые результаты в показателях Теста достижений. «Оказание первой помощи при поражении электрическим током» на уровне высокой значимости $F=28,562$ при $p < 0,001$. Также интересны показатели по «Активность» из методики САН, которые проявляют значимость на уровне тенденций $F= 3.162$ при $p \geq 0,05$.

Показатели испытуемых экспериментальной группы по всем методикам после прохождения обучающей программы значимо повысились, что можно увидеть в таблице 4, а также графиках 1-2. Улучшились результаты по тестированию. Показатели по «Настроение» лишь слегка повысились, хотя они изначально были высокими, такими же высокими и остались. «Самочувствие» улучшилось до высоких показателей, что отражает позитивные изменения в самоощущении студентов. Также высоких значений почти достигли показатели по «Активности». Важно отметить, что показатели по пульсу находятся в рамках нормы, в том числе и уровень риска. Что говорит о эффективности проведенного экстремального воздействия и успешному осуществлению профессионально-психологической подготовки, которая выражается в оптимальных значениях по готовности к риску, пульсу, самочувствии, активности, настроении.

Обсуждение результатов

Показатели испытуемых экспериментальной группы по всем методикам после прохождения обучающей программы значимо повысились, что можно увидеть в таблице, а также графиках № 1-2. Улучшились результаты по тестированию «Оказание первой помощи при поражении электрическим током». Показатели по «Настроение» лишь слегка повысились, хотя они изначально были высокими, такими же и остались. «Самочувствие» улучшилось до высоких показателей, что отражает позитивные изменения в самоощущении студентов. Также высоких значений почти достигли показатели по «Активности». Важно отметить, что показатели по пульсу находятся в рамках нормы, в том числе и уровень риска. Что говорит о эффективности проведенного экстремального воздействия и успешному осуществлению профессионально-психологической подготовки, которая выражается в оптимальных значениях по готовности к риску, пульсу, самочувствии, активности, настроении.

Для сравнения показателей КГ, на которую не было оказано экспериментальное воздействие. Было проведено исследование показателей контрольной группы при первом и втором замере.

Подводя итоги по проанализированным данным можно сказать следующее:

Результаты по всей выборке из 32 человек находятся в рамках нормы.

Показатели контрольной группы во втором замере в сравнении с первым значимо не отличаются. Значимых результатов нет.

Результаты экспериментальной группы значимо отличаются в показателях по «Тест» (Тест достижений. «Оказание первой помощи при поражении электрическим током») и имеют высокий уровень значимости при $p < 0,001$. Что говорит о большом влиянии, которое было оказано на экспериментальную группу с помощью обучающей программы. Также выделяется показатель "Активность" на уровне тенденций.

Сравнивая средние показатели по КГ и средние показатели по ЭГ по каждому замеру, можно увидеть большую разницу, которая проявляется в значительном повышении показателей при втором замере в сравнении с первым. Это наблюдается у

экспериментальной группы, которая проходила обучающую программу. А у контрольной группы, которая не подвергалась никакому воздействию, никаких значимых изменений не имеется.

Заключение

Анализируя результаты, можно сказать, что воздействия оказанное на экспериментальную группу было эффективно, что подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что применение виртуальных технологий, нацеленных на развитие навыков деятельности в опасных ситуациях, способствует повышению профессионально-психологической подготовки студентов к деятельности в экстремальных условиях и оптимизации у них показателей самочувствия, настроения и общей активности.

Изучая литературу и полученные данные можно сказать, что современные виртуальные технологии могут успешно использоваться в психологической работе. Ускоренный темп развития таких технологий предполагает и поспевающий за ними психологический взгляд, который способствует применению таких технологий в работе психолога. Для развития и усовершенствования работы с виртуальными технологиями требуются дополнительные теоретические и практические исследования об эффективности оказываемого психологического влияния в рамках различных сфер и целях психологической работы. Помимо этого, важно осуществлять информирование о полученных научно доказанных результатах научное сообщество и внедрять новые методы в свою работу и развивать их применения в рамках психологии.

Данные исследования можно использовать в качестве основы для разработки специальных тренингов с применением технологий виртуальной реальности для представителей профессий особого риска или для подготовки специалистов к деятельности в экстремальных условиях.

Благодарности: Особую благодарность хочу выразить Березиной Т. Н., Бузанову К.Э и ООО "АРПорт".

[1] ARPort. VR тренажеры по охране труда и ПТМ. URL: <https://www.arport.ru/vr-safety> (дата обращения: 31.07.2023).

Библиография

1. Березина Т.Н., Перепечина А.С., Бузанов К.Э. — Коррекция негативных психических состояний студентов-психологов экстремального профиля посредством технологий виртуальной реальности // Современное образование. – 2020. – № 4. – С. 1-12.
2. Березина Т.Н., Темирканова А.Ю., Бортулева Н.Л., Свило Я.В. — Восстановление работоспособности посредством VR-технологий у лиц, совмещающих работу с учебой // Современное образование. – 2020. – № 3. – С. 11-20.
3. Березина, Т. Н. Позитивная психология виртуальности как направление оптимизации функциональных состояний человека-оператора / Т. Н. Березина, К. Э. Бузанов, Г. В. Фатьянов // Человеческий капитал. – 2020. – № 1(133). – С. 125-138.
4. Литвинова А.В., Березина Т.Н., Кокурин А.В., Екимова В.И. Психологическая безопасность обучающихся во взаимодействии с виртуальной реальностью // Современная зарубежная психология. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 94-104.
5. Вяльцев А.В., Павлов М.М., Янц А.И. Использование технологий виртуальной реальности в подготовке горноспасателей// Инновационная наука. – 2017. – №. 1–

2. – С. 59–61.
6. Бадзюк И.Л., Чепурных Н.К. Применение технологии виртуальной реальности при обучении навыкам оказания первой помощи: научное обоснование, практический опыт// Образование и право. – 2021. – № 9. – С. 279-286.
7. Тумаков Н. Н. Использование компьютерных тренажеров при обучении военнослужащих тактико-специальным дисциплинам в десантном училище // Актуальные проблемы преподавания математических и естественно-научных дисциплин в образовательных организациях высшего образования: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. – К.: – 2020. – С. 428-434.
8. Тычков А. Ю., Буныгин Е. В. Виртуальная реальность для вооруженных сил: обзор // Вестник Пензенского государственного университета. – 2020. – Т. 32 № 4. – С. 107-114.
9. Розенова М.И. Стress и страх в экстремальной ситуации / М.И. Розенова, В.И. Екимова, А.В. Кокурин, А.С. Огнев, О.С. Ефимова // Современная зарубежная психология. – 2020. – Т. 9. – № 1. – С. 94-102.
10. Как подготовить электромонтера: Проект «Виртуальный электрик». URL: https://up-pro.ru/library/personnel_management/personnel_training/kak-podgotovit-elektromontera/ (дата обращения: 31.07.2023).
11. Saghafian M, Laumann K, Akhtar RS, Skogstad MR. The Evaluation of Virtual Reality Fire Extinguisher Training // Front Psychol.-2020. – Volume 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7680855/> (дата обращения: 31.07.2023).
12. Yoo J.W., Park J.S., Park H.J. Understanding VR-Based Construction Safety Training Effectiveness: The Role of Telepresence, Risk Perception, and Training Satisfaction. // Applied Sciences. – 2023. – Т. 2, №13. URL: <https://www.mdpi.com/2076-3417/13/2/1135> (дата обращения: 31.07.2023).
13. Said N.B., Molassiotis A., Chiang VCL. Psychological first aid training in disaster preparedness for nurses working with emergencies and traumas. / International Council of Nurses. – 2022. – №69(4) – С. 548-558.
14. Sun Xin-Yang. Mental Health of Chinese Peacekeepers in Liberia//The European Journal of Psychiatry.-2014. – Том 28. № 2. – С. 77-85.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Все способы и средства, которые предназначены для обеспечения безопасности профессиональной деятельности, целесообразно применять только при условии их полезности и эффективности. Причем эффективность должна быть достоверна. В противном случае, такие способы и средства оказывают на деятельность негативное влияние и сопровождаются ростом числа рисков опасности. Там, где речь идет об обеспечении безопасности человека, середины быть не может. «Загромождать» рабочее пространство средствами с недоказанной эффективностью нельзя ни в коем случае. Поэтому автор поступил правильно, определив темой своего исследования эффективность применения виртуальных технологий для обучения студентов техникам безопасности жизнедеятельности. Но более корректно звучит название - оценка эффективности применения...

Текст начинается с того, что «С каждым годом техническое развитие все больше набирает обороты». Это неправильно. Надо начинать с обоснования актуальности темы, придерживаясь ясности изложения имеющихся проблем, противоречий, недопониманий и т.п. Автор же начинает писать про «обороты», используя примитивный бытовой слог. Поэтому введение статьи целесообразно переработать, указав в нем кроме обоснования актуальности, научную новизну и методологию исследования (принципы, теории, концепции).

Приведенные в тексте формулировки цели и предмета исследования нуждаются в корректировке. Например, цель – не изучение, а исследование...

Предмет – не применение VR–технологий..., а способ применения

Автор правильно акцентирует внимание на безопасности работы специалистов в области высокого электрического напряжения. А также на том, что подготовка к выполнению данной деятельности усложняется из-за риска получения специалистом электрического удара. Создание учебных ситуаций, которые имитируют реальную деятельность не всегда передают ее особенности, а также ее опасность. Для этого требуются новые варианты обучения, например, погружение в виртуальную реальность. Все это правильно и никаких сомнений не вызывает. Тем более, что, как указано в тексте, с помощью виртуальных технологий возможно отработать большое разнообразие ситуаций от самых простых до экстремальных, причем в контролируемых, безопасных условиях.

Стиль изложения текста исследовательский. Автор анализирует литературу, делает собственные умозаключение. Самостоятельно организовал исследование, подобрал методы, провел эксперимент и получил собственные данные.

Структура работы соответствует требованиям в целом. Нужна доработка по указанным выше замечаниям, а также необходимо представить конкретные выводы.

Суть эксперимента в том, что с помощью специального тренажера моделировалась экстремальная ситуация посредством технологий виртуальной реальности. С помощью же программы ARPort SafetyVR в режиме «Оказание первой помощи при ударе током» испытуемым предлагалось пройти обучение по работе в условиях высокого напряжения, а также выполнить поставленную цель и спасти пострадавшего, который находится под воздействием электрического тока, и при этом не попасть самому в смертельную опасность. Экстремальное воздействие оказывалось в рамках 10 минут.

В результате исследования автором было установлено, что показатели испытуемых экспериментальной группы по всем методикам после прохождения обучающей программы значимо повысились.

Показатели по «Настроение» лишь слегка повысились, хотя они изначально были высокими, такими же высокими и остались. «Самочувствие» улучшилось до высоких показателей, что отражает позитивные изменения в самоощущении студентов. Также высоких значений почти достигли показатели по «Активности». Важно отметить, что показатели по пульсу находятся в рамках нормы, в том числе и уровень риска.

В тексте отмечено также, что результаты экспериментальной группы значимо отличаются в показателях по «Тест» (Тест достижений. «Оказание первой помощи при поражении электрическим током») и имеют высокий уровень значимости при $p < 0,001$. Что говорит о большом влиянии, которое было оказано на экспериментальную группу с помощью обучающей программы.

Автор сравнил показатели контрольной и экспериментальной групп. Это позволило ему увидеть большую разницу, которая проявляется в значительном повышении показателей при втором замере в сравнении с первым. Это наблюдается у экспериментальной группы, которая проходила обучающую программу. А у контрольной группы, которая не подвергалась никакому воздействию, никаких значимых изменений не имеется.

Полученные данные представлены в виде таблиц и рисунков, содержание которых

понятно.

В тексте имеется заключение, которое отражает суть проделанной работы. Но нет выводов, что требует соответствующей доработки. Тем более, что для выводов в данном тексте фактов достаточно.

Библиографический список состоит из источников по теме исследования.

После доработки текста, данную статью можно рекомендовать к опубликованию в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Эффективность применения виртуальных технологий для обучения студентов техникам безопасности жизнедеятельности».

Предмет исследования. Работа нацелена на изучение особенностей применения VR—технологий для профессионально-психологической подготовки к деятельности в экстремальных условиях. Автор высказал предположение о том, что использование виртуальных технологий, нацеленных на развитие навыков деятельности в опасных ситуациях, способствует повышению профессионально—психологической подготовки сотрудников к деятельности в экстремальных условиях и оптимизации у них показателей самочувствия, настроения и общей активности. В целом, проведенное исследование отличается целостностью, поставленные цель и задачи были реализованы.

Методология исследования определяется выделенной актуальностью. Оно было осуществлено с использованием теоретических и эмпирических методов: эксперимент, тестирование, анализ и синтез, сравнение, обобщение. Автором было осуществлено моделирование экстремальной ситуации посредством технологий виртуальной реальности.

Актуальность исследования определяется тем, что необходимо нахождение эффективных технологий для обучения студентов техникам безопасности жизнедеятельности и профессионально-психологической подготовки к деятельности в экстремальных условиях.

Научная новизна исследования. Проведенное исследование позволило показать эффективность использования VR—технологий для профессионально-психологической подготовки к деятельности в экстремальных условиях. Автор уточнил категориальный аппарат, подобрать методики исследования, разработал и апробировал обучающую программу.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части.

Начинается работа с обзора литературы. В данном разделе уделено внимание описанию актуальности как с позиции актуальности изучения виртуальных технологий, так и в аспекте необходимости более эффективной подготовки соответствующих специалистов для работы в экстремальной деятельности.

Следующий раздел посвящен описанию организации исследования. Автор выделил его цель, объект, предмет; сформулировал гипотезу и подобрал методы и методики исследования (эмпирические и методы математической статистики). Выборка составила 32 студента, которые обучаются по направлению «Экстремальная психология» в МГППУ. Следующий раздел посвящен описанию результатов исследования, их анализу и обсуждению. Полученные результаты были рассмотрены с помощью методов

математической статистики. Автор данные представил в виде таблиц и графиков. В заключении формулируются итоговые краткие выводы. Автор отмечает следующее:

- баллы подтверждена выдвинутая гипотеза эмпирическим путем;
- современные виртуальные технологии могут успешно использоваться в психологической работе.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 14 отечественных и зарубежных источников, значительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены, в основном, статьи и тезисы. Помимо этого, в библиографии есть интернет-источники. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно. За исключением пункта 7.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- выделить введение в отдельный раздел;
- опросник САН, тест достижений и т.д. являются методиками;
- расширить раздел «Обсуждение результатов», представив более полный анализ полученных результатов;
- более подробно описать содержание обучающей программы, принципы ее формирования и применения;
- представить основные направления тренинговой работы с применением технологий виртуальной реальности для представителей профессий особого риска или для подготовки специалистов к деятельности в экстремальных условиях.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются вопросами подготовки специалистов, работающих в экстремальных условиях. Статья может быть рекомендована к опубликованию с учетом выделенных рекомендаций.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Набиева З.Б. — Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований феномена одиночества // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.44060 EDN: ASMXWG URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44060

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований феномена одиночества

Набиева Зарнигор Бахриддиновна

кандидат психологических наук

аспирант, кафедра Психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Земляной Вал, 27

✉ zarnigorn@gmail.com

[Статья из рубрики "В потоке книг"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.5.44060

EDN:

ASMXWG

Дата направления статьи в редакцию:

18-09-2023

Аннотация: Предметом исследования являются теоретические подходы отечественных и зарубежных исследователей изучения феномена одиночества. Явление исследуется с позиций различных наук как философия, психология и социология. Однако нет единого мнения о точном определении переживания одиночества. Таким образом появляется необходимость проведения сравнительного анализа подходов к изучению данного феномена. В статье проводится анализ отечественных и зарубежных психологов. Выявляются общие и отличительные черты исследований путем проведения сравнительного анализа. Также проводится обзор современных исследований и попарное сравнение одинаковых теоретических подходов. При этом выбранный автором исследовательский аппарат позволил сделать обоснованные выводы. В науке отсутствует общепринятое понимание данного феномена. Таким образом в данном исследовании был проведен анализ психологических подходов к изучению одиночества в работах отечественных и зарубежных исследователей. В статье данный термин рассматривается с помощью деятельно – личностного, экзистенциально –

гуманистического, когнитивно – бихевиористского, феноменологического и экзистенциального подходов с целью определения. Важно подчеркнуть, что большинство исследователей изучают не только отрицательные, но и положительные аспекты одиночества. Поскольку существует очень мало концептуально хорошо разработанных описаний данного явления, эта статья внесет значимый вклад в формирование концептуального аппарата одиночества, а также углубит понимание этого комплексного феномена.

Ключевые слова:

феномен одиночества, определение одиночества, теоретические подходы, зарубежные исследования, коммуникация, психология, аномия, позитивное одиночество, уединение, психологические особенности

Одиночество становится одной из наиболее острых проблем 21-го века. Несмотря на то, что общепринятым фактом является неотделимость человека от социума и невозможно воспринимать его в отрыве от окружающих, число людей, переживающих чувство одиночества ежегодно растет. Согласно статистическим данным, на сегодняшний день более 30% взрослого населения земли переживают чувство одиночества [\[1\]](#).

Феномен является многосторонним и изучается с позиций таких наук как: психология, философия, социология и др. [\[24\]](#). Обширность явления порождает различия в теоретических подходах к его изучению и классификации. При этом в психологической науке отсутствует единое понимание природы этого явления. Одиночество характеризуется довольно противоречивым содержанием и как отмечается в большинстве исследований является недостаточно изученным феноменом в науке. Отсутствие единой концепции и острые споры, ведущиеся учеными и исследователями на протяжении многих десятилетий, требует проведение теоретического анализа и систематизации подходов по исследованию проблемы одиночества.

Понятие «одиночества» является сложным и многокомпонентным. На сегодняшний день существуют несколько подходов к изучению факторов феномена одиночества. Каждый из них опирается на понимании о личности индивида, ее взаимодействии с обществом, глубинных психологических процессов, связанных с адаптацией и самосознанием личности. Одиночество имеет множество видов, однако наиболее сложным является психологическое переживание одиночества, представляющее из себя комплексный процесс [\[24\]](#).

В психологической науке одиночество воспринимается как проблема, с которой индивиду тяжело справиться самостоятельно [\[2\]](#). Частое переживание чувства одиночества у людей, связано с прерыванием социальных связей: развода, физической изоляции или разрыва отношений с близким человеком. Явление сопровождает человека на протяжении всей его жизни и наиболее четко осознается им в подростковом возрасте. Именно в этом возрасте происходит формирование самосознания, которое в эмоциональной и когнитивной форме детерминирует не только отношение к действительности, но и может повлиять на формирование определенных черт и развитие личности в целом [\[24\]](#). В данном контексте под одиночеством подразумевается внутреннее субъективное переживание.

Для более точного определения концепции феномена одиночества, в данной статье

будет проведен сравнительный анализ работ зарубежных и отечественных исследователей, в котором будут рассмотрены общие и отличительные черты в подходах к изучению феномена одиночества.

Наиболее популярными направлениями изучения явления одиночества в западных исследованиях являются: психоаналитическое и психодинамическое [З. Фрейд, Х. Салливан, Дж. Зилбург, Ф. Фромм-Рейхман, Э. Фромм, Д. Рисмен, С. Л. Франк], феноменологическое [К. Роджерс], экзистенциальное [К. Мустакас, И. Ялом, В. Франкл], интеракционистское [Р. Вейс], социологическое [Д. Рисман, Л. Слатер], когнитивное [Д. Перлман, Л.Э. Пепло] [\[12\]](#).

Самым часто употребляемым и эталонным значением, переходящим из одной работы в другую, принято считать определение данное Т. Б. Джонсоном и У. Садлером, которые в статье «От одиночества к аномии» писали: «Одиночество - это переживание, вызывающее комплексное и острое чувство, выражющее определенную форму самосознания, и показывающее раскол основной реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности» [\[13\]](#).

Впервые феномен одиночества подробно был исследован сторонником **психоаналитического и психодинамических подходов**, Э. Фроммом, который полагал, что человек является существом социальным и одиночество противоречит его природе. Ученый заявлял, что одиночество может стать источником соматических и психических расстройств [\[8\]](#). Психолог Фрида Фромм-Райхман в своих исследованиях, также отмечала, что основной проблемой всех психических заболеваний является чувство одиночества [\[19\]](#). Психоаналитические школы рассматривают одиночество, как результат проявления следующих характеристик: агрессивность, нарциссизм, мания величия и др [\[25\]](#). З. Фрейд также описывает явление, как результат проявления личностных характеристик и влияние бессознательных процессов человека. В своих лекциях ученый связывает невроз и одиночество, возникших из-за отсутствия желаемого удовлетворения. Невроз – монастырь, где человек уединяется и не чувствует себя слабым для жизни. Этот процесс он называет «уход» человека в невроз [\[26\]](#). В отличии от З. Фрейда К. Хорни считает, что психологические защиты направлены на преодоление конфликта между социумом и личностью [\[8\]](#).

В проведенном в 1938 году исследовании Г. Зилбург также выявил триаду, лежащую в основе феномена одиночества: мания величия, ранний нарциссизм и враждебность окружающего мира [\[4\]](#). Психолог исследовал не только одиночество, но и уединенность. В его понимании эти концепции отличны друг от друга. Состояние уединения он рассматривал, как временное и нормальное умонастроение, а чувство одиночества, как гнетущее, непреодолимое и длительное чувство. Завершая обзор психодинамических и психоаналитических терминов, очевидно, что исследователи рассматривают феномен, как патологическое состояние, возникающее в самой личности человека, и связывают его с личностными характеристиками. Далее будут рассмотрены исследования сторонников феноменологического подхода.

Сторонники **феноменологического подхода** в основном придерживались идеи о том, что одиночество возникает в результате разрыва идеальных образов межличностных отношений, сформированных феноменологическими идеалами в сознании человека. Общество определяет феноменологические идеалы, заставляя субъекта находить установленную социумом модель общения и следовать данным нормативам. Если идеалы

не совпадают с системой ориентиров личности, его интересов и представлений об общении, субъект будет ощущать себя отдаленным от общества. Психологи Т. Джонсон и У. Садлер в изучении явления одиночества подчеркивали его универсальность и всеобъемлемость. Одним из значимых признаков явления одиночества психологи отмечают погруженности личности в себя [\[18\]](#). В свою очередь К. Роджерс разработал личностно-ориентированную модель одиночества. Он отмечал, что разрыв между идеальным и реальным «Я» порождает одиночество. По его мнению, одиночество возникает не из-за раннего детского опыта, а из-за непосредственных ситуативных факторов [\[15\]](#).

Р. Вейс – сторонник **интеракционистского направления** описывает одиночество, как пребывание личности в состоянии социальной и эмоциональной изоляции. «Одиночество вызывается не тем, что человек в буквальном смысле оказывается в изоляции, а тем, что у него обнаруживается дефицит в необходимой человеческой связи или совокупности связей... Одиночество при всех обстоятельствах предстает как реакция на отсутствие некого особого типа связи или же, более точно, реакция на отсутствие собственных ожиданий в отношении будущих связей» [\[6\]](#).

Представители **социологического направления** Ф. Слейтер и Д. Рисмен, считали, что одиночество является общим, нормативным и статистическим показателем, характеризующим общество. Они видят причину одиночества не в человеке, а во влиянии на него различных внешних факторов (социум, средства массовой информации и т. д.). Д. Рисмен считает, что в основе появления чувства одиночества лежат: отчуждение человека, ограничение свободы и потеря им личностной автономии лежат. Следовательно сторонники социологического подхода полагали, что одиночество напрямую связано влиянием внешних факторов, способствующих недостатку социальных связей [\[21\]](#).

Касательно сторонников **когнитивного подхода**, в котором одиночество является конструктом сознания [\[22\]](#). Этот вид переживания характерен для определенного типа социальных отношений, в которых личность испытывает недостаток. Э. Пепло обращала внимание не только на личностные, но и ситуативные факторы и исследовала взаимосвязь между уровнем переживания одиноких людей и их понимания причин своего состояния. Центральное место в этом подходе занимает модель когнитивного диссонанса, определяющего как реакцию на несоответствие внутренних стандартов человека с его реальными социальными связями [\[2\]](#). Когнитивный подход подразумевает, что чувство одиночества возникает в том случае, когда индивид осознает несоответствие между факторами – достигнутым и желаемым уровнем личных социальных контактов. К поискам причин одиночества Пепло подходила достаточно обширно: она исследует как ситуативные его факторы, так и характерологические, способствующие возникновению. А. Бек также придерживался изучения феномена в контексте когнитивного подхода. Он полагал, что в процессе переживания одиночества у человека возникает ряд иррациональных мыслей [\[24\]](#). Подводя итог по обзору когнитивно-поведенческих подходов, очевидно, что они подчеркивают роль самопознания и самооценки индивида.

Представитель **интеракционистского подхода** Р. Вейс подчеркивает, что аккумулированное воздействие ситуативного и личностного аспектов является нормальной реакцией личности, которая испытывает дефицит в необходимых человеческих связях. Одиночество при всех обстоятельствах предстает как реакция на

отсутствие некоторого особого типа связи или же, более точно, реакция на отсутствие собственных ожиданий в отношении будущих связей» [\[16\]](#). Р. Вейс выделял два типа проявления одиночества: эмоциональное и социальное, вызванные различными причинами. Эмоциональное одиночество возникает в следствие отсутствия тесной, интимной связи с определенным человеком и проявляется рядом таким реакций, как тревога, внутренняя опустошенность и обеспокоенность. Социальное одиночество возникает из-за отсутствия общения со значимыми дружественными связями, желаемым кругом общения или ощущения причастности к обществу. Следовательно сторонники социологического подхода полагали, что одиночество напрямую связано влиянием внешних факторов, способствующих недостатку социальных связей.

Если вышеупомянутые подходы рассматривают явление одиночества с точки зрения его субъективного характера, **экзистенциальный подход** трактует способность личности к переживанию одиночества как обязательное условие для формирования и развития личности. В процессе своего становления индивид пытается продемонстрировать свою неповторимость и уникальность – свою «самость». Среди зарубежных психологов, исследующих явление одиночества, важно отметить К. Мустакаса и И. Ялома, последовательно разрабатывающих экзистенциальную методологию [\[22\]](#).

К. Мустакас в основу своего определения заложил два понятия как «суeta одиночества» и истинное одиночество. «Суeta одиночества» относится к понятию бегства человека от экзистенциальных вопросов, ответы на которые он пока не может найти. Это проявляется в формировании различных контактов и имитации плодотворного общения. Под истинным одиночеством ученый подразумевал то чувство, которое переживает индивид, сталкиваясь в моменты определенных ситуаций – экзистенциальных кризисов: рождение, смерть, падение устойчивых ценностей и норм и др. [\[5\]](#).

Б. Миускович, также считал, что чувство переживания одиночества свойственно человеку как его базовая характеристика. Он полагает, что страх человека в смерти связан с тем, что страшит его именно бесконечное одинокое существование. Удовлетворив свои биологические потребности, индивид стремится уменьшить переживание одиночества [\[16\]](#).

Изначально отечественная психология, изучала проблему одиночества в рамках проблемы межличностного общения и коммуникации. Впоследствии выяснилось, что явление одиночества обусловлено не только общением, но и качествами личности. Индивид может ощущать себя одиноким вне зависимости от окружения его другими людьми, более того, чувство одиночества непосредственно переживается и в процессе коммуникации. В советский период в отечественной психологической науке было сформулировано две основные позиции касательно феномена одиночества. Первая концепция предполагает, что одиночество является неестественным состоянием для человека, так как по своей природе человек – общественное существо. Согласно этому, одиночество является следствием внутренних противоречий человека и разочарований в жизни. Здесь одиночество является объективной изолированностью, а внутренним переживанием неполноты отношений с социумом, утрата надежд и ориентиров.

Другой принцип демонстрирует двойственное восприятие чувства одиночества. С одной стороны принцип подтверждает трагизм, характерный для чувства одиночества, с другой стороны возникают перспективы, возникающий для личного роста благодаря внутреннему диалогу и единению.

Изучая феномен одиночества с точки зрения психологических словарей, оно трактуется

как один из психогенных факторов, негативно влияющий на психическое здоровье человека [11]. Эмоциональная и физическая изоляции являются основными условиями одиночества. Однако существует ряд исследований, который рассматривает одиночество не как фактор, а как динамическое состояние. Сам феномен, личностно затрагивает глубинный внутренний мир человека, его самосознание.

Одиночество переживается, как в модальности нормы, так и патологии. В большинстве случаев оно сопровождается тревогой, скучой и опустошенностью, но на относительном слабом уровне может привести к депрессии, смешению реальных и иллюзорных событий, тревожному расстройству, галлюцинациям [24].

Отечественная психология рассматривала феномен как: социально-психологический (Н. А. Бердяев, И.О. Лосский, И. А. Ильин, Ж. В. Пузанова, Л. И. Старовойтова, К. А Абульханова-Славская, С. Г. Корчагина, Г. М. Тихонов); рассмотрение явлений, подобных с чувством одиночества (уединение, изоляция). Сторонниками данной теории являются А.У.Хараш, В. И. Лебедев, О. Н. Кузнецов; изучение культурно-исторических форм одиночества (О. В. Данчева Н. Е. Покровский, С.А. Ветров). А также такие психологи как Д. А. Леонтьев, А. С. Гагарин, Л. И. Старовойтова, Е. В. Зинченко, В. А. Андрусенко, В. П. Иванова, В. И. Слободчиков, Н. А. Бердяев, С. Г. Корчагина и др [22].

Сторонник социально-психологической теории Д. А. Леонтьев подробно описывает феномен в своей статье «Полюбить свое одиночество», он утверждал о том, что «одиночество – бич больших городов». Индивид, будучи в толпе людей ощущает нехватку общения и внимания, начиная искать способы компенсации этой нехватки [14]. Н.А.Бердяев и С. Г. Корчагина изучали одиночество с точки зрения поведенческого и чувственного аспектов [15].

Б. Г. Ананьев в своих работах выделял проблематику растворения субъектности и урбанизации в процессе межличностного взаимодействия из-за повсеместного внедрения и распространения массовых коммуникаций [7].

Н. Е. Покровский в своих исследованиях выделяет следующие аспекты, характеризующие особенности одиночества: одиночество – субъективный опыт, не тождественный социальной изоляции. Это значит, что человек может ощущать одиночество находясь в окружении людей; одиночество – результат дефицита общения и социальных связей [20].

По мнению Е. В. Зинченко одиночество - определенное психическое состояние, возникающее в следствии фruстрации потребности человека в общении с другими людьми [10].

Психологи Е. М. Борисова и К. М. Гуревичи выделили две точки зрения на феномен одиночества. Первая представляет собой «советское» понимание одиночества, как состояние «противоречащее сущности человека, как социального существа». В данном контексте одиночество выражает разлад личности со своим внутренним «я», воспринимающийся как «кризис ожиданий», комплекс неполноценности по отношению к миру, разочарование и потеря всякой надежды во всех возможных перспективах. Одиночество подчеркивает пустоту внутреннего «я» [9].

Феномен вызывает интерес исследователей не только с концептуальной точки зрения, но и наиболее приверженной переживанию этого чувства. А в своей работе Г. М. Тихонова

«Одиночество: стереотип и реальность» демонстрирует, что наиболее уязвимой группой людей являются молодые люди. Это происходит в связи с потерей собственной самоидентификации и традиционных ориентиров, которые приводят к ощущению давления со стороны окружающих, а также к высокой психологической ранимости [23].

Д. А. Леонтьев подробно описывает феномен в своей статье «Полюбить свое одиночество», он утверждал о том, что «одиночество – бич больших городов». Индивид, будучи в толпе людей ощущает нехватку общения и внимания, начиная искать способы компенсации этой нехватки [6]. Отечественные исследователи, как Н. А. Бердяев и С. Г. Корчагина изучали одиночество с точки зрения поведенческого и чувственного аспектов [15].

Анализ отечественных исследований показывает, что концепция одиночества в их работах в основном базируется на деятельно-личностном и экзистенциально-гуманистическом подходах. Построение научной теории одиночества является комплексным процессом, связанным в первую очередь с тем, что явление не имеет четкие категориальные признаки, во-вторых, одиночество является комплексным состоянием, включающим в себя огромное количество психических процессов.

Исследователи Е. Н. Осин и Д. А. Леонтьев, полагают, что чувство одиночества является неотъемлемой частью человеческой жизни и поддерживают. Психологи подчеркивают, что в настоящее время для более тщательного исследования данного феномена необходима разработка шкал, которые бы позволили изучать не только негативное одиночество, но и позитивное уединение. Данные авторы разработали опросник, предназначенный для изучения позитивного одиночества [17].

В.А.Андрусенко исследует феномен одиночества через призму эвристического подхода, который на его взгляд является важным этапом для «свободного самоопределения и самоутверждения в мире» [3], указывая при этом важность признания позитивных особенностей одиночества. В. И. Слободчиков связывает аспекты идентификации и отчуждения с состоянием одиночества, подчеркивая их как необходимость для формирования мировоззрения и внутреннего мира индивида. Исследователь Е.П. Крупник поддерживает данное мнение, отмечая, что развитие эмпатических способностей и более осознанное отношение индивида к своей жизни развивается благодаря динамическому равновесию психологических процессов идентификации и отчуждению [24].

Анализ психологических подходов позволил выявить общие и отличительные черты работ зарубежных и отечественных психологов. По проведенному выше исследованию следует сделать следующий вывод: зарубежные ученые, рассматривая проблему одиночества, говорили о том, что человек переживает одиночество испытывая чувства разобщенности с социумом и с общественностью. Это происходит из-за различных факторов, таких как утрата чувства принадлежности к семье, клану, из-за оторванности от исторических реалий, утраты чувства гармонии и потери связи с природой. Общей чертой у зарубежных и отечественных исследований является то, что все ученые подтверждают тот факт, что переживание одиночества характерно для людей, как имеющим контакты и связи со своим окружением, и социумом, так и тем, у кого эти контакты отсутствуют. Также зарубежный психолог К. Роджерс и отечественные Е. М. Борисова, и К. М. Гуревичи определяют одиночество с одинаковой позиции, полагая что чувство одиночества прежде всего возникает в связи с разладом с внутренним «Я». Также наблюдается общая черта в подходе Г.М.Тихоновой, где она относила

переживание одиночества к отдельным социальным группам как молодёжь, что и наблюдается в социологическом подходе зарубежных исследователей. Несмотря на субъективный характер зарубежных и отечественных исследований, еще одной общей чертой является тот факт, что не все исследования пронизаны безысходностью. Как было отмечено ранее Исследователи Е. Н. Осин и Д. А. Леонтьев, так же как представители экзистенциального подхода, полагают, что чувство одиночества является неотъемлемой частью человеческой жизни и изменяет форму субъективного переживания одиночеству в позитивную.

Необходимо отметить, что большинство отечественных работ не пронизаны полной безысходностью, что характерно для западных работ, исследующих явление одиночества. Отечественные психологи полагают, что возможно разрешение проблемы одиночества. В целом, по мнению большинства психологов проведено недостаточно эмпирических исследований и для всестороннего анализа данного явления необходима разработка шкал. Они позволят изучать, как негативные проявления чувства одиночества, так и позитивное проявление уединения.

Библиография

1. Абхиджит Б., Дюфло Э., Грела Э., МакКелвей М., Шилбах Ф., Шарма Г., Вайдьяннатан Г. (2023). «Депрессия и одиночество среди пожилых людей в странах с низким и средним уровнем дохода». Журнал экономических перспектив, 37 (2): 179–202.
2. Антонова, Н. В. Человек и общество в условиях «новой нормальности»: обзор социологических исследований пандемии / Н. В. Антонова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 64–72. DOI: 10.14529/ssh230108
3. Астафьев А.Е. Феномен одиночества в трудах зарубежных и отечественных ученых: сборник трудов конференции. / А.Е. Астафьев, С.В. Пазухина // Психологопедагогические исследования – Тульскому региону: материалы III Регион. науч.-практ. конф. магистрантов, аспирантов, стажеров (Тула, 18 мая 2023 г.) / редкол.: С.В. Пазухина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2023. – С. 262–265. – ISBN 978-5-907688-34-6.
4. Бабицкая Л. А. ОДИНОЧЕСТВО ПОДРОСТКОВ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА //Межведомственный подход к сопровождению личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации: теория и лучшие практики. – 2022. – С. 11–16.
5. Барсукова С. В., Барсуков С. М. Одиночество как социальный феномен современного общества //Современные прикладные исследования. – 2021. – С. 45–51.
6. Вейс Р. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 114–128.
7. Захарова Д. А. Теоретические подходы к пониманию феномена одиночества как социально-педагогической проблеме у детей-сирот //Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №. 1 (44). – С. 93–95.
8. Защитных Т. А. и. Psychological sciences //The 12th International scientific and practical conference "Scientific progress: innovations, achievements and prospects" (August 21-23, 2023) MDPC Publishing, Munich, Germany. 2023. 254 p. – 2023. – С. 99.
9. Зайцева О. В. Переживание одиночества подростками с разным образом взрослости. – 2017.
10. Зинченко Е. В., Рудя И. А. Субъективное ощущение одиночества у женщин //Северо-Кавказский психологический вестник. – 2015. – Т. 13. – №. 4. – С. 58–60.

11. Корнев С. А. Переживание одиночества личностью и его влияние на страх утраты субъектности //вестник. – 2023.– с. 105.
12. Лиджиева О. А., Бейшембиева А. Д., Лиджиев П.Г, Бембетова Б. С., Арджения Я.Т. Проблема одиночества в работах отечественных и зарубежных психологов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 3А. С. 247–256.
13. Ледовская О. Н. Проблема исследования особенностей переживания одиночества // Наука молодых-наука будущего. – 2023. – С. 309–312.
14. Леонтьев Д. А. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования / Д. А. Леонтьев, Н. В. Пилипко // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–110.
15. Михайлова Н. В. Одиночество как междисциплинарная проблема // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 420–428. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-420-428
16. Миускович, Б. Одиночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 52–87.
17. Осин, Е.Н. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства / Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – №1. – С. 55–81.
18. Павленко О. И. Особенности структуры одиночества // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – С. 322–325.
19. Парфенова О. Деспотичная мать. Как восстановиться от семейной травмы и начать новую жизнь. – Litres, 2022.
20. Покровский Н.Е. Лабиринты одиночества / Н.Е. Покровский; пер. с англ. сост., общ. ред. и предисл. – М.: Прогресс, 1989.
21. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. 1993. №3. С. 121-129; №5. С. 144–151.
22. Тлеужева М. Р., Шереметьева А. А. Феномен одиночества как психологическая проблема //современные проблемы педагогики и образования. – 2023.
23. Фаррахов А. Ф. Социальные факторы, вызывающие чувство одиночества у молодых людей //Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. ИЯ Яковлева. – 2013. – №. 3 (79). – С. 168–173.
24. Чуешкова А.Е. Сравнительный анализ зарубежных и российских психологических подходов к исследованию феномена одиночества // Ученые записки крымского инженерно-педагогического университета.2017. Серия: педагогика. психология. С. 168-173.
25. Шикина А. А., Айдарова Э. Н. Теоретические подходы к проблеме одиночества: от «патологии» к ресурсу //ББК 74+ 88 М 63. – 2019.
26. Шилкина И. Б. Исследование агрессивности и субъективного ощущения одиночества у студентов: магистерская диссертация. – 2018.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Сравнительный анализ отечественных и

зарубежных исследований феномена одиночества».

Предмет исследования. Работа нацелена на проведение сравнительного анализа работ зарубежных и отечественных исследователей, в котором были рассмотрены общие и отличительные черты в подходах к изучению феномена одиночества. В целом, автор провел теоретико-методологический анализ, однако рекомендуется расширить библиографический список.

Методология исследования определяется выделенной актуальностью. Исследование опирается на отечественные и зарубежные психологические подходы.

Актуальность исследования определяется важностью оказания помощи людям, которые испытывают чувство ощущения. В то же время, важным является нахождение механизмов работы, что потребовало необходимость проведения теоретико-методологического анализа.

Научная новизна исследования. Полученные результаты позволили автору сделать следующий вывод: зарубежные ученые, рассматривая проблему одиночества, говорили о том, что человек переживает одиночество, испытывая чувства разобщенности с социумом и с общественностью. Это происходит из-за различных факторов, таких как утрата чувства принадлежности к семье, клану, из-за оторванности от исторических реалий, утраты чувства гармонии и потери связи с природой. Общей чертой у зарубежных и отечественных исследований является то, что все ученые подтверждают тот факт, что переживание одиночества характерно для людей, как имеющим контакты и связи со своим окружением, и социумом, так и тем, у кого эти контакты отсутствуют.

Большинство отечественных работ не пронизаны полной безысходностью, что характерно для западных работ, исследующих явление одиночества. Отечественные психологи полагают, что возможно разрешение проблемы одиночества. В целом, по мнению большинства психологов проведено недостаточно эмпирических исследований и для всестороннего анализа данного явления необходима разработка шкал. Они позволяют изучать, как негативные проявления чувства одиночества, так и позитивное проявление уединения.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, однако автором не выделены основные смысловые части. В работе представлено описание основных подходов к изучению феномена одиночества.

Во введении статьи обозначено содержание феномена «одиночество», а также проблемы его изучения. Автором определена цель проводимой работы.

В основном разделе представлено описание таких популярных направлений изучения явления одиночества в западных исследованиях как: психоаналитическое и психодинамическое, феноменологическое, экзистенциальное, интеракционистское, социологическое, когнитивное.

Особое внимание уделено анализу основных подходов в отечественной психологической науке. Автором выделены концепции, которые рассматривают проблемы межличностного общения и коммуникации. В отечественных источниках рассматриваются: восприятие чувства одиночества; психогенные факторы, которые негативно влияют на психическое здоровье человека; эмоциональная и физическая изоляция и пр. Автором были выделены следующие отечественные подходы: социально-психологический; рассмотрение явлений, подобных с чувством одиночества (уединение, изоляция); изучение культурно-исторических форм одиночества.

Проведенный анализ психологических отечественных и зарубежных подходов позволил выявить общие и отличительные черты работ зарубежных и отечественных психологов. Заканчивается работа краткими выводами, в которых подведены основные итоги проведенного исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 26 отечественных источников, значительная часть которых издана за последние три года. В списке присутствуют, в основном, научно-исследовательские статьи и тезисы. Помимо этого, в библиографии имеются монографии. Источники оформлены, в основном, неоднородно и некорректно; включена магистерская диссертация.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- структурировать работу, выделив введение, основную часть и заключение;
- расширить библиографический список, включив в работу анализ большего количества отечественных и зарубежных исследований;
- обозначить научную новизну и практическую значимость проведенного теоретического исследования;
- представить собственное понимание феномена «одиночество», что будет также являться научной новизной исследования;
- оформить корректно, с учетом предъявляемых требований библиографический список.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые рассматривают психологические проблемы феномена одиночества. Статья может быть рекомендована к опубликованию с учетом выделенных рекомендаций.

Англоязычные метаданные

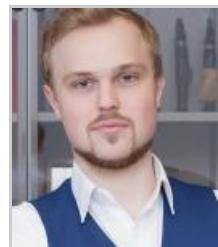
Features of the expression of value-semantic determination of leadership among students of different fields of training.

Shtyrev Mikhail Mikhailovich

Postgraduate student, Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ mshtyrev@mail.ru

Bashkin Evgenii Bronislavovich

PhD in Psychology

Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ bashkin-eb@rudn.ru

Abstract. This article analyzes the difference in the severity of value-semantic predictors that influence the manifestations of leadership among students. The study involved students in 5 areas of specialties: economists; political scientists; philologists; lawyers; journalists. The relevance of the study is due to a number of factors. The first is the lack of theoretical and methodological elaboration and conceptually categorical justification of the leadership problem, which makes it difficult to conduct scientific research in this area. The second is the need to educate leaders who will be important figures in modern society, in demand not only from business and production, but also from the state, which is ready to support them. The third is information pressure on young people from the outside, which provokes the emergence of new destructive tendencies. The analysis of variance is carried out. The results of testing according to 6 methods are presented by indicators of rank criteria. Students-journalists have marked the expression of value-semantic predictors. It is recommended for journalism students to actively develop and strengthen their leadership potential. It is important to be aware of your values and beliefs, as well as learn to build effective communication strategies. The revealed features of the value-semantic determination of leadership in each specialty provide a platform for creating individual and group programs of correction and development of leadership skills. These results can also be used as methodological tools in the planning and implementation of educational work with students.

Keywords: student journalists, areas of training, youth environment, professional skills, trainings, students, leadership qualities, value-semantic predictors, leadership, psychology

References (transliterated)

1. Avtaeva N. O. Osobennosti organizatsii proizvodstvennoi praktiki pri podgotovke bakalavrov v sfere massovoi kommunikatsii. / N. O. Avtaeva, V. A. Beinenson, K. A. Boldina // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2018. № 1(27). S. 7-16.
2. Aleksandrova E. S. Izuchenie gotovnosti k risku u studentov pedagogicheskikh spetsial'nostei. / E. S. Aleksandrova // Lichnostno-professional'noe i kar'ernoe razvitiye: aktual'nye issledovaniya i forsait-proekty: Sbornik statei XIV Mezhdunarodnoi nauchno-

- prakticheskoi konferentsii, Moskva, 18–21 iyulya 2018 goda / Pod redaktsiei L.M. Mitinoi. Moskva: Izdatel'stvo "Pero", 2018. S. 170-173.
3. Antilogova L. N. Intellekt i al'truisticheskaya napravленnost' lichnosti. / L. N. Antilogova, N. Yu. Razhina // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2017. №4(71). S. 29-34.
 4. Bondareva Ya.V., Molchan E.M. Dukhovno-nravstvennye tsennosti kak vektor razvitiya sotsial'nykh sistem. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2019. № 1. S. 43–51.
 5. Borisova I. V. Vzaimosvyaz' pokazatelei intellekta i strategii coping-povedeniya studentov. / I. V. Borisova, M. A. Nutrikova, T. N. Tsygankova // Kazanskii pedagogicheskii zhurnal. 2018. № 1(126). S. 161-166.
 6. Vladimirova T. N. Professional'noe razvitiye studentov-zhurnalistov: vliyaniya sotsial'no-psikhologicheskikh uslovii. // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2013. № 2. S. 142-147.
 7. Gribkova O. V. Vzaimosvyazi vyrazhennosti makiavellizma i sotsial'nogo interesa s razlichnymi vidami agressii studentov gumanitarnykh spetsial'nostei. / O. V. Gribkova // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Psikhologiya. 2013. № 1(13). S. 110.
 8. Diagnosticheskii instrumentarii otsenki liderskikh kachestv studentov universitetskogo kompleksa / Yu. V. Markelova, V. V. Baranov, V. K. Vorob'ev, E. A. Popova // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 1(224). – S. 80-86. – DOI 10.25198/1814-6457-223-80. – EDN HMSPLD.
 9. Kolesnikova E. I. Psikhologicheskie osobennosti politicheskoi kul'tury studentov / E. I. Kolesnikova // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Psikhologiya. 2008. № 1(3). S. 100-105.
 10. Konareva I. N. Koping studentov kak strategiya sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii k uchebnoi srede. / I. N. Konareva // Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. 2016. № 4(6). S. 95-99.
 11. Korobkina E. A. Sotsial'no-psikhologicheskie prediktory gotovnosti k riscu studentov raznykh napravlenii podgotovki. / E. A. Korobkina // Studencheskii. 2018. № 12-3(32). S. 34-37.
 12. Markelova, Yu. V. Liderskie kachestva studenta: problemy i perspektivy razvitiya / Yu. V. Markelova // Nauka segodnya: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya : materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vologda, 25 sentyabrya 2019 goda / Nauchnyi tsentr «Disput». – Vologda: OOO «Marker», 2019. – S. 78-80. – EDN DMJCGO.
 13. Mrochko L. V. SMI v sovremennom obshchestve: "chetvertaya vlast'" ili sluga vlasti? / L. V. Mrochko, A. I. Pirogov // Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2020. № 2(26). S. 165-174.
 14. Okara A. N. "Chetvertaya vlast'" mezhdu obshchestvom i gosudarstvom (Politicheskie zhurnalisty kak chast' politicheskogo klassa sovremennoi Rossii) (I). / A. N. Okara // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki). 2014. № 3(74). S. 57-74.
 15. Parts, O. S. Razvitie liderstva kak perspektivnoe napravlenie raboty so studentami / O. S. Parts, V. V. Lovchakova // Nauka i praktika v obrazovanii: elektronnyi nauchnyi zhurnal. – 2022. – T. 3, № 2. – S. 75-82. – DOI 10.54158/27132838_2022_3_2_75. – EDN LBVRCC.

16. Pastukhova D. A. Issledovanie i razvitiye liderskikh kachestv studentov v protsesse obucheniya. / D. A. Pastukhova, T. N. Mel'nikov, V. K. Vittenbek // Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020. № 67-3. S. 302-306.
17. Petrov S. V. Psichologicheskii podkhod k formirovaniyu komandy: osobennosti i problemy. / S. V. Petrov // Vestnik universiteta. 2019. № 4. S. 181-186.
18. Polkovnikova E. Yu. Sushchnostnye kharakteristiki professional'nykh riskov yuristov. / E. Yu. Polkovnikova, G. V. Zhrebyatnikova // Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2019. № 63-1. S. 250-253.
19. Safonov A. V. Spetsifika motivatsionnoi sostavlyayushchei protsessa obucheniya studentov-zhurnalistov. / A. V. Safonov // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2018. № 1(27). S. 41-47.
20. Solynin N. E. Osobennosti zashchitnogo i sovladayushchego povedeniya studentov s raznym urovnem prokrastinatsii. / N. E. Solynin, A. V. Lingurar' // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2017. № 3. S. 184-188.
21. Yashchenko E. F. Osobennosti smyslozhiznennykh orientatsii studentov s raznym urovnem samoaktivizatsii na zavershayushchem etape obucheniya v vuze. / E. F. Yashchenko, E. V. Yashchenko // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psichologiya. 2012. № 31(289). S. 25-34.

The relationship between the personality characteristics of the "Dominant" and "Subordinate" person in the parental family and the personality characteristics of the child

Sennitskaya Elena Vladimirovna

Mater's Degree student of the Department of General Psychology and History of Psychology at Novosibirsk State Pedagogical University

630090, Russia, Nso oblast', g. Novosibirsk, ul. Tereshkovo, 33, kv. 58

✉ activist07@mail.ru

Abstract. The object of the study is some patterns of character formation, the direction of aggression, as well as patterns of professional and marital choice of men and women, depending on the gender and personality characteristics of the "Dominant" and "Subordinate" person in the family of the subjects.

Typical conflicts for four types of couples are also investigated: 1) the wife has a "Dominant" – a woman, and the husband too; 2) the wife and husband have a "Dominant" – a man; 3) the wife has a "Dominant" – a woman, and the husband has a man; 4) the wife has a "Dominant" – a man, and the husband has a woman.

The novelty lies in the identification of the fact that two people have a key influence on the formation of personality orientation: The "dominant" is the one who ruled the family until about the age of 14, when the child was not yet able to resist adults, and the "Subordinate" is the one from the household who was most devoted to the "Dominant", admired him and called for the subordination of others. The child copies the traits of the "Dominant", which allow him to control the "Subordinate", and the criterion for the success of this tactic is the approval of the "Subordinate". If the sex of the "Subordinate" and the sex of the child coincide, this causes gender dysphoria and low self-esteem, especially if the position of the "Subordinate" in the family hierarchy is unenviable. A person is inclined to choose such a sphere of self-realization and such a spouse, with the help of which he will be able to rise above the "Dominant".

Keywords: conflicts, formation of character, focus of aggression, subordinate person, dominant person, family influence, personality traits, formation of personality, parental influence, personality theory

References (transliterated)

1. Havighurst R. Developmental Tasks and Education. N.Y.: D. McKay Company, 1972. 119 p.
2. Havighurst R. History of developmental psychology: Socialization and personality development through Life Span. In Baltes P.B.& Schaie (Eds.) Life-Span developmental Psychology: Personality and socialization. N.Y.: Academic press., 1973. P. 3–24.
3. Heymans P. Developmental tasks: A cultural Analysis of Human Development / Developmental tasks: Towards a cultural Analysis of Human Development. Dordrecht, Boston, London, 1994. P. 3–33.
4. Cantor N., Kihlstrom J.F. Social intelligence and cognitive assessments in personality. In R.S. Wyer & T.K. Srull (Eds.), Advances in social cognition. Hillsdale, N.Y.: Erlbaum, 1989. Vol.2. P. 1–60.
5. Zirckel S., Cantor N. Personal construal of life tasks: Those who struggle for independence // Journal of personality and social psychology, 1990, V. 58., P. 172–185.
6. Meeus W. Toward a psychological analysis of adolescent identity; An evaluation of epigenetic theory (Erikson) and identity status model (Marcia). In Meeus et al (Eds.) Adolescence, carriers, cultures. N.Y., 1992. P. 55–76.
7. Marcia J. Development and validation of ego-identity status // Journal of personality and social psychology. 1966. N.3. P. 551–558.
8. Marcia J. The status of statuses: Research review / In Marcia, Walterman et al, Ego identity; A handbook for psychological research. New York.: Springer-Verlag, 1993. P. 22–41.
9. Polivanova K.N. Psichologiya vozrastnykh krizisov. M.: Academia, 2000. 180 s.
10. Levinson D. A conception of adult development // American psychologist. 1986. № 41. P. 3–13.
11. Lewin K. The Dynamic Theory of Personality. New York; London: McGraw Hill, 1935. 236 p.
12. Moos R. Coping with life crises: an integrated approach. N.Y., 1986. 424 p.
13. Folkman, S., Lazarus, R.S., Gruen, R.J., & DeLongis, A. Appraisal, Coping, Health Status, and Psychological Symptoms. Journal of Personality and Social Psychology, 1986, 50(3), P. 571–579.
14. Erikson E.N. The life cycle completed. New York: Norton, 1982. 134 p.
15. Vaillant G. The climb to maturity: how the best and brightest came of age // Psychology Today. 1977, September. P. 34–39.
16. Shikhi G. Vozrastnye krizisy. Stupeni lichnostnogo rosta. SPb., 2005. 436 c.
17. Vitkin Dzh. Muzhchina i stress. SPb.: Piter-press, 1996. 207 s.
18. Fridan B. Zagadka zhenstvennosti. SPb., 1992. 494 c.
19. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. M., 1996. 340 c.
20. Erikson E. Detstvo i obshchestvo. SPb., 1996. 589 c.
21. Levinson D. The seasons of women's life: Implications for women and men. Am. Psych. Ass., Boston, 1990. 438 c.

22. Kon I.S. Druzhba. Etiko-psikhologicheskii ocherk. M., 1980. 255 c.
23. Kon I.S. V poiskakh sebya. M., 1984. 367 c.
24. Abramova G.S. Vozrastnaya psikhologiya. Ekaterinburg, 1999. 621 c.
25. Rean A.A., Kolominskii Ya.L. Sotsial'naya pedagogicheskaya psikhologiya. SPb.: Piter Kom, 1999. 416 s.
26. Psikhologiya zrelosti / Pod red. D.Ya. Raigorodskogo. Samara, 2003. 767 c.
27. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti. Voronezh: NPO «MODEK», 2001. 349 s.
28. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. M., 1968. 464 c.
29. Malkina-Pykh I.G. Krizisy podrostkovogo vozrasta. M., 2004. 382 c.
30. Bernc R. Razvitie Ya-kontseptsii i vospitanie. M., 1986. 422 c.
31. Rodzher K. Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka. M., 1994. 479 c.
32. Freid A. Psikhologiya Ya i zashchitnye mekhanizmy. M., 1993. 140 c.
33. Maslou A. Dal'nie predely chelovecheskoi psikhiki. M., 1997. 444 c.
34. Maslou A. Psikhologiya bytiya. M., 1997. 274 c.
35. Perlz F. Geshtal't-seminary. Geshtal't-terapiya doslovno. M., 1998. 352 c.
36. Perlz F. Opyty psikhologii samopoznaniya. M., 1993. 272 c.
37. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni. M., 1991. 299 c.
38. Antsyferova L.I. Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsii i psikhologicheskaya zashchita // Psikhologicheskii zhurnal. M., 1994. T. 15. №1. S. 3-19.
39. Golovakha E.I., Kronik A.A. Psikhologicheskoe vremya lichnosti. Kiev, 1984. 207 c.
40. Burlachuk L.F., Korzhova E.Yu. Psikhologiya zhiznennykh situatsii. M., 1998. 262 c.
41. Vasiliuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya. M.: Izd-vo MGU, 1984. 200 c.
42. Vasiliuk F.E. Psikhotehnika vybora // Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoi psikhologii. M.: Smysl, 1999. 284-314.
43. Adler A. Nauka zhit'. Kiev, 1997. 240 s.
44. Yung K.G. Arkhetip i simvol. M., 1991. 297 s.
45. Yung K.G. Dusha i mif: shest' arkhetipov. Kiev, 1996. 382 s.
46. Yung K.G. Problemy dushi nashego vremeni. M., 1994. 329 s.
47. Bern E. Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry. M., 1988. 399 s.
48. Korzhova E.Yu. Psikhologicheskoe poznanie sud'by cheloveka. SPb., 2002. 334 s.
49. Kronik A.A. Zhizn' kak tvorchestvo (sotsial'no-psikhologicheskii analiz). Kiev, 1985. 302 s.
50. Kronik A.A. Skol'ko vam let? Linii zhizni glazami psikhologa. M., 1993. 109 s.
51. Kon I.S. Psikhologiya rannei yunosti. M., 1989. 254 s.
52. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Psikhologiya razvitiya cheloveka. M., 2000. 395 s.
53. Ermolaeva M.V. Osnovy vozrastnoi psikhologii i akmeologii. M., 2003. 414 s.
54. Lyubomirskii K.D. Psikhologicheskie osnovaniya formirovaniya obraza znachimogo vzroslogo u podrostkov i yunoshei. Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.07. M., 2006. 146 s.
55. Pryazhnikov N.S. Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie. M. 1996. 318 s.
56. Mitina L.M. Lichnostnoe i professional'noe razvitiye cheloveka v novykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh // Voprosy psikhologii. 1997. №4. S. 28-38.
57. Slobodchikov V.I. Kategoriya vozrasta v psikhologii i pedagogike razvitiya // Voprosy

- psikhologii. M., 1991. №2. S. 37–49.
58. Isaev E.I., Slobodchikov V.I. Vozrastnaya psikhologiya // Voprosy psikhologii. M., 1998. №5. S. 107–114.
59. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' pod red. Meshcheryakova B.G., Zinchenko V.P. M.: Praim-Evroznak, 2003. 672 s.
60. Lisina M.I. O mekhanizmakh smeny vedushchei deyatel'nosti u detei // Voprosy psikhologii. M., 1978. №5. S.73–77.
61. Zaporozhets A.V. Rol' orientirovochnoi deyatel'nosti i obraza v formirovani i osushchestvlenii proizvol'nykh dvizhenii // Izbr. psikhol. trudy. M.: Pedagogika, 1986. T.2. 296 s.
62. El'konin B. D. Vvedenie v psikhologiyu razvitiya. M., 1994. 167 s.
63. Mukhina B.C. Vozrastnaya psikhologiya. M.: Akademiya, 2004. 456 s.
64. Kraig G. Psikhologiya razvitiya. SPb., 2000. 939 s.
65. Petrovskii V.A. Lichnost' v psikhologii: paradigma sub"ektnosti. Rostov-na-Donu, 1996. 509 s.
66. Shibutani T. Sotsial'naya psikhologiya. Rostov-na-Donu, 1999. 538 s.
67. Nartova-Bochaver S.K. «Coping behavior» v sisteme ponyatii psikhologii lichnosti // Psikhologicheskii zhurnal, 1997. T.18, №5. S. 20–30.
68. Nikol'skaya I.M., Granovskaya P.M. Psikhologicheskaya zashchita u detei. SPb., 2000. 340 s.
69. Remshmidt X. Podrostkovyi i yunosheskii vozrast. M., 1994. 319 s.
70. Bershedova L.I. Psikhologicheskaya gotovnost' k perekhodu na novyi etap vozrastnogo razvitiya kak lichnostnoe novoobrazovanie kriticheskikh periodov. Dis. ... dok. psikhol. nauk: 19.00.13. M., 1999. 314 s.
71. Vygotskii L.S. Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste. M.: Prosveshchenie, 1991. 90 s.
72. Vygotskii L.S. Psikhologiya. M.: Izd-vo EKSMO-Press, 2000. 1007 s.
73. Prikhodan A.M. Trevozhnost' u detei i podrostkov: psikhologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika. M.: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEK», 2000. 304 s.
74. Tolstykh N.N. Otnoshenie k budushchemu // Formirovanie lichnosti v perekhodnyi period ot podrostkovogo k yunosheskому vozrastu. M., 1987. S. 45–65.
75. Gal'perin P.Ya. Lektsii po psikhologii. M., 2002. 399 s.
76. Gal'perin P.Ya., Kabil'nitskaya S.L. Eksperimental'noe formirovanie vnimaniya. M.: Izd-vo MGU, 1974. 99 s.
77. Karabanova O.A. Sotsial'naya situatsiya razvitiya rebenka: struktura, dinamika, printsypr korrektsii. Dis. ... dok. psikhol. nauk: 19.00.13. M., 2003. 379 s.
78. Karabanova O.A. Orientiruyushchii obraz v strukture sotsial'noi situatsii razvitiya rebenka: ot L.S. Vygotskogo k P.Ya. Gal'perinu // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. 2012. № 4. S.73–82.
79. Krasilo D.A. Orientiruyushchii obraz nastavnika v protsesse real'nogo samoopredeleniya: Period vkhozhdeniya vo vzroslost'. Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.13. M., 2005. 216 s.
80. Semenikhina M.V. Vzaimosvyaz' osobennosteи refleksii i obrazov roditelei u muzhchin i zhenshchin. Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. M., 2008. 191 s.
81. Freid Z. Ocherki po psikhologii seksual'nosti. M.: OOO «Popurri», 1997. 480 s.

82. Freid Z. Vvedenie v psikhoanaliz. Lektsii. M., 1989. 455 s.
83. Khorni K. Nashi vnutrennie konflikty. M.: Aprel'-Press, izd-vo EKSMO-Press, 2000. 560 s.
84. Kletsina I.S. Samorealizatsiya lichnosti i gendernye stereotipy // Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti. Vyp. 2. SPb., 1998. S. 188-202.
85. Geodakyan V.A. Muzhchina i zhenshchina. Evolyutsionno-biologicheskoe prednazzachenie / Mezhd. Konf.: Zhenshchina i svoboda. Puti vybora v mire traditsii i peremen. Moskva, 1-4 iyunya 1994. C. 8-17.
86. Veininger O. Pol i kharakter. Rostov-na-Donu, 1998. 480 c.
87. Solov'ev B.C. Smysl lyubvi. M.: AST, 2021. 512 s.
88. Shestakov V.P. Russkii eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii. M.: Progress, 1991. 448 s.
89. Berdyaev H.A. Samopoznanie. M., 1991. 445 c.
90. Maccoby, E.E., Jacklin, C.N. The psychology of sex differences. Stanford, CA: Stanford University Press, 1974. 634 c.
91. Heibrun A. Human sex-role behavior. N.Y.: Pergamon Press, Emory University, 1981. 238 p.
92. Vygotskii L.S. Pedologiya podrostka // Sobl. soch. v 6 t. M., 1984. T.4. S. 6-242.
93. El'konin D.B. Detskaya psikhologiya. M.: Academia, 2004. 383 s.
94. Molchanov S.V. Razvitie moral'no-tsennostnoi orientatsii lichnosti kak funktseii sotsial'noi situatsii razvitiya v podrostkovom i yunosheskom vozraste. Dis. ... kand. psikh. nauk: 19.00.13. M., 2005. 234 s.
95. Nepomnyashchaya V.A. Osobennosti stanovleniya lichnosti v molodosti na etape izmeneniya sotsial'noi situatsii razvitiya. Dis. ... kand. psikh. nauk: 19.00.13. Tomsk, 2005. 163 s.
96. Nikolaeva I.A. Sub"ektivnyi obraz sotsial'nogo mira kak reprezentatsiya sotsial'noi situatsii razvitiya lichnosti (na primere podrostkovogo vozrasta). Dis. ... kand. psikh. nauk: 19.00.05. Kazan': 2004, 172 s.
97. Psikhicheskoe razvitie vospitannikov detskogo doma. Pod red. Dubrovinoi I.V. M.: Pedagogika, 1990. 264 c.
98. Karabanova O.A. «Sotsial'naya situatsiya razvitiya» kak al'ternativa ponyatiyu «sotsial'naya sreda» v ponimanii dvizhushchikh sil psikhicheskogo razvitiya rebenka // Psikholog v detskom sadu. M., 2004. №4. S. 3-39.
99. Kravtsova E.E. Sem'ya i razvitie lichnosti rebenka // Psikholog v detskom sadu. M.: 2004. №2. S. 3-14.
100. Kravtsov G.G. Metodologiya kul'turno-istoricheskogo podkhoda i problema lichnosti // Perspektivy razvitiya kul'turno-istoricheskoi teorii: Materialy VII Mezhdunarodnykh chtenii pamяти L.S. Vygotskogo / Pod red. V.T. Kudryavtseva. M.: Fond L.S. Vygotskogo, 2006. 372 s.
101. Obukhova L.F. Dve paradigmy v issledovanii detskogo razvitiya // Voprosy psikhologii. M.: 1996, №5. S. 30-37.
102. Obukhova L.F. Detskaya psikhologiya: teori, fakty, problemy. M.: Trivola, 1998. 352 s.
103. Kratokhvil S. Psikhoterapiya semeino-seksual'nykh disgarmonii. M.: Meditsina, 1991. 335 s.
104. Arutyunyants E. Pedagogicheskii potentsial sem'i i problema sotsial'nogo infantilizma molodezhi // Otets v sovremennoi sem'e. Vil'nyus, 1988. S. 26-33.
105. Spivakovskaya A.C. Profilaktika detskikh nevrozov. Kompleksnaya psikhologicheskaya

- korrektsiya. Moskva, 1988. 198 s.
106. Eidemiller E.G., Yustitskis V.V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i. SPb, 1999. 651 s.
107. Lichko E.A. Podrostkovaya psikhoterapiya. Leningrad: Meditsina, 1979. 335 s.
108. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya. M.: Nauka, 1994. 325 s.
109. Vygotskii L.S. Psikhologiya. M.: Izd-vo EKSMO-Press, 2000. 1007 s.
110. Vasil'chenko N.A. Osobennosti agressivnosti i obraza roditelei u podrostkov. Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. Krasnodar, 2005. 162 s.
111. Davletova A.D. Orientirovka lichnosti v psikhologicheskem prostranstve roditel'skoi sem'i (na materiale issledovaniya kazakhskoi sem'i). Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. M., 2003. 200 s.
112. Kalina O.G., Kholmogorova A.B. Znachenie ottsa dlya razvitiya rebenka (na materiale zarubezhnykh issledovanii) // Semeinaya psikhologiya i semeinaya terapiya. M., 2006. № 1. S. 87–99.
113. Korobanova Zh.V. Vliyanie polorolevykh predstavlenii roditelei na formirovanie lichnostnykh osobennostei odarennyykh devochek. Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.07. M., 2002. 182 s.
114. Trifonova E.V. Vliyanie semeinykh otnoshenii na formirovanie sub"ektivnykh pozitsii u detei. Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.13. M., 2001.
115. Shatrov D.V. Lichnost' roditelei i nравственная сфера детей. Dis. ... kand. psikhol. nauk. – SPb.: 2006, 209 s. 156 s.
116. Kon I.S. Psikhologiya yunosheskogo vozrasta: Problemy formirovaniya lichnosti. M.: Prosveshchenie, 1979. 175 s.
117. Liders A.G. Psikhologicheskoe obsledovanie sem'i. M., 2006. 432 s.
118. Minukhin S., Fishman Ch. Tekhniki semeinoi terapii. M., 1998. 304 s.
119. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya. M., 2006. 320 s.
120. Adler A. Vospitanie detei. Vzaimodeistvie polov. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 412 s.
121. Vinnikot D.V. Razgovor s roditelyami. M., 1995. 92 s.
122. Sokolova E.T. Vliyanie na samootsenku narushenii emotsional'nykh kontaktov mezhdu roditel'em i rebenkom i formirovanie anomalii lichnosti // Sem'ya i formirovanie lichnosti. Sb. nauch. st. pod. red. Bodaleva A.A. M., 1981. S. 15–21.
123. Boulby J. A secure-base: Parent-child attachment and healthy human development. N.Y.: Basic Books, 1988. 196 s.
124. Parke R.D. Perceptions of father-infant interaction / J. Osofsky (Ed), Handbook of Infant development. New York, 1979. 954 c.
125. Andreeva T.V. Semeinaya psikhologiya. SPb.: Rech', 2004. 244 s.
126. Kon I.S. Rebenok i obshchestvo. M.: Academia, 2003. 334 s.
127. Kagan V.E. Stereotypy muzhestvennosti – zhenstvennosti i obraz «Ya» u podrostkov // Voprosy psikhologii. M., 1989. № 3. S. 53–62.
128. Andreeva T.V., Muromtseva S.O. Vospitatel'naya rol' ottsa i stanovlenie lichnosti docheri // Vestnik SPbGU. Ser. 12. 2011. Vypusk 1. C. 188–194.
129. Fromm E. Iskusstvo lyubvi. Issledovanie prirody lyubvi. M., 1990. 157 c.
130. Siegal M. Are sons and daughters treated more differently by fathers than by mothers? // Developmental Review. 1987. № 7. P. 183–209.
131. Druzhinin V.N. Psikhologiya sem'i. SPb: Piter, 2006. 176 c.
132. Zakharov A.I. Nevrozy u detei i psikhoterapiya. SPb.: Lenizdat, 2000. 323 c.

133. Tsiring D.A., Savel'eva S.A. Vliyanie detsko-roditel'skikh otnoshenii na formirovaniye bespomoshchnosti u detei (sistemyi podkhod) // Materialy tret'ei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i» Chast' 2(2). Pod obshchei red. Lidersa A.G. M., 2007. S. 398–403.
134. Zakharov A.I. Psikhologicheskie osobennosti vospriyatiya det'mi roli roditelei // Voprosy psikhologii. M., 1982. №1. S. 59–68.
135. Mudrik A.B. Sotsializatsiya i vospitanie. M., 1997. 95 c.
136. Praktikum po vozrastnoi i pedagogicheskoi psikhologii / Avt. sost. E.E. Danilova; pod red. I.V. Dubrovinoi. M.: Akademiya, 2002. 160 c.
137. Freid 3. Khudozhnik i fantazirovanie. Per. s nem. Pod red. R.F. Dodel'tseva, K.M. Dolgova. M.: Respublika, 1995. 398 s.
138. Freid 3. Leonardo da Vinci. Vospominaniya detstva. Rostov-na-Donu: Izd. Rostovskogo Universiteta, 1990. 48 s.
139. Khorni K. Samoanaliz. Psikhologiya zhenschchiny. SPb.: Piter, 2002. 480 s.
140. Freid Z., Adler A. Kharakter i sud'ba. Mozhno li razorvat' tsep'? M.: Rodina, 2021. 238 s.
141. Fedotova N.F. Glava sem'i: motivy priznaniya // Voprosy psikhologii. M., 1983. №5. S. 87–94.
142. Khendriks Kh. Lyubov' na vsyu zhizn'. Per. s angl. V. Gorokhova. 2-e izd. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2021. 320 s.
143. Mukhina B.C. Fenomenologiya razvitiya i bytiya lichnosti. Voronezh, 1999. 608 c.
144. Khellinger B. Schast'e, kotoroe ostaetsya: kuda nas vedut semeinyye rasstanovki. Per. s nem. Diany Komlach. M.: In-t konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenii, 2014. 149 s.
145. Veber G. Praktika semeinoy rasstanovki: sistemnye resheniya po Bertu Khellingeru. Per. s nem. Iriny Belyakovo. M.: In-t konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenii, 2011. 401 s.
146. Anselin-Shuttsenberger A. Sindrom predkov: transgeneratsionnye svyazi, semeinyye tainy, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosotsiogrammy. Per. s fr. I.K. Masalkova. Moskva: Psikhoterapiya, 2011. 252 s.
147. Varga A.Ya. Tipy roditel'skogo otnosheniya. Samara, 1997. 206 c.
148. Stolin V.V. Samosoznanie lichnosti. M., 1983. 285 c.
149. Baumrind, D. Current patterns of parental authority. *Developmental Psychology*, 4 (1, Pt.2), 1971. P. 1–103.
150. Varga A.Ya. Rol' roditel'skogo otnosheniya v stabilizatsii detskoi nevroticheskoi reaktsii // Vestnik MGU, Seriya Psikhologiya, M., 1985. №4. S. 32–37.
151. Varga A.Ya. Identifikatsiya s roditelyami i formirovaniye psikhologii pola // Sem'ya i formirovaniye lichnosti: Sb. nauch. tr. / Pod red. A.A. Bodaleva. M.: NIIOP APN SSSR, 1981. S. 35–36.
152. Spivakovskaya A.S. Kak byt' roditelyami. M.: Pedagogika, 1986. 160 s.
153. Spireva E.N., Liders A.G. Stil' semeinogo vospitaniya i lichnostnye osobennosti roditelya // Semeinaya psikhologiya i semeinaya terapiya. M., 2001. №4. S. 71–84.
154. Maccoby E.E. Social development. Psychological growth and parent-child relationship. N.Y., 1980. 436 c.
155. Ben'yamin L. Krizis sem'i. M., 1998.
156. Bodalev A.A. O psikhologicheskikh osnovakh vospitaniya lichnosti // Voprosy psikhologii. M., 1986. №1. S. 19–27.

157. Petrovskaya L.A., Spivakovskaya A.C. Vospitanie kak obshchenie-dialog // Voprosy psikhologii. M., 1983. №2. S. 85–89.
158. Rybochkina O.S. Vzaimosvyaz' khudozhestvennykh tvorcheskikh sposobnostei yunoshei i devushek i ikh predstavlenii o psikhologicheskikh kharakteristikakh ikh roditelei. Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.07. M., 2008. 196 s.
159. Novikova E.V. O nekotorykh kharakteristikakh obshcheniya mezhdu suprugami // Sem'ya i formirovanie lichnosti. Sb. nauch. tr. APN SSSR / Pod red. A.A. Bodaleva. M., 1981. S. 45–51.
160. Titarenko V.Ya. Sem'ya i formirovanie lichnosti. M.: Mysl', 1987. 351 s.
161. Shapatina O.V. Soglasovanie roditel'skikh pozitsii kak uslovie razvitiya lichnosti rebenka v sem'e. Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.07. M., 2001. 184 s.
162. Sondi L. Sud'boanaliz: vybor v lyubvi, druzhbe, professii, zabolovanii i smerti. Per. s nemetskogo A.V. Tikhomirova, V.V. Dzhosa. Ekaterinburg; Moskva, 2017. 382 s.
163. Maslou A. Motivatsiya i lichnost'. SPb., 1999. 479 s.
164. Rogers C. On Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy. Boston, 1961. 420 s.
165. Vasserman L.I., Gor'kovaya I.A., Romitsyna E.E. Psikhologicheskaya metodika «Podrostki o roditelyakh» i ee prakticheskoe primenenie, SPb, 2001. 56 s.
166. Abramenkova V.V. Metodologiya i printsipy analiza otnoshenii rebenka v sotsial'noi psikhologii detstva // Zhurnal «Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie», 2001. №4. S. 48–60.
167. Markovskaya I.M. Oprosnik dlya izucheniya vzaimodeistviya roditelei s det'mi // Semeinaya psikhologiya i semeinaya psikhoterapiya. M.: 1999. №2. S. 94–108.
168. Fomicheva L.F. Obraz roditelei i predstavlennost' otnoshenii s nimi u podrostkov // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. №3. 2005. S. 26–39.
169. Khomentauskas G.T. Sem'ya glazami rebenka. M., 1985. 154 s.
170. Smirnova E.O., Bykova M.V. Opyt postroeniya metoda diagnostiki roditel'skogo otnosheniya k rebenku // Semeinyye psikhoterapevty i semeinyye psikhologi: Kto my? SPb., 2001. S. 3–14.
171. Troshina E.Yu. Obrazy roditelei kak faktor determinatsii i razvitiya supruzheskikh otnoshenii muzhchin i zhenshchin. Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.05. Kursk, 2010. 175 s.
172. Obozov N.N. Mezhlichnostnye otnosheniya. SPb.: Izd-vo LGU im. A.A. Zhdanova, 1979. 150 s.
173. Obozov N.N., Abakumova O.N., Trapeznikova T.M. Vliyanie lichnostnykh kharakteristik roditelei i vzaimootnoshenii mezhdu nimi na formirovanie lichnosti rebenka // Psichologiya vzroslykh kollektivov. M., 1978. S. 128–199.
174. Tashcheva A.I., Kucherova A.C. Svyaz' samootnosheniya podrostkov i ikh vospriyatiya roditelei // Metodologicheskie problemy sovremennoi psikhologii: illyuzii i real'nost'. Materialy Sibirskogo psikhologicheskogo foruma. 16–18 sentyabrya 2004. Tomsk, 2004. S. 262–266.
175. Petukhov V.V. Obraz mira i psikhologicheskoe izuchenie myshleniya // Vestnik Mosk. Universiteta. Seriya 14. Psichologiya. 1984. №4. S. 13–21.
176. Berko D.V. Vliyanie stilei roditel'skogo vospitaniya na lichnostnye osobennosti devushek. Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.07. Stavropol', 2000. 152 s.
177. Shabel'nikov V.K. Funktsional'naya psikhologiya. M., 2004. 590 s.
178. Litvinova A.B. Zavisimost' formirovaniya lichnostnykh kharakteristik ot

- rassoglasovaniya obrazov roditelei // Mezhdunarodnaya psikhologicheskaya konferentsiya «Kul'turno-istoricheskii podkhod i problemy tvorchestva» 17–19 noyabrya 2002. M.: RGGU, 2002. 426 s.
179. Litvinova A.V., Sinyagina I.A. Vliyanie obrazov roditelei na formirovanie sub"ektnykh pozitsii u starshikh doshkol'nikov // Psicholog v detskom sadu. M.: 2004. № 1. S. 103–108.
180. Litvinova A.V. Vzaimosvyaz' kharakteristik semeinogo okruzheniya i tselepolaganiya studentov // Psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i: sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pod redaktsiei O.A. Karabanovoi, N.N. Vasyaginoi / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2018. S. 728–735.
181. Limaeva Yu.Yu. Osobennosti obrazov roditelei i tipy privyazannosti v mezhlichnostnykh otnosheniakh u muzhchin i zhenshchin // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psichologiya. 2012. № 3(10). S. 139–142.
182. Limaeva Yu.Yu. Osobennosti obrazov roditelei u predstavitelei subkul'tur // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2013. № 1. S. 43–50.
183. Limaeva Yu.Yu. Osobennosti obrazov roditelei u muzhchin i zhenshchin s razlichnym urovnem emotsional'nogo intellekta // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Belgorod, 2013. № 6. S. 248–252.
184. Ponomarev Ya.A. Psichologiya tvorchestva. M.: Nauka, 1976. 302 s.
185. Psichologiya tvorchestva: obshchaya, differentsiyal'naya i prikladnaya // pod red. Ponomarev Ya.A., Semenov I.N., Stepanov S.Yu. i dr. M.: Nauka, 1990. 250 s.
186. Osnovnye sovremennye kontseptsii tvorchestva i odarennosti // pod red. D.B. Bogoyavlenskoi. M.: Molodaya gvardiya, 1997. 416 s.

Mobile Apps for mental health: Literature review

Gaidai Anton Sergeevich

Senior Lecturer, Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University under the Ministry of Health of the Russian Federation

690017, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ostryakova Avenue, 2, office 12-008

✉ Netparoley@gmail.com

Kadyrov Ruslan Vasitovich

PhD in Psychology

Head of the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University under the Ministry of Health of the Russian Federation

690002, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ostryakova Ave., 2

✉ rusl-kad@yandex.ru

Kapustina Tat'yana Viktorovna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University under the Ministry of Health of the Russian Federation

690002, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ostryakova Ave., 2

Abstract. This article provides an overview of the literature on mobile applications for mental health. The object of the study is mobile applications designed to help with various mental disorders. The authors discuss in detail the aspects related to the effectiveness and accessibility of such applications, as well as the advantages and disadvantages of using mobile applications in the context of benefits for the end user. This article offers a generalized review of the literature on this topic and can serve as a basis for further research in the field of mobile applications for mental health. An attempt has also been made to identify promising areas for this area. The authors conclude that mobile applications for mental health have a number of advantages, among which are their accessibility, confidentiality and a positive impact on the health of users, as well as disadvantages, which are largely associated with the recent emergence of the field and the lack of control by mental health professionals. The scientific novelty of the article lies in the systematization and analysis of existing data on mobile applications for mental health. The conclusions of the article can be useful for specialists in the field of psychology and developers of mobile applications for mental health.

Keywords: Psychological well-being, Digital healthcare, Mobile services, Health technologies, Availability of psychological help, Mental health support, eHealth, Literature review, Mobile applications, Mental health

References (transliterated)

1. Alqahtani, F.; Orji, R. Insights from User Reviews to Improve Mental Health Apps. *Health Inform. J.* 2020, 26, 2042–2066.
2. Anderson, J.K.; Howarth, E.; Vainre, M.; Jones, P.B.; Humphrey, A. A Scoping Literature Review of Service-Level Barriers for Access and Engagement with Mental Health Services for Children and Young People. *Child. Youth Serv. Rev.* 2017, 77, 164–176.
3. Bakker, D.; Kazantzis, N.; Rickwood, D.; Rickard, N. Mental Health Smartphone Apps: Review and Evidence-Based Recommendations for Future Developments. *JMIR Ment. Health* 2016, 3, e4984.
4. Balcombe L, De Leo D. Human-Computer Interaction in Digital Mental Health. *Informatics*. 2022; 9(1):14. <https://doi.org/10.3390/informatics9010014>
5. Balcombe, L.; Leo, D.D. Psychological Screening and Tracking of Athletes and Digital Mental Health Solutions in a Hybrid Model of Care: Mini Review. *JMIR Form. Res.* 2020, 4, e22755.
6. Baumann, H., Heuel, L., Bischoff, L.L. et al. mHealth interventions to reduce stress in healthcare workers (fitcor): study protocol for a randomized controlled trial. *Trials* 24, 163 (2023). <https://doi.org/10.1186/s13063-023-07182-7>
7. Binhadyan, B.; Davey, B.; Wickramasinghe, N. How e-mental health services benefit university students with ADHD: A literature review. *arXiv* 2016, arXiv:1606.00876.
8. Bolinski, F.; Boumparis, N.; Kleiboer, A.; Cuijpers, P.; Ebert, D.D.; Riper, H. The Effect of E-Mental Health Interventions on Academic Performance in University and College Students: A Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials. *Internet Interv.* 2020, 20, 100321.
9. Borghouts, J.; Eikey, E.; Mark, G.; De Leon, C.; Schueller, S.M.; Schneider, M.; Stadnick, N.; Zheng, K.; Mukamel, D.; Sorkin, D.H. Barriers to and Facilitators of User

- Engagement with Digital Mental Health Interventions: Systematic Review. *J. Med. Internet Res.* 2021, 23, e24387.
10. Burger, F.; Neerincx, M.A.; Brinkman,W.-P. Technological State of the Art of Electronic Mental Health Interventions for Major Depressive Disorder: Systematic Literature Review. *J. Med. Internet Res.* 2020, 22, e12599.
 11. Burns MN, Begale M, Duffecy J, Gergle D, Karr CJ, Giangrande E, Mohr DC Harnessing Context Sensing to Develop a Mobile Intervention for Depression. *JOURNAL OF MEDICAL INTERNET RESEARCH* 2011;13(3):e55 doi: 10.2196/jmir.1838.
 12. Carter, H.; Araya, R.; Anjur, K.; Deng, D.; Naslund, J.A. The Emergence of Digital Mental Health in Low-Income and Middle-Income Countries: A Review of Recent Advances and Implications for the Treatment and Prevention of Mental Disorders. *J. Psychiatr. Res.* 2021, 133, 223–246.
 13. Chan, A.H.Y.; Honey, M.L.L. User Perceptions of Mobile Digital Apps for Mental Health: Acceptability and Usability—An Integrative Review. *J. Psychiatr. Ment. Health Nurs.* 2022, 29, 147–168.
 14. Denecke K, Schmid N, Nüssli S. Implementation of Cognitive Behavioral Therapy in e-Mental Health Apps: Literature Review. *J Med Internet Res.* 2022 Mar 10;24(3):e27791. doi: 10.2196/27791. PMID: 35266875; PMCID: PMC8949700.)
 15. Drissi, N.; Ouhbi, S.; Marques, G.; Díez, I.D.L.T.; Ghogho, M.; Janati Idrissi, M.A. A Systematic Literature Review on E-Mental Health Solutions to Assist Health CareWorkers During COVID-19. *Telemed. E-Health* 2021, 27, 594–602.
 16. Eisenstadt, M.; Liverpool, S.; Infant, E.; Ciuvat, R.M.; Carlsson, C. Mobile Apps That Promote Emotion Regulation, Positive Mental Health, and Well-Being in the General Population: Systematic Review and Meta-Analysis. *JMIR Ment. Health* 2021, 8, e31170.
 17. Ellis, L.A.; Meulenbroeks, I.; Churruca, K.; Pomare, C.; Hatem, S.; Harrison, R.; Zurynski, Y.; Braithwaite, J. The Application of E-Mental Health in Response to COVID-19: Scoping Review and Bibliometric Analysis. *JMIR Ment. Health* 2021, 8, e32948.
 18. Firth, J.; Torous, J.; Nicholas, J.; Carney, R.; Pratap, A.; Rosenbaum, S.; Sarris, J. The Efficacy of Smartphone-Based Mental Health Interventions for Depressive Symptoms: A Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials. *World Psychiatry* 2017, 16, 287–298.
 19. Garrido, S.; Millington, C.; Cheers, D.; Boydell, K.; Schubert, E.; Meade, T.; Nguyen, Q.V. What Works and What Doesn't Work? A Systematic Review of Digital Mental Health Interventions for Depression and Anxiety in Young People. *Front. Psychiatry* 2019, 10, 759.
 20. Grist R, Porter J, Stallard P. Mental Health Mobile Apps for Preadolescents and Adolescents: A Systematic Review. *J Med Internet Res.* 2017 May 25;19(5):e176. doi: 10.2196/jmir.7332. PMID: 28546138; PMCID: PMC5465380.)
 21. Ha, S.W.; Kim, J. Designing a Scalable, Accessible, and Effective Mobile App Based Solution for Common Mental Health Problems. *Int. J. Hum. Comput. Interact.* 2020, 36, 1354–1367.
 22. Harith, S.; Backhaus, I.; Mohbin, N.; Ngo, H.T.; Khoo, S. Effectiveness of Digital Mental Health Interventions for University Students: An Umbrella Review. *PeerJ* 2022, 10, e13111.
 23. Henson, P.; Wisniewski, H.; Hollis, C.; Keshavan, M.; Torous, J. Digital Mental Health Apps and the Therapeutic Alliance: Initial Review. *BJPsych Open* 2019, 5, e15.
 24. Hwang, W.J.; Ha, J.S.; Kim, M.J. Research Trends on Mobile Mental Health Application for General Population: A Scoping Review. *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2021, 18, 2459.

25. Kendall, P. C., Khanna, M. C., Edson, A., Cummings, C., & Harris, M. S. (2011). Computers and psychosocial treatment for child anxiety: Recent advances and ongoing efforts. *Depression and Anxiety*, 28, 58–66.
26. Khazaal, Y.; Favrod, J.; Sort, A.; Borgeat, F.; Bouchard, S. Editorial: Computers and Games for Mental Health and Well-Being. *Front. Psychiatry* 2018, 9, 141.
27. Kretzschmar, K.; Tyroll, H.; Pavarini, G.; Manzini, A.; Singh, I.; NeurOx Young People's Advisory Group. Can Your Phone Be Your Therapist? Young People's Ethical Perspectives on the Use of Fully Automated Conversational Agents (Chatbots) in Mental Health Support. *Biomed. Inform. Insights* 2019, 11, 1178222619829083.
28. Larsen, M.E.; Nicholas, J.; Christensen, H. A Systematic Assessment of Smartphone Tools for Suicide Prevention. *PLoS ONE* 2016, 11, e0152285.
29. Lattie, E.G., Stiles-Shields, C. & Graham, A.K. An overview of and recommendations for more accessible digital mental health services. *Nat Rev Psychol* 1, 87–100 (2022). <https://doi.org/10.1038/s44159-021-00003-1>
30. Lattie, E.G.; Adkins, E.C.; Winquist, N.; Stiles-Shields, C.; Wafford, Q.E.; Graham, A.K. Digital Mental Health Interventions for Depression, Anxiety, and Enhancement of Psychological Well-Being Among College Students: Systematic Review. *J. Med. Internet Res.* 2019, 21, e12869.
31. Leech, T.; Dorstyn, D.; Taylor, A.; Li, W. Mental Health Apps for Adolescents and Young Adults: A Systematic Review of Randomised Controlled Trials. *Child. Youth Serv. Rev.* 2021, 127, 106073.
32. Lehtimaki, S.; Martic, J.; Wahl, B.; Foster, K.T.; Schwalbe, N. Evidence on Digital Mental Health Interventions for Adolescents and Young People: Systematic Overview. *JMIR Ment. Health* 2021, 8, e25847.
33. Liverpool, S.; Mota, C.P.; Sales, C.M.D.; Čuš, A.; Carletto, S.; Hancheva, C.; Sousa, S.; Cerón, S.C.; Moreno-Peral, P.; Pietrabissa, G.; et al. Engaging Children and Young People in Digital Mental Health Interventions: Systematic Review of Modes of Delivery, Facilitators, and Barriers. *J. Med. Internet Res.* 2020, 22, e16317.
34. Lua, V.Y.Q.; Majeed, N.M.; Hartanto, A.; Leung, A.K.-Y. Help-Seeking Tendencies and Subjective Well-Being: A Cross-Cultural Comparison of the United States and Japan. *Soc. Psychol. Q.* 2022, 85, 164–186.
35. Marshall, J.M.; Dunstan, D.A.; Bartik, W. Clinical or Gimmickal: The Use and Effectiveness of Mobile Mental Health Apps for Treating Anxiety and Depression. *Aust. N. Z. J. Psychiatry* 2020, 54, 20–28.
36. Muniya S. Khanna, Matthew Carper. Digital Mental Health Interventions for Child and adolescent Anxiety, Cognitive and Behavioral Practice, Volume 29, Issue 1, 2022, Pages 60-68, ISSN 1077-7229, <https://doi.org/10.1016/j.cbpra.2021.05.003>.
37. Petrovic, M.; Gaggioli, A. Digital Mental Health Tools for Caregivers of Older Adults—A Scoping Review. *Front. Public Health* 2020, 8, 128.
38. Polillo A, Kozloff N, Dixon LB. Mobile "mHealth" Interventions in Mental Health Care. *Psychiatr Serv.* 2021 Nov 1;72(11):1363-1364. doi: 10.1176/appi.ps.721103. PMID: 34734753.
39. Koh J, Tng GYQ, Hartanto A. Potential and Pitfalls of Mobile Mental Health Apps in Traditional Treatment: An Umbrella Review. *J Pers Med.* 2022 Aug 25;12(9):1376. doi: 10.3390/jpm12091376. PMID: 36143161; PMCID: PMC9505389.
40. Simblett, S.; Birch, J.; Matcham, F.; Yaguez, L.; Morris, R. A Systematic Review and Meta-Analysis of e-Mental Health Interventions to Treat Symptoms of Posttraumatic

- Stress. JMIR Ment. Health 2017, 4, e14.
41. Smith, A.C.; Fowler, L.A.; Graham, A.K.; Jaworski, B.K.; Firebaugh, M.-L.; Monterubio, G.E.; Vázquez, M.M.; DePietro, B.; Sadeh-Sharvit, S.; Balantekin, K.N.; et al. Digital Overload among College Students: Implications for Mental Health App Use. Soc. Sci. 2021, 10, 279.
 42. Torous, J.; Nicholas, J.; Larsen, M.E.; Firth, J.; Christensen, H. Clinical Review of User Engagement with Mental Health Smartphone Apps: Evidence, Theory and Improvements. Evid. Based Ment. Health 2018, 21, 116–119.
 43. Tremain, H.; McEnery, C.; Fletcher, K.; Murray, G. The Therapeutic Alliance in Digital Mental Health Interventions for Serious Mental Illnesses: Narrative Review. JMIR Ment. Health 2020, 7, e17204.
 44. Wies, B.; Landers, C.; Ienca, M. Digital Mental Health for Young People: A Scoping Review of Ethical Promises and Challenges. Front. Digit. Health 2021, 3, 91.
 45. World Health Organization (elektronnyi resurs): Mental disorders. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders> (data obrashcheniya: 01.10.2023).
 46. Zhang, X.; Lewis, S.; Firth, J.; Chen, X.; Bucci, S. Digital Mental Health in China: A Systematic Review. Psychol. Med. 2021, 51, 2552–2570.

Differences in communicative network activity among students of different areas of professional training

Akimkina Yuliya Evgen'evna

Assistant at the Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

 akimkina_yue@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of communicative network activity among students of different areas of professional training. The study of the communicative activity of students, its impact on their life becomes necessary due to their high involvement in the virtual world. The main form of interaction on the Internet for students is communicative network activity. The purpose of the research is to study the differences in communicative network activity among students of different areas of professional training. The author used such research methods as: theoretical, empirical, methods of mathematical processing of psychological data: H-Kruskal-Wallis criterion, U-Mann-Whitney criterion. Computer data processing was carried out using the software packages "Excel" and "IBM SPSS Statistics 21". A set of the following methods is used: "Questionnaire of problematic use of social networks"; "Methodology for assessing involvement in the use of information and communication technologies". The empirical base of the study was 240 respondents, with an average age of 20.3 years. Students of the technical direction have an uncontrolled mental return to the virtual world, a tendency to use electronic technologies in a variety of ways; the cognitive absorption and the appearance of negative consequences of immersion in the Internet are slightly expressed in the scientific profile; the humanitarian direction lacks diversity in the use of electronic technologies, however, they have a high involvement in performing economic actions in the virtual world. It is important to note the existence of general trends that are independent of the professional direction of the training of students: the priority of online communication, communication in social networks, visiting the Internet in

order to avoid feeling lonely. The results obtained during the study of the differences in the communicative network activity of students of different areas of professional training can be used to make practical recommendations for the formation and development of digital competence skills.

Keywords: involvement, social networks, professional training, digital competence, activity, network activity, students, virtual world, communication, communicative network activity

References (transliterated)

1. Agal'tsev A. M. Priroda obshcheniya / Tomskii gos. un-t. Tomsk, 2007. 220 s.
2. Akulich M.M. Internet-trolling: ponyatie, soderzhanie i formy // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universi-teta: Sotsiologiya. 2012. № 8. S. 47-54.
3. Asmus, N.G. Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. – Chelyabinsk, 2005. – 23 s.
4. Bergel'son, M.B. Yazykovye aspekty virtual'noi kommunikatsii : Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19 Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya / MGU, Filologich. fak. MGU . – 2002 . – № 1. – S. 55-67.
5. Bondarenko T.A. Obshchenie v virtual'nom mire Interneta // Advanced Engineering Research. 2009. №4. S. 216-223
6. Viner N. Kibernetika i obshchestvo ; Tvorets i robot: Per. s angl. / Norbert Viner; Predisl. i primech. I.G. Pospelova.-Moskva : Taideks Ko, 2003 (GUP Smol. obl. tip. im. V.I. Smirnova). – 245 s.
7. Vinogradova, T.Yu. Spetsifika obshcheniya v internete // Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Lingvokul'turologicheskii aspekt. – Kazan', 2004. – S. 63-67.
8. Volkova A.S., Kudaeva M.M. Otsenka tsifrovyykh kompetentsii studentov v kontekste professional'noi podgotovki kadrov dlya tsifrovoi ekonomiki // Kreativnaya ekonomika. – 2022. – Tom 16. – № 5. – S. 1953-1974. – DOI: 10.18334/ce.16.5.114800
9. Goroshko E.I. Sovremennaya internet-kommunikatsiya: struktura i osnovnye parametry // Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya : koll. monografiya / nauch. red. T. N. Kolokol'tseva, O. V. Lutovinova. — M., 2012. — S. 9–52.
10. Gorbacheva A.G. Konstruktivnye i destruktivnye kommunikativnye praktiki lyudei v seti Internet // Idei i idealy. 2013. №3. S. 17-25.
11. Dmitriev Ya. V., Alyabin I. A., Brovko E. I., Dvinina S. Yu., Dem'yanova O. V. Razvitie tsifrovyykh navykov u studentov vuzov: de-yure vs de-fakto // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2021. №2. S. 59-79.
12. Kagan M. S. Mir obshcheniya: Problema mezhsub"ektnykh otnoshenii. – M.: Politizdat, 1988. – 319 s.
13. Klyuev E.V. Rechevaya kommunikatsiya: Ucheb.posobie dlya universitetov i institutov. – M.: Prior, 1998. – 224 s.
14. Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh. M.: Akademicheskii proekt, 2009. – 832 s.
15. Tatarko A. N., Maklasova E. V., Lepshokova Z. Kh., Galyapina V. N., Efremova M. V., Dubrov D. I., Bul'tseva M. A., Bushina E. V., Mironova A. A. Metodika otsenki vovlechennosti v ispol'zovanie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii // Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo. 2020. T. 11, № 1. S. 159–179.
16. Sirota N. A., Moskovchenko D. V., Yaltonskii V. M., Yaltonskaya A. V. Razrabotka russkoyazychnoi versii oprosnika problemnogo ispol'zovaniya sotsial'nykh setei //

- Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2018. T. 26, № 3. S. 33–55.
17. Strekalovskaya E.V. Ponyatie ekzistentsii u K.Yaspersa / E.V. Strekalovskaya – Tekst: neposredstvennyi // Molodoi uchenyi. – 2019. – № 32 (270). – S. 169-172.
 18. Sungurova N. L., Akimkina Y. E. Self-trust and academic motivation of students in virtual educational space // Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. 2021. № 117. P. 1490-1495.
 19. Sungurova N. L., Akimkina Yu. E., Adawiyah R. Features of personality trust of Russian and Indonesian students in terms of network activity. The Education and Science Journal. 2023; 25 (1): rr. 167-195.

Meaningful Life Orientations in the Prevention of Mental Health of Medical Workers, in Connection with the Covid-19 Pandemic.

Papko Elena Vladimirovna

Postgraduate student of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

357000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, B. Sadovaya str., 105/42, office 2

✉ papko@sfedu.ru

Abstract. The article highlights the features of life-meaning orientations of medical workers during the spread of COVID-19. The possibilities of prevention of psychological health as a way to reduce maladaptation and psychological problems among doctors and nursing staff are considered. The purpose of the article is to identify possible strategies of an individual approach within the framework of updating the life-meaning orientations of medical workers to reduce the impact of distress. In the theoretical part of the article, the experience of studying the characteristics of the emotional and personal sphere of medical workers is considered. The results of a study of 84 medical workers with more than 3 years of experience directly involved in working with patients with COVID-19 are described.

Achieving life goals and paying attention to the process of life is significant for medical personnel, which indicates a commitment to future orientation, building plans and projects, perceiving the process of life as interesting and rich. Doctors pay significantly more attention to the development and construction of a picture of the future compared to the average medical staff, thus they are more focused on the future, development and achievements that will occur over time. The doctors had statistically more pronounced results, allowing them to note the orientation towards goals in life, while the average medical staff is distinguished by the orientation towards the result of life, a sense of how productive and meaningful the part of it was lived. The model of psychological prevention is based on the actualization of life-meaning orientations that allow to maintain balance and search for personal resources. The prevention program focused on teaching self-regulation methods and conducting group psychotherapy.

Keywords: COVID-19, psychological prevention, life -meaning orientations, SARS-CoV-2, locus of control, stress resistance, medical worker, doctor, risk to life, pandemic

References (transliterated)

1. Abrosimov I.N., Vorotylo N.V., Kuznetsova Yu.S., Volchkova Yu.V., Pankova D.P., Sadzhaya S.T., Kanatbek Kyzy A., Samylyna U.V. Opyt organizatsii psikhologicheskoi

- podgotovki meditsinskogo personala dlya raboty s patsientami s COVID-19 [Elektronnyi resurs] // Meditsinskaya psikhologiya v Rossii. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-organizatsii-psihologicheskoy-podgotovki-meditsinskogo-personala-dlya-raboty-s-patsientami-s-covid-19> (data obrashcheniya: 29.06.2022).
2. Blinkov A.N., Shevchenko N.S. Rezul'taty aprobatsii programmy profilaktiki i korrektssi professional'nogo vygoraniya vrachei [Elektronnyi resurs] // Akmeologiya. 2018. №4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-aprobatsii-programmy-profilaktiki-i-korrektssi-professionalnogo-vygoraniya-vrachey> (data obrashcheniya: 29.06.2022).
 3. Verna V. V., Izzetdinova A. A. Profilaktika professional'nogo vygoraniya meditsinskikh rabotnikov v period rasprostraneniya pandemii koronavirusnoi infektsii COVID-19 [Elektronnyi resurs] // ANI: ekonomika i upravlenie. 2020. № 4(33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-professionalnogo-vygoraniya-meditsinskikh-rabotnikov-v-period-rasprostraneniya-pandemii-koronavirusnoy-infektsii-covid> (data obrashcheniya: 23.03.2022).
 4. Galkina N.Yu. Psihologicheskie metody profilaktiki stressa v sovremennykh usloviyakh [Elektronnyi resurs] // Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya. 2018. №60-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-metody-profilaktiki-stressa-v-sovremennyh-usloviyah> (data obrashcheniya: 19.05.2022).
 5. Gol'menko A.D., Khaptanova V.A., Vygovskii E.L. Nauchno-metodicheskie podkhody k izucheniyu i profilaktike narusheniya sotsial'no-psihologicheskoi adaptatsii meditsinskikh rabotnikov [Elektronnyi resurs] // Acta Biomedica Scientifica. 2015. №4 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-metodicheskie-podkhody-k-izucheniyu-i-profilaktike-narusheniya-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-meditsinskikh-rabotnikov> (data obrashcheniya: 19.05.2022).
 6. Grebneva V.V., Grebnev A.V. Rol' telesnosti v formirovaniyu i profilaktike professional'noi dezadaptatsii vrachei [Elektronnyi resurs] // EESJ. 2020. №2-2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-telesnosti-v-formirovaniyu-i-profilaktike-professionalnoy-dezadaptatsii-vrachey> (data obrashcheniya: 29.06.2022).
 7. Elfimova E.V., Elfimov M.A., Berezkin A.S. Kak predotvratit' sindrom emotsional'nogo vygoraniya u meditsinskikh rabotnikov? [Elektronnyi resurs] // EiKG. 2016. №5 (129). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-predotvratit-sindrom-emotsionalnogo-vygoraniya-u-meditsinskikh-rabotnikov> (data obrashcheniya: 25.05.2022).
 8. Karpukhina M.B., Ikonnikova T.V., Antipenko E.A., Lazareva M.Yu., Gustov A.V. Rasstroistva adaptatsii u meditsinskogo personala poliklinicheskogo zvena [Elektronnyi resurs] // Vestnik RUDN. Seriya: Meditsina. 2008. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasstroystva-adaptatsii-u-meditsinskogo-personala-poliklinicheskogo-zvena-1> (data obrashcheniya: 25.05.2022).
 9. Kireeva S.A., Guseva O.S., Derunov A.V. Stressoustoichivost' meditsinskogo personala [Elektronnyi resurs] // BMIK. 2015. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stressoustoychivost-meditsinskogo-personala> (data obrashcheniya: 29.06.2022).
 10. Konovalova O. V., Miliatsina V. A. Osobennosti coping – povedeniya u meditsinskikh rabotnikov [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-coping-povedeniya-u-meditsinskikh-rabotnikov> (data obrashcheniya: 29.06.2022).
 11. Kulzhabaeva L.S., Shaikhov R.O. Psihologicheskie sredstva profilaktiki stressa v professional'noi deyatel'nosti [Elektronnyi resurs] // Nauka i obrazovanie segodnya.

2018. №5 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-sredstva-profilaktiki-stressa-v-professionalnoy-deyatelnosti> (data obrashcheniya: 19.05.2022).
12. Leont'ev D. A. Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO). M. : Smysl, 2000. 18 s.
 13. Nadirbekova A.O., Krementsov V.A., Ryskulova G.K., Korzhova S.I. Profilaktika psikhologicheskogo professional'nogo vygoraniya u meditsinskikh rabotnikov [Elektronnyi resurs] // Vestnik AGIUV. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-psihologicheskogo-professionalnogo-vygoraniya-u-meditsinskikh-rabotnikov-1> (data obrashcheniya: 19.05.2022).
 14. Nikolaev E. L. Chto volnuet meditsinskogo rabotnika na rabochem meste: psikhologicheskii kontekst profilaktiki professional'nogo stressa [Elektronnyi resurs] // Vestnik psikiatrii i psichologii Chuvashii. 2015. T. 11, № 3. S. 27-45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-volnuet-meditsinskogo-rabotnika-na-rabochem-meste-psihologicheskiy-kontekst-profilaktiki-professionalnogo-stressa> (data obrashcheniya: 23.03.2022).
 15. Raevskii A.A., Ivashev S.P., Mironova A.P. Opredelenie mishenei psikhologicheskoi korreksii sostoyaniya dezadaptatsii meditsinskikh rabotnikov, okazyvayushchikh statsionarnuyu meditsinskuyu pomoshch' patsientam s novoi koronavirusnoi infektsiei COVID-19 [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya. Psikhofiziologiya. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-misheney-psihologicheskoy-korreksii-sostoyaniya-dezadaptatsii-meditsinskikh-rabotnikov-okazyvayuschih-statsionarnuyu> (data obrashcheniya: 07.07.2022).
 16. Rastorgueva T.I., Karpova O.B., Proklova T.N. Psikhologicheskoe soprovozhdenie deyatel'nosti meditsinskikh rabotnikov (prakticheskii aspekt) [Elektronnyi resurs] // Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soprovozhdenie-deyatelnosti-meditsinskikh-rabotnikov-prakticheskii-aspekt> (data obrashcheniya: 29.06.2022).
 17. Sorokin M.Yu., Kas'yanov E.D., Rukavishnikov G.V., Makarevich O.V., Neznanov N.G., Lutova N.B., Mazo G.E. Populyatsionnoe issledovanie psikhicheskogo zdorov'ya medrabitnikov Rossii: faktory distressa, assotsirovannogo s pandemiei COVID-19 [Elektronnyi resurs] // Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/populyatsionnoe-issledovanie-psikhicheskogo-zdorovya-medrabitnikov-rossii-faktory-distressa-assotsirovannogo-s-pandemiey-covid-19> (data obrashcheniya: 19.05.2022).
 18. Sukhanova E.I. professional'noe vygoranie meditsinskikh sotrudnikov i ego diagnostika [Elektronnyi resurs] // Neonatologiya: Novosti. Mneniya. Obuchenie. 2022. №2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vygoranie-meditsinskikh-sotrudnikov-i-ego-diagnostika> (data obrashcheniya: 07.07.2022).
 19. Ferapontova M.V., Illarionova A.F. Vzaimosvyaz' pozitivnogo myshleniya i udovletvorennosti trudom u meditsinskikh rabotnikov [Elektronnyi resurs] // Kollektiya gumanitarnykh issledovanii. 2022. №1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-pozitivnogo-myshleniya-i-udovletvorennosti-trudom-u-meditsinskikh-rabotnikov> (data obrashcheniya: 29.06.2022).
 20. Khudova I.Yu., Ulumbekova G.E. «Vygoranie» u meditsinskikh rabotnikov: diagnostika, lechenie, osobennosti v epokhu COVID-19 [Elektronnyi resurs] // ORGZDRAV: Novosti. Mneniya. Obuchenie. Vestnik VShOUZ. 2021. №1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vygoranie-u-meditsinskikh-rabotnikov-diagnostika-lechenie-osobennosti-v-epohu-covid-19> (data obrashcheniya: 29.06.2022).

Portrait of Personality and its Study by Psychosemantics

Gavoronskaya Aleksandra Aleksandrovna □

PhD in Psychology

employee of the Cognitive Research Laboratory

✉ aleksagai@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is a portrait of a personality. Psychological massage is a detailed description of personality characteristics. The unit of personality analysis is the personal meaning. In the aggregate of other meanings, personal meaning forms a hierarchical structure that can be rebuilt in the course of life and, depending on experience, transform the content of meanings in this hierarchy. The object of research is a portrait of a personality studied by methods of psychosemantics to identify the structure, functioning of a system of values, methods of categorization describing a portrait of a personality.

Psychosemantic methods are aimed at reconstructing implicit theories of personality and solve the following tasks: connecting the studied meaning of this phenomenon with other meanings, systems of meanings, highlighting and interpreting the most significant among these connections. The psychosemantic approach to the portrait of a personality is a description of a psychological (semantic) structure that contains properties-signs that can be used to characterize a personality. This structure is formed by various types of values "classifying" this construct as a "psychological portrait"

The main conclusions of the study are: 1) the use of psychosemantic tools for the interpretation of the "personality portrait" contributes to the disclosure of the characteristics of this phenomenon, namely, how the levels of categorization identified during the study correlate with significant topics describing the psychological portrait;

2) a portrait of a personality is a complex characteristic that reflects the inner world, the orientation of the personality and is a tool for studying a person.

The novelty of the research lies in the study of implicit theories of drawing up a psychological portrait, resulting in a model of a psychological portrait.

Keywords: types of values, personality orientation, complex characteristics, categorization, the picture of the world, construct, implicit theories, personal meaning, psychological portrait, hierarchical structure

References (transliterated)

1. Leont'ev V. G. Motivatsiya i psikhologicheskie mekhanizmy ee formirovaniya. Novosibirsk: GP «Novosibirskii poligrafkombinat», 2002. 264 s.
2. Asmolov A.G. Lichnost' kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya. – M.: Izd-vo MGU, 1984.-104 s.
3. Bratus' B.S. Nrvastvennoe soznanie lichnosti: (Psichol. issled.). – M.: Znanie, 1985. – 64 s.
4. Leont'ev D.A. Opyt metodologicheskogo osmysleniya praktik raboty s lichnost'yu: fasilitatsiya, nootekhnika, zhiznetvorchestvo// Konsul'tativnaya psichologiya i psikhoterapiya. 2012. №4. S. 164-185.
5. Bruner J.S., Tagiuri R. The perception of people // Lindzey G. (ed.). Handbook of Social Psychology. Vol. 2. Mass., 1954.
6. Allakhverdov M. V. Printsip proveryaemosti implitsitnykh teorii // Vestnik Sankt-

- Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. 2011. №3. S. 14-19.
7. Stenberg R. Dzh., Forsait Dzh. B., Khedland Dzh. i dr. Prakticheskii intellekt. SPb: Piter, 2002. 265s.
 8. Petrenko V.F. Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma / M.: Novyi khronograf. 2009.
 9. Kelly G. The Psychology of Personal Constructs. Vol. 1, 2. N. Y., 1955.
 10. Leont'ev A.N. Obraz mira. Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya. M.: Pedagogika 1983. S. 251-261.

Four-level regulation of lifespan through the biopsychological clock

Berezina Tatiana Nikolaevna □

Doctor of Psychology

Professor of the Department of Extreme Psychology at Moscow State University of Psychology and Education.

123290, Russia, Moscow, nab. Shelepkhinskaya, 2a, room 508

✉ tanberez@mail.ru

Abstract. A model of life expectancy regulation through biopsychological clocks of four levels is considered. The first level is represented by the intracellular molecular genetic clock, which is responsible for maximum life expectancy. At the second level, the regulation of activity time occurs (time management), this level is associated with the psychological clock, there is also a connection with the activity of annual and monthly biorhythms. This level is associated with the organization of life path, regulation of lifestyle, and professional longevity of a person. At the third level, wakefulness and sleep are regulated through circadian biorhythms with a period of 20-28 hours. Here the regulation of health and restoration of immunity occurs. The fourth level is associated with the regulation of the rhythms of the respiratory and cardiac systems, the phenomenon of premature death is associated with it, and it is responsible for the cessation of life. We consider regulation from top to bottom, with each level responsible for its own aspect of life expectancy. There is interaction between the levels, but its mechanisms have been little studied. In addition, there are also mechanisms that ensure the autonomous functioning of metabolism at each level. Conclusion: to restore health, prevent sudden death, and potentially increase life expectancy, it is necessary to develop comprehensive strategies that combine all levels of the biopsychological clock.

Keywords: biological age, biological rhythms, biopsychological regulation, theories of aging, life expectancy, biological clock, psychological clock, personal organization of time, activity, personality

References (transliterated)

1. Berezina T.N. Biopsikhologicheskii vozrast i zdorov'e professionalov: Perspektivy antistareniya: mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya / pod red. T. N. Berezinoi. – M.: Izdatel'skii dom Akademii im. N. E. Zhukovskogo, 2021, s. 270-276.
2. Kipling D. Telomere-dependent senescence. Nat Biotechnol. 1999 Apr; 17(4):313-4.:10.1038/7827
3. Horvath S. DNA methylation age of human tissues and cell types. Genome Biol. 2013. 14, R115. <https://doi.org/10.1186/gb-2013-14-10-r115>

4. Hannum, G. Genome-wide methylation profiles reveal quantitative views of human aging rates. // Mol Cell. 2013, 49: 359–367. DOI: 10.1016/j.molcel.2012.10.016
5. Jones O.R., Vaupel J.W. Senescence is not inevitable // Biogerontology. 2017. Vol. 18 (6). P. 965-971. DOI: 10.1007/s10522-017-9727-3
6. Ivanov, K. P. Zhizn' pri minimal'nykh raskhodakh energii / K. P. Ivanov // Uspekhi fiziologicheskikh nauk. – 2008. – T. 39, № 1. – S. 42-54.
7. Speakman JR, Selman C, McLaren JS, Harper EJ. Living fast, dying when? The link between aging and energetics. J Nutr. 2002 Jun;132(6 Suppl 2):1583S-97S. doi: 10.1093/jn/132.6.1583S. PMID: 12042467.
8. Abul'khanova, K. A. Vremya lichnosti i ee zhiznennogo puti // Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Chelovek i mir. – 2017. – T. 1, № 1. – S. 165-200.
9. Boronoev, V. V. Ierarkhiya bioritmov v organizme cheloveka / V. V. Boronoev // Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii. – 2015. – № 11-1. – S. 37-40.
10. Khronobiologiya i khronomeditsina / Pod redaktsiei S.M. Chibisova, S.I. Rapoporta, M.L. Blagonravova. – Moskva : Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2018. – 828 s.
11. Berezina T. Differences in individual life path choices affecting life expectancy and health in Russia// E3s Web of Conferences T. 210, 17032 (2020).
<https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021017032>.
12. Boutari C., Mantzoros C.S. Decreasing Lean Body Mass with Age: Challenges and Opportunities for Novel Therapies // Endocrinology and Metabolism (2017), 32 (4):422
<http://dx.doi.org/10.3803/EnM.2017.32.4.422>.
13. Werner C.M, Hecksteden A., Morsch A., Zundler J, Wegmann M., Kratzsch J., Thiery J., Hohl M. , Thomas Bittenbring J.T., Neumann F., Böhm M., Meyer T., Laufs U. (2018). Differential effects of endurance, interval, and resistance training on telomerase activity and telomere length in a randomized, controlled study. / European Heart Journal, Volume 40, Issue 1, 01 January 2019, P. 34-46,
<https://doi.org/10.1093/eurheartj/ehy585> DOI: 10.1093/eurheartj/ehy585.
14. Zaguskin, S. L. Biologicheskoe vremya: samoregulyatsiya i upravlenie / S.L. Zaguskin // Prostranstvo i Vremya. –2016. – № 4 (22). – S. 254-266. Elektronnyi resurs
[https://space-time.ru/space-time /article/view/2226-7271provr_st4-22.2015.111](https://space-time.ru/space-time/article/view/2226-7271provr_st4-22.2015.111) (data dostupa: 25.07.2023)
15. Vaanholt LM, Daan S, Schubert KA, Visser GH. Metabolism and aging: effects of cold exposure on metabolic rate, body composition, and longevity in mice. Physiol Biochem Zool. 2009 Jul-Aug;82(4):314-24. doi: 10.1086/589727. PMID: 19115965.
16. Berezina T. N., Temirkanova A., Litvinova A. V., Kokurin A. V. Using Virtual Reality Techniques to Alleviate Cognitive Fatigue in Graduate Students Working while in College // European Journal of Contemporary Education. – 2022. – Vol. 11. – No 1. – P. 36-46. – DOI 10.13187/ejced.2022.1.36.
17. Rybtsova, N. Molecular Markers of Blood Cell Populations Can Help Estimate Aging of the Immune System / N. Rybtsova, T. N. Berezina, S. Rybtsov // International Journal of Molecular Sciences. – 2023. – Vol. 24, No. 6. – P. 5708. – DOI 10.3390/ijms24065708.
18. Preußner, M., Heyd, F. Post-transcriptional control of the mammalian circadian clock: implications for health and disease. Pflugers Arch-Eur J Physiol 468, 983–991 (2016).
<https://doi.org/10.1007/s00424-016-1820-y>
19. Sehgal A, Rothenfluh-Hilfiker A, Hunter-Ensor M, Chen Y, Myers MP, Young MW.

- Rhythmic expression of timeless: a basis for promoting circadian cycles in period gene autoregulation. Science. 1995 Nov 3;270(5237):808-10. DOI: 10.1126/nauka.270.5237.808
20. Arushanyan, E. B. Gormon epifiza melatonin i ego lechebnye vozmozhnosti // Russkii meditsinskii zhurnal. – 2005. – T. 13, № 26.
 21. Qian F. Low-Risk Sleep Patterns, Mortality, and Life Expectancy at Age 30 Years: A Prospective Study of 172,321 US Adults // the American College of Cardiology's Annual Scientific Session Together With the World Congress of Cardiology on March 6, 2023. Report.
 22. Stephenson R, Chu KM, Lee J. Prolonged deprivation of sleep-like rest raises metabolic rate in the Pacific beetle cockroach, *Diptera punctata* (Eschscholtz). J Exp Biol. 2007 Jul;210(Pt 14):2540-7. DOI: 10.1242/jeb.005322.
 23. Weissbluth L, Weissbluth M (1994). Sudden infant death syndrome: a genetically determined impaired maturation of the photoneuroendocrine system. A unifying hypothesis. J Theor Biol 167: 13–25.
 24. Bobok, M.N., Krasnyuk, I.I. & Kozlova, Zh. M. (2020). Regulation of biological rhythms. modern methods of desynchronoses correction. International Research Journal, 7(97). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.97.7.031>
 25. Misnikova, I. V. Son i narusheniya metabolizma / I. V. Misnikova, Yu. A. Kovaleva // RMZh. – 2017. – T. 25, № 22. – S. 1641-1645.
 26. Halberg, F., Cornélissen, G., Katinas, G., Syutkina, E.V., Sothern, R.B., Zaslavskaya, R., Halberg, F., Watanabe, Y., Schwartzkopff, O., Otsuka, K., Tarquini, R., Frederico, P. and Sigelova, J., 2003. Transdisciplinary unifying implications of circadian findings in the 1950s. Journal of Circadian Rhythms, 1(0), p.Art. 2.DOI: <https://doi.org/10.1186/1740-3391-1-2>
 27. Breus, T. K., Chibisov, S. M., Baevskii, R. N., Shebzukhov, K. V. Khronostruktura ritmov serdtsa i faktory vneshnei sredy: Monografiya. – M., 2002. – 232 s.
 28. Maron, Barry J. Sudden Death in Young Athletes. // New England Journal of Medicine. 349 (11): (September 11, 2003). 1064–1075, DOI:10.1056/NEJMra022783. PMID 12968091. S2CID 6487670

The level of adaptation to learning among first-graders brought up in families with different types of child-parent relationships

Suvorova Nataliya Vladimirovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Psychology, Siberian Institute of Business, Management and Psychology

660037, Russia, Krasnoyarsk, Moskovskaya str., 7a

✉ nata.suvorova.7474@inbox.ru

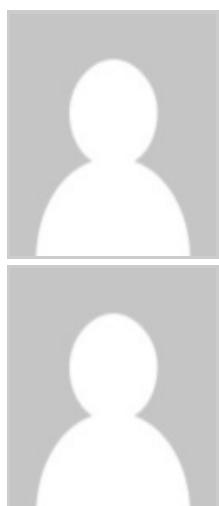
Nakonechnaya Ekaterina Vladimirovna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Psychology, Siberian Institute of Business, Management and Psychology

7a Moskovskaya str., Krasnoyarsk, 660037, Russia

✉ jurcity@yandex.ru

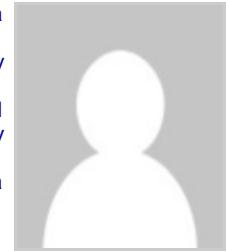
Smirnaya Anastasiya Andreevna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Siberian State University of Science and Technology named after MF. Reshetnev

82 Mra str., Krasnoyarsk, 660049, Russia

✉ nastenasm@yandex.ru

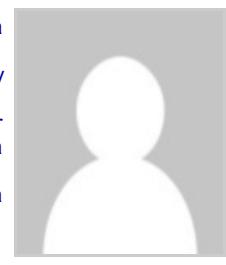
Smirnova Anastasiya Viktorovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva

89 A Lebedeva str., Krasnoyarsk, 660060, Russia

✉ anastasyavic@mail.ru

Shepeleva Yuliya Sergeevna

Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voyno-Yasenetsky

660022, Russia, Krasnoyarsk, Partizan Zheleznyak str., 1

✉ lady@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the relationship between child-parent relations and the effectiveness of adaptation of first-graders. The purpose of the study is to determine the level of adaptation to learning among first-graders brought up in families with different types of child-parent relationships. The importance for a child of child-parent relations in a difficult period for him at the beginning of school education is emphasized by many authors. Often, the reason for difficulties in adapting to school lies in the lack of formation of personal forms of communication between a younger student and his parents, in the inability of parents to build communication with a child according to the type of "child – adult as equal", in the habit of a parent to communicate with an already grown-up child according to the stereotype formed in preschool childhood. The study was conducted on the basis of the municipal autonomous educational institution "Secondary School No. 19 named after A.V. Sedelnikov" of the city of Krasnoyarsk. 30 parents (mothers of first-graders) and 30 children aged 7 years were diagnosed. There is a direct relationship between child-parent relations and the adaptation of first-graders to school. Students who are brought up in families with a democratic type of upbringing are characterized by successful, full adaptation. Schoolchildren from families in which permissive and authoritarian parenting styles are the predominant types of child-parent relationships, incomplete adaptation and maladaptation prevail. The conducted research makes it possible to develop psychological programs to increase the level of adaptation of first-graders to education for parents with an authoritarian parenting style and for parents with a permissive parenting style.

Keywords: success, adaptation level, parents, upbringing, education, motivation, family, parent-child relationship, first graders, adaptation

References (transliterated)

1. Aborina, M.V. Analiz detsko-roditel'skikh otnoshenii v sisteme sotsial'noi adaptatsii shkol'nikov / M.V. Aborina, E.G. Fil'shtinskaya // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. № 10. S. 45-47.

2. Adilova, Kh.L. Puti adaptatsii uchashchikhsya nachal'noi shkoly k shkol'nomu obrazovaniyu / Kh.L. Adilova // Dostizheniya nauki i obrazovaniya. 2019. № 7. S. 71-73.
3. Antipina, E.A. Vzaimosvyaz' stilei detsko-roditel'skikh otnoshenii i gotovnosti k shkol'nomu obucheniyu starshikh doshkol'nikov // Shkola otvetstvennogo roditel'stva: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vladimir, 03-06 oktyabrya 2019 goda. – Vladimir: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya «Tranzit-IKS», 2019. S. 72-76.
4. Varavina, E.A. Stili detsko-roditel'skikh otnoshenii: teoretiko-istoricheskii aspekt / E.A. Varavina // Vestnik magistratury. 2021. № 2. S. 97-99.
5. Varga, A.Ya. Struktura i tipy roditel'skogo otnosheniya: dis. ... kand. psikhol. nauk. M.: Prosveshchenie, 1986. 206 s.
6. Vasyuk, S.N. Adaptatsiya pervoklassnikov k shkole // Voprosy nauki i obrazovaniya. 2018. № 23. S. 137-139.
7. Gaidukova, D.V. Detsko-roditel'skie otnosheniya kak faktor adaptatsii detei 6-7 let k shkole / D.V. Gaidukova, E.G. Gutsu // Problemy i perspektivy razvitiya nachal'nogo obrazovaniya: Sbornik statei po materialam 2-oi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Nizhnii Novgorod, 19 aprelya 2022 goda. Nizhnii Novgorod: FGBOU VO «Nizhegorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni Koz'my Minina», 2022. S. 56-61.
8. Gogleva, A.V. Vliyanie osobennosti detsko-roditel'skikh otnoshenii na protsess sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii pervoklassnikov k shkol'nomu obucheniyu / A.V. Gogleva // Nauka molodykh: Sbornik nauchnykh statei uchastnikov XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Arzamas, 29-30 noyabrya 2018 goda. – Arzamas: Arzamasskii filial FGAOU VO «Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo», 2018. S. 338-341.
9. Grigor'eva, E.L. Metody adaptatsii pervoklassnikov k novym vidam deyatel'nosti i kollektivu v innovatsionnom obrazovatel'nom prostranstve / E.L. Grigor'eva, A.B. Smirnov, M.A. Belyaeva, V.V. Antonova // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 7. S. 32-39.
10. Zhuraeva, N.B. Adaptatsiya pervoklassnikov k shkole // Dostizheniya nauki i obrazovaniya. 2019. № 10. S. 12-13.
11. Zelenaya, L.V. Problema adaptatsii v pedagogicheskoi psikhologii // Sovremennaya psikhologiya: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', oktyabr' 2016 g.). Kazan': Buk, 2016. S. 43-45.
12. Kalashnikova, S.V. Problema sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii v psikhologii / S.V. Kalashnikova // Materialy Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy obrazovaniya: pozitsiya molodykh» (g. Chelyabinsk, 05-24 aprelya 2020 g.). – Chelyabinsk: Izd-vo ZAO «Biblioteka A. Millera», 2020. S. 173-175.
13. Matyushkina, E.G. Vzaimosvyaz' detsko-roditel'skikh otnoshenii s urovnem adaptatsii mladshikh shkol'nikov v shkole / E.G. Matyushkina, O.Yu. Stepanova // Psikhologiya v menyayushchemsyu mire: problemy, gipotezy, issledovaniya : sbornik materialov mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Chelyabinsk, 19-20 maya 2020 goda. Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2020. S. 228-232.
14. Movsisyan, K.A. Blagopriyatnye usloviya detsko-roditel'skikh otnoshenii v stanovlenii lichnosti shkol'nika / K.A. Movsisyan // Budushchee nauki - 2019 : sbornik nauchnykh

- statei 7-i Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii, Kursk, 25–26 aprelya 2019 goda. Tom 2. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2019. S. 223–226.
15. Nazarevich, O.S. Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu sotsial'no-psikhologicheskikh aspektov adaptatsii lichnosti // Vestnik ugrovedeniya. 2012. № 4. S. 34-36.
 16. Ovcharova, R.V. Roditel'stvo kak psikhologicheskii fenomen / R.V. Ovcharova. – Moskva: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2006. – 496 s.
 17. Petrovskikh, O.N. Metodicheskoe sovershenstvovanie adaptatsii budushchikh pervoklassnikov k shkole // Sotsial'naya pedagogika. 2019. № 2. S. 64-67.
 18. Rostovtseva M.V. Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu sotsial'noi adaptatsii lichnosti: monografiya. Krasnoyarsk, 2021. 198 s.
 19. Sarapul'tseva, P.P. Vliyanie detsko-roditel'skikh otnoshenii na sotsial'nuyu adaptatsiyu rebenka mladshego shkol'nogo vozrasta / P.P. Sarapul'tseva, O.V. Lozgacheva // Aktual'nye problemy psikhologii lichnosti: Sbornik nauchnykh trudov. Ekaterinburg, 2021. S. 175-182.
 20. Serebryakova, T.A. Rol' sem'i v effektivnoi adaptatsii rebenka k obrazovatel'noi organizatsii / T.A. Serebryakova, E.A. Glazova // Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2018. № 6. S. 427-431.
 21. Sidorina, E.V. K probleme adaptatsii pervoklassnikov k obucheniyu v shkole / E.V. Sidorina, I.A. Ivanova, A.M. Emel'yanova // Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2019. № 62. S. 302-305.
 22. Yavorskaya, S.Yu. Vliyanie detsko-roditel'skikh otnoshenii na protsess sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii v mladshem shkol'nom vozraste / S.Yu. Yavorskaya // Forum molodykh uchenykh. 2019. № 3. S. 886-894.
 23. Hoste G. Rope skipping. Game, amusement, helth // CESS Bulletin V. 6. 1997. P. 2.
 24. Ken M. Solis. Ropics. The jimp rope primer // Human Kinetics Books. Champaing, Illinois. 1991. 89 p.
 25. Lollge H. Recomendations and standard guidelines forse conf. Jnergometry, Jilisce 1987. London: Acad. Press, 2022. 37 p.
 26. Masironi R. Denolin H. Physical activity in disease provention and treatmtent. Padua: Piccin; Boston etc: Butter worth, 1985. 206 p.

Features of post-traumatic stress disorder, resilience and attitude to the disease in patients of different groups (on the example of oncological and cardiovascular diseases)

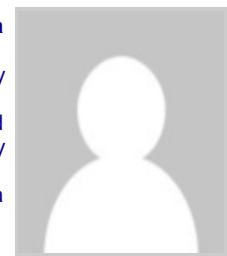
Tulitbaeva Galina Fanilevna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Ufa University of Science and Technology

3/4 Karl Marxstr., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450000, Russia

✉ tulitbaevagf@rambler.ru

Politika Oksana Ivanovna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Ufa University of Science and Technology

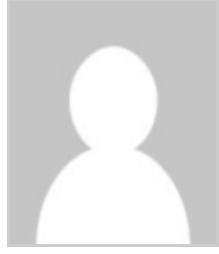
✉ okcanapolitika@yandex.ru

Shafigullina Liliya Rashidovna

Assistant, Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Ufa University of Science and Technology

✉ tulitbaevagf@rambler.ru

Bozhko Aigul' Anasovna

Master's degree, Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Ufa University of Science and Technology

✉ tulitbaevagf@rambler.ru

Abstract. There is a steady increase in oncological diseases all over the world. Malignant tumors are one of the most frequent causes of death in the population of developed countries. The article presents the results of an empirical study aimed at studying the features of post-traumatic stress disorder, resilience and attitude to the disease in patients with oncological and cardiovascular diseases. The study sample consisted of 80 people aged 40 to 73 years. The average age is 58 years. The sample included 40 patients with cancer and 40 patients with diseases of the cardiovascular system. The study involved able-bodied men and women who are fluent in Russian, without cognitive disorders. Statistically significant differences were found between the groups. Patients with cancer are more likely to relive what happened when reminded of a traumatic event, the orientation of the personality is characterized by avoiding everything that reminds of a traumatic experience, post-traumatic stress disorder is expressed. The feeling of self-safety is more typical for patients with cardiovascular diseases than for cancer patients. The latter are more characterized by oppressive uncertainty. If we talk about the types of response to the disease, then among cancer patients there is more often post-sleep anxiety, they think about complications; there is excessive concentration on subjective painful and other unpleasant sensations; behavior like "irritable weakness"; dejection, therefore disbelief in the possibility of recovery and improvement of the condition, as well as in general on the effectiveness of treatment, pessimistic a look at everything around; vulnerability. Exposing experiences and sufferings to relatives and others prevails in cancer patients in comparison with patients of the cardiovascular group.

Keywords: attitude to the disease, cardiovascular disease, oncological disease, a patient, disease, relationship, resilience, after injury, stress disorder, stress

References (transliterated)

1. Vasil'eva A.V., Karavaeva T.A., Mizinova E.B., Lukoshkina E.P. Misheni psikhoterapii pri komorbidnom posttravmatischeskom stressovom rasstroistve u onkologicheskikh bol'nykh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psichologiya. – 2020. – T. 10. – Vyp. 4. – S. 402-416.

2. Kazennaya E.V. Sovremennye zarubezhnye issledovaniya posttraumaticeskogo stressovogo rasstroistva i ego lecheniya effektivnymi psikhoterapevticheskimi metodami u vzroslykh // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. – 2020. – Tom 9. – № 4. – C. 110-119.
3. Karpova E.B. Onkologicheskoe zabolevanie kak psikhologicheskii krizis // Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Anan'evskie chteniya – 2007». – SPb.: Izd-vo SPbGU. – 2007. – S. 556-557.
4. Tarabrina N.V. Onkopsikhologiya: posttraumaticeskii stress u bol'nykh rakom molochnoi zhelezy. – M: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2010. – 175 s.
5. Akhmedova X.B. Posttraumaticeskie izmeneniya lichnosti u grazhdanskikh lits, perezhevshikh ugrozu zhizni // Voprosy psikhologii. – 2004. – № 3. – S. 93-102.
6. Biktina N.N., Kekk A.N. Lichnostnye osobennosti i rolevye pozitsii onkologicheskikh bol'nykh // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 2-1. – Rezhim dostupa: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20391>
7. Volodin B.Yu. Vozmozhnosti psikhoterapii v onkologicheskoi klinike // Rossiiskii onkologicheskii zhurnal: nauchno-prakticheskii zhurnal. – 2009. – № 1. – S. 43-45.
8. Ivashkina M.G. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti onkologicheskikh bol'nykh: avtoref. dis... kand. psikhol. nauk. – M., 1998. – 66 s.
9. Nepomnyashchaya N.I. O psikhologicheskikh aspektakh onkologicheskikh zabolеваний // Psikhologicheskii zhurnal. – 1998. – № 4. – S. 132-145.
10. Andrykowski M. A. Posttraumatic stress disorder after treatment for breast cancer: Prevalence of diagnosis and use of the PTSD Checklist–Civilian Version (PCL-C) as a screening instrument/ M. A. Andrykowski, M. J. Cordova, J. L. Studts et al. // J. Consult Clin Psychol. – 1998. – Vol. 66. – P. 586-590.

The effectiveness of using virtual technologies to teach students life safety techniques

Gozdeva Anastasiya Andreevna

Psychologist, Moscow State University of Psychology and Education, Faculty of Extreme Psychology

127051, Russia, Moscow region, Moscow, Sretenka str., 29

✉ gozdeva.anastasia2018@yandex.ru

Zinatullina Azalia Maratovna

Lecturer, Department of Scientific Basis of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

✉ azaliazinatullina@mail.ru

Abstract. Purpose of the study: theoretical and empirical study of the effectiveness of professional psychological preparation for activities in extreme conditions using virtual technologies. Object of study: professional and psychological preparation for activity. Subject of research: the use of VR technologies for professional and psychological preparation for activities in extreme conditions. The research was carried out using theoretical and empirical methods: experiment, testing, analysis and synthesis, comparison, generalization. Research methods: Questionnaire «Well-being, activity, mood». «Personal risk readiness».

Measurement of heart rate. Achievement test. «First aid for electric shock».

The situation was formed in extreme conditions, using the ARPort SafetyVR program in the «First Aid in the event of an electric shock» mode. Methods of mathematical statistics: Mean value, standard deviation, Mann-Whitney U-test, ANOVA. The sample consisted of 32 people, students studying in the field of «Extreme Psychology» at MSUPE.

The results show that the use of virtual programs aimed at training and developing skills in dangerous situations is an effective way to form professional and psychological preparation of students for activities in extreme conditions and to optimize their indicators of well-being, mood and general activity. Studying the literature and the data obtained, we can say that modern virtual technologies can be successfully used in psychological work. These studies can be used to develop training using virtual reality technologies for representatives of high-risk professions or to prepare specialists for activities in extreme conditions

Keywords: first aid, professional preparation, psychological preparation, extreme situations, VR-programs, virtual technologies, high-risk professions, virtual programs, electric shock, life safety

References (transliterated)

1. Berezina T.N., Perepechina A.S., Buzanov K.E. — Korrektsiya negativnykh psikhicheskikh sostoyanii studentov-psikhologov ekstremal'nogo profilya posredstvom tekhnologii virtual'noi real'nosti // Sovremennoe obrazovanie. – 2020. – № 4. – S. 1-12.
2. Berezina T.N., Temirkanova A.Yu., Bortuleva N.L., Sviilo Ya.V. — Vosstanovlenie rabotosposobnosti posredstvom VR-tehnologii u lits, sovmeshchayushchikh rabotu s ucheboi // Sovremennoe obrazovanie. – 2020. – № 3. – S. 11-20.
3. Berezina, T. N. Pozitivnaya psikhologiya virtual'nosti kak napravlenie optimizatsii funktsional'nykh sostoyanii cheloveka-operatora / T. N. Berezina, K. E. Buzanov, G. V. Fat'yanov // Chelovecheskii kapital. – 2020. – № 1(133). – S. 125-138.
4. Litvinova A.V., Berezina T.N., Kokurin A.V., Ekimova V.I. Psikhologicheskaya bezopasnost' obuchayushchikhsya vo vzaimodeistvii s virtual'noi real'nost'yu // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. – 2022. – T. 11. – № 3. – S. 94-104.
5. Vyal'tsev A.V., Pavlov M.M., Yants A.I. Ispol'zovanie tekhnologii virtual'noi real'nosti v podgotovke gornospasatelei// Innovatsionnaya nauka. – 2017. – №. 1-2. – S. 59-61.
6. Badzyuk I.L., Chepurnykh N.K. Primenenie tekhnologii virtual'noi real'nosti pri obuchenii navykam okazaniya pervoi pomoshchi: nauchnoe obosnovanie, prakticheskii opyt// Obrazovanie i pravo. – 2021. – № 9. – S. 279-286.
7. Tumakov N. N. Ispol'zovanie komp'yuternykh trenazherov pri obuchenii voennosluzhashchikh taktiko-spetsial'nym distsiplinam v desantnom uchilishche // Aktual'nye problemy prepodavaniya matematicheskikh i estestvenno-nauchnykh distsiplin v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya: Materialy Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. – K.: – 2020. – S. 428-434.
8. Tychkov A. Yu., Bunygin E. V. Virtual'naya real'nost' dlya vooruzhennykh sil: obzor // Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – T. 32 № 4. – S. 107-114.
9. Rozenova M.I. Stress i strakh v ekstremal'noi situatsii / M.I. Rozenova, V.I. Ekimova, A.V. Kokurin, A.S. Ognev, O.S. Efimova // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. – 2020. – T. 9. – № 1. – S. 94-102.
10. Kak podgotovit' elektromontera: Proekt «Virtual'nyi elektrik». URL: https://up-pro.ru/library/personnel_management/personnel_training/kak-podgotovit-

- elektromontera/ (data obrashcheniya: 31.07.2023).
11. Saghafian M, Laumann K, Akhtar RS, Skogstad MR. The Evaluation of Virtual Reality Fire Extinguisher Training // Front Psychol.-2020. – Volume 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7680855/> (data obrashcheniya: 31.07.2023).
 12. Yoo J.W., Park J.S., Park H.J. Understanding VR-Based Construction Safety Training Effectiveness: The Role of Telepresence, Risk Perception, and Training Satisfaction. // Applied Sciences. – 2023. – T. 2, №13. URL: <https://www.mdpi.com/2076-3417/13/2/1135> (data obrashcheniya: 31.07.2023).
 13. Said N.B., Molassiotis A., Chiang VCL. Psychological first aid training in disaster preparedness for nurses working with emergencies and traumas. / International Council of Nurses. – 2022. – №69(4) – S. 548-558.
 14. Sun Xin-Yang. Mental Health of Chinese Peacekeepers in Liberia//The European Journal of Psychiatry.-2014. – Tom 28. № 2. – S. 77-85.

Comparative analysis of Russian and foreign studies of the phenomenon of loneliness

Nabieva Zarnigor Bakhridinovna

PhD in Psychology

Postgraduate Student, Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Zemlyanoy Val str., 27

✉ zarnigorn@gmail.com

Abstract. This article discusses loneliness phenomenon, its causes and solutions, main approaches to the concept of loneliness in the psychological and pedagogical literature. In addition the loneliness phenomenon is presented as one of most important social problems. There is no generally accepted concept of loneliness phenomenon in science. Thus, this study analyses psychological approaches to the study of loneliness in the works of Russian and foreign researchers. In addition, this term is examined using active-personal, existential-humanistic, cognitive-behavioral, phenomenological and existential approaches for the purpose of definition. It is important to emphasise that most researchers study not only the negative, but also the positive aspects of loneliness. As the problem of this article the process of development of deep personal ideas about the subjective experience of loneliness, associated with the process of integration of this knowledge into the system of social relations were identified. Since there are very few conceptually well-developed descriptions of this phenomenon, this article will make a significant contribution to the development of the conceptual apparatus of loneliness, as well as deepen the understanding of this complex phenomenon.

Keywords: psychological features, solitude, positive loneliness, anomie, psychology, communication, theoretical approaches, foreign researches, loneliness definition, phenomenon of loneliness

References (transliterated)

1. Abkhidzhit B., Dyuflo E., Grela E., MakKelvei M., Shilbakh F., Sharma G., Vaid'yanatan G. (2023). «Depressiya i odinochestvo sredi pozhilykh lyudei v stranakh s nizkim i

- srednim urovнем dochoda». Zhurnal ekonomicheskikh perspektiv, 37 (2): 179–202.
2. Antonova, N. V. Chelovek i obshchestvo v usloviyakh «novoi normal'nosti»: obzor sotsiologicheskikh issledovanii pandemii / N. V. Antonova // Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». – 2023. – T. 23, No 1. – S. 64–72. DOI: 10.14529/ssh230108
 3. Astaf'ev A.E. Fenomen odinochestva v trudakh zarubezhnykh i otechestvennykh uchenykh: sbornik trudov konferentsii. / A.E. Astaf'ev, S.V. Pazukhina // Psichologopedagogicheskie issledovaniya – Tul'skomu regionu: materialy III Region. nauch.-prakt. konf. magistrantov, aspirantov, stazherov (Tula, 18 maya 2023 g.) / redkol.: S.V. Pazukhina [i dr.] – Cheboksary: ID «Sreda», 2023. – S. 262–265. – ISBN 978-5-907688-34-6.
 4. Babitskaya L. A. ODINOChESTVO PODROSTKOV KAK SOTsIAL'NO-PEDAGOGICHESKAYA PROBLEMA // Mezhvedomstvennyi podkhod k soprovozhdeniyu lichnosti, okazavsheisya v trudnoi zhiznennoi situatsii: teoriya i luchshie praktiki. – 2022. – S. 11–16.
 5. Barsukova S. V., Barsukov S. M. Odinochestvo kak sotsial'nyi fenomen sovremenennogo obshchestva // Sovremennye prikladnye issledovaniya. – 2021. – S. 45–51.
 6. Veis R. Voprosy izucheniya odinochestva // Labirinty odinochestva: per. s angl. / sost., obshch. red. i predisl. N. E. Pokrovskogo. M.: Progress, 1989. S. 114–128.
 7. Zakharova D. A. Teoreticheskie podkhody k ponimaniyu fenomena odinochestva kak sotsial'no-pedagogicheskoi probleme u detei-sirot // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2014. – №. 1 (44). – S. 93–95.
 8. Zashchitnykh T. A. i. Psychological sciences // The 12th International scientific and practical conference "Scientific progress: innovations, achievements and prospects" (August 21-23, 2023) MDPC Publishing, Munich, Germany. 2023. 254 p. – 2023. – S. 99.
 9. Zaitseva O. V. Perezhivanie odinochestva podrostkami s raznym obrazom vzroslosti. – 2017.
 10. Zinchenko E. V., Rudya I. A. Sub"ektivnoe oshchushchenie odinochestva u zhenshchin // Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik. – 2015. – T. 13. – №. 4. – S. 58–60.
 11. Kornev S. A. Perezhivanie odinochestva lichnost'yu i ego vliyanie na strakh utraty sub"ektnosti // vestnik. – 2023.– s. 105.
 12. Lidzhieva O. A., Beishembieva A. D., Lidzhiev P.G, Bembetova B. S., Ardzeniya Ya.T. Problema odinochestva v rabotakh otechestvennykh i zarubezhnykh psikhologov // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2019. T. 8. № 3A. S. 247–256.
 13. Ledovskaya O. N. Problema issledovaniya osobennostei perezhivaniya odinochestva // Nauka molodykh-nauka budushchego. – 2023. – S. 309–312.
 14. Leont'ev D. A. Vybor kak deyatel'nost': lichnostnye determinanty i vozmozhnosti formirovaniya / D. A. Leont'ev, N. V. Pilipko // Voprosy psichologii. 1995. No 1. S. 97–110.
 15. Mikhailova N. V. Odinochestvo kak mezhdisciplinarnaya problema // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. 2018. Vyp. 3. S. 420–428. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-420-428
 16. Miyuskovich, B. Odinochestvo: mezhdisciplinarnyi podkhod // Labirinty odinochestva. M.: Progress, 1989. S. 52–87.
 17. Osin, E.N. Differentsial'nyi oprosnik perezhivaniya odinochestva: struktura i svoistva / E. N. Osin, D. A. Leont'ev // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2013. – T. 10. – №1. – S. 55–81.
 18. Pavlenko O. I. Osobennosti struktury odinochestva // Gumanitarnye nauki v

- sovremennom vuze: vchera, segodnya, zavtra. – 2022. – S. 322–325.
19. Parfenova O. Despotichnaya mat'. Kak vosstanovit'sya ot semeinoi travmy i nachat' novuyu zhizn'. – Litres, 2022.
 20. Pokrovskii N.E. Labirinty odinochestva / N.E. Pokrovskii; per. s angl. sost., obshch. red. i predisl. – M.: Progress, 1989.
 21. Rismen D. Nekotorye tipy kharaktera i obshchestvo // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1993. №3. S. 121-129; №5. S. 144–151.
 22. Tleuzheva M. R., Sheremet'eva A. A. Fenomen odinochestva kak psikhologicheskaya problema //sovremennye problemy pedagogiki i obrazovaniya. – 2023.
 23. Farrakhov A. F. Sotsial'nye faktory, vyzyvayushchie chuvstvo odinochestva u molodykh lyudei //Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. IYa Yakovleva. – 2013. – №. 3 (79). – S. 168–173.
 24. Chueshkova A.E. Sravnitel'nyi analiz zarubezhnykh i rossiiskikh psikhologicheskikh podkhodov k issledovaniyu fenomena odinochestva // Uchenye zapiski krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta.2017. Seriya: pedagogika. psichologiya. S. 168-173.
 25. Shikina A. A., Aidarova E. N. Teoreticheskie podkhody k probleme odinochestva: ot «patologii» k resursu //BBK 74+ 88 M 63. – 2019.
 26. Shilkina I. B. Issledovanie agressivnosti i sub"ektivnogo oshchushcheniya odinochestva u studentov: magisterskaya dissertatsiya. – 2018.